

**В. А. Иванов
В. А. Злыгостев
И. В. Антонов**

ЮЖНЫЙ УРАЛ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

(V–XVI века н. э.)

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. М. АКМУЛЛЫ

В. А. Иванов, В. А. Злыгостев, И. В. Антонов

ЮЖНЫЙ УРАЛ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (V–XVI века н. э.)

Под общей редакцией доктора исторических наук
профессора В. А. Иванова

Уфа 2013

УДК 94
ББК 63.3
И20

Иванов, В. А.

И20 Южный Урал в эпоху Средневековья (V–XVI века н. э.) / В. А. Иванов, В. А. Злыгостев, И. В. Антонов ; под ред. В. А. Иванова ; ГБОУ ВПО Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы. — Уфа , 2013. — 280 с.
ISBN 978-5-906165-39-8

Книга охватывает целый комплекс, без преувеличения, глобальных по масштабам и значимости событий, проистекавших на протяжении более тысячи лет на Южном Урале и в прилегающих к нему регионах. На основании данных, запечатленных в источниках (арабских, персидских, монгольских, китайских, русских и др.), эпических произведениях народов Урала и Поволжья (башкир, татар, казахов) и, что немаловажно, археологических материалах, авторы попытались несколько по-новому, но отнюдь не революционно взглянуть на проблемы, накопившиеся за последние десятилетия в области изучения средневековой истории нашего края.

ISBN 978-5-906165-39-8

© В. А. Иванов, В. А. Злыгостев,
И. В. Антонов, 2013

**Всем нашим друзьям и коллегам —
археологам и историкам Урала и Поволжья,
с кем вместе работали, работаем и, надеемся,
будем работать и впредь, — посвящаем мы эту
книгу.**

Авторы

Писать историю одновременно и просто, и сложно. Просто, поскольку, что бы ты ни написал, особенно если написал с упоминанием имен великих предшественников, с указанием якобы проработанных источников, проверить тебя очень сложно, этим нужно заниматься специально, что доступно далеко не каждому. Чем и пользуются историки-графоманы или квазиисторики, количество которых растет прямо пропорционально числу лет, прожитых нашим обществом в XXI веке. Именно из-под их пера (а точнее — из-под «клавы» их компьютеров) разлетаются по всему белу свету многочисленные «новые истории», «запрещенные истории», «тайные истории», «подлинные истории» народов, государств, событий и т. д. Их издание зачастую финансируется частными фирмами или спонсорами, не имеющими возможности, а может быть, и не желающими подвергнуть представленное сочинение строгой научной экспертизе (в советские времена это называлось научным редактированием). Характерно, что именно эту научную редактуру современные квазиисторики и преподносят как «идеологическую зашоренность» или «политизированность» «официальной советской науки» — так сейчас стало модно определять все, что было сделано историками предшествующих поколений.

Сложно писать историю потому, что подлинно научная история требует длительной, кропотливой и не всегда благодарной подготовительной работы, содержание которой в науке определяется как научное источниковедение. Научное источниковедение — это особая отрасль исторического познания, основная задача которой — **извлечение из источников исторических фактов**. *«Изучение источников, положенных в основу исторического исследования, — это первая и совершенно необходимая стадия в работе историка. В процессе его закладывается тот фундамент из фактов, на котором в дальнейшем строится все здание исторического исследования»* [245, с. 599–601].

Термином «источниковедение» обозначается совокупность знаний об исторических источниках и их изучении. При этом под «исто-

рическим источником» понимается буквально все, что может свидетельствовать о свершившихся фактах, событиях, процессах и явлениях. Источники могут быть устными, письменными, вещественными, изобразительными, в связи с чем строится и их научная классификация. Как и всякая отрасль научного познания, источниковедение обладает своей методологией и методикой, направленной, как уже было сказано выше, на извлечение из источников исторических фактов. Для чего предполагается, нет, даже предписывается проведение поэтапного анализа источников. Начинается такой анализ с **установления исторических условий, в которых источник был создан** (уровень социально-экономического развития общества, тип социальной организации, типы связей, которые объединяют людей, — правовые, конфессиональные, культурные, политические и т. д.). Источник есть феномен определенной культуры: он возникает в конкретных условиях и вне их не может быть понят и интерпретирован.

Затем необходимо решить **проблему авторства источника** (в первую очередь это касается письменных источников и произведений искусства). Один из основных постулатов научного источниковедения, изложенный во всех учебниках, гласит: «Трудно интерпретировать источник, предварительно не поняв его автора, не зная его биографию, сферу практической деятельности, уровень его культуры и образования, род занятий, его принадлежность к определенной социокультурной общности с соответствующими ценностными установками. Масштаб личности создателя произведения, степень завершенности произведения, цель его создания — все эти параметры определяют совокупность социальной информации, которую можно почерпнуть из него» [131].

Не менее важно уяснить **обстоятельства создания источника**, поскольку (и это тоже одно из методических правил источниковедения) именно они могли влиять на полноту и достоверность сведений, на оценочные суждения, включенные автором в его произведение. В одних и тех же исторических условиях один и тот же человек может создавать произведения, существенно различающиеся как по полноте сообщаемой информации, так и по степени ее достоверности. Это зависит от обстоятельств, в которых находится автор. Иногда автор не располагает необходимой информацией, или обращается к недостоверным свидетельствам, или доверяется собственной памяти. Иногда автор намеренно дает неполную или недостоверную социальную информацию, поскольку находится в обстоятельствах, которые диктуют ему подобное поведение.

Затем нужно пройти этап **текстологического анализа**, если имеешь дело с письменным источником, или **анализа системного**, если работаешь с археологическим материалом. Но здесь должна иметь место специальная подготовка исследователя. В первом случае это, по сути, означает критическое прочтение того сообщения, которое хотел передать автор произведения, делая это осознанно и целенаправленно. Во втором — это означает типологизацию и хронологизацию археологических коллекций и артефактов, уяснение их функциональности и степени распространенности в рамках той или иной археологической культуры, установление характера и тесноты связей между элементами культуры и т. д.

Только после этого можно переходить к **интерпретации источника**, которую проводят «с целью установить (в той мере, в какой это возможно с учетом временной, культурной, любой другой дистанции, разделяющей автора произведения и его исследователя) **тот смысл, который вкладывал в произведение его автор**». На этом этапе исследователь как бы «движется в потоке сознания автора произведения: стремится лучше понять ситуацию, в которой тот находился, замысел произведения, способ, принятый автором для воплощения этого замысла. Иначе говоря, исследователь выступает в качестве заинтересованного слушателя, интерпретатора» [131].

Наконец наступает этап **анализа содержания**, на котором исследователь раскрывает всю полноту информации, содержащейся в источнике, и решает проблему ее достоверности. И здесь ему необходимо собрать и согласовать между собой все аргументы, подтверждающие правдивость именно **его версии** оценки правдивости сведений источника. Исследователю приходится выстраивать свою логическую схему суждений и доказательств, сопоставлять данные между собой, доказывать и показывать степень их согласованности друг с другом.

Только после этого исследователь получает возможность перейти к **источниковедческому синтезу источника** — завершающему этапу исследования, когда исследователь показывает, насколько используемый источник информативен и как можно интерпретировать те сведения, которые он сообщает.

Забвение перечисленных выше принципов источниковедения или намеренное небрежение ими лишает любые написанные «истории» какого бы то ни было познавательного смысла, ибо, как заметил великий русский философ и историк Н. И. Кареев, *«знание, добытое приемами мышления, противоречащими требованиям логики, не есть научное знание, даже и не знание вообще»*.

Столь пространная преамбула понадобилась нам для того, чтобы подвести внимательного читателя к осознанию всей сложности и научной ответственности любого исторического исследования, какому бы периоду оно ни было посвящено. А поскольку в нашей книге речь пойдет об эпохе Средневековья — периоде очень важном с точки зрения освещения процессов этногенеза народов Южного Урала, мы должны привлечь внимание читателя еще к одному важному обстоятельству. Характерная (хотя и не оригинальная) черта Южно-Уральского региона — это крайне слабая освещенность его этнокультурного состояния эпохи Средневековья в письменных источниках. Тем не менее реконструкция этнической карты Южного Урала и Приуралья на её начальных этапах строилась преимущественно на ограниченно-поверхностных, компилятивных, а подчас и откровенно тенденциозных сведениях средневековых авторов [подробнее об этом см. 28, с. 103–104; 29, с. 5–6; 140, с. 17–18, 21, 27; 141, с. 4; 163; 214, с. 92]. В этих условиях первые исследователи — в известной степени вынужденно — этническую карту Урало-Поволжья набрасывали довольно широкими мазками, зачастую напрямую следуя за источником.

Впрочем, исследователи 1930-х — 1950-х гг. специально проблемами этнической истории южноуральского населения в эпоху Средневековья не занимались, а потому касались их вскользь, в контексте своих более широких исследований. Тем более что на интересующей нас территории (в частности, на территории современного Башкортостана) систематических археологических исследований до середины XX столетия не проводилось, а потому имевшийся к началу 50-х гг. материал не был связан ни территориально, ни хронологически. Тем не менее этот немногочисленный материал (Уфимские погребения, Бахмутинский и Стерлитамакский (Левашовский) могильники) позволил тогдашним исследователям высветить в этнической карте региона два этнокультурных элемента: финно-угорский — в лесной части современного Башкортостана и сармато-аланский — в лесостепных районах. И если первый рассматривался как результат естественно-исторического развития местного прикамско-приуральского населения раннего железного века, то сходство погребального инвентаря и обряда захоронений в Стерлитамакском могильнике с инвентарем и обрядом салтовских некрополей (Салтовский, Покровский, Зливкинский) привели П. Ф. Ищерикова и Р. Б. Ахмерова к выводу о переселении в VII–IX вв. на Южный Урал части аланских племен из Прикаспия. Позже эту гипотезу поддержали в своих рабо-

тах С. И. Руденко, А. П. Смирнов и А. П. Чулошников [18, с. 170; 19, с. 42–43; 134; 211, с. 19; 233, с. 27–29; 244, с. 46–50].

Одновременно материал Стерлитамакского (Левашовского) могильника, соотнесенный с данными письменных источников XII–XIII вв. (Венгерский Аноним, Юлиан, Карпини, Рубрук), дал толчок к дальнейшему развитию теории об уральской прародине древних венгров, выдвинутой еще в конце XIX в. профессором Варшавского университета, славистом и угроведом К. Я. Гротом [78]. Так, московский археолог Н. Я. Мерперт высказал предположение о том, что данный памятник наглядно иллюстрирует сведения средневековых авторов об образовании у венгров накануне их движения на запад в середине IX в. больших и воинственных племенных союзов, собственно, и обеспечивших успешное завоевание венграми своей новой родины на Дунае [212, с. 677]. Косвенно идею о древневенгерской принадлежности Стерлитамакского могильника поддержал Р. Г. Кузеев, объяснявший уход древневенгерских (мадьярских) племен из Приуралья появлением здесь ранних башкир (племена бурзян, усерган, тангаур), пришедших в южноуральские степи в IX в. в составе печенежско-огузского союза племен [211, с. 30,33].

Идею о присутствии древних мадьяр-венгров на Южном Урале в своих ранних работах разделял и Н. А. Мажитов (ныне — ее активный противник). Так, именно с «древними предками современного венгерского народа», т. е. уграми, он связывал памятники выделенной им бахмутинской культуры [185, с. 110; 189, с. 162]. Гипотезу о присутствии алан на этнической карте Южного Урала I тыс. н. э. он, кстати, тоже вначале поддерживал и связывал с ними исследованный им Новотурбаслинский курганный могильник [187, с. 142].

Весь этот экскурс в далекую теперь уже историю начала археологического изучения Башкирии мы совершаем для того, чтобы показать читателю всю сложность и противоречивость осмысления и интерпретации археологического материала, усугублявшиеся прямо пропорционально его поступлению. В истории уральской археологии 1960-е — 1980-е гг. — это период интенсивного поиска и накопления археологического материала по эпохе Средневековья на Южном Урале и прилегающих территориях. Именно в это время Н. А. Мажитовым была открыта и исследована основная масса памятников кушнаренковской и караякуповской культур, которые он сразу же трактовал как древнебашкирские, поскольку, по его мнению, они представляли собой разновидность памятников турбаслинской культуры, теперь рассматриваемую автором уже как древнетюркскую (древнебашкир-

скую) [182, с. 70–71; 186, с. 57–60]. Ему возражал известный уральский археолог В. Ф. Генинг, связывавший «кушнаренковцев» и «караякуповцев» с уграми Зауралья и Западной Сибири [66, с. 124, 126, 128]. Дискуссия, продолжавшаяся несколько лет, фактически завершилась в середине 1970-х гг., после исследования и публикации казанским археологом Е. А. Халиковой материалов Больше-Тиганского могильника на востоке современного Татарстана, с одной стороны, являющегося памятником караякуповской культуры, а с другой — обнаруживающим типологическую близость с древнененгерскими могильниками на Дунае [271; 272; 274; 275]. После этого версию В. Ф. Генинга — Е. А. Халиковой об угорской (древнемадьярской) этнической принадлежности кушнаренковской и караякуповской культур приняли большинство археологов Урало-Поволжья [подробнее об этой дискуссии см. 107, с. 6–18].

В первой половине 1970-х гг. стройную и, по сути, не утратившую своей актуальности концепцию этногенеза башкир разработал и опубликовал знаменитый российский этнолог чл.-корр. РАН Р. Г. Кузеев. В основе его концепции, построенной на результатах масштабного комплексного анализа данных археологии, исторической этнографии и исторического языкознания башкир, лежит идея о многокомпонентности башкирского этноса, ядро которого — собственно древние башкиры — пришли на Южный Урал в составе миграций тюркоязычных кочевников из Центральной и Средней Азии в самом конце I тыс. н. э. Здесь они частично вобрали в себя и ассимилировали местные финно-пермские и угорские племена, а потом, в эпоху Золотой Орды, сами подверглись значительному этнокультурному воздействию со стороны кипчаков-половцев. Последнему Р. Г. Кузеев уделял особое внимание, выделив кипчакский этап в этногенезе башкир. Следствием его, по мнению ученого, явилось формирование современного антропологического, языкового и этнографического облика башкир [173, с. 455–481]. Большинство выводов Р. Г. Кузеева относительно формирования этнической карты степей Южного Приуралья, базировавшихся на исследованиях знаменитого советского археолога Г. А. Федорова-Давыдова [266], позже были подтверждены результатами исследований кочевнических памятников региона, проведенных В. А. Кригером, Г. Н. Гарустовичем и одним из авторов этой книги [62; 109; 164].

Мы не ставим себе цели дать развернутую историографию проблемы этнокультурной истории Южного Урала в эпоху Средневековья. Она, историография, настолько велика, что требует специального ана-

лиза. И в принципе, изложенная ниже в виде тезисов схема этнокультурной истории Южного Урала в указанный период, сложившаяся к началу 1990-х гг., вполне соответствует тем этнокультурным интерпретациям, которые были даны и даются археологическим материалам по результатам детального источниковедческого анализа, проведенного не только уфимскими археологами, но и их коллегами из соседних городов Уральского и Волго-Камского регионов. Основные звенья (позиции, ступени) этой схемы следующие:

- к началу эпохи Великого переселения народов (с которой традиционно начинается отсчет истории Средних веков) лесное Прикамье и Приуралье (включая и районы Бельско-Уфимского междуречья) представляли собой ойкумену финно-пермских племен (мазунинская и ее продолжение — бахмутинская культуры), своими генетическими корнями связанных с местными племенами эпохи раннего железного века (пьяноборская и карабызская культуры);
- на рубеже IV–V вв. н. э. целостность этнокультурной карты региона была нарушена вторжением сюда различных этнических групп, сдвинутых со своих территорий гуннским нашествием. Среди них исследователи усматривают протославян или поздних сарматов (именьковская культура), славяно-антские военные дружины (могильники тураевского типа), угров (ранние памятники неволинской культуры), сарматов или сармато-алан (турбаслинская культура);
- еще примерно через сто лет, на рубеже VI–VII вв., весь этот «калейдоскоп» племен и языков был сnivelирован двумя новыми миграционными волнами с юга (тюркоязычные булгары) и востока (зауральско-западносибирские угры). В течение последующих полутора веков булгары осваивают районы камского устья, где к началу X в. создают собственное полиэтническое государство — Волжскую Булгарию, а угры (древние мадьяры) в это время устанавливают свою этнокультурную доминату над населением камско-уральских лесов и лесостепи (ломоватовская, неволинская, кушнаренокско-караякуповская культуры);
- в конце IX в. в степях Урало-Поволжья появляется еще одна этнополитическая сила — тюркоязычные кочевники огузы (гузы), печенеги и их родственники и союзники — древние башкиры;
- начиная с рубежа I–II тыс. н. э. процесс формирования этнической карты Южного Урала и Приуралья идет под мощным воздействием этнополитических процессов в Евразийской степи (кипчакско-половецкая экспансия, монгольское нашествие и образование

Золотой Орды) и в Восточной Европе (образование Русского государства и его экспансия на восток).

То есть в этой схеме процесс тюркизации Урало-Поволжья и формирование этнического облика современных народов региона — это следствие воздействия многих факторов, генераторы которых большей частью находились далеко за пределами Урала и Прикамья.

Однако в постсоветские последние два десятилетия в башкирской археологии усиленно разрабатывается и навязчиво внедряется в сознание читателей (главным образом через местные республиканские научные, общественно-политические и литературно-художественные издания, а также региональные учебные пособия) альтернативная концепция академика АН РБ Н. А. Мажитова, всецело направленная на доказательство тюркской парадигмы в этнокультурной и этнополитической истории народов Урала и Приуралья начиная уже с эпохи раннего железного века. С точки зрения этики исторического познания это вполне допустимо. Но — только в том случае, если факты, подтверждающие заданную концепцию, извлекаются из источников (археологических, письменных) в результате скрупулёзного источниковедческого анализа, о чем было сказано выше.

В работах академика Н. А. Мажитова и его немногочисленных последователей источниковедческая составляющая, как правило, отсутствует. Зато присутствуют все элементы, присущие жанру «фольк-хистори», к сожалению, получившему широкое распространение на постсоветском познавательном пространстве. Задача «фольк-хистори» («народной истории», или «истории для масс»), по определению А. Артемьева, «...дать обывателям то, с чем не справилась официальная наука, — чувство непрерывности истории собственного народа, который, согласно самозванным исследователям, оставался одним и тем же на протяжении тысячелетия. Чаще всего эта история... предлагает своим адептам утешение от горестей и неурядиц сегодняшнего дня в виде картин героического воображаемого прошлого, когда могучие герои, потомки сверхлюдей и первочеловеков, создавали империи и отражали нашествия, а также блюли одну-единственную истинную религию, которая не имеет отношения ни к современному православию, ни к какой-либо иной „традиционной религии“» [14]. В России «отцами-основателями» этого жанра являются математики (не историки!) А. Носовский и Г. Фоменко, а проводниками их квазинаучных измышлений — писатели И. Иванов и М. Щербаков (для истории русских), М. Аджиев (Мурат Аджи) (для народов тюркского корня), И. Гриценко (для украинцев) и многие другие. Порочность

этого жанра для познания истории народов, воспитания у них чувства патриотизма и толерантности рассмотрена давно и обстоятельно [55].

О недостатках методики академика АН РБ Н. А. Мажитова в воссоздании этнической истории башкирского народа тоже уже было сказано неоднократно [104, с. 88–102; 106, с. 136–149; 115, с. 257–261; 117, с. 404–414].

Наглядным примером субъективного подхода к реконструкции этнокультурной истории народов Южного Урала являются написанные им разделы для второго тома «Истории башкирского народа» (Уфа: Гилем, 2012). Это почти 44 % всего археологического текста тома. По содержанию мы находим здесь все ту же «фольк-хистори», только изданную под грифом солидного научного учреждения — Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. Подобные издания, по определению, рассчитаны на десятилетия, поскольку представляют собой обобщение и своеобразный итог развития научной мысли, в данном случае — археологической мысли в Башкортостане. По воле редколлегии тома, вместо академического (монографического) изложения результатов источниковедческого анализа археологических и письменных источников мы получили очередную популяризацию умозрительных и лишенных источниковедческой основы заключений академика Н. А. Мажитова на темы этнической истории башкир в эпоху Средневековья.

В своей книге мы попытались исправить это положение и постарались показать, как может выглядеть этнокультурная и этнополитическая история Южного Урала, если ее реконструировать исходя из реально имеющихся данных археологических и письменных источников.

ГЛАВА I

ЮЖНЫЙ УРАЛ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ (I ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ Н. Э.)

По традиционной периодизации Всемирной истории, эпоха Средневековья для народов Восточной Европы начинается с IV в. н. э., то есть с того самого времени, когда неисчислимые орды гуннов (или народов, объединенных под этим именем) появились к западу от Волги. Из письменных источников нам известно, что в конце III в. до н. э. в степях Северной Монголии и Забайкалья разрозненные кочевые племена хунну (или в китайской транскрипции — сюнну, что означает «северные варвары») были объединены в мощную кочевническую империю, во главе которой встал энергичный и предприимчивый шаньюй (хан) Маодунь¹. Годы его правления были временем усиления и расцвета державы хунну. В этот период Маодунь подчинял своей власти тюркоязычных кочевников Саяно-Алтая и индоиранцев Семиречья (усуней). На юге он вел успешные войны с Ханьским Китаем, закончившиеся в 188 г. до н. э. подписанием мирного договора между Маодунь и китайским императором Лю Баном, согласно которому хуннский шаньюй получал себе в жены китайскую принцессу и империя Хань должна была выплачивать хуннам ежегодную дань.

Держава хуннов оказалась хотя и огромной, но непрочной, а потому после смерти Модэ ее начали раздирать внутренние противоречия, усугубившиеся также и ловкой политикой китайских дипломатов, направленной на раскол хуннского этнополитического единства. Политика эта увенчалась успехом, и в середине I в. до н. э. империя хуннов распадается на две части — северную и южную, ведущие между собой ожесточенную борьбу. Южные хунны — поборники старых родовых традиций и сторонники мирных взаимоотношений с Ханьской империей — расселились вдоль Великой китайской стены и пополнили собой войска империи, готовившиеся для наступления на северных хуннов. Последние, закрепившись на Тарбагатае и в Джунгарии, продолжали успешно отстаивать свою независимость от ханьцев и своих южных сородичей еще почти 200 лет, но в 155 г. н. э. в дело вмешалась третья сила — враждебные хуннам племена сянь-би. Потерпев поражение от войск сяньбийского вождя Таншихая, северные хунны раскололись еще раз: 200 тыс. из них (т. н. «малосильные») укрылись в горных лесах Тарбагатая и позже признали над собой главенство сянь-би, а 20–30 тыс. неукротимых воинов-пассионариев, без жен и детей, ушли на запад, в степи Средней Азии и Казахстана. Письменные источники конца I в. н. э. еще упоминают о хуннах, кочевавших в степях Приаралья и Прикаспия, а затем наступает поч-

¹ В прежней русскоязычной транскрипции — Модэ.

ти 200-летний период их исчезновения со страниц средневековых хроник. Где в это время находились хунны — сказать пока трудно. Не исключено, что основным районом их обитания являлись степи Центрального Казахстана и юга Западной Сибири, где в последние годы выявлены курганные захоронения хуннского типа. По мнению челябинского археолога С. Г. Боталова и разделяющего это мнение уфимского археолога Н. А. Мажитова, степи Южного Урала также входили в ареал обитания гуннов («государство Кангюй»).

Вообще, что из себя представляли гунны в их археологическом выражении (каковы были их погребальный обряд, характерный набор вооружения, украшений, убранство костюма, посуда и т. п.), точно пока не знает никто. Несколько заведомо гуннских могильников изучены далеко на востоке, в степях Монголии и Алтая (курганы Ноин-Ула, Кенколь, Улуг-Хем, Дерестуйский и др.). Чем дальше на запад от степей Центральной Азии, тем более неопределёнными становятся морфологические признаки гуннской культуры. Известный российский специалист по археологии и истории гуннов И. П. Засецкая в степях Восточной Европы выделяет 49 погребений, которые она соотносит с собственно гуннами. Это погребения с сожжением, представленные кострищами в курганах и трупосожжением на стороне, погребения с захоронением коня или шкуры коня, бескурганные погребения. Кроме того, характерным признаком гуннского времени является «изолированность захоронений, расположение их в уединённых скрытых местах — в оврагах или на склонах водоёмов. Погребения воинов гуннской эпохи часто сопровождалось конским снаряжением, символизирующим захоронение коня. Иногда упряжь в погребениях находилась вместе с конскими останками. Уздечные ремни украшались определённым стандартным набором накладок различных геометрических форм — узкими прямоугольными накладками, фигурными бляшками в виде строенных ромбов или кружков, крестовидными равноконечными накладками, подвесками-лунницами и крупными бляхами ромбовидной формы с одной срезанной прямой стороной. Все они вырезаны из бронзовых пластин и обтянуты сверху золотым листом. Лицевая сторона украшена цветными вставками в напаянных гнёздах и штампованным или накладным геометрическим орнаментом. В гуннскую эпоху впервые в степях Восточной Европы появляются седла с жёсткой конструкцией, передняя и задняя луки которых украшались металлическими пластинами с чешуйчатым орнаментом. Появляются и новые типы оружия: однолезвийные мечи без навершия и перекрестия, трехлопастные наконечники стрел

с отверстиями в лопастях или костяными насадками-свистунками („свистящие стрелы“), дальнобойные большие луки, кибыть которых была усилена костяными обкладками (луки „гуннского типа“)» [93, с. 106 и сл.; 94; 95, с. 92–100].

Еще один характерный элемент гуннской культуры, хотя и в единичных экземплярах, но известный в степях Урало-Поволжья, — бронзовые котлы с поддонами и высокими ручками-ушками [103, с. 154].

В своем броске на запад гуннские «пассионарии» подчиняли себе встречающиеся на их пути племена (среди них были и потомки савков и усуней Центрального Казахстана, древние угры и самодийцы Западной Сибири, поздние сарматы), брали себе иноплеменных жен, которые рожали им уже детей-полукровок. Так что чем ближе к Волге, тем меньше гуннского этнического элемента оставалось в гуннских ордах. А дойдя до степей Южного Урала, они вообще вторглись в чуждый для них этнокультурный мир поздних сарматов (индоиранцев) и древних угро-самодийцев — носителей саргатской археологической культуры лесостепной зоны Западной Сибири. Следствием этого вторжения явилось, во-первых, изменение этнического состава кочевников степей Восточной Европы: «Гуннское движение на запад положило конец тысячелетнему господству иранских племён и открыло дорогу массового переселения в Европу тюркских племен. Тюркский элемент прослеживается в культуре гуннского времени. Это погребальный обряд с сожжением, захоронение шкуры коня (ритуал, связанный с обрядом жертвоприношения, широко распространённый у тюркских народов в VIII–XI вв. н. э.), характер конского снаряжения — уздечный набор и форма сёдел. Любопытно, что в одном случае шкура коня обнаружена с умершим, принадлежащим монголоидной расе... Мы не отрицаем, что аланы, сарматы, готы не были уничтожены гуннами полностью, но разбитые и сорванные со своих мест, они потеряли политическую и культурную самостоятельность, и **в историческом плане их роль в южнорусских степях была ничтожна, по сравнению с пришельцами** (выделено нами. — *Авт.*)» [95, с. 95].

Во-вторых, еще до того, как включенные в гуннский этнополитический союз племена вторглись в Восточную Европу, до лесостепи Урало-Поволжья на рубеже I–II вв. н. э. докатилась первая волна переселенцев — предвестников грядущей эпохи Великого переселения народов. Как показывает в своих исследованиях самарский археолог С. Э. Зубов, гунны, пришедшие в степи Южного Зауралья и юга За-

падной Сибири, на лесостепном пограничье столкнулись с племенами саргатской культуры. Вследствие этого столкновения часть «саргатцев» снялась со своих мест и ушла на запад от Уральских гор. Двигаясь по привычным для них лесостепным ландшафтам, «саргатцы» доходят до Среднего Поволжья — восточных границ современного Татарстана и Мордовии. Здесь они, в свою очередь, сталкиваются с местными восточно-финскими племенами завершающей стадии раннего железного века Волго-Камья — носителями пьяноборской культуры. Дальнейшее развитие событий (по С. Э. Зубову) могло осуществляться по следующей схеме: на новых территориях «саргатцы» — в основном это были мужчины-воины — берут себе в жены или наложницы пьяноборских женщин, заимствуют ряд элементов местной материальной культуры, в результате чего на территории лесостепи Волго-Камья появляются новые для региона археологические памятники: на крайнем западе современного Башкортостана — Кипчаковский курганно-грунтовый могильник, на территории современной Мордовии — Андреевский, Писеральский, Климкинский, Староардатовский курганы. В них с соблюдением саргатского обряда были похоронены мужчины-воины (под земляными курганами, ориентировка погребенного на север, захоронения в насыпях курганов частей конской туши), а вокруг курганов в простых бескурганных могилах — женщины-«пьяноборки» (жены или наложницы).

Но, поскольку пришельцев-воинов, по сравнению с местным населением, было немного, памятники «андреевско-писеральского типа» в Волго-Камье немногочисленны. Как отмечает С. Э. Зубов, «будучи же в меньшинстве по отношению к коренному населению, завоеватели достаточно быстро растворялись в местной среде. Именно поэтому единичны подобные археологические памятники, отражающие процесс первоначального завоевания и захоронения по традициям своей этнической группы... На рубеже эр районы Западного Поволжья были своеобразной пограничной территорией, в какой-то степени предопределившей ее слабую заселенность. И возможно, именно вследствие этого сюда продвинулись вышедшие из лесостепных районов Зауралья военные отряды угров. Произошло это, по всей видимости, во второй половине I в. Характер захоронений Андреевского кургана позволяет с достаточной долей уверенности говорить о трех поколениях погребенных здесь людей. Причем, если погребальный обряд первого поколения достаточно определенно сопоставляется с древностями лесостепного Зауралья (памятники саргатской культуры), то погребения следующих хронологических пластов (II и, воз-

можно, первая половина III вв. — *Авт.*) по своей обрядности и погребальному инвентарю носят упрощенный „размытый“ характер. То есть процесс метисации пришлого и местного населения в данном случае фиксируется достаточно определенно» [103, с. 112, 118].

Для того чтобы адекватно понимать ход исторических и этнических процессов на той или иной территории и реконструировать их с максимально возможной степенью точности, необходимо учитывать те природно-климатические условия, в которых находилась изучаемая территория в тот или иной исторический период.

Степи Южного Урала, или, что одно и то же, Урало-Каспийского степного коридора, в физико-географическом отношении включают в себя территорию от правобережья р. Урал на западе до долины Иртыша на востоке, от лесостепей Самарского Заволжья, Приуралья, Зауралья и Западной Сибири на севере до Устюрта, северного побережья Аральского моря, правобережья рр. Сырдарья, Чу и озера Балхаш на юге. Сейчас на этой территории исследовано более 400 кочевнических захоронений эпохи раннего и развитого Средневековья. Кроме чисто археологического материала из них получен очень важный палинологический и почвоведческий материал, позволивший специалистам в этих областях естественных наук утверждать, что, по крайней мере, на протяжении двух последних тысячелетий климатическая и ландшафтная ситуация в регионе существенно не менялась [85–89; 177, с. 103; 194, с. 155; 204, с. 91; 281, с. 58 и сл., с. 196]. То есть те ландшафты, которые мы наблюдаем сейчас и которые зафиксированы на географических картах, например, середины прошлого столетия [16, с. 88–89]¹, имели место и в интересующий нас период, а именно в I — первой половине II тыс. н. э. Следовательно, как и во второй половине прошлого столетия, в эпоху Средневековья территория степного Предуралья представляла собой сочетание дерновинно-злаковых степей (среднее течение Иртыша, верхнее течение Ишима, Тобола и Урала, бассейн Самары), переходящих в зону полынно-дерновинно-злаковых и злаково-поленных степей (полупустыня) и поленных и солянковых пустынь (Северное Приаралье и Прикаспий). В реальности это означает короткий вегетационный период (в августе вся приуральская степь уже высыхает) и маловодье (по нашим собственным наблюдениям во время экспедиций 1985–1986 гг., рр. Уил и Эмба в августе представляют собой цепь стоячих озер-мочажин).

¹ Без учета, естественно, антропогенного фактора — массовой распахивки степей во второй половине XX в.

Поэтому вполне понятно, почему кочевнические курганы гуннского времени (II–IV в. н. э.), как это следует из наблюдений челябинского археолога профессора С. Г. Боталова, и на востоке, и на западе (Южное Предуралье) евразийских степей располагаются не сплошным массивом, а своеобразными «гнездами» (историко-культурными комплексами — по С. Г. Боталову), привязанными к конкретным, наиболее благоприятным для жизни районам [45, с. 224]. В Южном Приуралье это северная граница зоны степей, проходящая по восточным и западным предгорьям Южного Урала. Именно там локализируются курганы и курганные могильники II–IV вв. н. э., которые С. Г. Боталов определяет как гунно-сарматские — Байрамгулово, Малково, Шатрово, Першино, Каменный Амбар-5, Комсомольский IV, VI, Сибайский II, Бекешевский III, Салиховский, Ахмеровский и др. Правда, с этим определением — «гунно-сарматские» — не согласны археологи, изучающие сарматские древности Урало-Поволжья. Они считают, что в данном случае речь должна идти о той группе поздних сарматов — кочевников индо-иранского происхождения, которые в первые века I тыс. н. э. составляли восточную периферию сарматского мира. Впрочем, в контексте общей реконструкции этнических процессов на Южном Урале разногласия в определении этнокультурной принадлежности кочевников II–IV вв. принципиального значения не имеют. Кочевые племена (пусть даже и находившиеся в военно-политическом подчинении у гуннов) обитали на северной периферии Зауральской и Приуральской степи и далеко на север не заходили (те, кто заходили, как было показано выше, растворялись в местной восточно-финской или финно-пермской этнической среде). Объясняется это и тем обстоятельством, что объективных причин уходить из степи для кочевников в то время не было. По результатам почвоведческих анализов, степи Приуралья, Прикаспия и Зауралья в первые века I тыс. н. э. находились на завершающей стадии очередного периода гумидизации — повышенного увлажнения, который закончился к середине I тыс. н. э., когда ландшафтно-климатическая ситуация в Степи стала такой же, как сейчас [85–88].

Севернее, в зоне широколиственных и смешанных лесов Прикамья и Южного Предуралья, где в это же время завершался период аридизации — усыхания, продолжала сохраняться этнокультурная доминанта местных финно-пермских племен, предков современных удмуртов, генетически связанных с прикамской пьяноборской культурой конца I тыс. до н. э. Это были племена мазунинской ар-

хеологической культуры (по могильнику у с. Мазунино в Удмуртии, исследованному видным советским археологом В. Ф. Генингом в 1954–1956 гг.). Во всем облике мазунинской культуры явственно прослеживаются традиционные финно-пермские черты, корнями своими уходящие в эпоху раннего железного века. Это и территория расселения мазунинских племен, полностью совпадающая с территорией культур предшествующей эпохи (Прикамская Удмуртия от р. Иж до устья р. Белой и далее вверх по Белой до современного г. Бирска), и хозяйственно-культурный тип, основанный на подсечно-огневом земледелии, пастушеском скотоводстве и лесных промыслах, и характер и планировка жилых построек, и расселение «мазунинцев» на тех же самых местах — поселениях и городищах, на которых до них жили их прямые предки — носители пьяноборской культуры: Новокабановское, Какры-Куль (Старомуштинское) в Краснокамском районе Башкортостана, Юлдашевское (Петер-Тау) в Илишевском районе и др. Преемственность культур особенно наглядно прослеживается в планировке и конструкции жилищ. Удмуртский археолог Т. И. Останина на Сосновском, Постольском городищах в низовьях р. Иж, на Казакларовском городище в низовьях р. Белой и других выявила остатки жилищ в виде бревенчатых наземных построек без фундамента, с земляным полом, открытым очагом-кострищем в центре и нарами-лежанками по периметру стен. Высота стен могла составлять 7–10 венцов, потолка не было, дома перекрывались двускатной крышей со щелью для выхода дыма в коньке. Конструктивно и по площади такие постройки близки традиционным удмуртским избам-«куа», известным еще в начале прошлого столетия.

Погребальный обряд мазунинских могильников, расположенных по традиции лесных прикамских племен недалеко от поселений на высоких речных берегах, также в основных своих деталях продолжает обряд предшествующих по времени пьяноборских и карабызских могильников: расположение могил рядами вдоль берега реки, не очень глубокие ямы прямоугольной формы, ориентировка погребенных головой по течению реки, вплоть до такого характерного признака, как обилие в могилах металлических (бронзовых) украшений и деталей костюма. В изголовье мужских захоронений часто встречаются жертвенные комплексы или заупокойные дары, состоящие из женских украшений, уложенных в берестяные коробочки или туески. Поскольку подобные комплексы обнаружены в могилах взрослых людей, то это, очевидно, дар умершему супругу от жены. Но главное — известны могильники, материал которых наглядно иллюстрирует

процесс перехода от предшествующей пьяноборской культуры к мазунинской. Это Тарасовский могильник на правом берегу р. Камы, немного выше устья р. Белой, на котором экспедицией Удмуртского госуниверситета, руководимой профессором Р. Д. Голдиной, исследовано более 2000 погребений, позволяющих проследить непрерывную преемственность пьяноборского и мазунинского погребального обрядов. Анализ материалов Тарасовского могильника и дал возможность Р. Д. Голдиной трактовать мазунинскую культуру как позднюю стадию в развитии пьяноборской культуры эпохи раннего железного века [72, с. 307 и сл.].

Судя по ассортименту вещей в могилах, носители мазунинской культуры поддерживали традиционные для племен лесного Прикамья и Приуралья торговые связи с кочевниками степной Евразии. Очевидно, эти связи дали толчок к появлению и широкому распространению у «мазунинцев» новых традиций, обусловивших отличие материальной культуры мазунинского населения от культуры их предков — «пьяноборцев» [103, с. 119]. Находки множества костей пушных зверей — куницы, белки, соболя, лисы — на мазунинских поселениях позволяют предполагать, что основным предметом экспорта для «мазунинцев» была пушнина, взамен которой от кочевников они получали пояса, украшенные серебряными бляшками-накладками (т. н. наборные пояса), женские украшения — ожерелья из разноцветных стеклянных бусин и раковин-«каури» (последние использовались как амулеты и украшения поясов), бронзовые застежки-фибулы южных типов и другие предметы. Обращает на себя внимание также полное отсутствие в мужских мазунинских погребениях привозных образцов вооружения. Этот факт, вероятно, свидетельствует о том, что в начале новой эры отношения между оседлыми и кочевыми племенами Южного Приуралья носили в основном мирный характер.

Однако такая почти что идиллическая ситуация в регионе продлилась сравнительно недолго, и уже в конце IV в. н. э. этнокультурная карта Приуралья претерпевает серьезные изменения за счет прихода сюда племен, своим происхождением абсолютно не связанных с населением лесного Прикамья. Эти разноэтничные (а по отношению к прикамским племенам иноэтничные) группы переселенцев приходили в Приуралье разными путями и с разных территорий.

Разгромив в 375 г. державу готского короля Германариха, простиравшуюся от Балтийского до Черного моря и объединявшую в своих пределах остготские, позднесарматские, антские, восточнославян-

ские племена, гунны неукротимым валом прокатились по степям современной Украины и обрушились на восточные, придунайские, провинции Римской империи. Вовлекая в свое движение на запад завоеванные племена, гоня перед собой не покорившихся или вынуждая их уходить в стороны, гунны сыграли роль камня, брошенного в воду. В конце IV в. идущие от него миграционные волны докатились и до Южного Урала...

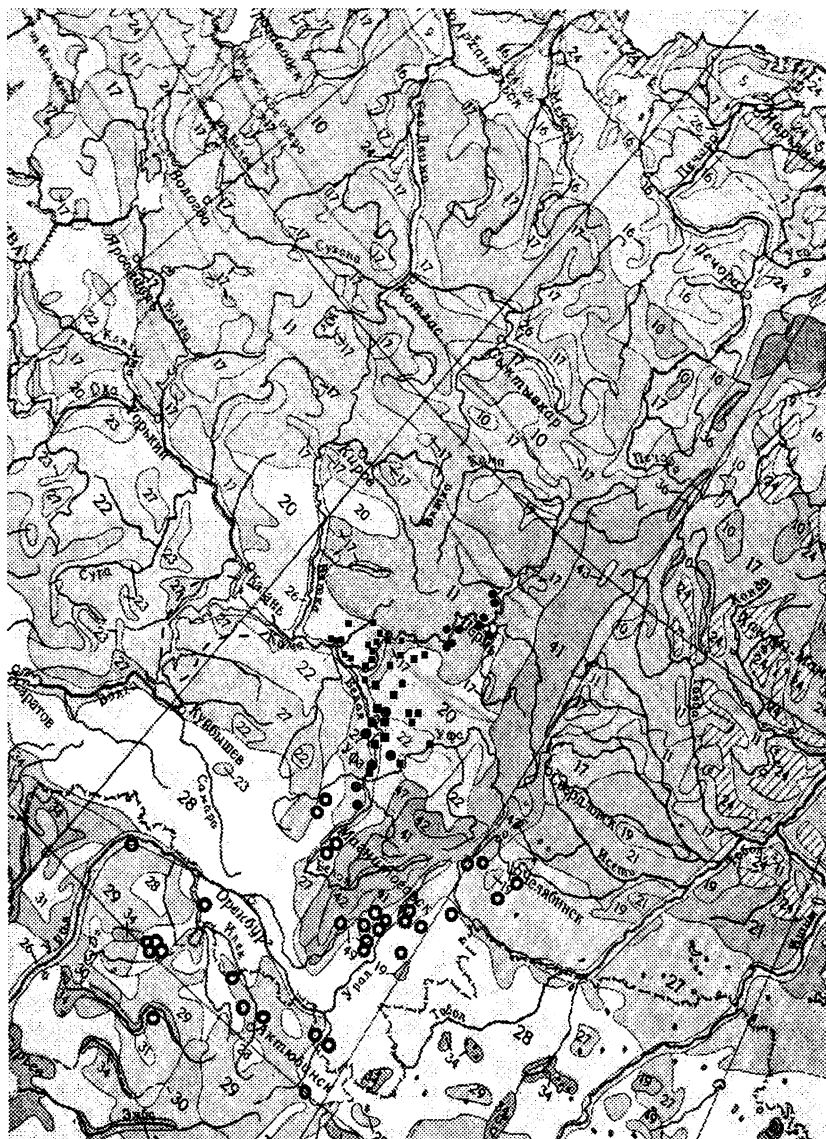
Одними из первых, в середине IV в. н. э., в Волго-Камье появляются носители именьковской археологической культуры (по могильнику и поселению у с. Именьково в Татарстане, исследованным В. Ф. Генингом в 1956 г.), памятники которой длительное время изучались казанским археологом П. Н. Старостиным и самарским археологом Г. И. Матвеевой.

«Именьковцы» обосновались на сравнительно свободной тогда территории по обоим берегам Средней Волги, от устья Камы на севере до Самарской Луки на юге. Западная граница именьковской территории проходила по р. Свияге, а восточная не доходила до Бугульминско-Белебеевской возвышенности. Судя по многочисленным находкам земледельческих орудий — серпы, косы, лемеха-наральники, каменные жернова, «именьковцы» были оседлыми земледельцами, причем, в отличие от прикамских финно-пермяков, практиковали пашенное земледелие, то есть возделывали землю с помощью сохи с конской упряжкой. Это давало им возможность возделывать целинные участки, расположенные за пределами речных пойм.

Обитали «именьковцы» в неукрепленных поселениях или городищах (последние, кстати, в большинстве своем расположены по периметру именьковской территории, как бы прикрывая ее извне) в квадратных (4×4 или 6×6 м) полуземлянках, перекрытых 4-скатной крышей, опиравшейся на центральный столб. Обогревались такие жилища открытыми очагами-кострищами, обложенными по периметру камнями.

Своих умерших сородичей они хоронили по обряду кремации. Тело покойного в одежде, с украшениями сжигали где-то на стороне, а потом прах вместе с обгоревшими вещами ссыпали на дно круглой или прямоугольной ямы глубиной до 1 м. Туда же ставили 1–2 глиняных сосуда с жидкой пищей.

Именьковская керамика также разительно отличается от керамики местных прикамских племен: вылепленные вручную, довольно грубовато, плоскодонные горшки крупных размеров, миски, плошки, сковороды. Посуда практически не орнаментировалась.

**Карта расселения племен Южного Урала и Приуралья
эпохи Великого переселения народов (IV–VI вв. н. э.):**

--- — границы именковской культуры; ■ — ареал памятников мазунинской/бахмутинской культуры; ● — ареал памятников гляденовской культуры; ● — ареал памятников турбаслинской культуры; ○ — курганы гунно-сарматского типа

Об этнической принадлежности именьковских племен среди исследователей долгое время велись ожесточенные споры. В разное время их считали то тюрками, то уграми, то балтами. Однако в середине 80-х гг. Г. И. Матвеева, подвергнув тщательному анализу керамический материал именьковской культуры, типы орудий труда и украшения, погребальный обряд, пришла к выводу о том, что ближайшие аналогии им обнаруживаются на памятниках зарубинецкой (праславянской) археологической культуры Верхнего Поднепровья. Вскоре к этой точке зрения присоединилось большинство исследователей, в том числе и ведущий знаток славянских древностей академик В. В. Седов [198, с. 65–74]. Однако славянскую этническую принадлежность «именьковцев» признали не все исследователи региона. Известный казанский археолог Е. П. Казаков, например, считает их потомками перешедших к оседлому образу жизни поздних сарматов [137].

Мы не будем разбирать здесь степень доказательности аргументов сторонников той или другой точки зрения. Кто бы они ни были ¹, но существенного влияния на ход этнических процессов в Приуралье эти племена также не оказали. Как показывает археологический материал, «именьковцы», во-первых, жили достаточно изолированно от своих соседей по региону, отгородившись от них цепью укрепленных поселений-городищ, расположенных как раз по периметру именьковской территории. Во-вторых, на территории современного Башкортостана достоверно именьковских памятников не выявлено, наконец, в материальной культуре синхронных именьковской археологических культур Волго-Камья и Приуралья влияние «именьковцев» практически не прослеживается. Исключение составляют только немногочисленные находки в могильниках Прикамско-Приуральского региона бронзовых подвесок-амулетов в виде кольца с утолщениями (т. н. «штурвалобразные» подвески), которые Е. П. Казаков считает характерным элементом именьковской культуры, заимствованным ими на Северном Кавказе у тамошних сарматов и алан. Но эти вещи могли быть получены волго-камскими аборигенами и в результате их собственных контактов с кочевыми сармато-аланскими племенами.

В целом же, как показывает в своих исследованиях пермский археолог Д. В. Шмуратко, проведенный сравнительно-статистический (кластерный) анализ погребальных памятников Волго-Камского региона эпохи Великого переселения народов, среди них именно

¹ Хотя самим авторам этой книги более импонирует первая из приводимых точек зрения — «славянская».

«именьковские памятники продемонстрировали абсолютную автономность», то есть не обнаружили никаких признаков, сближающих их с синхронными памятниками региона других археологических культур [289, с. 109].

Причина появления носителей имениковской культуры в Волго-Камье, несомненно, связана с гуннским нашествием на Восточную Европу и разгромом гуннами готской (остготской) державы Германариха. Не пожелавшие войти в гуннский этнополитический союз племена (в частности, часть зарубинецких (протославянских) племен) ушли в поисках более мирных мест. В данном случае — на восток восточноевропейской лесостепи. Здесь в это время было более-менее безлюдно и спокойно.

Правда, спокойствие это было относительным, поскольку местные прикамско-приуральские племена тоже не остались в стороне от этнополитических перипетий Великого переселения народов. Практически одновременно с «именьковцами», во второй половине IV в., в Прикамье вторгаются еще одни «пассионарии», обозначившие свой приход появлением здесь курганов т. н. тураевского типа. Сам Тураевский могильник, исследованный В. Ф. Генингом (1959–1960 гг.) и Р. Д. Голдиной (1986–1990 гг.), находится на северо-востоке современного Татарстана, на правобережье Нижней Камы. Он представляет собой курганно-грунтовый могильник, в котором под центральными земляными курганами были похоронены мужчины-воины. В могилы к ним было положено оружие: прямые обоюдоострые мечи в богато украшенных ножнах, шлемы сферической формы с кольчужной бармицей, защищавшей шею бойца, копья-пики, лук со стрелами. Вокруг курганов располагались простые грунтовые могилы, в которых были погребены женщины с типично мазунинскими украшениями. То есть налицо та же самая ситуация, которую С. Э. Зубов проследил на более ранних могильниках андреевско-писеральского типа: пришлые воины-пассионарии, вторгшиеся в чуждую для них этнокультурную среду прикамских финно-пермяков («мазунинцев»), брали себе финно-пермячек в жены или наложницы.

Кто были эти воины и откуда они могли прийти? Поиск ответа на этот вопрос сопровождался длительными дискуссиями среди исследователей региона. Но в последние годы возобладала, как наиболее обоснованная, точка зрения Р. Д. Голдиной и разделявшей ее Г. И. Матвеевой, согласно которой «тураевские» воины — беглецы из разгромленной гуннами Готской державы. Скорее всего — готославяне. Это были воинственные и хорошо вооруженные группы,

социальные отношения внутри которых строились по принципам военной демократии. Основу их бытия составляли набеги с целью грабежа и обогащения. Такие социумы не нуждаются ни в стационарных поселениях, ни в стабильных семьях — кров, еду и женщин всегда можно захватить силой. Добрый конь, острый меч, прочный и надежный доспех — вот все, что нужно настоящему воину, чтобы весело и беззаботно прожить быстротекущую жизнь¹. Ничего, что гунны оказались сильнее. Земля большая, и на ней всегда найдется добыча...

Двигаясь на северо-восток, пришельцы как клином раскололи территорию мазунинских племен Нижнего Прикамья (аналогичный Тураевскому курганно-грунтовый могильник был исследован уфимскими археологами Г. Н. Гарустовичем, Ф. А. Сунгатовым, А. Ф. Яминовым на северо-западе современного Башкортостана у с. Старая Мушта). «Приток агрессивных мигрантов изменил характер расселения местных племен: они ушли с побережья р. Камы и стали интенсивно осваивать мелкие притоки и междуречья» [210, с. 160].

Вторгнувшись на территорию мазунинских племен, воинственные пришельцы столкнулись здесь с обществом, в социальном плане находящимся на стадии патронимии — по сути, последней стадии родового строя [105, с. 202 и сл.]. Не имея четко структурированной воинской организации (дружинники) и профессионального вооружения [199, с. 69–83], «мазунинцы» могли воевать все, но понемногу, изредка, во внутренних, так сказать, конфликтах с ближайшими соседями — такими же «патронимистами». Противостоять натиску профессиональных бойцов, пусть даже и малочисленных, вооруженных по последнему слову тогдашней военной техники, они, конечно же, не могли.

Уступая пришельцам свои земли и отдавая им своих женщин, большая часть «мазунинцев» сдвинулась на восток от Камы. Следствием этой локальной миграции явилось сложение в бельско-таныпско-уфимском междуречье новой археологической культуры — бахмутинской, выделенной в 1929 г. археологом А. В. Шмидтом по материалам Бахмутинского могильника на р. Уфе.

Территория распространения памятников бахмутинской культуры четко очерчена реками Быстрый Танып и Белая на западе, Уфа на востоке. Самым южным из известных сейчас бахмутинских памятников

¹ Вспомним легендарных викингов, дружинников киевского князя Игоря, новгородских ушкуйников, казаков.

является городище Уфа-II на территории г. Уфы, самым северным — Сарвихинское городище на юге современного Пермского края.

Многочисленные, но с не очень мощным культурным слоем (редко — более 50 см), насыщенным фрагментами глиняной посуды и костей домашних и диких животных, городища бахмутинской культуры располагаются на высоких мысах по берегам рек или отдельных возвышенностях (Барязы, Юмакаевское, Сарвихинское, Казакларовское). Вокруг них на расстоянии 1,5–2 км, разбросаны небольшие и бедные находками сезонные поселения-селища. Едва ли это свидетельствует о многочисленности «бахмутинцев», скорее об их регулярных переселениях с целью расчистки новых лесных пашен («подсека» или «гарь»): «бахмутинцы» жили в зоне смешанных лесов и занимались традиционным для региона подсечно-огневым земледелием, пастушеским скотоводством и лесными промыслами.

Где-то поблизости от этих поселенческих «гнезд» находились бахмутинские могильники, из которых известно и досконально исследовано пока только два — сам Бахмутинский¹ и Бирский, на окраине г. Бирска. По материалам этих памятников погребальный обряд «бахмутинцев» характеризуется следующими признаками: одиночные захоронения умерших в простых неглубоких могилах в позе на спине с вытянутыми конечностями, головой на северо-запад (по топографии Бирского могильника это получается головой к реке). Ассортимент сопровождающих вещей однозначно указывает на пол их владельца: у мужчины — нож, топор, наконечник копья и наконечники костяных и железных стрел, очень редко — железный меч, орудия труда (нож-ложкарь, тесло, скобель, оселок), детали пояса (пряжки, наконечники, накладки). В 17 % бахмутинских погребений (мужских) встречаются жертвенные комплексы в виде женских украшений, уложенных в берестяную коробочку и помещенных у головы погребенного.

Уже при первоначальном рассмотрении памятников мазунинского и бахмутинского типов между ними обнаружилось сходство по большинству внешних признаков: в погребальном обряде, ассортименте вещей, топографии и планиграфии поселений. Собственно говоря, различается только орнаментика глиняных сосудов: на мазунинских это поясok ямок по шейке, насечки по венчику и ряды каплевидных или клиновидных насечек по плечу; на бахмутинских — насечки по венчику и круглые или бесформенные ямки, беспорядочно покрывающие всю внешнюю поверхность сосуда. На этой почве между основ-

¹ Ныне затопленный Павловским водохранилищем.

ными исследователями мазунинских и бахмутинских памятников В. Ф. Генингом (памятники мазунинского типа) и Н. А. Мажитовым (памятники бахмутинского типа) развернулась многолетняя дискуссия на предмет того, в какую культуру объединить памятники III–VI вв. Прикамья и Башкирского Приуралья — мазунинскую (В. Ф. Генинг и его последовательница и ученица Т. И. Останина) или бахмутинскую (Н. А. Мажитов). Ситуация более или менее определилась в результате детального хронологического и планиграфического анализа комплексов Бирского могильника, проведенного А. Н. Султановой. Исследователь выделила на памятнике две больших группы погребений III–V и V–VIII вв., различающиеся планиграфически (расположены таким образом, что не нарушают друг друга) и по типам глиняной посуды [251], и стало совершенно очевидно, что ранние погребения Бирского могильника — суть то же самое, что погребения мазунинского типа в Прикамье, а поздние погребения — бахмутинские.

Сравнительно-типологический анализ мазунинских и бахмутинских погребений Бирского могильника с применением статистических методов анализа массового археологического материала провел уфимский археолог Ф. А. Сунгатов. Сопоставив погребения III–V и V–VIII вв. между собой по 42 альтернативным представительным признакам погребального обряда, исследователь пришел к выводу о том, что ранние погребения Бирского могильника и погребения мазунинских могильников Удмуртского Прикамья образуют между собой единый типологический ряд с высоким коэффициентом сходства, равным 0,86 (или 86 %). Это позволяет рассматривать их как относящиеся к одной археологической культуре — мазунинской. В свою очередь, поздние (бахмутинские) погребения обнаруживают высокий коэффициент сходства с ранними (0,81, или 81 %) и чуть меньший — 0,76 — с прикамскими мазунинскими¹.

Но известно, что могильники мазунинской культуры, как это установлено исследованиями Р. Д. Голдиной на Тарасовском могильнике, подтверждено результатами статистического анализа, приведенными в диссертации О. Р. Стоматиной [249] и в исследовании Ф. А. Сунгатова, типологически (и генетически) восходят к могильникам пьяноборской культуры Прикамья рубежа эр. То есть налицо непрерывный типологический ряд погребальных памятников, связанных общими погребальными традициями оставившего их населения. Поэтому мы

¹ Исследователь объясняет это смешением с пришлым населением, о котором речь пойдет ниже.

полностью принимаем окончательный вывод Ф. А. Сунгатова, гласящий, что «приведенные факты позволяют, таким образом, рассматривать бахмутинскую АК как дальнейшее развитие финно-пермской этнической общности Прикамья и Приуралья в эпоху раннего средневековья. Есть все основания считать, что до середины I тыс. н. э., а возможно и несколько позже, в Волго-Уральском регионе, в частности Прикамье и Приуралье, финно-пермский этнос оставался доминирующим» [254].

Но в целом монолитность этнокультурной карты Прикамья и Приуралья была уже поколеблена вторжениями все новых и новых этнических групп, приведенных в движение Великим переселением народов. На рубеже IV–V вв. в Среднее Прикамье продвигаются из Западной Сибири угорские племена — потомки племен саргатской археологической культуры. Пройдя через Кунгурско-Месягутовскую лесостепь, переселенцы обосновались на берегах р. Сылвы, Чусовой и Камы выше современного г. Перми и дали начало новой археологической культуре — неволинской. Двигаясь вверх по Каме и подчиняя себе местные племена гляденовской культуры (потомки финно-пермяков — «пьяноборцев»), угры смешивались с ними. Результатом этого симбиоза явилось образование в Верхнем Прикамье ломоватовской культуры [71, с. 57–63].

В конце IV в. на территории современного Башкортостана появляется еще одна группа пришлого населения, оставившего памятники турбаслинской археологической культуры (по могильнику и поселению у с. Ново-Турбаслы, исследованным в 1957–1958 гг. уфимским археологом Н. А. Мажитовым).

Культура «турбаслинских племен» представляет собой совершенно новое явление для нашего региона. Прежде всего, вместе с ними в лесостепном Приуралье получает распространение новый обряд захоронения умерших: под земляными курганами, по несколько могил под одной насыпью, в насыпи — остатки поминальной трапезы в виде костей животных, чаще конских. Покойных клали в узкие могилы, в изголовье которых устраивались специальные ниши, куда ставили большой глиняный сосуд, а сверху на него возлагали часть конской туши (плечо или ноги). Погребенного ориентировали головой на северо-запад, вместе с ним в могилу помещали вещи — преимущественно принадлежности и украшения костюма. Чаще всего в погребениях встречаются детали поясных наборов т. н. «гуннского типа», состоящие из позолоченных пряжек и накладок, украшенных зернью (мелкие напаянные или тисненные шарики) и стеклянными вставка-

ми, тисненные из золотой фольги накладки-«лунницы», серьги и другие предметы. Подобные вещи найдены в погребениях Ново-Турбаслинского, Бирского могильников, в курганах на территории парка им. Калинина в г. Уфе (Дежневские) и других могильниках. Среди турбаслинских погребений особое место занимают погребения, найденные в разные годы на территории г. Уфы и содержащие богатые наборы золотых и серебряных украшений — серьги, подвески-колты со вставками из полудрагоценных камней, цепочки, перстни, позолоченные бляхи от конской сбруи с изображением человеческого лица (подобные бляхи считаются типично гуннским украшением). В двух погребениях — на ул. Егора Сазонова и в одном из Дежневских курганов — найдены круглые бронзовые медальоны с изображениями византийских императоров-соправителей Гонория и Флора (правили на рубеже IV–V вв.).

Все эти погребения были сосредоточены в южной части г. Уфы, в районе телецентра, Башгосуниверситета и Медицинского университета (при строительстве которых большинство из них и были найдены). Очевидно, такое сосредоточение наиболее богатых захоронений именно в этих местах не случайно, поскольку данная часть города — самая возвышенная, и с нее открывается великолепный обзор окрестностей. И, конечно же, судя по наборам погребальных вещей, хоронили здесь отнюдь не рядовых членов общества.

На территории современного Башкортостана «турбаслинские племена» жили оседло. Об этом свидетельствуют стационарные поселения, выявленные археологами поблизости от могильников: Ново-Турбаслинское поселение и могильник, Улукулевское поселение и Шареевский могильник в Кармаскалинском районе, могильники на территории г. Уфы и городище Уфа II, могильник и поселение на окраине с. Кушнаренково.

По материалам раскопок Ново-Турбаслинского поселения удалось установить, что обитали «турбаслинцы» в небольших квадратных полуземлянках, в центре которых находился очаг. Занимались скотоводством и земледелием. О последнем свидетельствуют многочисленные находки в турбаслинских поселениях земледельческих орудий (серпы, каменные ручные жернова) и специально оборудованных ям для хранения зерна.

Этническая принадлежность носителей турбаслинской культуры до сих пор остается предметом дискуссий. Их корни искали среди археологических культур Северного Кавказа, Западной Сибири, Средней Азии, связывая их то с аланами, то с уграми, то с тюрками.

В настоящее время наиболее фундаментально обоснованными представляются две точки зрения, как ни странно — взаимоисключающие друг друга. Первую высказал уфимский археолог Ф. А. Сунгатов, посвятивший проблемам турбаслинской культуры специальное исследование. Сравнивая погребальный обряд, вещевой комплекс и краниологию «турбаслинцев» с окружающими ближними и дальними синхронными археологическими культурами, автор приходит к выводу о том, что «единство трех вышеуказанных признаков, своеобразный тройной параллелизм, проявляется (у «турбаслинцев». — *Авт.*) только в отношении того круга памятников евразийских степей, которые именуются гуннскими или гунно-сарматскими. Это единство позволяет считать, что истоки турбаслинской культуры находятся на территории Волго-Донского междуречья» [253, с. 110].

По мнению же челябинского археолога И. Э. Любчанского, основной упор в своих исследованиях сделавшего на сравнительном анализе керамических комплексов турбаслинской и других кочевнических культур, «анализ погребального керамического комплекса могильников турбаслинского круга свидетельствует о том, что носители традиций его изготовления составляют органическую часть этнокультурного ареала номадов II — первой четверти VI в. н. э. **азиатской части великого степного коридора** (выделено нами. — *Авт.*). Очень высокая типологическая связь между качественными признаками керамики турбаслинских памятников с диахронными и синхронными керамическими комплексами номадов степей позволяет утверждать, что политические события, развернувшиеся на обширных просторах от Волги до Западной Монголии и приведшие к массовым подвижкам кочевого населения, создали ту необходимую этнокультурную и политическую среду, из которой и вывели носители, оставившие в лесостепи Южного Приуралья памятники турбаслинского круга.

Население, оставившее эти памятники, находилось на стадии формирования нового этноса и было связано с **гунно-аланским миром Урало-Казахстанских степей...** (выделено нами. — *Авт.*)» [181, с. 232 и сл.].

Как мы видим, разброс значительный. Вместе с тем указанные точки зрения имеют и общий компонент. По результатам исследований Д. В. Шмуратко, по своим морфологическим признакам погребальные памятники турбаслинской культуры обнаруживают связь с позднесарматскими и саргатскими памятниками. Отсюда следует вывод исследователя о том, что «происхождение турбаслинской культуры, без сомнений, связано с **доминирующим влиянием позд-**

несарматской традиции, однако на раннем этапе становления культуры явственно читается присутствие в ней Зауральского саргатского элемента, который по своей культурной окраске был близок сарматскому (выделено нами. — *Авт.*). Постепенно саргатский культурный субстрат растворяется, смешиваясь с сарматской основой» [289, с. 107].

Все эти точки зрения примиряет то обстоятельство, что, откуда бы «турбаслинцы» ни пришли и на каком бы языке они ни говорили, их пребывание в Южном Приуралье было кратковременным, а след, оставленный в этнической истории региона, весьма незначительным. Соседствуя с финно-пермяками-«бахмутинцами», «турбаслинцы» контактировали с ними в основном на уровне культурного обмена. Об этом свидетельствует, в частности, проникновение отдельных элементов бахмутинской культуры в турбаслинскую (типичная бахмутинская посуда найдена в некоторых погребениях Дежневского курганного могильника) и наоборот (для турбаслинских и мазунинско-бахмутинских погребений характерны одни и те же, южные, типы поясных пряжек и наконечников ремней). Что же касается этнических контактов на уровне расогенеза (биологического смешения), то, как писал уфимский антрополог Р. М. Юсупов, «турбаслинцы» — выраженные европеоиды южного типа — с мазунинско-бахмутинским населением (представителями уральской расы) если и контактировали, то незначительно, и вообще «их («турбаслинцев». — *Авт.*) участие в расогенетических процессах в крае в последующее время не прослеживается» (выделено нами. — *Авт.*) [291, с. 33 и сл.]. Характерно, что какое-либо влияние «турбаслинцев» на культурогенетические процессы в регионе, по крайней мере на уровне погребальных традиций, также не прослеживается [289, с. 107].

География археологических культур Волго-Камья эпохи Великого переселения народов (IV–VI вв.) показывает, что территория края была довольно четко поделена между населявшими ее племенами. «Турбаслинцев» и «именьковцев» разделяла Бугульминско-Белебеевская возвышенность, склоны которой, кстати сказать, и те и другие могли использовать как летние пастбища для своих стад. Между основной территорией «турбаслинцев» и «бахмутинцами» пролегла естественная граница — р. Белая, а «Уфимский полуостров», на южной оконечности которого находятся турбаслинские памятники, мог оказаться той самой контактной зоной, где и осуществлялся культурный обмен между приуральскими финно-пермяками и пришельцами. А возможно, это была и спорная территория, с которой «бахмутинцы»

были изгнаны более мобильными «турбаслинцами»? Или наоборот? Как знать... Найденный на территории современной Уфы и ее ближайших окрестностей археологический материал настолько слабо стратифицирован, что проследить, кто и в какой последовательности заселял то или иное городище или поселение, пока не представляется возможным.

Как бы то ни было, но обозначенная выше этническая карта региона продержалась, в исторических масштабах, недолго и уже на рубеже VI–VII вв. была нарушена появлением в Приуралье новых этнокультурных групп, представленных здесь памятниками кушнареновской археологической культуры (по поселению и кургану, исследованным В. Ф. Генингом на окраине современного с. Кушнареново в 1957 и 1959 гг.). Сейчас археологические памятники кушнареновской культуры известны достаточно широко на территории Башкортостана (Манякский, Лагереvский, Береговский, Аскинский могильники), в Южной Удмуртии (Кузубаевское, Благодатское I городища), в Восточном Татарстане (Такталачукский, Иманлейский могильники, селища Меллятамакское, Русско-Шуганское и др.) и на территории Челябинской области (могильник Гра-Ултры).

Своих умерших сородичей «кушнареновцы» хоронили под небольшими земляными курганами, где размещали по одной, но иногда по две-три и даже более могил (вероятно, такие курганы являлись своеобразными склепами-усыпальницами для одной семьи). Могильные ямы были, как правило, простые, узкие и неглубокие. Покойных укладывали на дно могилы вытянуто на спине, головой на север или запад. В соответствии с погребальными традициями и верой в «загробную жизнь» как продолжение жизни земной в могилы вместе с человеком помещали набор вещей, свидетельствующих об образе жизни, занятиях и социальном статусе данного индивида. В мужских погребениях это оружие, детали конской сбруи, кожаные пояса, богато украшенные бронзовыми или серебряными бляшками-накладками (отличительный знак достоинства); в женских — украшения: бусы из стекла, янтаря или полудрагоценных камней, перстни, браслеты. В изголовье могилы ставили глиняный сосуд с жидкой пищей и клали кусок конского или овечьего мяса (от которых находят в могиле кости). В насыпь кургана над могилами зарывали одну или несколько конских голов, а тушу, очевидно, съедали во время поминальной трапезы.

Ни типы вещей, сопровождавших погребенных в могилах, ни сам погребальный обряд кушнареновских могильников не имеют

прототипов в местных культурах Прикамья и Приуралья. И вместе с тем в глаза бросается явное внешнее сходство кушнаренковских глиняных сосудов (лепные тонкостенные круглодонные горшки яйцевидной или шаровидной формы, украшенные изящным резным орнаментом, состоящим из горизонтальных линий, сеточки, зигзагов, лунниц) с сосудами средневековых памятников западносибирской лесостепи, относящимися к бакальской археологической культуре (по Большому Бакальскому городищу на р. Исети, исследованному Т. М. Потемкиной в 1962 г.).

На многих бакальских памятниках (Молчановское городище на р. Туре или Коловское городище и Перейминский могильник в низовьях р. Исеть, городище Потчеваш у г. Тобольска, Логиновское городище на р. Ишим и другие подобные памятники) сейчас известны комплексы керамической посуды кушнаренковского типа [199, с. 73, рис. 9]. Поэтому практически все археологи региона, в той или иной степени касающиеся проблемы происхождения кушнаренковской культуры, считают ее носителей выходцами из лесостепного Обь-Иртышского междуречья. Впрочем, если относительно данного региона еще можно сомневаться, поскольку найденная там керамика только отдаленно похожа на «кушнаренковскую», то лесостепное Зауралье, и в частности Притоболье, безусловно, входили в ареал первоначального обитания носителей «кушнаренковской» культуры. Дело в том, что буквально в 90-е гг. в Зауралье стали выявляться памятники, содержащие типично «кушнаренковскую» глиняную посуду: могильник Гра-Ултры в Челябинской области, Усть-Терсюкское городище в Шатровском районе Курганской области, могильник в устье р. Суерь той же области.

Но и это еще не все. Сравнительно-статистический анализ погребального обряда кушнаренковских могильников в Приуралье и синхронных им могильников в лесостепном Зауралье и Западной Сибири (VI–IX вв. н. э.) показывает, что эти группы памятников обнаруживают между собой более 70 % общих признаков, из чего можно заключить, что они оставлены близкородственным населением. Проще говоря — двумя группами зауральско-западносибирских угров, поскольку зауральские археологические памятники, типа перечисленных выше, исследователи Западной Сибири связывают с предками современных хантов и манси.

Вопрос о причинах миграции древних угров в Приуралье остается пока открытым. Возможно, это были какие-то внутренние причины, вроде очередного кратковременного ухудшения климата в Западной

Сибири или переизбытка населения. Памятники бакальской культуры расположены в низовьях Тобола и Ишима — левых притоков р. Иртыш в его среднем течении. По современному ландшафтному районированию это пограничье между зоной темнохвойных южнотаежных и осиново-березовых лесов. По данным палинологии, в рассматриваемое время это была зона повышенного, по сравнению с настоящим временем, увлажнения, что сопровождалось наступлением лесной растительности на юг. Но одновременно это сопровождалось и заболачиванием лесных территорий, сокращением мест обитания лесного зверья и боровой дичи. Да и вообще, жить и дышать при этом болотными испарениями, отбиваясь от неистребимого комарья — удовольствие сомнительное.

С другой стороны, знаток западносибирских древностей известный московский археолог В. А. Могильников считал, что такой причиной могли стать регулярные набеги воинских отрядов I Тюркского каганата, в 70-е гг. VI в. «добегавших» до Северного Кавказа и Крыма. Что, в общем-то, тоже подтверждается археологическим материалом. В зоне зауральской лесостепи, между рр. Урал и Тобол, С. Г. Боталов выделяет памятники (курганы) т. н. «селенташского типа». Внешне они представляют собой каменные насыпи, под которыми скрываются зольники, прокалы, уголь или обожженные деревянные плахи. Иногда встречаются и прямоугольные могилы, стенки которых обложены каменными плитками. В них совершались захоронения по обряду трупоположения или кремации. «Характерной особенностью данного типа памятников является наличие почти во всех центральных, реже — в боковых насыпях погребений лошади или ее макета и костей овцы на погребенной поверхности. На погребенной же поверхности в основном содержался и вещевой материал, основную массу которого составляла керамическая посуда, реже встречались колчаны с наконечниками стрел, луки, предметы конской узда и поясная гарнитура» [45, с. 295]. Прямые аналогии памятникам подобного типа исследователь находит в обнаруженных на территории современных Тувы и Хакасии памятниках древних тюрков, которые участвовали в походах Истеми-кагана, правителя западных территорий I Тюркского каганата, на запад в 558 г. [45, с. 350–356]. Как бы то ни было, но в конце VI в. зауральские угры-«кушнаренковцы» переселяются за Урал.

В Приуралье они занимают привычную для них ландшафтную зону по границе леса и лесостепи в бассейне среднего и нижнего течения р. Белой. Двигаясь вниз по долине р. Белой, они изгоняют от-

туда немногочисленных, в общем-то, «турбаслинцев» и вынуждают финно-пермяков-«мазунинцев» уйти за Каму. С этого момента, собственно говоря, начинается сокращение территории финно-пермской ойкумены в Приуралье. Однако в низовьях Камы «кушнаренковцы» наткнулись на хорошо укрепленные городища именьковских племен и были вынуждены остановиться (Кузубаевское и Благодатское I городища в устье р. Иж — самые западные памятники кушнаренковской культуры в Прикамье).

Но и славянам-«именьковцам» тоже недолго удалось играть роль сдерживающего этнополитического фактора в Волго-Камье. Во второй половине VII в. они подверглись мощному натиску с юга, со стороны тюркоязычных болгар, пришедших в Среднее Поволжье с Северного Кавказа. В степях Северного Кавказа и Причерноморья болгары составляли этническое ядро государства Великой Болгарии, созданной ханом Кубратом в начале VII в. Под властью болгарского хана объединялись не только болгарские, но и хазарские, и аланские племена, которые после смерти Кубрата (между 641 и 650 гг.) восстали против болгарского господства. Великая Болгария распалась, и болгарские племена стали уходить из нее: часть во главе с ханом Аспарухом ушла на запад, в низовья Дуная, где затем возникло Болгарское царство, другая часть двинулась на север вверх по Волге. Археологические памятники ранних булгар в Среднем Поволжье представлены курганами «новинковского типа» (по с. Новинки в центре Самарской Луки), исследованными самарскими археологами Г. И. Матвеевой, А. В. Богачевым, Р. С. Багаутдиновым и С. Э. Зубовым на Самарской Луке, в северных районах современной Самарской и на юге Ульяновской областей [23; 197].

По своим внешним признакам это типичные тюркские погребальные сооружения, представлявшие собой земляной холм диаметром 10–15 м, насыпанный над могилой, первоначально заваленной камнями. Под курганами бывает от 1 до 12 захоронений, совершенных в овальных или прямоугольных ямах. Умерших укладывали вытянуто на спину, головой на восток, север, реже — на запад. В могилу клали жертвенную пищу (судя по найденным костям — баранину) и ставили глиняные сосуды с питьем (горшки, кувшины, миски и даже амфоры).

В женских могилах обычно находят украшения — стеклянные и пастовые бусы, различные по цвету и форме, золотые и бронзовые серьги, медальоны, ожерелья. Иногда — предметы туалета: серебряные зеркала и бронзовые пинцетики. Довольно часто находят и орудия чисто женского труда — глиняные пряслица и бронзовые иголки.

В мужских захоронениях набор вещей иной — оружие (сабли, наконечники копий и дротиков, железные и костяные наконечники стрел, костяные накладки от сложносоставных луков, бронзовые кистени) и орудия труда (тесла, резак, кузнечные клещи). Особый интерес представляют находимые в мужских погребениях остатки поясов, украшенных серебряными или бронзовыми пряжками, наконечниками и накладками — символ зрелого мужчины-воина.

В течение последующего столетия булгары успешно «выдавляли» «именьковцев» с их территории и к середине VIII в. полностью овладели ею. По мнению исследователей, древние славяне оставляют Волго-Камье и возвращаются назад, на свою приднепровскую прародину. Но и их победители на новой территории столкнулись с встречной экспансией прикамских финно-угров, носителей помоскской и ломоватовской (а точнее — помоско-ломоватовской) археологических культур. Смешиваясь с булгарами и, очевидно, подчиняясь им в военно-политическом отношении, финно-угры вошли в качестве одного из основополагающих субстратов в формирующийся в регионе раннебулгарский этнос. Наглядное тому свидетельство — синкретичный (смешанный) характер Больше-Тарханского могильника в Восточном Татарстане, самого раннего по времени могильника волго-камских булгар, в котором, наряду с типично булгарскими, количественно преобладают погребения помоско-ломоватовского типа.

Одновременно в лесостепном Приуралье появляется новая волна угорских мигрантов из Зауралья. В Приуралье они представлены памятниками караякуповской археологической культуры, названной так по городищу, исследованному Г. И. Матвеевой в 1967 г. у с. Караякупово в Чишминском районе Башкортостана. Принадлежность ее носителей к этнокультурному ареалу западносибирских угров подтверждается, прежде всего, погребальным обрядом, характерными признаками которого являются по одному или несколько (иногда — более 20) захоронений под земляным курганом, в простых неглубоких могилах, ритуальные захоронения конских голов в насыпи кургана, преобладание западной или северной ориентировки погребенных, наличие в изголовье могилы глиняного сосуда и костей животных (овцы или лошади; иногда в могиле встречаются остатки конской шкуры в виде черепа и костей ног, лежащих у ступней человека) и обилие серебряных и бронзовых украшений (пояса, украшенные накладками, серьги, подвески, браслеты, перстни, а также ожерелья из стеклянных и каменных бусин). Как в мужских, так и в женских (а иногда и в детских) погребениях встречается конская сбруя, богато украшенная

серебряными бляшками-накладками в виде гроздьев, трилистников, фигурок коней или других животных.

В северо-западных районах современного Башкортостана «караякуповцы» столкнулись со встречной экспансией молодого Булгарского государства. Трудно сказать, как складывались взаимоотношения приуральских угров с волжскими булгарами, но есть основания полагать, что они были отнюдь не безмятежными. В противном случае трудно объяснить тот факт, что все караякуповские городища-крепости вынесены на западную окраину караякуповской территории, в сторону Волжской Булгарии (кроме упомянутого Кара-Якуповского городища, это Таптыковское в Уфимском районе, Чукаклинское — в Чишминском, Уфа II на территории г. Уфы), тогда как все наиболее крупные и богатые караякуповские могильники скрыты в предгорных районах и горных долинах Южного Урала: Стерлитамакский (Левашовский), Лагереvские курганы в Салаватском районе, Ямаши-Тауские в Кугарчинском, Бекешевские в Баймакском и др.

Территория расселения носителей караякуповской культуры простиралась от лесостепного Зауралья (Бекешевские I и II курганы, курганы на оз. Синеглазово и Уелги под Челябинском) до низовьев р. Камы (Больше-Тиганский могильник в Татарстане). То есть «караякуповцы» буквально «след в след» двигались за своими предшественниками «кушнаренковцами», тем самым лишний раз подчеркивая генетическую близость с ними (сравнительно-типологический анализ кушнаренковских и караякуповских погребальных памятников делает эту близость совершенно очевидной, так же, как, с другой стороны, караякуповские памятники оказываются типологически близки с теми же древнеугорскими памятниками лесных и лесостепных районов Зауралья и Западной Сибири).

Этническая принадлежность носителей кушнаренковской и караякуповской культур (а вернее будет говорить — кушнаренковско-караякуповской культуры) долгое время вызывала споры среди исследователей приуральских древностей. В. Ф. Генинг считал их самодийскими, Г. И. Матвеева и В. А. Могильников — угорскими, Н. А. Мажитов до сих пор придерживается мнения об их тюркской (древнебашкирской) принадлежности. Конец этим спорам (во всяком случае, для большинства ученых) положили исследования казанского археолога Е. А. Халиковой на Больше-Тиганском могильнике. В ходе ее работ выяснилось, что, относясь к кругу караякуповских памятников, этот могильник в то же самое время обнаруживает очень много общих черт с обрядом древнененгерских могильников «периода обре-

тения венграми Родины на Дунае» (конец IX–X вв.). Весьма близким представляется также ассортимент и состав погребального инвентаря (одинаковые типы вооружения, конской сбруи, украшений). И наконец, очень показательна хронология караякуповских памятников на Южном Урале и в Приуралье, прекращающих функционировать в середине — второй половине IX в., то есть именно в то время, когда, по словам анонимного венгерского автора XII в., «...семь старейшин, которые называются Хетумогер, двинулись со скифской земли к западу, среди них был предводитель Алмуш сын Утека из рода короля Магога, муж доброй памяти, господин и советник их, со своей женой и сыном своим Арпадом... вместе с великим множеством союзных народов... перешли реку Этил на бурдюках по способу языческому и не нашли никаких городов или населенных мест... пока не пришли в Русцию, которая называется Сусудал...».

Из приведенных фактов следует вполне определенный вывод о том, что древние венгры-мадьяры, предки современных венгров, и угры-караякуповцы суть родственные народы, а легендарная страна «Древняя, или Великая Венгрия» (*Magna Hungaria*), на поиски которой в XIII в. отправился венгерский монах Юлиан, — это и есть территория распространения памятников караякуповской культуры на Южном Урале и в Приуралье.

Современный венгерский археолог с мировым именем И. Фодор этнокультурную историю древних венгров до их переселения на Дунай реконструирует следующим образом: вследствие степных войн, сопровождавших образование Тюркского каганата, часть угорских племен около 550 г. переселяется из лесостепных районов Западной Сибири в лесостепное Приуралье. Здесь они начинают соседствовать с финно-уграми («бахмутинцы») и булгарами-оногурами (курганы «новинковского типа»). Следствием этого соседства явились венгерские и булгаро-тюркские языковые связи, до сих пор остающиеся предметом дискуссий среди лингвистов [297, р. 44].

В северо-западных районах современного Башкортостана караякуповцы (древние мадьяры) столкнулись со встречной экспансией молодого Булгарского государства. И хотя они почти дошли до устья Камы (Больше-Тиганский могильник), но, надо полагать, дальнейшее их продвижение в Волго-Камье было также остановлено булгарами. По-видимому, Больше-Тиганский могильник обозначает крайние западные пределы мадьярской экспансии в Приуралье. Между ним и синхронным ему Танкеевским могильником ранних булгар — около 80 км сухопутного пути, т. е. два дневных конных перехода, на кото-

рых других подобных памятников не найдено. Это дает основание предполагать, что этнокультурного слияния и взаимодействия между булгарами на начальных этапах становления их государственности в Волго-Камье и уграми-мадьярами Приуралья не происходило. Причиной тому, вероятнее всего, являлась равнозначность военной и социальной структур двух этносов, в одно и то же время и в силу сходных этнополитических коллизий появившихся на смежных территориях. По логике вещей мадьяры и булгары должны были бы вступить в борьбу за гегемонию в регионе. Однако имеющийся археологический материал не дает оснований говорить о вооруженных столкновениях между двумя народами, за исключением, правда, того обстоятельства, что большинство из известных сейчас караякуповских могильников локализуется в восточной части Предуралья и Зауралье (Стерлитамакский (Левашовский), Лагереvские курганы в Салаватском районе, Ямаши-Таусские в Кугарчинском, Бекешевские в Баймакском и др.), а немногочисленные городища — Старо-Калмашевское, Таптыковское, Чукраклинское, Караякуповское — напротив, выдвинуты на запад, в сторону булгарской территории.

Косвенным подтверждением натянутых отношений между волжскими булгарами и приуральскими уграми-мадьярами является отсутствие археологических свидетельств о торговых контактах между этими народами, в конце I тыс. н. э. являвшимися двумя основными этнополитическими силами в Волго-Камье. И это притом, что материальная культура караякуповских и неволинских племен дает многочисленные свидетельства наличия подобных контактов между приуральскими уграми и ремесленно-торговыми центрами Средней Азии (Хорезма). Прежде всего, это многочисленные находки сасанидских монет VI–VIII вв., главным образом, в виде украшений — подвесок или деталей ожерелий или в качестве сырья для местных ювелиров. По данным археологов, на всей Волге от ее устья до устья Камы известно 18 сасанидских драхм конца V — середины IX вв., тогда как на территории караякуповской, неволинской и ломоватовской культур — 210, из которых 10 — в караякуповских и неволинских могильниках. География пунктов находок монет обозначает путь их проникновения в Прикамье через территорию караякуповской и неволинской культур [287].

География местонахождений восточных монет также дала основание для предположения о наличии Степного торгового пути, идущего в обход территории волжских булгар через земли приуральских угров [205, с. 152]. Это предположение подтверждается находками

образцов иранской (согдийской) торевтики: блюдо с изображением царевича Бахрама Гура, охотящегося на газелей, с территории Оренбургской области; кружка из Стерлитамакского могильника; блюда, чаши и ритон из Аврюзтамакскогоклада в верховьях р. Дёмы; чаша с изображением царской охоты из Уфимскогоклада.

Всего в лесном и лесостепном Приуралье в настоящее время известно 73 предмета импортной торевтики. Среди них преобладают собственно сасанидские и согдийские изделия. Первые характеризуются типичным для сасанидского Ирана набором сюжетов: сцены царской охоты, царь на троне, инкарнации (воплощения) зороастрийских божеств и сцены зороастрийских празднеств. Вторые представляют собой блюда и чаши, украшенные изображениями горных козлов с шарфами на шее (инкарнация зороастрийского бога Хварены), крылатых верблюдов (инкарнация бога Веретрагны), сценами царского пира, но в обрамлении типично согдийского растительного орнамента (согдийская художественная школа «А», по Б. И. Маршаку).

Выделяется небольшая группа хорезмийских чаш, украшенных изображением четырехрукого божества (Шива?) и византийских блюд, кувшинов и чаш, украшенных изображениями христианского креста, фигурами обнаженных танцовщиц и музыкантов.

Итак, Средняя Азия являлась тем источником, откуда изделия художественного серебра, в том числе и наборные пояса, поступали к приуральским уграм, вполне возможно, что при посредничестве среднеазиатских купцов.

Серебро — это металл, которому угры традиционно придавали и придают сакральное значение. Поэтому, очевидно, не случаен и набор украшавших импортную посуду сюжетов, персонажи которых так или иначе воспринимались уграми через призму их религии и мифологии.

Естественно, у читателя может возникнуть вопрос: а какие факторы этнического или исторического порядка могли повлиять на то обстоятельство, что именно Прикамье и Приуралье становятся центром наиболее плотной концентрации изделий восточной торевтики и монет во всей Евразии? Ответ на него содержится в статье Т. В. Барыниной и одного из авторов этой книги, опубликованной в 1998 г. Ниже мы приводим отрывок из нее:

«Конец VI–VII века — время, когда Евразийская степь бурлила на всем своем протяжении от Монголии до Карпат. В 558 г. преследуемые тюрками авары достигают рубежей Северного Кавказа и вступают в контакт с аланами, а через них — и с Византией. Не встре-

тив серьезного сопротивления со стороны слабых и разрозненных позднегуннских племен, в 560 г. они захватывают восточное побережье Азовского моря, а затем продвигаются и далее на запад, за Дон и Днепр. Одновременно основные силы тюрков вторгаются в Туркестан и ввязываются в бесконечную ирано-византийскую войну в качестве союзников Византии (568 г.). Вялотекущая война с Ираном закончилась для тюрков в 571 г. заключением мира с персами, после чего Сасаниды начинают новую войну с Византией (572 г.).

Тюркский же каган Истеми переносит военные действия на запад, и в 576 г. тюркские отряды вторгаются в Крым и начинают войну с аварами. Однако победоносное наступление тюрков на западе закончилось уже в 582 г. вследствие начавшихся в I Тюркском каганате междоусобиц, приведших к окончательному распаду каганата на восточную и западную части (603 г.).

Краткая хронология военно-политической истории Евразийских степей в VII веке выглядит следующим образом: в 626 г. авары терпят поражение под стенами Константинополя, следствием чего явилось окончательное освобождение кутригуров от власти аваров и образование в Азовско-Северокавказских степях государства Великая Болгария хана Кубрата (635 г.), просуществовавшего до смерти его создателя в 660 г. После чего происходит распад первого Болгарского государства и подчинение значительной части болгар хазарам. Последние в первые десятилетия своей государственности были вплотную заняты отражением арабской экспансии на Кавказе (650–733 гг.).

Западные тюрки в первой половине VII в. выясняли отношения между двумя главенствующими родами — дуло и нушби, что в итоге привело к очередной гражданской войне внутри Западного каганата и его развалу в 657 г.

Естественно, в этих условиях трудно было бы предполагать наличие какого-то регулярного товарообмена между степью и лесом. Во всяком случае, заключение Т. Ноонана о том, что ни о каких прямых торговых связях между Ираном и Византией, с одной стороны, и населением Прикамья, с другой, в рассматриваемое время не может быть и речи, представляется нам, безусловно, верным. И, очевидно, не случайно, по данным В. Б. Ковалевской о кавказской поясной гарнитуре, именно для VI–VII вв. в Прикамье и Сибири (районах, наиболее удаленных от арены основных военно-политических событий того времени) мы находим наименьшее количество изделий южного импорта (соответственно, 0,4 % и 9,8 % всех известных пряжек этого времени против 52,6 % в погребениях Кавказа). Между тем в ком-

плексах Поволжья и на территории современного Башкортостана удельный вес пряжек кавказских типов заметно выше: соответственно, 17,3 % и 12,1 %.

Эти данные невольно ассоциируются с фактом переселения части болгар („кутригурские кланы“ — по Г. В. Вернадскому) после распада Великой Болгарии с Северного Кавказа на Среднюю Волгу, где они представлены сейчас памятниками новинковского типа. С другой стороны, к концу VI–VII вв. относится появление на Южном Урале памятников кушнаренковской культуры, что, на наш взгляд, может быть связано с распадом I Тюркского каганата и уходом части зауральско-западносибирских угров из-под власти ослабевших тюркских каганов.

Первая попытка болгар закрепиться на Волге, очевидно, не была удачной и, судя по известным археологическим памятникам, типа Больше-Тарханского могильника, только в середине — 2-й половине VIII в. процесс освоения болгарами Волго-Камья становится необратимым. Связано это было, вероятнее всего, со знаменитым походом арабского полководца Мервана вглубь Хазарского каганата и разгромом хазар на Волге в 735–736 гг. Сопровождавшие этот процесс инновации в материальной культуре населения Южного Урала и Приуралья проявились в появлении в Прикамье комплекса вещей салтовских и северокавказских типов (поясная гарнитура, серьги-подвески, принадлежности конской сбруи). По результатам анализа пряжек Северного Кавказа, проведенного В. Б. Ковалевской, следует, что в VIII–IX вв. связь по линии Северный Кавказ — Поволжье — Прикамье вновь прослеживается отчетливо, тогда как территория современного Башкортостана (ареал караякуповской культуры) оказывается за пределами этой связи. Данное обстоятельство, на наш взгляд, определяется несколькими факторами: а) синкретичным болгаро-угорским (или салтовско-поломско-ломоватовским) характером материальной культуры раннеболгарских памятников Волго-Камья, за которым исследователи, совершенно справедливо, усматривают и синкретизм раннеболгарского этноса; б) расширением торговой экспансии ранних болгар (до первой четверти X в. находившихся, кстати, под вассальной зависимостью от Хазарского каганата) в северном, прикамском направлении; в) угорской (древнемадьярской) принадлежностью носителей караякуповской культуры, материальный облик которой, в отличие от раннеболгарской, определяется преобладанием тюркских (поясная гарнитура), прикамских (женские украшения) и салтовских (конская сбруя) элементов...

Нужно сказать, что идея степного торгового пути, основанная на географии находок куфических дирхемов и сосудов сасанидского типа (у В. Ю. Морозова упомянуты находки куфических дирхемов в Башкирии, Репьевский и Мелькеньский клады сосудов, к чему еще следует добавить кружки и дирхемы из Стерлитамакского могильника, сосуды с типично сасанидскими сюжетами из Уфимского клада и комплект изделий согдийской торевтики из недавно найденного Аврюзтамакского клада в верховьях р. Демы (фонды Стерлитамакского историко-краеведческого музея), вполне может иметь место. Тем более, что, судя по археологическим данным, материальная культура „караякуповцев“ и определяется среднеазиатским (согдийским) влиянием, на что, прежде всего, указывают поясные наборы погребальных комплексов караякуповской культуры, аналогичные поясным наборам, производимым в согдийских мастерских [227, с. 86–98].

Кроме того, следует учитывать и то обстоятельство, что и сами носители караякуповской культуры (древние угры — мадьяры) в общем контексте этнокультурной истории Южного Урала и Приуралья выступают в качестве военно-политической альтернативы ранним болгарам. Это, на наш взгляд, вытекает из практически полного отсутствия археологически фиксируемых следов болгаро-караякуповских этнокультурных контактов. Хотя именно волго-камские болгары, что опять-таки следует из общего контекста имеющегося в нашем распоряжении археологического материала, как раз и выступали в роли связующего звена в товарообмене раннесредневекового населения лесного Прикамья и Евразийской степи. Более того, в представлении современных исследователей участок Волжского торгового пути от Приазовья, Северного Кавказа, Прикаспия и Нижнего Поволжья (территория Хазарского каганата) до г. Болгара являлся „зоной прохождения одного из основных путей Великого Шелкового Пути“ [238, с. 58]. Но именно здесь мы и не находим следов прохождения таких ярких образцов восточного импорта, как ирано-согдийская торевтика, тогда как на территории расселения угров-„караякуповцев“ эти следы присутствуют. В этой связи нельзя обойти вниманием изображения, украшающие изделия восточной торевтики в Прикамье, среди которых абсолютно преобладают типично сасанидские и согдийские сюжеты: сцены охоты, инкарнации сасанидских божеств, царь на троне и т. п. — то есть все, за исключением собственно согдийских геометрических сюжетов (по Б. И. Маршаку, изделия собственно согдийской „школы С“» [30, с. 235–239].

На этом основании можно предположить, что приуральские угры-мадьяры, являясь связующим звеном в прикамско-среднеазиатском товарообмене, формировали ассортимент импортной торевтики в соответствии со своими эстетическими и мировоззренческими традициями. И это имело адекватный отклик у соседних прикамских племен, среди которых угорский этнический компонент не просто присутствовал, но и доминировал [41, с. 86–88].

Время ухода древних угров-мадьяр («караякуповцев») из Приуралья можно установить с точностью до десятилетия благодаря «Хронике» (Gesta) Венгерского Анонима — автора XII в. В ней определенно сказано, что «в 884 году от воплощения Господа (Рождества Христова. — *Авт.*)» семь мадьярских племен, объединенных в общий союз под названием Хетумогер, форсировали Итиль (Волгу) («...перешли реку Этиль на бурдюках по способу языческому...»). Ясно, что форсировали они ее с левого берега на правый, а не наоборот. Следовательно, ближе к середине 80-х гг. IX в. большая часть древних мадьяр оставила Приуралье. Эта дата очень хорошо согласуется с хронологией караякуповских, неволинских и значительной части ломоватовских погребений, не выходящей за рамки IX в. Что же касается причин мадьярской миграции из региона, то их могло быть несколько. Первая — начавшаяся именно в IX в. военно-политическая экспансия Древнехакасского государства на запад, в степные и лесостепные районы юга Западной Сибири. О том, что хакасские военные отряды доходили до степного Зауралья, свидетельствуют упоминавшиеся выше погребения селенташского типа на юге Челябинской области. Вероятно, они и послужили причиной массовой подвижки караякуповцев на запад — на Урал и в Приуралье. Но дальше на запад отступать было некуда, поскольку на пути стояла Волжская Булгария, молодая и, как все молодые раннефеодальные государства, вполне динамичная держава, активно утверждавшая свою военно-политическую и культурную гегемонию в регионе.

Испытывая одновременный нажим двух равновеликих сил с востока и запада и не имея возможности борьбы на два фронта, во второй половине IX в. угры-мадьяры в обход южных границ Волжской Булгарии, через западные районы современного Оренбуржья, Самарскую и Саратовскую области двинулись за Волгу, в сторону Дона и Днепра.

Вторая возможная причина — постулируемые Е. П. Казаковым набеги печенегов на территорию Magna Hungaria. Теоретически, конечно, возможно и это. Хотя, как пишут в своих книгах персидский автор X в. ал-Масуди и византийский император Константин Багря-

народный (тоже X в.), в конце IX в. сами печенеги вели кровопролитные и бесконечные войны с огузами за обладание степями вокруг Аральского моря. Так что едва ли им было сподручно связываться еще и с мадьярами¹.

Третьей причиной могла быть начавшаяся в это время аридизация лесов, достигшая своего пика в X в. Для лесной зоны это означало обмеление рек, усыхание озер и болот, сокращение поголовья дичи, наступление степи на лесостепь. Вполне вероятно, что участие «неволинцев» и «ломоватовцев» в движении племен Хетумогер на запад и было обусловлено этими обстоятельствами.

Однако уход «караякуповцев»-мадьяр из Приуралья не означал полного исчезновения угров с территории Волго-Камья. Во-первых, как показали результаты раскопок, продолженных А. Х. Халиковым на Больше-Тиганском могильнике, часть древних мадьяр осталась жить на восточных окраинах Волжской Булгарии и вошла в состав этого государства, о чем свидетельствуют поздние (конца IX–X вв.) погребения этого памятника. А во-вторых, на территорию современного Башкортостана и в X в. продолжали переселяться зауральско-западносибирские угры, оставившие здесь хотя и немногочисленные, но очень выразительные археологические памятники т. н. «мрясимовского типа» (по Мрясимовскому курганному могильнику в Карандельском районе Башкортостана). Кроме Мрясимовских на территории современного Башкортостана известны и другие подобные памятники: Бакалинские курганы в Бураевском районе, Каранаевские в Мечетлинском и Муракаевские в Абзелиловском, Старо-Халиловские в Салаватском. Погребальный обряд перечисленных могильников характеризуется такими признаками, которые, с одной стороны, сближают их с предшествующими кушнаренковскими и караякуповскими (древнемадьярскими), а с другой — истоки свои имеют в обряде древнехантыйских и древнемансийских могильников конца I — начала II тыс. н. э. в Зауралье и Западной Сибири. Это захоронения под небольшими земляными курганами, содержащими 1–3, а иногда и до 30 могил, в простых ямах или просто на дневной поверхности, в позе вытянуто на спине, головой на запад или север. Вместе с умершими в могилу помещали вещи — преимущественно оружие и конскую сбрую, а иногда — заупокойную пищу в глиняных

¹ Примерно такую же версию причин ухода древних венгров из Приуралья — поражение, понесенное ими от тюрков-булгар или печенегов, — выдвигает и И. Фодор [297, р. 46].

сосудах. В насыпях курганов, над могилами людей, часто совершены ритуальные захоронения конских голов, а в изголовье могил находятся плечевые или бедренные кости лошади. К угорской этнической традиции относятся и такие признаки погребального обряда «мрясимовских курганов», как расположение седла под головой или в ногах погребенного, помещение одного стремени в могиле, наличие остатков масок-наглазников, наконец — находка в одном из Бакалинских курганов деревянной антропоморфной фигурки-иттерма, имеющей полные аналогии в культуре обских угров (хантов и манси).

Характерной особенностью этих памятников являются также лепные круглодонные горшочки, украшенные оттисками крученого шнура в виде частых горизонтальных рядов и зубчатого штампа в виде «елочки» или парного зигзага. Ближайшие аналогии подобным сосудам опять-таки имеются в керамических комплексах бакальской культуры Зауралья и Западной Сибири.

Южная граница ареала мрясимовских (угорских) памятников, по имеющимся в настоящее время данным, может быть очерчена бассейном среднего течения р. Белой, а также территорией Месягутовской лесостепи на северо-востоке современного Башкортостана. Южнее указанной территории вплоть до северной кромки Волго-Уральской степи памятников рубежа и начала II тыс. н. э. не выявлено. Данное обстоятельство позволяет нам считать южную часть Приуральской лесостепи (южные районы современного Башкортостана) своеобразной «буферной зоной», разделяющей два этнокультурных мира — угорский и тюркский. Последний в рассматриваемую эпоху был представлен в регионе кочевыми племенами огузов, печенегов и древних башкир.

ГЛАВА II

ЮЖНЫЙ УРАЛ В КОНЦЕ IX — НАЧАЛЕ XIII ВЕКОВ

2.1. Этнический состав населения Южного Урала по данным письменных источников

Письменные источники домонгольского периода, в которых упоминаются башкиры, представлены сочинениями арабских авторов. Первое оригинальное упоминание о башкирах в арабских источниках содержится в книге Джейхани, датируемой 900 г. [234, с. 27]. Первым автором, посетившим страну башкир и описавшим их по своим личным впечатлениям, был Ахмед ибн Фадлан ибн ал-Аббас ибн Рашид ибн Хаммад — секретарь посольства багдадского халифа ал-Муктадира к правителю Волжской Булгарии Алмушу. Посольство покинуло Багдад 21 июня 921 г., провело зиму в хорезмийском городе Джурджании, откуда 4 марта 922 г. двинулось далее на север. Его путь шел через область враждебно настроенных башкир, от которых посольство старалось держаться подальше. 12 мая оно прибыло в ставку царя булгар. Весной 923 г. посольство возвратилось в Багдад. В своем сочинении Ибн Фадлан подробно описал все, «что он видел собственными глазами со времени своего выезда из Багдада и до того, как он возвратился в него» [150, с. 37]. Оно начинается следующими словами: «Это — Книга Ахмеда ибн Фадлана ибн-ал-Аббаса ибн-Рашида ибн-Хаммада, клиента повелителя правоверных, а также клиента Мухаммеда ибн-Сулеймана, Хашимида, посла ал-Муктадира к царю „славян“¹, в которой он сообщает о том, что он сам наблюдал в стране тюрок, хазар, русов, „славян“, башкир и других [народов] по части различий их вероучений, сведений об их царях, их положения во многих их делах» [150, с. 121]. Значительное место в рассказе Ибн Фадлана о башкирах занимает описание их верований, а также примитивного, с точки зрения арабского путешественника, образа жизни [150, с. 130 и сл.].

Арабский географ Абу Зайд Ахмед ибн Сахл ал-Балхи (850–934) в своем сочинении «Ашкул ал-билад» («Виды стран»), созданном после 922 г. [283, с. 150], сообщает о двух племенах башкир [278, с. 710].

¹ В расширенном понимании славянами называли основную массу народов севера — также финнов, булгар, германцев. Ибн Фадлан называет царя булгар «царь славян», желая представить его как могущественного властелина северных народов и тем придать большее значение отправленному к нему посольству.

Современником ал-Балхи был Абу Исхак ал-Фариси ал-Истахри, который в итоге многолетних путешествий в 930–933 гг. составил географический труд «Китаб масалик ва-л-мамалик» («Книга путей и государств»). Он повторяет сообщение ал-Балхи о двух племенах башкир [299, р. 221].

Одним из крупнейших арабских историков и географов был Абу-л-Хасан Али ибн ал-Хусайн ал-Масуди. Он родился около 896 г. в Багдаде, умер в 956 г. Основным источником его знаний явились путешествия, охватившие все страны от Индии до Атлантического океана, от Красного моря до Каспийского, и живое общение с представителями самых разнообразных национальностей и социальных слоев. Ал-Масуди известен как автор исторического сочинения «Мурудж аз-захаб ва маадин ал-джавахир» («Промывальни золота и рудники самоцветов»), которое было написано в 947 г. и обработано в 956 г. (сохранилось в сокращенном виде), и географического сочинения «Китаб ат-танбих ва-л-ишраф» («Книга наставления и пересмотра»), законченного в год смерти автора (сохранилось полностью). В первом из этих сочинений ал-Масуди помещает башкир на Черном море [57, с. 127], а во втором — указывает на причину их переселения с востока, из района Аральского моря [175, с. 58].

Абу-л-Касим ибн Хаукал (годы жизни неизвестны) много путешествовал по свету начиная с 943 г. Толчком к написанию «Книги путей и государств» («Китаб ал-масалик ва-мамалик») послужила встреча Ибн Хаукала с ал-Истахри около 951–952 гг. и просьба последнего исправить его труд, поскольку, как оказалось при рассмотрении его сочинения Ибн Хаукалом, многое видевшим воочию, в труде ал-Истахри оказались ошибки. Первая редакция «Книги путей и государств» была посвящена хамданидскому эмиру Сайф ад-Даула (ум. в 967 г.), вторая возникла около 977 г. Большое количество сведений взято Ибн Хаукалом из труда ал-Истахри, но зачастую материалы сильно изменены на основе полученной новой информации; есть и совершенно оригинальные известия [91, с. 86 и сл.]. В труде Ибн Хаукала имеются сведения о местоположении башкир и их соседей [91, с. 87 и сл.; 143, с. 123 и сл.]. Башкиры также показаны на карте мира из его работы [91, с. 91].

Выдающийся арабский ученый Абу-р-Райхан Мухаммад ибн Ахмад ал-Бируни родился в 973 г. в Кяте, пригороде столицы Хорезма, называемой часто просто Хорезмом, умер в 1048 г. в Газне. О башкирах он сообщает в своем сочинении «Китаб ат-тафхим ли авайли

синаат ат-танджим» («Книга вразумления начаткам науки о звездах» или «Обучение началам искусства астрологии») [91, с. 122].

Махмуд ал-Кашгари упоминает башкир в своем сочинении «Диван лугат ат-турк» («Свод тюркской лексики»), составленном в 1072–1074 гг. [224, с. 83].

Из всех арабских географов наибольший интерес для нас представляет Абу Абдаллах Мухаммад ал-Идриси (1100–1165), который получил образование в Кордове — крупном культурном центре мусульманской Испании. По обычаям своего времени он много путешествовал. Около 1138 г. ал-Идриси обосновался в Палермо, при дворе норманнского короля Сицилии Рожера II (1130–1154), где и создал свой основной труд — географический трактат «Нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак» («Отрада страстно желающего пересечь мир»), который также известен под названием «Китаб Руджжар» или «ал-Китаб ар-Руджжари» («Книга Рожера»), по имени короля-мецената. Инициатива создания этого труда принадлежала Рожеру II, а главным исполнителем стал ал-Идриси с большим числом помощников. Работа над книгой продолжалась в течение пятнадцати лет и была закончена в 1154 г. В своем энциклопедическом произведении ал-Идриси попытался свести воедино все географические знания, накопленные к середине XII в. Б. Е. Кумекоев отмечает, что «приводимые им сведения относятся главным образом к IX–X вв.» [175, с. 21].

Сам Идриси среди башкир никогда не был, поэтому все его сведения о них являются компиляцией различных известных ему источников, в том числе и не дошедших до нас. Определенную трудность создает и то обстоятельство, что сведения Идриси о башкирах не собраны воедино, а разбросаны по разным местам его сочинения. О башкирах он пишет в седьмой секции пятого климата, шестой и седьмой секциях шестого климата и в седьмой секции седьмого климата. Во введении к седьмой секции шестого климата, где речь идет о странах внутренних и внешних басджиртов (башкир), ал-Идриси сообщает: «С помощью Аллаха мы изучили то, что говорилось о [простых] жителях и знатных лицах этих стран в книгах, написанных до нас». Но он не называет эти книги и их авторов [153, с. 122]. Сочинение ал-Идриси включает в себя не только текстовую часть, но и подробнейшую карту мира, в том числе Восточной Европы.

Анализ сведений ал-Идриси о башкирах долгое время сдерживался отсутствием перевода соответствующих частей его сочинения на русский язык. История введения этих сведений в научный оборот вкратце такова. В 1909 г. Н. Н. Пантусов опубликовал включенный

в состав сочинения ал-Идриси доклад арабского путешественника середины IX в. Саллама ат-Тарджумана, который посетил страну башкир [214, с. 96]. В 1952 г. Б. А. Рыбаков опубликовал фрагмент карты ал-Идриси с изображением Восточной Европы и дал его исчерпывающий анализ [234]. В 1984 г. В. М. Бейлис опубликовал перевод описания юго-восточных земель Руси и южной части Восточной Европы в шестой секции шестого климата [38, с. 216–218]. Отрывок из сочинения ал-Идриси, посвященный описанию Каспийского моря и реки Итил, в 1988 г. опубликовали З. М. Бунятов и Н. М. Велиханова [144, с. 85 и сл.]. В 1999 г. вышла в свет монография И. Г. Коноваловой, посвященная анализу сведений ал-Идриси о Восточной Европе, в которой были опубликованы интересующие нас отрывки из седьмой секции пятого климата и седьмой секции седьмого климата [154, с. 83 и сл., 192]. Наконец, в 2006 г. И. Г. Коновалова опубликовала полный свод сведений ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы [153]. Однако за пределами данного издания остался доклад Саллама ат-Тарджумана и другие сведения, отражающие среднеазиатский период истории башкир [173, с. 135].

Проанализировать сведения Идриси о башкирах мы попытались в отдельной статье [7, с. 272–282]. Эти сведения противоречивы, и согласовать их друг с другом весьма непросто. Конечно, труд Идриси при всех его достоинствах — это компиляция, различные части которой могли быть написаны разными авторами. Для нас наибольший интерес представляют данные, содержащиеся в седьмой секции пятого климата, шестой секции шестого климата в той части, где речь идет о расположении внутренних башкир, и седьмой секции шестого климата. Наименьший интерес представляют данные, содержащиеся в седьмой секции седьмого климата и на карте, где расположение башкир — на Каме — указано заведомо неверно.

Вместе с тем анализ этих данных позволил ответить на вопрос: что же реально известно из сочинения Идриси о башкирах и Башкирии?

Во-первых, Идриси знает башкир как народ, который он наряду с печенегами и булгарами относит к тюркам.

Во-вторых, Идриси знает Башкирию как страну, которая сама состоит из двух стран: Внутренней и Внешней Башкирии. Их можно локализовать соответственно в Южном Приуралье и Южном Зауралье. Внутренние башкиры, которые часто заменяются общим понятием «башкиры», живут на р. Белой, между гузами, булгарами и Уральскими горами. Они зависимы от болгар.

В-третьих, Идриси указывает на воинственный образ жизни башкир, которые постоянно ведут внутренние и внешние войны. Башкиры — смелый и предприимчивый, то есть пассионарный, народ. Башкирия — обширная, хотя и редконаселенная страна. Таким образом, башкиры и Башкирия в сочинении ал-Идриси предстают как внушительная сила в средневековой истории Евразии.

Абу-Абдаллах Якут ал-Хамави ар-Руми (то есть «византиец») родился около 1179 г. в пределах Византии. Он посетил многие города и страны. Умер в 1229 г. Башкир Якут упоминает в своем «Географическом словаре», над которым он работал с 1215 г. до смерти [226, с. 9 и сл.].

Таким образом, наибольшую ценность для нас представляет сочинение Ахмеда ибн Фадлана, который сам посетил страну башкир и описал их по своим личным впечатлениям. **Сведения о башкирах всех остальных авторов являются воспроизведением различных первоисточников, в большинстве случаев не дошедших до нас.**

Ибн Фадлан впервые определяет башкир как народ [150, с. 130]. Ал-Балхи пишет о двух племенах башджардов [278, с. 710]. Ал-Масуди определяет башкир в одном случае как племя (башджард) [175, с. 58], а в другом — как род (башджурд) [57, с. 127]. Махмуд Кашгарский знает племя башгырт [156, с. 13]. Ал-Идриси вслед за ал-Истахри сообщает о двух племенах у басджиртов. В то же время внутренние и внешние басджирты фигурируют у ал-Идриси в качестве двух самостоятельных народов, не совпадающих с двумя племенами. Однако вместе они составляют единый «народ басджиртов» [153, с. 122].

Ибн Фадлан называет башкир народом «из [числа] тюрок» [150, с. 130]. О языке башкир Ибн Фадлан ничего не сообщает. Он общался с ними с помощью переводчика [150, с. 131]. Тюрками называет башкир и ал-Балхи [278, с. 710]. Ал-Масуди во всех случаях относит башкир к тюркам [57, с. 127; 143, с. 115; 175, с. 58]. Махмуд ал-Кашгари отмечает, что язык башгыртов близок к тюркским наречиям, но не называет его тюркским [156, с. 13 и сл.]. Ал-Идриси землю башкир вслед за ал-Масуди называет землей тюрок [144, с. 85; 154, с. 83 и сл.]. Басджиртов, как и баджнаков (печенегов), ал-Идриси относит к тюркам [153, с. 122]. Вместе с тем он сообщает, что язык баджнаков «отличается от языка русов и от языка басджиртов» [там же]. Русов он также считает одним из племен тюрок [там же, с. 233].

Таким образом, отнесение башкир к тюркам для арабских авторов было традицией. Но они не расшифровывают содержание этого поня-

тия. О языке башкир, кроме туманного указания ал-Кашгари, в письменных источниках никаких данных нет. Значит, башкиры считались тюрками на основании каких-то других признаков.

Арабские средневековые авторы не могли использовать термин «тюрк» в его современном, то есть лингвистическом, значении [79, с. 24]. Для них «тюрки» — понятие скорее географическое или этнокультурное. Так обозначались практически все народы Северной Евразии, и нахождение в их числе башкир вполне закономерно. Однако это обстоятельство не означает отрицания тюркоязычности башкир. Представление о том, что древние башкиры говорили на одном из тюркских языков, по нашему мнению, наиболее вероятно, **но недоказуемо на материале письменных источников.**

Источники не дают однозначного представления об оседлом или кочевом образе жизни башкир. Ал-Идриси о башкирах пишет: «Их поселения малочисленны, удалены друг от друга [на большие расстояния], бедны, а [соединяющие их] пути опасны из-за вражды местных народов и плохого состояния дорог» [153, с. 122]. Его сведения о поселениях у башкир противоречат традиционному представлению об их кочевом образе жизни, однако поселениями башкир могли быть их сезонные стойбища. К стране внешних башкир ал-Идриси относит города Карукийя, Намджан и Гурхан. «Это населенные города, жители которых живут своим трудом, занимаясь торговлей и ремеслами лишь с тем, чтобы обеспечить себя» [там же]. Однако из дальнейшего изложения следует, что эти города находились далеко за пределами территории башкир и, таким образом, не являлись их городами, но были тесно с ними связаны [там же, с. 250 и сл.]. Интересно, что о самих башкирах ал-Идриси пишет: «Эти люди постоянно нападают друг на друга и совершают набеги на окрестные страны для вещей, необходимых для них» [299, р. 222]. Налицо два разных уклада: с одной стороны, жители городов, которые сами обеспечивают себя, занимаясь торговлей и ремеслами, с другой — кочевники, которые вынуждены совершать набеги на окрестные страны (может быть, на эти самые города), так как не имеют необходимых вещей. Ясно, что второй из этих укладов характеризует башкир, а первый — их оседлых соседей. Из городов внутренних башкир ал-Идриси называет Мастр и Кастр. «Оба города невелики, и купцы редко посещают их. И никто в них не бывал, так как [туземцы] убивают всех чужестранцев, которые хотят проехать через их страну». По мнению И. Г. Коноваловой, эти данные отражают «сведения о башкирских родоплеменных названиях — кесе и мишар» [153, с. 192 и сл.]. Это

мнение интересно, но бездоказательно. Почему из огромного списка башкирской родоплеменной номенклатуры были выбраны именно эти два далеко не самые представительные названия? И были ли они у башкир уже в то время? Очевидно, информацию ал-Идриси о башкирских городах нельзя считать полностью вымышленной. Однако определить точное местоположение этих городов, а тем более связать их с какими-либо конкретными археологическими объектами не представляется возможным.

Сведений об обычаях башкир в источниках очень немного. Ибн Фадлан о башкирах пишет: «Они бреют свои бороды и едят вшей» [150, с. 130]. Ал-Идриси отмечает: «Обычаи башкир такие же, как тюркских булгар, и подобно им они носят длинные кафтаны» [299, р. 223].

О воинственном образе жизни башкир свидетельствует Ибн Фадлан. О переправах через реки он пишет: «Необходимо, прежде чем переправится какая-либо часть каравана, переправить отряд бойцов, имеющих оружие, чтобы они служили авангардом для людей. [Это] из боязни башкир, что они нападут врасплох на людей, когда они будут переправляться» [150, с. 130]. О самих башкирах Ибн Фадлан пишет: «Мы остерегались их с величайшей осторожностью, потому что это худшие из тюрков, самые грязные из них и более других посягающие на убийство. Встречает человек человека, отделяет его голову, берет ее [с собой], а его [самого] оставляет» [там же]. Разумеется, это всего лишь пересказ слухов. Однако основания для опасений у членов посольства действительно были. По поводу уничижительного описания башкир, которые в представлении Ибн Фадлана были малокультурными и необразованными, Р. Г. Кузеев заметил: «Просто башкиры были очень опасными соседями, на Ибн Фадлана они произвели гнетущее впечатление, его караван очень боялся башкир, и он пишет, что они двигались очень осторожно в Волжскую Булгарию, опасаясь нападения и грабежа от башкирских кочевников» [174, с. 3].

Ал-Балхи об одном из племен башкир пишет: «Говорят, что оно состоит из 2000 человек, которые так хорошо защищены своими лесами, что никто не может покорить их» [278, с. 710]. Ал-Идриси вслед за ал-Истахри уточняет ал-Балхи в том, что в войске башкир «около двух тысяч воинов» [153, с. 122]. Абу-р-Райхан ал-Бируни отмечает, что в восточной части седьмого климата «находятся только лесные чащи и горы башкир, область печенегов» [91, с. 122]. Обратим внимание на разночтения в переводах ал-Идриси: по одним данным, башкиры имеют убежище в неприступных горах [299, р. 222], а по другим —

в лесах [153, с. 122]. Очевидно, имеется в виду горно-лесная зона Южного Урала, где башкиры действительно могли найти надежное укрытие от врагов. Седьмая секция седьмого климата сочинения ал-Идриси содержит описание стран Басджирт и Баджнак. О жителях страны Баджнак, т. е. о печенегах, ал-Идриси пишет: «Они укрываются в горах и в лесах, чтобы там на них не могли напасть» [там же, с. 128]. К. А. Макартни видит в этом предложении повтор аналогичного сообщения о башкирах и отмечает, что сравнение с ал-Истахри показывает, что это сообщение находится в своем надлежащем месте именно в рассказе о башкирах [299, р. 222, note 3]. Действительно, предположить такое о печенегах попросту невозможно. В предании «Мурзагул» при описании войны между башкирами и русскими заводчиками в 1707–1712 гг. сказано: «Башкиры прятались в лесах и горных местах» [36, с. 217].

Ранние арабские авторы не отождествляли башкир с венграми. Сведения авторов IX–X вв. — Джейхани, Ибн Фадлана, ал-Балхи, ал-Истахри, ал-Масуди, Ибн Хаукала — о башкирах невозможно отнести к венграм. В то же время такие арабские и персидские географы, как Ибн Русте (незадолго до 903 г.), ал-Бекри (1068 г.), ал-Марвази (около 1120 г.), автор «Худуд ал-алам» (982 г.), ал-Гардизи (между 1048 и 1052 гг.), знали мадьяр, которых они не путали с башкирами [178, с. 56–58]. Вместе с тем уже в X в. в арабской географической литературе сложилось представление о существовании двух групп башкир. Наиболее показательна в этом отношении цитата из ал-Балхи (первая половина X в.): «Башджарды разделяются на два племени; одно племя живет на самой границе Гуззия — то есть Гузов = Куман — Болгар». И далее: «Другие Башджарды соседят с Печенегами. Они и Печенеги — Тюрки — близкие соседи Румийцев» [278, с. 710]. Эта цитата верно отражает историческую действительность: одна часть башкир, оторвавшись от печенегов, осталась в Заволжье, а другая вместе с печенегами двинулась на запад и через степи Северного Причерноморья дошла до границ Рума, т. е. Византии. Эту же информацию повторяет современник ал-Балхи ал-Истахри, который о башкирах пишет: «Их два вида. Один из них обитает на окраине Гуззии за Булгаром». Далее следует дополнение: «А Басджирт — край, примыкающий к баджнакам, они и баджнаки — тюрки, они соседят с ар-Румом» [130, с. 751]. Таким образом, есть еще и другой край, заселенный башкирами. В переводе К. А. Макартни речь идет о двух племенах: первое живет рядом с гузами, а второе — с печенегами [299, р. 221]. Гузы, согласно Истахри, живут севернее и западнее Хорезма [Там же. С. 222].

Ал-Масуди (середина X в.) не делит башкир на две группы. У него речь идет об одних и тех же башкирах, в разное время обитавших в разных местах. В «Промывальнях золота и рудниках самоцветов» он пишет: «Должно быть, по мнению тех астрономов, которые составили астрономические таблицы, и других древних (мудрецов), что море Бургара (Булгара. — *Авт.*), Руса, Баджны, Баджнака (Печенега. — *Авт.*) и Баджгурда (Башкира. — *Авт.*) — они же суть три рода из Турка, — есть тоже что море Нейтас (Черное море. — *Авт.*)» [57, с. 127]. По словам А. Я. Гаркави, Масуди «рассказывает, что подле Хазар и Аллан на запад живут четыре племени Турка: Баджна, Баджгурд, Баджнак и Наукарда, и что в 320 (932–3) году они воевали с Византией за обладание городом Валандаром (Адрианополь? — *И. А.*), а по овладении им и по нанесении ими поражения Грекам, эти племена пошли на Константинополь и осаждали его» [там же, с. 159]. Кроме того, ал-Масуди приводит рассказ о том, что «четыре родственных между собой племени тюрок — баджна, баджанак, баджгурд и нукарда — совершают набеги на землю славян и Рима (Румийа) и „распространились их набеги в это время (т. е. в 332/945 году, на который ссылается ал-Масуди как на дату написания книги) в направлении границ ал-Андалус (Испании. — *Авт.*), ал-Ифранджа (Франции) и ал-Джалалика“». По мнению В. М. Бейлиса, в баджна и баджанак можно видеть обозначение печенегов, действовавших порой в союзе с венграми, а в баджгурд и нукарда (ункарда) — венгров [39, с. 307]. А в «Книге наставления и пересмотра» ал-Масуди объясняет: «Причина переселения этих четырех тюркских племен (баджнак, баджна, баджгард и нукарда) с востока и то, что было между ними, огузами, карлуками и кимаками из войн и набегов на Джурджанийское озеро (Аральское море)» [175, с. 58].

Ал-Идриси (XII в.) пишет: «Басджирты делятся на два племени, которые обитают близ страны гузов за булгарами». Далее он сообщает: «Народ басджиртов граничит с баджнаками (печенегами. — *Авт.*). Басджирты и баджнаки — тюрки, граничащие с Румом» [153, с. 122]. Ал-Идриси, таким образом, воспринял у своих предшественников информацию о двух племенах у башкир, но не соотнес их с различными местами проживания. У него получается, что оба племени живут вместе — «близ страны гузов за булгарами», а в целом народ башкир граничит с печенегами. В переводе К. А. Макартни отмечается, что «их длинные границы соприкасаются со страной печенегов» [299, р. 222]. Таким образом, в представлении ал-Идриси два племени у башкир слились в один народ, длинные границы которого простира-

ются от гузов и булгар до печенегов. Это пример путаницы восточных и западных башкир, хотя, как ни странно, информация о тех и других взята не из разных, а из одних и тех же источников.

В то же время Идриси не путал башкир с венграми. Басджиртами он называл только башкир, а о венграх неизменно писал как о жителях страны Ункарийа [153, с. 240]. Однако его современник — арабский путешественник XII в. Абу Хамид ал-Гарнати, который «поехал к [народу] башкирд, обитающему в сорока днях пути выше страны славян» [225, с. 37], пишет: «И вот прибыл я в страну Ункурийа [Венгрия], а там народность, которую называют башкирд [венгры], она первая из тех, что вышли из страны тюрок и вступили в страну франков, и они [венгры] храбры, и нет им числа». В их стране «живут тысячи „магрибинцев“, нет им числа». Они «служат христианам только во время войн и открыто исповедуют ислам». Здесь имеются в виду печенеги, которые в середине XII в. играли огромную роль в жизни Венгрии, составляя значительную часть войска венгерских королей. Наименование их «магрибинцами» оказывается совершенно непонятным. Ал-Гарнати этих «магрибинцев» наставлял «кое в чем из науки», т. е. богословия [там же, с. 38]. Обучать их основам ислама пришлось три года, так как до этого они не знали даже пятничного моления и хутбы, которую теперь стали произносить в более чем 10 000 мест [там же, с. 39]. Возможно, ал-Гарнати не называет «магрибинцев» печенегами, потому что в их составе были не только печенеги, но и башкиры. Неудивительно, что название народа башкирд он распространяет на все население Венгрии, ведь именно мусульмане, судя по его рассказу, составляли главную ударную силу войска царя башкирд [там же, с. 40 и сл.].

Булгар и Башкирд ал-Гарнати называет северными странами. Он пишет о «земле булгар и башкирд», как будто земли этих народов находились рядом [там же, с. 42 и сл.]. Но при этом земля башкирд у него отождествляется со страной Башкирд, в которой он был, т. е. Венгрией. Возможно, ал-Гарнати и знал о существовании уральской Башкирии, но сам там не был.

В «Словаре стран» сирийского географа начала XIII в. Якута ал-Хамави имеется статья с названием «Башгирд» (автор приводит и другие варианты прочтения: «башджирд», «башкирд»). «Страна между Кустантинией и Булгаром», — так объясняет автор данное географическое название [130, с. 805]. Далее Якут цитирует рассказ Ибн Фадлана, отправленного послом «к царю (малик) ас-сакалиба», о том, что с ним случилось «в стране народа из тюрок, который на-

зывают ал-башгард» [там же, с. 805 и сл.]. Сведения Ибн Фадлана Якут пытается сопоставить со своими собственными наблюдениями:

«Это — то, что рассказывают о них. Что касается меня, я обнаружил в городе Халеб ¹ многочисленную общину, называемую ал-Башгардийа. [Они] совершенно светловолосые и светлолицые, они принимают фикх ² согласно мазхабу ³ Абу Ханифы ⁴, да будет доволен им Аллах. Я попросил человека из них дать разъяснение об их стране и их положении. Он ответил: „Что касается нашей страны, [она] по ту сторону Кустантинийи в царстве народов из ал-Ифрандж (франков) ⁵, которое называют ал-Хункар. Мы мусульмане. Подданные царя [ал-Хункар]. В направлении (тараф) его страны [расположены] около тридцати деревень, каждая почти городок (булайда) [размером]. Однако царь ал-Хунгар не позволяет нам что-либо делать с [деревнями], [загородившись] стеной (суран) из-за страха, что мы взбунтуемся против него. Мы в середине страны христиан. К северу от нас страна ас-Сакалиба, к югу от нас — страна Папы (ал-Папа), то есть Румийа ⁶. Папа — глава ал-Ифрандж (франков), а он у них наместник Христа (ал-Масих). Он подобен эмиру верующих у мусульман. Его приказы исполняют во всем, что связано с религией их всех“.

Он сказал: „К западу от нас — ал-Андалус, а к востоку от нас — страна ар-Рум: Кустантинийа и его область“. Он сказал: „Наш язык — язык (франков). Наша одежда [как] их одежда. Мы служим вместе с ними в войске (ал-джундийа) и совершаем набеги с ними на любую общину, если только они сражаются с противниками ислама“.

Я спросил его, почему они приняли ислам, несмотря на то, что они [находятся] в середине страны безбожия. Он сказал, я слышал от нескольких (джамаа) наших предков (старейшин), которые рассказывали, что много времени тому назад в их страну прибыли семь человек мусульман из страны Булгар и поселились среди нас. Они были добры ознакомить нас [с исламом] и [объяснить нам] то, в чем мы

¹ Халеб (Алеппо) — город на северо-востоке Сирии.

² Фикх — мусульманское право.

³ Мазхаб — школа в мусульманском праве.

⁴ Абу Ханифа, ан-Нуман ибн Сабит (699–767) — богослов, факих, мухаддис, основатель и эпоним ханафитского мазхаба мусульманского права, последователями которого была и остается преобладающая часть мусульман Центральной Азии и Поволжья.

⁵ Или ал-Афрандж. Здесь собирательное наименование христианских народов Европы.

⁶ Румийа — Рим, Италия.

заблуждались, они указали нам путь к благодати в вере ислама. И Аллах наградил нас. Слава Аллаху! И мы все приняли ислам, и „Аллах рассек наши сердца для веры“¹. Мы прибываем в эту страну и изучаем мусульманское право» [130, с. 806].

Таким образом, Якут имел два географических ориентира для локализации страны башкир: Ибн Фадлан встретил их на пути к булгарам, а башкир из Халеба сказал, что их страна находится «по ту сторону Кустантинийи». Имеется в виду Венгрия, но венгры не помещались «между Кустантинийей и Булгаром», так как дунайские болгары к Константинополю были ближе. Из двух стран получилась одна страна, которая формально соответствовала указанным координатам. Путаница усугубилась тем обстоятельством, что халебский башкир говорил о стране ас-Сакалиба, находящейся к северу от Венгрии, а Ибн Фадлан так называет страну булгар [150, с. 21]. Поэтому Якут решил, что есть только одна страна башкир. Но башкир, живших в Венгрии, Якут не путает с венграми. Несмотря на то, что они перешли на язык и культуру венгров и приняли подданство венгерского короля, их отличало мусульманское вероисповедание.

2.2. Этническая карта Южного Урала конца IX — начала XIII вв. по данным археологии

При недостатке сведений письменных источников именно археологии традиционно отводится решающая роль в изучении этнических процессов на Южном Урале эпохи Средневековья. К настоящему времени археологами открыто и исследовано огромное количество памятников как в степной, так и в лесостепной полосе Волго-Уральского региона, однако проблема их этнической принадлежности до сих пор остается предметом дискуссий среди исследователей. Хотя, если называть вещи своими именами, зачастую эти дискуссии, относительно, например, этнического состава кочевников степей Южного Приуралья в указанное время, представляются надуманными и искус-

¹ Перефраз Корана.

ственными. Накопленный археологический материал в корреляции с данными средневековых письменных источников (пусть и немногочисленных) определенно указывает на то, что в течение трех веков, предшествующих монгольскому нашествию, степи Урало-Поволжья являлись частью ойкумены тюркоязычных кочевников (печенегов, огузов, кипчаков-половцев, башкир), оставивших заметный след в истории евразийских степей.

Этническая и этнополитическая история печенегов и гузов (огузов) началась далеко на востоке Великого пояса Евразийских степей. В «Исторических записках (Шы-Цзи)» китайского историка Сыма Цяня, написанных в 99 г. до н. э., упоминается кочевое владение Кангюй, расположенное между Ферганой и Северным (Каспийским) морем. Современные исследователи «владение Кангюй» традиционно связывают с племенами «кангаров-кенгересов», которые в сочинениях средневековых арабо-персидских авторов выступают как «баджинаки», а в русских летописях — как «печенеги». В более поздней «Истории Северных Дворов» (автор Ли Янь-шеу), охватывающей период с 386 по 681 гг., говорится о том, что какое-то время Кангюй находился под властью гунно-эфталитов, а в 641 г. был завоеван войсками Дуло-хана, правителя Западнотюркского каганата.

Следующую группу сведений о гузах и печенегах содержат древнетюркские рунические памятники первой половины VIII в.: надписи в честь Кюль-Тегина, Могиляна, Тоньюкука. В этих текстах огузы и печенеги (кенгересы) представлены как два отдельных народа — ближайшие соседи и политические противники «голубых тюрков», с которыми тюркские каганы воевали в течение ряда лет. Из географических реалий, содержащихся в описаниях тюркских походов против гузов, следует, что в рассматриваемое время гузы кочевали на севере современной Монголии, по Орхону и Селенге. Западнее тюрков, на территории Средней Азии, в это же время кочевали кенгересы-печенеги.

Однако уже в начале IX в., как об этом пишут арабские авторы — Ибн-Хордадбех, Аль-Балазури, Ат-Табари, гузы совершают набеги на Усрушану (район Ташкента, Ферганы и Самарканда) и соседствуют с печенегами в верховьях Сырдарьи [62, с. 9–11]. Соседство это в итоге вылилось в серию войн между гузами и печенегами, а также карлуками и кимаками за земли «вокруг моря Джурджан» (Аральского), о которых мы узнаем из уже упоминавшегося выше сочинения Аль-Масуди (середина X в.).

Поскольку ни один из известных средневековых письменных источников не раскрывает ни причин, ни хода гузо-печенежских войн,

наиболее вероятной представляется гипотеза американского историка П. Б. Голдена, поддержанная венгерским исследователем А. Палоци-Хорватом. По этой гипотезе миграция гузов и печенегов на запад была вызвана продолжительными войнами карлуков и их союзников гузов с уйгурами и кыргызами в 820–840 гг. В результате этих войн карлуки и гузы, вытесненные из Монголии, в свою очередь, изгнали печенегов из Восточного Туркестана в Приаралье. Там печенеги (баджинаки) соединились с кангарами, занявшими ведущее место в конфедерации печенежских орд [298, р. 59–60; 300, р.13].

Однако едва ли сухие Приаральские полупустыни, отрезанные песками от границ богатых азиатских государств, представлялись печенегам и гузам «обетованной землей», за которую следовало бы бороться до последней капли крови. Скорее всего, печенеги так и продолжали свое движение на запад, пока не уперлись в Волгу — восточную границу Хазарского каганата, куда вслед за ними вскоре прорываются и гузы¹.

Далее в отечественной историографии традиционно рисуется следующая картина: «каган заключил союз с гузами, надеясь с их помощью справиться с печенегами, но результат этого союза был прямо противоположен. Гузы, начав войну, отобрали у печенегов их лучшие пастбища, и тогда печенеги в поисках новых земель вынуждены были форсировать Волгу и вторгнуться на основные территории Хазарского каганата. Путь печенегов по захватываемым землям был отмечен пожарищами и гибелью большинства степных и лесостепных поселений и крепостей» [217, с. 116].

Думается, что реальная ситуация развивалась не столь эпически. Более вероятным представляется, что инициаторами хазаро-гузского союза выступали все-таки гузы (обратную инициативу представить трудно, поскольку для хазар не было принципиальной разницы, кто будет тревожить их восточные рубежи — печенеги или гузы, а для

¹ Напомним читателю, что именно в это время, во второй половине — конце IX вв., по данным почвоведов, климатическая и ландшафтная ситуация в Северном Прикаспии, степях Южного Приуралья, Зауралья и Северного Казахстана была максимально приближенной к современной — эти территории находились на заключительной стадии очередного периода аридизации. И если куда и стоило пробиваться — так это в Южное Приаралье (сухую степь), но пути туда были отрезаны огузами. На западе, в Волго-Донском междуречье и Северном Причерноморье, ситуация была не лучше, а даже хуже (там в это время был пик аридизации), но печенеги-то этого не знали.

гузов было очень важно, будут ли они одни владеть Заволжьем или на пару с печенегами), поставив, таким образом, печенегов «между молотом и наковальней». Для последних в этой ситуации оставался единственный выход — идти далее на запад в поисках более спокойных мест. И, скорее всего, не через территорию враждебной Хазарии, а в обход её северных границ. В противном случае представляется маловероятным, чтобы печенеги, пусть даже и находящиеся на первой (таборной) стадии кочевания, пройдя с боями через всю Хазарию, не похоронили на пути своего следования ни одного убитого. А получается именно так, поскольку на территории Хазарии до сих пор не известно не только что печенежских могильников, но и ни одного погребения [62, рис. 1; 216, с. 25].

Переселение печенегов из-за Волги произошло незадолго до 895 г. — года нападения печенегов на древнемадьярскую область Лебедию (Лебедию), располагавшуюся в междуречье Днепра и Северского Донца [62, с. 109]. Именно вторая река, на берегах которой возвышались стены и башни хазарских крепостей — Верхнее Салтово, Мохнач, Сухая Гомольша, Маяки и др., в начале X в. стала восточным рубежом Европейской Печенегии. Северная граница этой области, обозначенная находками соответствующих захоронений, проходила по рр. Орель и Ворскла, севернее которых, по р. Суле, шла первая оборонительная линия Киевской Руси. На западе печенежские кочевья доходили до низовьев Буга, Днестра и Когильника, в верховьях которых также стояли древнерусские городища-крепости.

В X в. европейские печенеги представляли собой мощную военно-политическую силу, активно влиявшую на ход тогдашней балканосредиземноморской политики [142, с. 23 и сл.; 240, с. 159]. Причем силу, достаточно организованную. Подтверждение тому — наличие четко обозначенной территории обитания и внутренней родоплеменной, а по сути — уже административной структуры (отмеченное византийским императором Константином Багрянородным деление европейских печенегов на «восемь фем», или восемь племен, с конкретными территориями кочевания [24]). Перечисленные признаки, характеризуют (по С. А. Плетневой) уже вторую стадию кочевания, которая вполне может рассматриваться как первый шаг на пути формирования у кочевников государственности.

В первые десятилетия своей восточноевропейской истории печенеги вместе с русскими дружинами князя Святослава активно нападали на северные, придунайские, области Византии и Болгарии, до 972 г. являясь устойчивым звеном в созданной Святославом ан-

тивизантийской коалиции [240, с. 159 и сл.]. Однако уже в начале 970-х гг. политическая конъюнктура в Европейской Печенегии складывается не в пользу русско-печенежского союза. Причин тому было несколько: во-первых, происки византийских эмиссаров, старательно создававших из печенегов противовес наступательной политике Святослава в Причерноморье; во-вторых, политика хазар, сталкивавших печенегов с гузами, выступавшими, как считают исследователи, союзниками Святослава в его хазарском походе 965 г. [13, с. 433 и сл.] и, наконец, усилившиеся распри между самими печенежскими ордами-«фемами». Действительно, в 968 г., когда Святослав вместе с западными печенегами «геройствовал» в Дунайской Болгарии, другая печенежская орда напала на Киев. А в 972 г., как известно, печенежский хан Куря подкараулил Святослава на Днепровских порогах и убил его.

В гораздо худшем положении оказались печенеги, оставшиеся в Заволжье и Приуралье по соседству, а возможно — и как автономная часть «государства огузских (гузских) ябгу» (по С. А. Толстову), — «Заволжская Печенегия» [108]. Оттеснив с помощью хазар печенегов на северную периферию Волго-Уральской степи, гузы получили в свое распоряжение территорию, если и не столь богатую своим природным потенциалом, то чрезвычайно удобную с точки зрения культурно-экономических контактов кочевого и оседлого миров.

Итак, «ал-баджанаки»-печенеги — один из названных выше тюркских кочевых народов, обитавших в степях Урало-Поволжья в начале X в. Первое достоверное упоминание о них применительно к территории Южного Приуралья принадлежит Ахмеду ибн Фадлану и датируется апрелем — маем 922 г. Именно в это время посольство багдадского халифа ал-Муктадира, избавившись наконец-то от назойливого «гостеприимства» огузов¹, двинулось дальше в сторону Волжской Булгарии и на берегу оз. Шалкар (Челкар) в нынешней Уральской области Казахстана наткнулось на кочевья печенегов.

Эти сведения Ибн Фадлана подкрепляются аналогичными сообщениями других средневековых авторов, современников нашего путешественника: византийского императора Константина Багрянородного и арабского писателя, историка и географа ал-Масуди. Они также успешно дополняются данными археологических исследований, в результате которых в северной части Волго-Уральских степей выявлены и изучены курганы, по всем своим признакам идентичные собственно печенежским курганам, в большом количестве известным в степях

¹ О них речь пойдет ниже.

Украины и Северного Причерноморья. Признаки эти — захоронения под небольшими земляными насыпями, в простых прямоугольных могилах, головой на запад или юго-запад, на дне могилы рядом с человеком (как правило — слева) уложены в анатомическом порядке череп и кости ног коня (шкура). Вместе с покойным в могилу укладывали его вещи: пояс, украшенный серебряными или бронзовыми накладками, лук и стрелы, иногда в изголовье ставили глиняный горшок с пищей.

В Волго-Уральском регионе границы распространения печенежских курганов включают в себя Волгоградскую, Саратовскую, Уральскую, Оренбургскую и Самарскую области. Северные границы печенежских кочевий в Заволжье и Приуралье (эту территорию мы условно называем «Заволжской Печенегией») совпадали с южной кромкой лесостепной ландшафтной зоны, а западная доходила до Самарской Луки (не случайно на средневековых географических картах Жигули называются «Печенежскими горами»).

Кочуя по северной периферии Урало-Волжской степи, заволжские печенеги, по сути, были лишены возможности контролировать основные торговые магистрали Урало-Каспийского степного коридора и не могли напрямую контактировать с городскими центрами Средней Азии (дорога туда вела через огузские кочевья) и Северного Кавказа (там на пути была Хазария). Поэтому, по сравнению с теми же самыми огузами, в глазах современников и очевидцев они выглядели бедняками. «Они бедны в противоположность гузсам», — писал о печенегах, встреченных им на берегу оз. Шалкар, Ибн Фадлан. В известной степени ему вторит Константин Багрянородный, отмечая в своей книге, что печенеги Приднепровья именуются «кангар» — «храбрейшие, благороднейшие», тогда как заволжские печенеги никак не именуются, зато носят укороченные кафтаны, показывая этим, «что они отрезаны от своих сородичей и соплеменников» [24, с. 16].

Эти сведения иллюстрируются и археологическим материалом: курганы «Заволжской Печенегии» дают нам весьма скромные наборы вещей, состоящие главным образом из удил, стремян, железных ножей и наконечников стрел [62, с. 86–94]. Обусловлено это было, как уже сказано выше, тем, что путь в хазаро-хорезмийскую торговлю заволжским печенегам был закрыт, а их ближайший северный сосед — Волжская Бугария, потенциальный партнёр по товарообмену и покровитель в политических делах ¹, — в это время активно развивала

¹ Как это позже произошло между Киевской Русью и гузо-печенегами (торками, или Черными Клобуками).

свои отношения с племенами лесного Прикамья [40, с. 43]. Впрочем, не исключено, что какие-то группы печенегов искали и находили себе прибежище у волжских булгар. Свидетельством этого может служить лепная плоскодонная посуда, встречающаяся на поселениях южных районов Волжской Булгарии ¹, которую исследователи типологически сопоставляют с посудой памятников кочевнической группы салтовомаяцкой культуры, оставленных различными племенами, так или иначе связанными с хазарами, — булгарами, печенегами и гузами [280, с. 216 и сл.].

Вторым (а по своей военно-политической роли, безусловно, первым) тюркоязычным народом в степях Урало-Поволжья были огузы (гузы, узы). Зафиксированный в письменных источниках факт их пребывания в регионе иллюстрируется также достаточно многочисленными и выразительными археологическими памятниками — курганными захоронениями, обряд которых до деталей совпадает с обрядом погребения огуза, наблюдаемым и описанным Ибн Фадланом: «А если умрет человек из их числа, то для него выкопают большую яму в виде дома, возьмут его, наденут на него его куртку, его пояс, его лук... и положат в его руку деревянный кубок с набизом, оставят перед ним деревянный сосуд с набизом, принесут все, что он имеет, и положат с ним в этом доме. Потом посадят его в нем, и дом над ним покроют настилом и сделают над ним нечто вроде купола из глины. Потом возьмут его лошадей и в зависимости от их численности убьют из них сто голов, или двести голов, или одну голову и съедят их мясо, кроме головы, ног, кожи и хвоста. И, право же, они растягивают все это на деревянных сооружениях и говорят: „Это его лошади, на которых он поедет в рай“».

В начале 80-х гг. прошлого столетия волгоградский археолог В. А. Кригер в степях Заволжья и Северного Прикаспия выделил серию кочевнических захоронений конца IX — начала XI вв., по своим признакам соответствующих описанию Ибн Фадлана [166]. Это небольшие земляные курганы 6–8 м в диаметре, каждый из которых содержит по одному захоронению. Захоронения совершались в простой прямоугольной или овальной яме глубиной примерно по грудь человеку среднего роста. Умершего укладывали на дно могилы в позе на спине с вытянутыми вдоль тела руками, головой на заход солнца. Вместе с умершим в могилу укладывали его вещи. С мужчиной — лук и стрелы, иногда саблю, обязательно нож и железное кресало.

¹ Т. н. II этнокультурная группа керамики.

Судя по находкам в погребениях, многие мужчины-огузы носили пояса, украшенные многочисленными серебряными или бронзовыми фигурными накладками (т. н. «наборные пояса»). У большинства средневековых народов Евразии, как кочевых, так и оседлых, наборный пояс являлся символом принадлежности к воинскому сословию, своеобразным знаком воинского отличия. Его позволяли носить только тем мужчинам, которые уже проявили себя в боях с врагами как храбрые и умелые воины, способные побеждать в схватке. Такой пояс нельзя было передавать по наследству, его можно было только заслужить. Поэтому после смерти воина его пояс надевали на него, чтобы «на том свете» он указывал на общественный статус и воинскую доблесть его владельца.

В погребениях огузских женщин археологи находят украшения — бронзовые подвески в виде стилизованных фигурок птиц, подвески-копоушки, браслеты и перстни. Подвески, найденные в огузских погребениях, являлись не только (а может быть, и не столько) украшениями, а выполняли роль амулетов-оберегов. Прежде всего это касается подвесок в виде птичьих фигур с распростертыми крыльями и привесками в виде птичьих яиц или гусиных лапок. Они украшены сложным растительным орнаментом, очевидно символизирующим единство природы и жизненную силу, которая с их помощью должна была передаваться женщине, носящей эти украшения. Дополнительные привески-яички или гусиные лапки при движении сталкивались между собой и издавали мелодичный звон, отпугивающий «нечистых духов». Аналогичным образом ажурные подвески в виде сдвоенных сильно стилизованных птичьих головок (настолько стилизованных, что иногда они напоминают не столько птиц, сколько змей), попарно нашитые на одежду на уровне груди, также выполняли магическую функцию защиты и охраны от внешнего воздействия женского тела.

Но особенно показательны в этом отношении бронзовые подвески-копоушки. Собственно говоря — предмет сугубо утилитарный, предназначенный для чистки ушной раковины, но его ручка-шиток, как правило, выполнялась в виде ажурного узора, изображающего древо жизни или магический цветок лотоса или лилии. То есть предмет, который не просто соприкасался с человеческой головой, но и как бы проникал внутрь нее, обязательно должен был обладать животворящей магической силой, которую ему придавал магический узор.

Довольно часто в женских захоронениях встречаются бронзовые или серебряные перстни с крупными полудрагоценными камнями —

агатом или лазуритом, браслеты и остатки кожаных сапог, мыски которых сплошь были обшиты фигурными бляшками-нашивками. Металлические украшения на одежде, перстни на пальцах, обувь, расшитая бляшками, — все это служило знаком высокого социального статуса их владельцев и одновременно являлось отличительной особенностью этнографической культуры огузских племен.

Могила перекрывали настилом из досок, на который укладывали шкуру взнузданного и оседланного коня. Огузская узда представляла собой ременное оголовье, сплошь покрытое фигурными бляшками, среди которых центральное место занимала крупная налобная бляха-«решма» листовидной формы. Лицевая поверхность таких блях покрывалась замысловатым узором, состоящим из растительных мотивов или перекрученных жгутов (т. н. «узлы бесконечности» — символы бессмертия). Иногда на решмах изображались человеческие лики. В богатых огузских погребениях встречается по несколько блях-решм, нашитых на нагрудный и подхвостный ремни.

Седла у огузов были деревянными, с высокой вертикальной передней и низкой наклонной задней луками. Высокую переднюю луку седла иногда обивали фигурными и круглыми бляшками.

Ареал гузских курганов степного Заволжья и Приуралья позволяет очертить границы Гузской степи («Дешт-и-Огуз») в X в.: на западе — это Волга, отделявшая «Дешт-и-Огуз» от Хазарии. Граница эта хотя и периодически нарушалась, но не более как зимними набегами гузов на приволжские хазарские поселения. Южная граница фактически совпадает с границами Прикаспийской низменности или Прикаспийских пустынь, которые, в силу своих природных условий, не могли обеспечить пропитанием крупные кочевые орды. На севере одним из районов огузских кочевий являлись бассейн р. Илек и Волжское девобережье на границе современных Волгоградской и Саратовской областей [62, с. 99]. С этой территории открывались прямые пути к основным городским центрам Восточной Европы и Средней Азии. Прежде всего, гузы получили возможность контроля над хазаро-хорезмийской торговлей, поскольку именно через их территорию проходил тот отрезок Великого шёлкового пути, по которому в 922 г. багдадское посольство (в его составе и находился Ахмед ибн Фадлан) прошло из Хорезма в Булгар. Кроме того, гузы, видимо, держали под своим контролем и плато Устюрт с его колодцами и караван-сараями. И хотя археологических памятников, которые можно было бы однозначно соотнести с гузами, на плато Устюрт пока не обнаружено, но на карте Каспийского моря, составленной в конце 970-х гг. Ибн Ха-

укалем, все его восточное побережье обозначено как «Пустыня гузов». Наконец, в середине X в. недалеко от северных границ «Дешт-и-Огуз» появляется крупный торгово-ремесленный центр волжских булгар — Муромский городок на Самарской Луке, географическое положение которого «обеспечило ему роль важного торгового, ремесленного и культурного центра» [196, с. 253]. Все эти обстоятельства способствовали обогащению не только гузской знати, но и массы рядовых кочевников-воинов. И не случайно вещевые комплексы гузских курганов Заволжья и Приуралья дают нам наборы, состоящие из разнообразных женских украшений — браслетов, перстней, высокохудожественных птицевидных подвесок и подвесок-копоушек, обувных бляшек-накладок, поясных и уздечных наборов.

Граница между огузскими и печенежскими кочевьями в Заволжье и Приуралье, конечно, была весьма условной, во-первых, в силу вероятной военно-политической зависимости вторых от первых, во-вторых, в силу общности хозяйственно-культурного типа и жизненного уклада. Пожалуй, более определенно можно говорить о границе между печенежскими кочевьями и территорией обитания древних башкир, встреченных багдадскими послами на реке Кюнджюле (Кундурче) на севере нынешней Самарской области.

Понятие «древнебашкирский этнос», под которым подразумевается многоплеменное образование под общим названием, «внутри которого шел процесс этнической интеграции в направлении тюркизации всего объединения и формирования некоторых этнических признаков, характерных для современной башкирской народности», впервые было введено Р. Г. Кузеевым — выдающимся этнологом и историком башкирского народа [173, с. 90]. Прошло немало лет, но археологическая культура древних башкир так и не имеет внятной характеристики в трудах исследователей региона. По-прежнему господствуют две диаметрально противоположных точки зрения: одни археологи связывают с древними башкирами все известные на Южном Урале средневековые памятники с различной культурно-типологической принадлежностью, а другие вообще считают преждевременной постановку вопроса о выделении древнебашкирской группы памятников. Показательна в этом отношении позиция Н. А. Мажитова и А. Н. Султановой. С одной стороны, они ставят в заслугу Р. Г. Кузееву «впервые высказанную им мысль о том, что с глубокой древности вплоть до недавнего прошлого существовал Арало-Уральский цикл кочевания», так как «вхождение Приаралья и Южного Урала в единую историко-хозяйственную область предопределяло развитие

этногенетических процессов в крае». Но с другой — упрекают его же в том, что «он считает башкирские племена очень поздним пришлым населением, оторвав, тем самым, процесс этногенеза народа от конкретной территории и всей предшествующей истории» [184, с. 164]. Эти два положения названных авторов явно противоречат друг другу. Поэтому мнение о том, что в теории Р. Г. Кузеева процесс этногенеза башкир оторван от всей предшествующей истории Южного Урала, заведомо необъективно. Нельзя не согласиться с Н. А. Мажитовым в том, что «башкиры являются одним из древнейших народов степной Евразии» [190, с. 176]. Следовательно, древнейшая история башкир протекала в степной полосе Евразии, а их переселение за пределы степной полосы было связано с какими-то природными и / или политическими катаклизмами.

В свое время Р. Г. Кузеев предположил, что группа юго-восточных башкир (племена усерген, тангаур, бурзян), имевшая общее название «башкорт», переселилась на территорию современной Башкирии «во второй половине IX или в самом начале X в.» [169, с. 235]. Башкиры на современном месте их проживания впервые зафиксированы Джейхани (900 г.) [8, с. 68]. Вполне возможно, что их переселение на территорию современной Башкирии не было единовременным актом. Оно могло произойти как до, так и после 889 г.: в первом случае башкиры, возможно, сами уступили территорию своих бывших кочевий огузам, осознавая бесперспективность борьбы с ними; во втором — башкиры, не желая подчиниться огузам, могли разделиться на две части, первая из которых оказалась в составе печенегов, ушедших на запад, а вторая отступила на север, отколовшись от печенегов, оставшихся за Волгой, и тем самым избежав разгрома, которому они подверглись в 913 г.

Единственным критерием для выделения археологических памятников древних башкир является их этническое (и, стало быть, этнокультурное) родство с печенегами, показанное и, как нам кажется, убедительно обоснованное Р. Г. Кузеевым [173, с. 136, 187]. Соответственно, исходя из данного положения, мы пока имеем единственную возможность хотя бы контурно обозначить археологическую культуру древних башкир путем выделения из общего массива печенежских погребений погребения, либо имеющие какие-то отклонения от «стандартного» обряда, либо находящиеся в непосредственной близости от локального массива печенежских курганов.

Если исходить из географии встреч Ахмеда ибн Фадлана с печенегами и башкирами, то это должны быть памятники, расположенные

или по периферии ареала распространения печенежских курганов Урало-Поволжья, или еще севернее. Таких памятников известно немного. Вдоль южной границы Волго-Уральской лесостепи — на территории Челябинской, Оренбургской и Самарской областей — сейчас исследованы 23 погребения огузо-печенежского времени (конец IX–XI вв.). Какое и какому из интересующих нас племен может принадлежать? Мы полагаем, что из этого списка сразу же можно исключить Увакское погребение на р. Илек, в котором была захоронена знатная огузская женщина¹. Вероятнее всего, к печенежским следует отнести все впускные погребения² — их 14, тем более что в одном из них (Алебастровая гора в среднем течении р. Урал) найдены удила без перегиба — этнографический признак печенежской культуры. В кургане № 3 могильника Тамар-Уткуль найден лепной плоскодонный горшок, украшенный защипами по венчику, — ближайшие ему аналогии известны в болгарской керамике т. н. «кочевнической группы» и в печенежских погребениях южнорусских степей.

Из остальных погребений, пожалуй, только Каменный Амбар-V на юге Челябинской области³ и Пчельник (курган 2) имеют некоторые отклонения от традиционного печенежского обряда: первое совершено под каменно-земляной насыпью, второе — под каменной выкладкой. И хотя подобные надмогильные сооружения встречаются в курганах X–XI вв. и к западу от Волги, но и там они очень редки.

Непонятно почему, с башкирами пытаются связать единственное средневековое погребение, исследованное в кургане 2 позднесарматского могильника Атпа II, расположенном на левом берегу р. Талдык, правого притока р. Иргиз. Погребение находилось под земляной насыпью, скелет взрослого человека лежал на спине, с вытянутыми вдоль тела руками, «головой» на северо-запад, череп отсутствовал. В могиле находились предметы вооружения — железные наконечники стрел и костяные срединные обкладки лука, детали поясного набора тюркского типа и украшения — серьга с привеской и перстень. Детали поясного набора по своим формам больше тяготеют к древнетюркским вещевым комплексам, а украшения — к салтовским (алано-болгарским). Поэтому «вероятность» принадлежности

¹ В обряде этого погребения сочетаются такие огузские признаки, как шкура коня на деревянном настиле над погребенной, птицевидная подвеска и украшение обуви нашивными бляшками [264].

² Впускные погребения характерны именно для печенегов [62].

³ Из находок — только бронзовая пуговица-бубенчик.

рассматриваемого погребения к древним башкирам [83, с. 162–165] ничуть не большая, чем принадлежность к любому другому из кочевавших в степях Урало-Поволжья в конце I тыс. н. э. этносов.

Авторы «Истории Западного Казахстана» с башкирами сопоставляют памятники т. н. «восточной группы печенегов»: «Вероятно, древнебашкирские племена, включенные в состав печенежского объединения, занимали восточную окраину территории расселения печенегов до середины IX в., по соседству с районами, контролируемые огузами. Использование союзников в качестве буфера в пограничной зоне весьма распространенное явление в практике кочевых народов. **Ядро же печенежской группировки, вероятно, локализовалось на правобережье Урала, в бассейне Большого и Малого Узеней, где ими оставлены яркие комплексы западной группы** (выделено нами. — *Авт.*)» [43, с. 105 и сл.].

Если, исходя из предлагаемой системы координат памятников огузо-печенежского периода ¹, границу между восточными (древнебашкирскими) и западными (печенежскими) курганами проводить по р. Урал, то в первую группу должны быть включены курганы Жолуткен, Жаман-Каргала, Песчаный карьер, Болгарка, Атва, Эмба, Уркач [43, с. 70, рис. 2]. Смотрим, чем они отличаются от «западных», печенежских. Захоронения совершались под небольшими земляными курганами (три погребения — Песчаный карьер, Жаман-Каргала I и Болгарка — впускные), в простых могильных ямах ². Шкура коня (череп и кости ног) рядом с человеком — одно погребение (Болгарка) ³, над человеком в засыпи могилы или на перекрытии — два погребения (Жаман-Каргала, курганы 3 и 25) ⁴. Ориентировка погребенных юго-западная или северо-западная, тогда как в остальных сравниваемых курганах преобладающая ориентировка западная ⁵. То есть отличий практически нет никаких.

¹ У А. А. Бисембаева — памятники первой хронологической группы [43, с. 73–106].

² Погребение Жаман-Каргала перекрыто деревом, у «общепризнанных» печенегов таких погребений три — Кара-Су, Увак и Александровка.

³ У остальных печенегов — II (Александровка, Буранный, Покровка-8, Покровский, Тамар-Уткуль, Челкар III, Яман, Волчанский, Джангала (Нов. Казанка), Кара-Оба, Кировский).

⁴ В остальных печенежских курганах — 8 (Бек-Бике, Илекшар I, Карасу I, Увак, Алебастровая гора, Кара-Оба, Сор-Айдин (Нов. Казанка), Красный Октябрь).

⁵ На запад ориентировано только погребение Песчаный карьер.

Что касается специфических (этнографических) элементов материальной культуры, то, в отличие от огузов, у заволжских печенегов таковые не выделяются¹, поэтому мы их здесь и не рассматриваем.

Севернее, в границах южноуральской лесостепи, на территории современных Башкортостана, Челябинской области и Пермского края, для X–XI вв. известны памятники (курганы) т. н. «мрясимовского типа», описанные выше (см. гл. I). Н. А. Мажитов и С. М. Васюткин курганы «мрясимовского типа» определенно относят к древнебашкирским, опуская при этом тот факт, что все морфологические признаки погребального обряда и материальной культуры настолько отличаются от степных кочевнических — огузских и печенежских, что объединять их в одно этнокультурное образование просто некорректно.

Итак, какие же из известных сейчас в регионе археологических памятников конца IX–XI вв. могли быть оставлены древними башкирами, вначале (по ал-Масуди) воевавшими вместе с печенегами против огузов в степях Приаралья, а позже встреченными Ахмедом ибн Фадланом на берегах р. Кондурчи? Следуя логике имеющегося археологического материала (именно его, а не логике умозрительных построений, преследующих цель непременно, всеми правдами и неправдами, как можно более удревить время прихода башкир на Южный Урал), мы должны признать, что это могут быть только курганы, рассыпанные среди массива (или находящиеся на его северной или восточной периферии)² курганов с печенежскими признаками обряда. Но тогда мы невольно приходим к выводу о том, что древние башкиры являлись одним из племен («фем» — как обозначал Константин Багрянородный племена Европейской Печенегии) Заволжской Печенегии. Согласно византийскому императору, европейские печенеги делились на восемь орд / «фем»: «...название первой фемы Иртим, второй — Цур, третьей — Ги́ла, четвертой — Кулпей, пятой — Харавои, шестой — Талмат, седьмой — Хопон, восьмой — Цопон». Из них фемы / орды Цур, Калпей (Кулпей), Талмат и Цопон кочевали к востоку от Днепра, а остальные — к западу [25, § 37]. Но археологически все эти «фемы» между собой никак не различаются,

¹ За исключением, может быть, удил без перегиба, найденных в трех из рассматриваемых погребений: Алебастровая гора, Джангала (Нов. Канзак) и Пчельник.

² Здесь стоит прислушаться к мнению А. А. Бисембаева.

что объясняется единством хозяйственно-культурного типа, материальной и духовной культуры европейских печенегов.

В этой связи возникает вполне закономерное предположение о том, что и древние башкиры («баджгурды», «башкорты») могли представлять одну из подобных «фем» в Заволжской Печенегии. И они также на современном уровне источниковой базы не могут быть выделены из общего массива археологических памятников заволжских печенегов. Тем более что, если сравнивать религиозные верования древних башкир, частично зафиксированные Ибн Фадланом — анимизм, культ неба (тенгрианство), тотемизм, с верованиями печенегов [64, с. 158–167], то разницы мы не найдем никакой.

Что же касается многочисленных, разнообразных, зачастую взаимоисключающих точек зрения, касающихся древнебашкирской принадлежности тех или иных археологических памятников конца I — рубежа II тыс. н. э. на Южном Урале, то здесь, очевидно, немалую роль сыграла высказанная в свое время Р. Г. Кузеевым мысль о том, что пришлые тюркоязычные кочевники VIII–X вв., безусловно, влились важным компонентом в состав башкир, однако считать их собственно башкирами в строгом значении этнонима невозможно, так как все или почти все отмеченные курганы¹ расположены в восточной и юго-восточной Башкирии, т. е. в стороне от основных центров формирования древнебашкирского этноса. Тогда как этот процесс, по мнению исследователя, протекал не в восточной Башкирии, а в западной ее части [173, с. 389 и сл.].

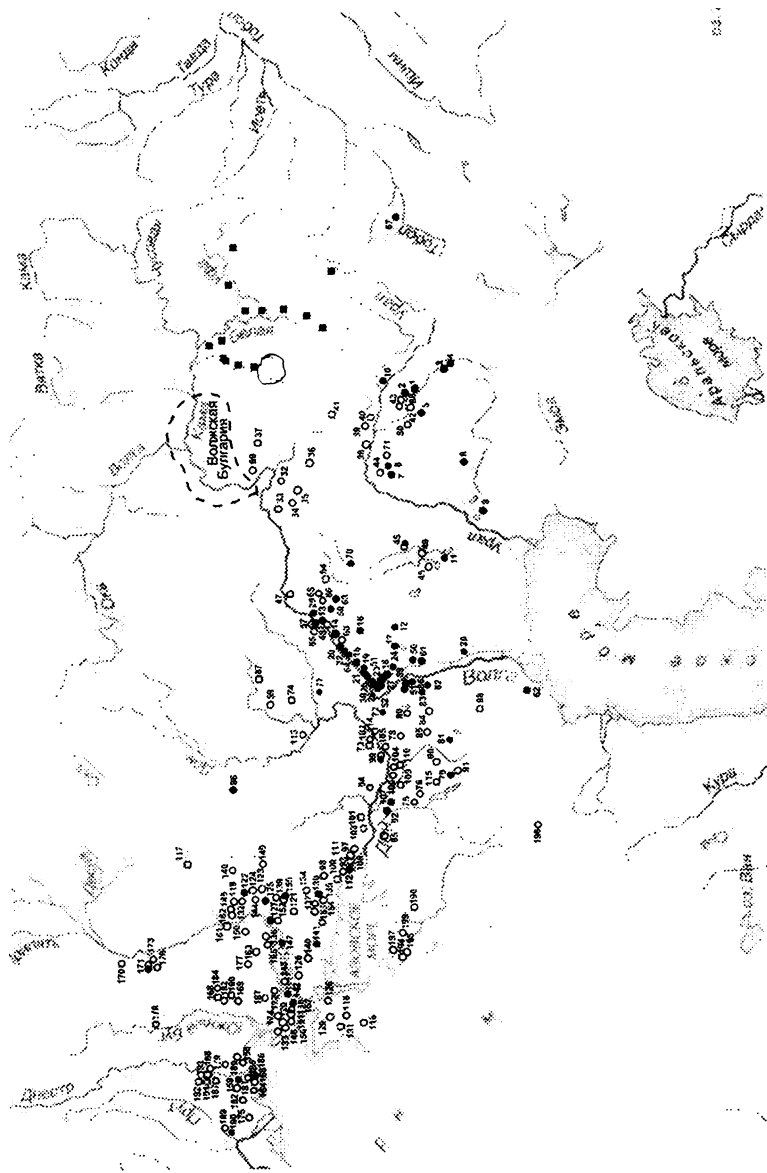
На основании исторических сказаний племен древнебашкирской группы о старинных кочевьях в верховьях Демы, долинах Ика, Кинели, путевых записей Ибн Фадлана и данных гидронимии Р. Г. Кузеев сделал вывод о том, что главным районом расселения древнебашкирских племен была Бугульминская возвышенность с левобережья Белой на востоке до левых притоков Волги на западе с прилегающими с юга степями [173, с. 436–438]. С точки зрения археологии, это мнение пока не подкреплено соответствующими материалами, поскольку, во-первых, большую часть этой территории составляет пашня, по-видимому, уничтожившая интересующие нас памятники археологии, даже если они там и были. Во-вторых, вероятность того, что археологические памятники там присутствовали в количестве

¹ Имеются в виду курганы караякуповского, мрясимовского, лагеревского (по Н. А. Мажитову) типов, разными авторами соотносимые с башкирами.

и плотности, отражающей процесс формирования целого этноса, невелика, ибо экологический потенциал Бугульминско-Белебеевской возвышенности для этого был совершенно недостаточным. Высота возвышенности над уровнем моря превышает 600 м. Это означает, что снежный покров, особенно на склонах многочисленных балок и впадин, лежит дольше, чем в степи. Все небольшие реки стекают с возвышенности и летом пересыхают. Вегетационный период короток: к августу травяная растительность полностью выгорает. Сложный, сильно изрезанный рельеф также является серьезным препятствием для ведения традиционного кочевого хозяйства. То есть если средневековые кочевники — угры-мадьяры, печенеги, башкиры — и использовали Бугульминско-Белебеевскую возвышенность, то не более как в качестве летних пастбищ — йайляу [169].

Таким образом, этническая карта Южного Предуралья на рубеже I–II тыс. н. э. по данным археологии выглядит следующим образом: степи Урало-Каспийского степного «коридора», от южных отрогов Южного Урала (горы Мугоджары) до Прикаспийской низменности, занимали огузы, печенеги и древние башкиры. Западные склоны Бугульминской возвышенности, по сути, являлись восточной границей Волжской Булгарии — полиэтнического государства, в состав которого кроме собственно булгар входили переселившиеся из Среднего Прикамья угры, камско-вятские финно-пермяки и волго-вятские восточные финны.

Вдоль восточных, северных и северо-восточных склонов возвышенности, по границе лесостепи и леса, обитали племена, составлявшие западную периферию бакальского (угорского) этнокультурного ареала. Таким образом, Бугульминско-Белебеевская возвышенность, в силу своих природно-географических условий, являлась, с одной стороны, своеобразной буферной зоной между разноэтничными и разноязычными племенами, занимавшими каждое свою ландшафтную нишу, с другой — выступала и в роли организующего центра в формировании очертаний этнической карты Южного Предуралья на рубеже I–II тыс. н. э. Своими южными отрогами она ограничивала кочевую тюркскую степь, на востоке и северо-востоке «подпирала» западные пределы угорской «ойкумены» в Предуралье, на западе же представляла собой естественную восточную границу Волжской Булгарии — государства, в X–XI вв. окончательно превратившегося в ремесленно-производственный и торговый центр для всего Поволжско-Уральского региона.

Карта расселения племен Южного Приуралья в конце IX–XI вв.:

● — курганы огузов; ○ — курганы печенегов; ■ — памятники приуральских угров

Использование Бугульминско-Белебеевской возвышенности в качестве сезонных пастбищ не могло не способствовать установлению этнокультурных контактов между кочевыми и полукочевыми племенами региона — тюрками (печенеги, башкиры) и уграми. Поэтому в случае возникновения «форс-мажорных» обстоятельств в степи первые имели возможность рассчитывать на надежный тыл. А такие обстоятельства не заставили себя долго ждать.

В первой половине XI столетия на исторической арене азиатских степей появилась ещё одна этнополитическая сила — вышедшие из Прииртышья и с Алтая куны и каи (составлявшие кимако-кипчакский союз племен [2, с. 154–158]). Давление кимако-кипчаков на гузов началось в 20-е гг. XI в., когда, по сведениям мусульманских историков, первые 4 тысячи туркмен переправились через Амударью и расселились в Северном Хорасане. Следом за ними около 1030 г. и сами кипчаки подходят к границам Хорезма [27, с. 401; 96, с. 137]. Примерно в середине 1040-х гг. происходит новый всплеск гузо-печенежских войн, спровоцированный натиском кипчаков-половцев с востока. Зимой 1046–1047 гг. европейские печенеги предпринимают попытку массового вторжения в пределы Византии. Попытка не удалась, и разбитые армией императора Исаака I Комнина печенеги уходят далее на запад, в Венгрию. Вслед за ними на берега Днепра приходят гузы-торки.

Пришли они сюда не от хорошей жизни, а подгоняемые кипчакскими (половецкими) саблями. Армянский историк Матфей Эдесский под 1050–1051 гг. сообщает о разгроме гузов и печенегов «рыжеволосым народом хардеш», в котором современные исследователи видят кипчаков-половцев [2, с. 158; 217, с. 152]. Через пять лет, в 1055 г., гузы-торки и половцы одновременно подходят к границам Киевской Руси. В окрестностях городка Воиня первые занялись грабежом русских селений и, естественно, были за это изгнаны князем Всеволодом Ярославичем в степь. Что же касается половцев, то они, озабоченные пока очищением степи от гузов и печенегов, предпочли «створить» со Всеволодом мир «и возвратишася въ свояси».

Причины появления кипчаков-половцев в Урало-Поволжье кроются в этнополитических коллизиях, имевших место в степях Южной Сибири и Восточного Казахстана на рубеже I–II тыс. н. э. В это время там складывается, а затем и быстро (по историческим меркам) распадается кочевническое государство Кимакский каганат с центром в верховьях р. Иртыш. Завоеванные кимаками кочевые племена шары (сары) — они же половцы и кипчаки — составляли западную периферию этого государства и в своих кочевьях доходили до сте-

пей Южного Зауралья. Распад Кимакского каганата, ослабленного внутренними противоречиями, в начале XI в. был ускорен натиском центральноазиатских племен — кунов (команов) и каи — с востока. Следствием этого явилось изменение этнополитической ситуации в областях, прилегающих к каганату с запада — степном Приуралье и Заволжье. Опираясь на сведения средневековых авторов — ал-Марвази, ал-Бируни, Ибн ал-Асира и др., исследователи освещают этот процесс в следующей последовательности: обитавшие в северном Китае племена кунов в 30-е гг. XI в. подверглись нападению киданей и, уступая их натиску, двинулись на запад. По дороге они подверглись нападению со стороны племени каи и, будучи вынуждены отступать дальше, обрушились на племя шары. Двигаясь далее на запад, группировка кунов и шары вышли к землям кипчаков, лежавшим на пути их миграции, и смешались с ними. Результатом взаимодействия явилось утверждение политического господства кипчаков в этом кочевническом объединении (этноним «кипчак» становится полиэтнонимом), хотя реальной военной силой там оставались куны и шары [147, с. 346]. Группировка кунов-шары-кипчаков ударила по огузам, кочевавшим в Приуралье и Заволжье, и вынудила их уйти за Волгу [146, с. 136–138; 175, с. 124–126.]. Так шары-кипчаки становятся хозяевами Приуральских и Заволжских степей.

В настоящее время в Заволжье и Приуралье выявлено 40 погребений, относящихся к XII¹ — началу XIII вв. (т. н. «кыпчакский домонгольский период») [118]. Большинство из них найдены на территории современных Саратовской, Волгоградской и Уральской областей² по рр. Волга, Еруслан и Уzeń. Абсолютное большинство погребений — 77,5 % — совершены в земляных курганах, специально насыпанных над могилой³. Преобладают — 47,5 % — могильные ямы простой конструкции, с вертикальными стенками и ровным дном. Вместе с тем значительное место среди рассматриваемых погребений занимают могилы с подбоем вдоль одной из длинных стенок — 22,5 % (могильники Белозерское, Визенмиллер, Змеиный Дол, Курпе-Бай, Каинсай, Политотдельское, Ровное, Солнце, Третий Плес). Характерно, что последние не имеют четкой локализации в регионе. Умерших укладывали на дно могилы (или в подбой) в позе вытянуто на спине, головой в за-

¹ Или, вероятнее всего, ко второй половине XI в.

² 62,5 % всех известных погребений.

³ В насыпи более ранних курганов впущены только 20 % рассматриваемых погребений.

падном направлении (62,5 %) или на восток (30 %). Остатки дощатого гроба или колоды найдены, соответственно, в четырех (Белокаменка, курган Д-48; Белозерское; Покровск (Энгельс), курган 11 и Политотдельское, курган 2) и одном (Бережновка I, курган 4) погребениях.

Из общей массы погребений домонгольского периода в Заволжье и Приуралье 55 % выделяются как заведомо всаднические, поскольку содержат остатки конской шкуры в виде черепа и костей ног, уложенной слева (22,5 %) или справа (12,5 %) от человека, или принадлежности конской сбруи — стремяна и удила, помещенные у ног человека. Известны также три погребения, в которых шкура коня лежала у ног человека (Бахтияровка II, курган 68; Базар-Тобе I, курган 8 и Буранчи, курган 1), и одно погребение, сопровождавшееся целым остовом коня, уложенным справа от человека (Белозерское). Характерно, что в большинстве случаев ориентировка конского захоронения соответствует ориентировке человека. Это выглядит так, что если представить их стоящими на ногах, то конь и его хозяин окажутся в положении подготовки к верховой езде, когда всадник подходит к коню лицом к нему слева.

Большинство из рассматриваемых погребений сопровождалось оружием (железные наконечники стрел, костяные обкладки лука и берестяные колчаны) — 45 % погребений. В трех погребениях найдены сабли (Солнце; Бережновка, Южн. группа, курган 9 и Политотдельское, курган 2), в двух — железные шлемы и кольчуга (Квасниковка; Покровск (Энгельс), курган 11).

Погребений, которые по ассортименту сопровождающего инвентаря — бусы, зеркала, ножницы и др. — можно было бы интерпретировать как женские, немного (Буранчи, курган 1; Мирный (Фриденберг), курган 1; Ново-Троевка; Покровский, курган 7).

Кипчакская этническая принадлежность памятников второй половины XI — начала XIII вв. степного Заволжья и Приуралья сейчас ни у кого из исследователей не вызывает сомнения. Ещё в 60-е гг. прошлого столетия Г. А. Федоров-Давыдов, опираясь на сведения средневековых авторов, в частности Рашид ад-Дина, связывал курганы XII–XIII вв. в Нижнем Поволжье (саксин) с половцами-команами [266, с. 150]. Вслед за ним Р. Г. Кузеев на основании данных исторической этнографии пишет о начале массового переселения кипчаков на территорию современного Башкортостана в XIII в. [173, с. 171 и сл., 184].

Однако сведения письменных источников (в частности, Ибн-ал-Асир) позволили С. М. Ахинжанову выдвинуть несколько иную

гипотезу о времени освоения кипчаками степей Южного Урала. В частности, автор считает, что еще в XI в. кипчаки, которым «принадлежали земли почти всего Центрального и Западного Казахстана», имели летние пастбища — джыйляу — в низовьях р. Камы, откуда они уходили зимовать в окрестности Баласагуна [17, с. 51]. И, в общем-то, следует отметить, что эта гипотеза имеет подтверждение в археологическом материале. Например, о проникновении кипчаков домонгольского времени на Южный Урал можно судить по находкам каменных баб. Насыпь II Акимбетовского кургана в Кугарчинском районе Башкортостана частично разобрана местными жителями, среди камней оказались две каменные бабы, которые были наклонены к западной половине насыпи. «Скульптурные фигуры напоминают половецкие каменные бабы из южнорусских степей, и на этом основании курган ориентировочно можно датировать первыми веками II тысячелетия». Под кладкой в трех местах выявлены остатки ритуальных захоронений головы, а в одном — голени лошади. Захоронение человека отсутствует [188, с. 88 и сл.; 191, с. 158].

На территории Башкортостана курганы с каменными бабами половецкого времени известны у д. Юрматы Федоровского района, д. Русское Тангирово Кугарчинского района, п. Комсомол Баймакского района [15, №№ 1368, 1661, 1710], д. Султанузьяк Зилаирского района [213, с. 338].

С кипчаками связывается жертвенно-поминальный комплекс на реке Макан-3 у с. Подольск в Хайбуллинском районе, где найдены три каменные бабы, раскопано четыре ритуальных кургана. Г. Н. Гарустович, следуя традиционной точке зрения, датирует изваяния домонгольским временем. Тем самым он пытается объяснить немногочисленность кипчаков, чьи погребения домонгольского периода в южноуральских степях исчисляются единицами. Однако за прошедшие столетия множество скульптур было уничтожено. Сохранились сведения о каменных бабах, найденных вблизи курганов могильника «Биш-оба», к востоку от р. Таналык, на рр. Зирень-агас (Еранагас), Сакмара, Бузавлык, у с. Акъяр Хайбуллинского района [58, с. 23–32]. Вопрос о датировке этих изваяний, по-видимому, требует дополнительных исследований, так как в противном случае складывается парадоксальная ситуация: ритуальные комплексы кипчаков датируются домонгольским периодом, а их погребения, за редкими исключениями, связываются с золотоордынской эпохой.

Увязывается рассматриваемое предположение и с результатами сравнительно-типологического анализа погребального обряда кур-

ганов домонгольского времени Урало-Поволжья с обрядом кимако-кипчакских погребений более восточных районов Великой Степи. Прежде всего, обратимся к конструкции надмогильных сооружений рассматриваемых памятников Заволжья и Приуралья. Как уже указывалось выше, большинство захоронений рассматриваемого периода устроены под земляными курганами. Вместе с тем известны погребения, совершенные под каменными или каменно-земляными насыпями (Каинсай, Змеиный Дол, Лебедевка VII). Аналогии им мы находим у кимаков, для которых характерны захоронения под каменно-земляными курганами [248, с. 43].

В свое время Г. А. Федоров-Давыдов на материале, известном в 60-е гг. прошлого века, отметил широкое распространение в Заволжье в золотоордынский период подбойных могил и выдвинул их в качестве одного из локальных признаков данного региона [266, с. 157, 160 и сл.]. Появление этих погребений исследователь связывал с приходом сюда монголов и других восточных племен. Раскопки последующих лет выявили погребения в подбойных могилах и восточнее, в степях Южного Приуралья, причем относящиеся ко времени, предшествующему Золотой Орде — огузо-печенежскому и кипчакскому домонгольскому периоду. Аналогичные погребения известны в курганах кимаков (йемеков) Верхнего Прииртышья IX–X вв. (Карашат I, II) [12].

Там же, у кимако-кипчаков, известны погребения со шкурой коня, уложенной слева от человека (Гилево V, Корболиха VII, Быстровка I) [2; 3, с. 18; 203, с. 17 и сл.].

Встречаются в Заволжье и захоронения с целым остовом коня, уложенным справа от человека с противоположной ему ориентировкой (Белозерское погребение на р. Самаре), подобно тому, как это известно у кимако-кипчаков (Березовый остров I) [3, с. 17].

Таким образом, археологические материалы также вполне определенно подтверждают сведения средневековых письменных источников о кимако-кипчаках как о доминирующем этнокультурном компоненте в составе кочевников степного Заволжья и Приуралья во второй половине XI — начале XIII вв.

География кимако-кипчакских памятников в регионе неравномерна. Большинство из них (60 %) обнаружены в степном Заволжье, на территории современных Самарской, Саратовской, Волгоградской и Астраханской областей. Из них 45 % находятся на берегах Волги и её правых притоков — Самары, Еруслана, Ахтубы. Остальные погребения разбросаны по территории Оренбургской (Белый Ключ, Бураничи), Уральской (Базар-Тобе 1, Джангала, Курпе-Бай, Озеро Раим,

Лебедевка VII) и Челябинской (Солнце, Третий Плес, Каинсай, Змеиный Дол) областей.

Практически везде интересующие нас погребения являются одинокими, за исключением могильников Визенмиллер и Озеро Раим, где найдены по два кимако-кипчацких захоронения. Если разложить их по территории степной части Заволжско-Приуральского региона, площадь которой составляет приблизительно 560 000 км², то получится по одному погребению на 14 000 км²! О чем это говорит? Только о том, что кимако-кипчацкие племена осваивали Заволжье и Приуралье, находясь на первой (таборной) стадии кочевания, для которой характерны «разбросанные по степям одиночные погребения, встречающиеся, как правило, случайно и потому редко достающиеся специалистам в полном виде» [216, с. 17]. Или вообще прошли эту территорию без длительных остановок, преследуя отступающих фузов и печенегов.

Косвенным подтверждением данного предположения может служить следующее обстоятельство: в составе вещевого комплекса кимако-кипчацких погребений Заволжья и Приуралья совершенно отсутствуют образцы болгарских ремесленных (ювелирных) изделий. Более того, по ассортименту инвентаря только 17,5 % рассматриваемых погребений, содержащие украшения — ожерелья из цветных бусин (Буранчи, Мирный, Ершовка, Покровский) или ожерелье и височную подвеску с напускной бусиной (Ново-Троевское), могут трактоваться как женские.

Отсутствие болгарских изделий у кочевников Заволжья и Приуралья выглядит странным по следующим причинам: во-первых, в домонгольский период (XII — начало XIII вв.) Волжская Булгария уже заявила о себе как о развитом торгово-ремесленном государстве со своими ювелирными мастерскими, работающими не только на внутренний, но и на внешний рынок. Чему наглядное свидетельство — остатки ювелирных мастерских со следами серийного производства украшений в Булгаре, Биляре, Муромском городке и др. Во-вторых, став мусульманской страной, Волжская Булгария «превратилась в центр монопольной торговли Северо-Востока Европы, сосредоточив в своих руках северную торговлю Запада с Востоком». Один из путей этой торговли (Булгар — Джурджания) как раз и проходил через степи Заволжья и Южного Приуралья [270, с. 13 и сл.]. В это же время, как известно, начинается массовый приток болгарских изделий в лесное Прикамье [40].

На этом фоне объяснение отсутствию археологически фиксируемых торговых контактов кимако-кипчаков с булгарами может быть

только одно: занятые войной с гузами и печенегами, они стремительным броском преодолели степи Заволжья и Приуралья и в основной своей массе ушли в Восточную Европу.

Оставшиеся в Заволжье и Приуралье кимаки (йемеки), команьсары и кипчаки представляли собой восточную периферию Дешт-и-Кипчак и, судя по имеющимся материалам, в степях Урало-Поволжья были не многочисленными. Вполне резонно также предположить, что заволжские кочевники не принимали заметного участия в политической жизни хозяев «Половецкого Поля». Во всяком случае известный нам на территории региона археологический материал, своим однообразием и невыразительностью резко контрастирующий с синхронными памятниками «Половецкого Поля», указывает только на то, что они здесь были... Что же касается их инфильтрации в этническую среду приуральских башкир, то приведенные выше данные не позволяют настаивать на столь ранней (XI–XII вв.) дате этого процесса. Можно сказать, что имеющийся на настоящее время археологический материал в большей степени иллюстрирует высказанное в свое время Р. Г. Кузеевым мнение, согласно которому огузо-кипчакский пласт родоплеменной этнонимии башкир, датируемый X–XII вв., включает названия ай и ряд других. Эти образования в значительной части имеют огузское происхождение, но их история до миграции в Башкирию «протекала в условиях возвышения кипчакских племен на обширном пространстве Дешт-и-Кипчака. В этом свете огузо-кипчакскую миграцию в Башкирию в X–XII вв., которая, судя по имеющимся материалам, не была мощной, можно рассматривать как начальный этап кипчакского периода этнической истории башкирского народа, предопределившего новое направление этнокультурного и этноязыкового развития башкирского этноса» (выделено нами. — *Авт.*)» [173, с. 194 и сл.].

Некоторым образом данное мнение подтверждается и результатами антропологических исследований. Так, Р. М. Юсупов отмечает, что кочевники IX–XII вв. северо-востока Башкортостана (курганы «мрясимовского типа») антропологически близки с кочевым населением Казахстана и Южной Сибири VII–X вв. «**Типологически они относятся к краниологическому комплексу, имеющему непосредственное отношение к формированию южносибирской расы, которая довольно четко представлена и среди башкир** (выделено нами. — *Авт.*). Необходимо особо отметить, что за всю историю региона наибольшая доля монголоидного компонента у пришлых групп населения связана с кочевниками IX–XII вв.» [293, с. 103]. На этом

основании исследователь делает вывод о том, что «проникновение кыпчаков на Южный Урал и их влияние на антропологический тип башкир было связано не столько с монгольским нашествием, сколько с событиями, предшествующими появлению монголов на Южном Урале. В этом плане заслуживает внимания серия черепов кочевников IX–XII вв. с северо-востока Башкортостана. Контакты с кыпчаками довольно существенно отразились на расовом типе северо-восточных и зауральских башкир Челябинской области и, отчасти, юго-восточных» [293, с. 92]. Однако здесь необходимо некоторое пояснение: «Формирование южносибирской расы, характеризующейся сочетанием европеоидности и монголоидности, началось задолго до эпохи средневековья и происходило на обширной территории, включая и Южный Урал (классический пример — антропологический тип носителей ананьинской культуры эпохи раннего железного века). С кыпчаками — кочевниками-степняками — южносибирская раса никак не связана, зато связана с населением лесостепной и лесной зоны Зауралья и Западной Сибири (в эпоху Средневековья здесь обитали угорские или угро-самодийские племена, и в частности — носители бакальской культуры. — *Авт.*). Следовательно, упоминаемые Р. М. Юсуповым „кочевники северо-восточного Башкортостана“ IX–XII вв. в антропологическом отношении для данной территории являются автохтонами. Вычисленный исследователем коэффициент суммарного расстояния серии черепов из курганов IX–XII вв. северо-востока Башкортостана (курганы «мрясимовского типа». — *Авт.*) и современных башкир, равный 0,442, показывает, что „мрясимовцы“ принимали весьма незначительное участие в формировании антропологического типа последних. И наоборот, коэффициенты суммарных расстояний башкирской серии и серии черепов из кочевнических курганов Оренбуржья XIII–XIV вв. (могильники Хабарный и Озерновский), равные 0,292 и 0,225, соответственно [293, с. 107–111], действительно, как об этом пишет Р. М. Юсупов, дают возможность говорить о контактах и внедрении южноуральских кочевников (среди которых, по-видимому, были и кыпчаки) в среду башкирского населения»¹.

¹ Пояснение, данное нам известным антропологом и археологом Л. Т. Яблонским 27 июля 2013 г. во время совместной археологической экспедиции ИА РАН и БГПУ им. М. Акмуллы по раскопкам Филипповских курганов в Оренбургской области.

Возвращаясь к археологическим материалам, мы можем начертить следующую схему этнокультурной истории Южноуральских степей в предмонгольское время (середина XI — начало XIII вв.): кипчако-половецко-кимакская экспансия с востока вынудила огузов, печенегов покинуть эту территорию. Вместе с последними на запад уходит и какая-то часть союзных с ними башкир. Другая часть южноуральских кочевников, среди которых башкиры, очевидно, преобладали, отступает на север, в Приуральскую лесостепь, где они начинают теперь уже тесно контактировать с населением, оставившим курганы «мрясимовского типа» (по нашему мнению — уграми). Проникали ли вслед за ними туда кипчаки-половцы? Однозначно ответить на этот вопрос пока невозможно, в первую очередь, по причине отсутствия реперных краниологических серий как собственно кипчакско-половецких, так и башкирских для того времени.

ГЛАВА III

ЗАВОЕВАНИЕ ЮЖНОГО УРАЛА МОНГОЛАМИ

Начало XIII столетия ознаменовалось появлением в Центральной Азии Монгольской империи — государства, стремившегося с первых дней своего существования ни много ни мало, но к достижению мирового господства. Эта держава, созданная волей Чингисхана, фундаментом которой являлась жесткая военно-административная система, оказалась чрезвычайно конкурентоспособной как в отношении своих соседей — государств, расположенных южнее Степного пояса Евразии, так и кочевых народов, обитавших к востоку и западу от Джунгарских Ворот¹. Монгольская экспансия, по сути, чрезвычайно жестокое, кровавое действо, непрерывно проистекавшее на протяжении более пятидесяти лет, возглавляемое вначале Основателем, а затем его наследниками, затронуло десятки государств, расположенных в самых разных частях континента.

Необходимо отметить, что первые акты военной агрессии, принятые Чингисханом, в равной степени касались и южного, и западного направлений. Примечательно, что в 1205 г. походы монгольских войск (пока еще незначительными силами) были совершены в направлении Си Ся (Тангутского царства) и в район верховий Иртыша [102, с. 146; 151, с. 153]. Судя по всему, Чингисхан уже тогда имел достаточно сведений о положении дел в восточном Дешт-и-Кипчак и Юго-Западной Сибири. После курултая 1206 г., где его провозгласили великим кааном и на котором *de jure* было оформлено появление нового государства — Еке Монгол Улус, символизировавшего объединение кочевников Центральной Азии под скипетром одного монарха, Чингисхан принял решение о проведении новых экспансионистских действий в отношении ближайших соседей. В 1207 г. монгольское войско под предводительством Джучи было направлено «к Лесным народам» [102, с. 174]. Конкретной задачей, поставленной Потрясителем вселенной перед царевичем, было приведение к покорности племен, населявших территории к северо-западу от Главного Юрта и кочевавших на границе степи и тайги. Этот поход, в равной степени как быстротечный, так и успешный, был тщательнейшим образом подготовлен, что позволило Джучи уже в скором времени увенчать себя лаврами покорителя «Лесных народов», а в монгольских источниках — «Сокровенном сказании» и «Алтан тобчи» — впервые поя-

¹ Джунгарские Ворота — район перевала Тарбагатай, отделяющего каменистые и засушливые степи Центральной Азии от более увлажненных степей современного Казахстана и Восточной Европы, известных в эпоху Средневековья под названием Дешт-и-Кипчак.

вилось упоминание о башкирах. Но началом всего (и это весьма показательно и традиционно для политики, исповедуемой Чингисханом, а затем и его наследниками) стали переговоры с предполагаемыми жертвами предстоящей агрессии.

Согласно «Юань ши», Чингисхан еще до похода Джучи, или, по крайней мере, в самом его начале, предпринял чисто дипломатический ход: «в тот же год [Чингисхан] отправил Алтана и Буура (Буху), двух послов к киргизам» [102, с. 147]. Алтан и Буха действовали расторопно, сумев в кратчайшее время уговорить своих визави, и начавшееся предприятие в самой своей отправной точке обернулось быстрыми, а главное — бескровными победами. При ближайшем же рассмотрении текста «Сокровенного сказания» вышеупомянутый Буха выступает уже как проводник в войске Джучи, обеспечивая тем самым начало переговоров еще и с ойратами и их властителем Худуха-беки, явившимся в ставку царевича с «выражением покорности» и намерением «стать провожатым у Чжочия» [151, с. 175]. Заручившись поддержкой местной знати, Джучи помимо ойратов подчинил бурятов, бархунов, урсутов, хабханасов, ханхасов и тубасов — племена, обозначенные в «Сокровенном сказании» под общим собирательным именем тумен-ойрат (тумэн-ойрад) [151, с. 174; 286, с. 325]. Затем монгольское войско, миновав р. Шишгид-гол («берущую начало в северных отрогах Алтайского хребта и впадавшую в реку Ховд» [286, с. 325]), подступило к землям тумен-киргизов, которые, равно как и тумен-ойраты, фигурируют в «Сокровенном сказании» в качестве собирательного образа нескольких племен тюркского происхождения. Тогда же к Джучи, не замедлив, явились некие киргизские нойоны, «выразили покорность и били государю (Чингисхану. — *Авт.*) челом... Чжочи принял под власть Монгольскую все Лесные народы... Шибир, Кесдиин, Байт, Тухас, Тенлек, Тоелес, Тас и **бачжиги**» [151, с. 175], что, по мнению нескольких поколений российских ученых, означало практическое признание вышеперечисленными племенами монгольского каана своим сувереном, причем этноним *бачжиги* безоговорочно ассоциировался с зауральскими башкирами. Из этого вытекало, что какая-то часть башкир уже в 1207 г. оказалась в юрисдикции монгольского государства.

Несмотря на то что в более позднем источнике — «Алтан тобчи»¹ — Лубсан Данзан подтверждает успех похода 1207 г. и, на-

¹ Время написания «Сокровенного сказания» четко датируется 1240 г. Летопись «Алтан тобчи» («Золотое сказание»), принадлежащая перу Л. Данзана, написана позже, в XVII в.

ряду с покоренными «Лесными народами», упоминает о племени **тан-бичигэт** [84, с. 184] («последнее название представляет собой соединение двух этнонимов, упомянутых в „Сокровенном сказании“: **тас и бачжиги**» [8, с. 139]), следует довольно осторожно подходить к версии, по которой монголы смогли достаточно далеко углубиться на запад, и в первую очередь по причине скоротечности всего предприятия. Недаром Чингисхан, довольный результатами похода, воздал должное Джучи и «соизволил сказать: „Ты старший из моих сыновей. Не успели выйти из дому, как в добром здравии благополучно воротился, покорив без потерь людьми и лошадьми Лесные народы“» [151, с. 175]. Рассматривая этот пассаж, необходимо учитывать реалии той эпохи: несмотря на свою чрезвычайную мобильность, монгольские войска вряд ли могли в течение «одного сезона», перемахнув через Саяны и Алтай, передвигаясь таежными тропами, а затем по северной кромке Великой степи, пусть даже не встречая активного сопротивления, достигнуть Ишима или тем более Тобола, после чего тем же путем вернуться в ставку великого каана в Монголию. Вместе с тем Джучи, несомненно, достиг юго-восточной части Западной Сибири, несомненно, многие племена признали над собой власть Чингисхана, однако, скорее всего, власть эта распространялась лишь на территорию Северных Саян, Алтай и, возможно, часть Кулундинской и Барабинской степи. Подтверждает нашу гипотезу (а альтернатив в виде письменных источников относительно изначального территориального расположения Улуса Джучи не существует) извлечение из летописи Рашид ад-Дина, оставившего по этому поводу следующее достаточно однозначное сообщение: «Все области и улус, находившиеся в пределах реки Иртыш и Алтайских гор, летние и зимние кочевья тех окрестностей Чингиз-хан пожаловал в управление Джучи-хану... Его юрт был в пределах Иртыша, и там была столица его государства. Вот и все!» [230, с. 78].

Что же касается непосредственного подчинения хотя бы и части зауральских башкир, вряд ли Джучи удалось достичь этого в 1207 г., тем более что в новейшем переводе «Сокровенного сказания» говорится: «покорил Жочи многие племена лесные... **всех вплоть до бажигидов (башкир)**» [3, с. 190, 326]. Трактовать же выражение «**всех вплоть до**» как обозначение фактического подчинения башкир некорректно по причине нескольких возможных вариантов интерпретации этого отрывка, в том числе и такого: **монголы могли всего лишь встретиться с одним из обочов «бажигидов», достаточно далеко откочевавшим на восток.**

Рассматривая тактику, применяемую армией Чингисхана и включавшую в себя целый комплекс разведывательных мероприятий (истории известны действия войсковой разведки монголов, отрывавшейся на десятки и сотни километров от основных сил), следует с огромной долей вероятности предположить, что некоторые передовые чамбулы Джучи все-таки достигли междуречья Ишима и Тобола, где и произошла «историческая» встреча с башкирами, и носила она, по-видимому, «дружеский характер». Надо полагать, Джучи воспринял лично, а затем и преподнес отцу информацию о мирной встрече его отрядов с башкирами как очевидное желание последних признать над собою власть Чингисхана. И хотя в действительности этого не произошло, подобные победные реляции царевича не воспринимались Основателем как попытки ввести его в заблуждение и, очевидно, соответствовали рамкам доктрины, разработанной им и направленной на подчинение соседних народов. В этой связи невозможно обойти стороной появление в ставке великого каана, как подчеркивает автор «Сокровенного сказания», киргизских (именно киргизских, **выходцев из Центральной Азии, а не башкирских**) нойонов-темников Еди, Инала, Алдиера и Олебек-дигина, выразивших свою покорность в виде подношений «белыми кречетами да белыми ж меринами, да белыми ж соболями» [151, с. 174–175]. Не вызывает сомнений, что монгольский властитель прекрасно знал, кого именно представляют явившиеся к нему на поклон нойоны, и, объявив о том, что жалуется в подданство Джучи Лесные народы, понимал — главные события в этом регионе еще впереди, а поход 1207 г. лишь пробный шаг, попытка распространения военного, но в большей степени политического влияния к северу от Саян и Алтая и создания там плацдарма для последующего полномасштабного вторжения в Дешт-и-Кипчак.

Вероятно, случившееся в 1207 г. соприкосновение монголов с башкирами так и осталось бы ординарным, не представляющим ровно ничего в мировой истории событием, коих не счесть было за тысячелетия существования и взаимопроникновения кочевых культур, однако в 1215 г. Чингисхан, насытившись разграблением Северного Китая, вернулся в Монголию, в свою ставку Аваргу, что располагалась в верховьях Онона и Керулена, где на повестке дня и всплыл вопрос о продолжении завоевания «Западного края» и уничтожении меркитов [100, с. 101]. По-видимому, именно тогда, на рубеже 1215–1216 гг., Чингисханом был окончательно сформулирован не терпящий обсуждений политический принцип, предопределивший судьбу огромных евразийских пространств от Алтая до Дуная, от Ин-

дийского океана до приполярных областей Сибири, — отныне эти земли рассматривались и в ближайшей, и в долгосрочной перспективе как предмет неминуемой агрессии и последующей аннексии. Обращает на себя внимание поразительная (тем более для XIII столетия) информированность монголов о странах и народах, существовавших на этих пространствах, что четко отображено в «Сокровенном сказании» и в хронологическом плане относится к моменту окончания первого этапа войны в Китае. Его текст подтверждает наличие у монголов мощного разведывательного аппарата, активно занимавшегося «западным направлением» и имевшего без всякого преувеличения обширную сеть агентуры в сопредельных территориях.

В контексте рассматриваемой нами проблемы, касающейся непосредственно монголо-башкирского противостояния, весьма важным представляется тот факт, что **башкиры впервые в истории выступают в качестве серьезного, полноправного субъекта международных отношений** и определены в планах Чингисхана как реальные политические и военные противники, с коими следует считаться и от результатов схватки с которыми зависит успех в войнах за обладание не только восточной частью Дешт-и-Кипчак, но и Восточной и Центральной Европой. Рашид ад-Дин, тщательнейшим образом фиксирующий на страницах своего «Сборника летописей» сообщения о народах, странах и различных регионах Евразии, так или иначе связанных с монгольскими завоеваниями, упоминает несколько раз и о башкирах. Самое же примечательное в том, что башкиры на страницах его сочинения фигурируют зачастую в одном перечне с Китаем (Северным Китаем), Дешт-и-Кипчак, областью русов (Русью), страной киргизов и келаров (под келарами подразумеваются Польша и Венгрия), арабскими племенами, Сирией, Египтом, Марокко (Магрибом) [228, с. 47, 73, 103, 160]... Информация, предоставленная Рашид ад-Дином, впрочем как и свидетельства «Сокровенного сказания», является подтверждением того, что с **определенного момента величайший прагматик всех времен Чингисхан во главу угла своей внешней политики на западе поставил подчинение башкир**, наряду не только с кочевыми народами (кипчаками и печенегами), но и такими мощными государствами, как **Русь или Волжская Булгария** [151, с. 188–189]. Исходя из этого следует еще раз акцентировать внимание на том, что к началу XIII в. башкирские племена, несмотря на разобщенность, представляли собой грозную силу, не считаться с которой, а следовательно, и обойти ее стороной монголы не могли.

В 1216 г. произошло знаковое событие, во многом предопределившее на несколько столетий вперед судьбу десятков народов и стран «Западного края», — начался новый этап полномасштабной экспансии монголов в этом направлении. Тогда Чингисхан «собрал всех полководцев в Черном лесу на реке Тола и спросил: „Кто именно сможет пойти для меня карательным походом на меркитов?“ Субэдэй попросил поручение себе, государь укрепился [в своем решении] и разрешил это» [102, с. 226]. Действительно, уничтожение меркитов являлось принципиальным для Чингисхана мероприятием, но важно (и это в полной мере подтвердят события ближайших лет), что поход против своих давних врагов великий каан прежде всего увязывал с готовившимся им вторжением в Государство хорезмшахов, владения кара-киданей (Си Ляо), а также захватом степного пространства вплоть до Яика, естественно, с покорением населявших его канглов, кимаков, огузов, кипчаков и башкир. Основные джайлау последних хотя и находились в пределах Южного Урала, однако, как известно, они вольны были кочевать и в Зауралье, и в Западной Сибири, и по северным областям Дешта, а следовательно, подпадали под готовившийся удар.

Весьма символично и то, что «ответственным» за предстоящее предприятие Чингисхан назначил своего «свиного пса» Субэдэй-багатура и не ошибся в выборе, тем более что тот уже несколько раз наведывался за Тарбагатайский перевал, участвуя в операциях по нейтрализации найманского царевича Кучулука и уничтожению меркитского вождя Тохтоа-беки. Недаром Г. А. Федоров-Давыдов отмечал, что с определенного момента «...Субедей-Бахадур стал в среде монгольских военачальников настоящим „специалистом“ по западным походам: без него не обходилась ни одна военная акция монголов против западных народностей» [266, с. 231]. Мы не зря акцентируем внимание на личности Субэдэя, и даже не потому, что во многом благодаря ему — ярчайшему представителю того жестокого века, оставившему о себе печальную память как о беспощадном завоевателе в разных частях Евразии, от Венгрии до Китая, — на полях сражений была обеспечена слава монгольского оружия. Главная причина состоит в том, что его деятельность как полководца и дипломата являлась «основополагающим стержнем всех мероприятий, проводимых завоевателями и направленных на утверждение политического господства в этой части континента (в данном случае Волго-Уральского региона. — *Авт.*)» [99, с. 159]. В рамках рассматриваемой темы — противостояния монголов и башкир — важно подчеркнуть, что при

непосредственном участии Субэдэя это противостояние проистекало на протяжении более чем полутора десятков лет, и именно Субэдзем в конце концов была поставлена последняя точка в данном конфликте.

Итак, весной 1216 г., когда перевалы очистились от снегов, монгольские войска, миновав Джунгарские Ворота, устремились на запад, и вел их Субэдэй [102, с. 266–267]. Следом на соединение с ним Чингисхан направил Тохучар-нойона [299, с. 177]. Меркиты, ставшие первыми жертвами этого похода, отступая, несколько раз пытались противостоять монголам, однако каждый раз терпели поражение. Вначале они были разгромлены на р. Чам, которую «комментаторы ЮШ («Юань ши». — *Авт.*) считают... притоком реки Сары-су, протекающим юго-восточнее г. Джезказган» [102, с. 227]. Затем, не задерживаясь в землях, относящихся ныне к Центральному Казахстану, завоеватели устремились еще дальше на запад, где, по одной версии, на р. Уюр (Уил), протекающей юго-западнее современного Актюбинска, а по другой — в междуречье Кайлы и Кимача (Джарлы и Кумака) на северо-востоке Оренбургской области [102, с. 227; 8, с. 114] (важно, что обе версии не противоречат друг другу с точки зрения географии произошедших событий) настигли беглецов и в последующем сражении разгромили. Однако в том сражении монголы взамен старых обрели новых противников в борьбе за обладание Великой Степью — ими оказались кипчаки. В «Юань ши» подчеркивается, что вождь обока меркитов Куду «бежал к кипчакам» [102, с. 227], восточная граница кочевий которых, по-видимому, пролегла в то время в районе рр. Яика и Эмбы, и обратился к ним за помощью. Предводитель последних принял Куду под свое покровительство и отказал монголам в их выдаче, после чего «Субэдэй... сразился с кипчаками при Уюр и разбил их» [102, с. 227]. За этими сухими строками скрывается весьма драматическое действие, связанное не только с выходом монголов к рубежам Восточной Европы и началом монголо-кипчакских войн, закончившихся лишь к 1243 г. [230, с. 46], но и с тем, что в результате этого похода монголы оказались в непосредственной близости от территории обитания башкир. Таким образом, очевидно, что в 1216 г. у завоевателей было куда больше шансов столкнуться с башкирами и в гораздо большем объеме, нежели в году 1207.

Несмотря на то что сведений о каких-либо контактах между монголами и башкирами, относящихся к описываемым событиям, в источниках не существует, следует с огромной долей вероятности предположить, что контакты эти на самых разных уровнях все-таки имели место. Во-первых, не исключено, что монгольские ертаулы

проникли на правобережье Яика (по сути, в Европу) с чисто тактическими разведывательными задачами; во-вторых, нельзя исключать возможность официальной встречи представителей башкирской знати с высшими офицерами или даже полководцами монголов. Подобная встреча вполне могла бы произойти в целях реализации завоевателями концепции глобальной политики, разработанной Основателем в отношении стран или народов, подлежащих покорению, и нейтрализации их активных военно-политических действий на необходимый временной отрезок. Как известно, **монгольская дипломатия во всем своем многообразии по необходимости могла касательно несговорчивых или «неудобных» партнеров принимать весьма гибкие формы, и, надо полагать, в отношении населения Дешта и Южного Урала на определенном этапе использовала лозунг единства тюркских народов.** В этой связи уместно вспомнить о том, что несколько позже, в 1222 г., в северокавказских степях Субэдэй и Джебэ, опираясь именно на идею пантюркизма, рассорили противостоящих им кипчаков и алан, обеспечив тем самым победу в предстоящей войне с половцами и русскими. Ну а тогда, в середине 1210-х гг., когда Чингисхан избрал своей жертвой Государство хорезмшахов, лояльность племен, кочевавших на северо-запад от Арала, а следовательно, и безопасность одного из флангов выдвигающегося войска, была ему просто необходима, и потому некие переговоры с башкирами, а тем более с кипчаками исключать нельзя.

Царевич Джучи, оказавшись на просторах, занимаемых теперь Казахстаном, с вождением поглядывал на степи, которые по результатам завоеваний должны были перейти под его руку. Джүзджани по этому поводу заметил, что когда **«Туши, старший сын Чингизхана, увидел воздух и воду Кипчакской земли, то он нашел, что во всем мире не может быть земли приятнее этой, воздуха лучше этого, воды слаще этой, лугов и пастбищ, обширнее этих»** [101, с. 250]. Не вызывает сомнения, что монголы, достигнув пределов восточного Дешта, Южного Урала, а впоследствии благодатных пространств, прилегающих к Кавказу и Черному морю, памятуя о суровом климате своей родины, ее каменистых степях и жарком дыхании Гоби, не собирались отказываться от столь лакомого куска. Кипчаки, огузы, саксины, башкиры и многие другие народы, к которым монголы в 1216 г. еще не предъявляли территориальных претензий, превращались отныне в объект поглощения их Монгольской империей.

В апреле 1219 г. Чингисхан, самолично возглавив войско, выступил на запад и, миновав Прииртышье и Семиречье, уже в сентябре

вступил в пределы Государства хорезмшахов и осадил Отрар. Началось чудовищное по жестокости вторжение завоевателей в Среднюю Азию, Афганистан и Персию. Затем, разделив армию на четыре части, начавших планомерно «осваивать» богатейшие хорезмийские оазисы, великий каан с главными силами устремился на юг, к Бухаре и Самарканду, которые пали в марте 1220 г. Одновременно, выполняя насущные задачи, он отдал распоряжения Субэдэю и Джебэ настигнуть и уничтожить хорезмшаха Мухаммеда. Полководцы Чингисхана, организовав погоню за ним, после гибели последнего продолжили поход, совершив т. н. «Великий рейд», или «Великий набег», — военную кампанию, которая длилась до 1223 г. и, по мнению Лео де Хартога, «стала одной из самых замечательных операций в мировой истории» [277, с. 145–146]. Операция эта, по оценке Е. Н. Черных, «...и по сей день поражает наше воображение стремительностью и фантастическими успехами» [285, с. 62]. «Великий рейд», первоначально планировавшийся Чингисханом в качестве акции по устранению Мухаммеда, уже на начальном этапе выявил абсолютное военное превосходство монголов над их противниками. Это превосходство подкреплялось к тому же талантами военачальников, ведущих боевые действия и одерживающих регулярные победы в условиях автономности и оторванности от главных сил и решавших вопросы по снабжению войск и продовольствием, и рекрутами самостоятельно. Скорее всего, учитывая удачно складывавшуюся ситуацию на основных «фронтах» «сартаульской»¹ кампании, Чингисхан счел возможным усложнить задачу Субэдэю и Джебэ, отправив их еще дальше на север, в пределы Восточной Европы, с целью проведения глубокой стратегической разведки. В «Сокровенном сказании» запечатлено следующее распоряжение великого каана: «А Субеетай-Баатура... он отправил в поход на север, повелевая дойти до одиннадцати стран и народов, как-то: Канлин, Кибчаут, **Бачжигит**, Оросут, Мачжарат, Асут, Сасут, Саркесут, Кешимир, Болар, Рарал (Лалат), перейти через многоводные реки Идил и Аях, а также дойти и до самого города Кивамен-кермен. С таким повелением он отправил в поход Субеетай-Баатура» [151, с. 188–189].

Обстоятельства «Великого рейда» весьма обширны, и мы не ставим задачи даже краткого его описания. Стоит лишь заметить, что

¹ Монголы называли Государство хорезмшахов, ту его часть, которая располагалась в Средней Азии, Сартуул, а его жителей — сартаульцами. От слова «сарт» — торговец [286, с. 347].

протяженность маршрута монгольского войска, «стартовавшего из бассейна Зеравшана в Средней Азии, вплоть до возвращения к исходной области вряд ли может быть короче 12–13 тысяч километров» [285, с. 65], а итогами многочисленных побед, одержанных монголами над грузинами, кипчаками, аланами, русскими, была предопределена участь всех без исключения народов Восточной Европы. Участь эта была незавидна — никаких «эликсиров жизни» завоеватели с собой не несли. После победы на Калке, когда монголами была уничтожена огромная русско-половецкая рать, и краткосрочного набега в приграничные области Южной Руси, завоеватели, войско которых изрядно поредело, направились на северо-восток — в сторону Волжской Булгарии. Однако там поздней осенью 1223 г. непобедимые доселе Субэдэй и Джебэ, встретив ожесточенный отпор, вынуждены были ретироваться в низовья Итиля, а затем и в ставку Чингисхана.

Столкновение между монголами и булгарами трактовалось, да и трактуется как явное поражение первых, хотя в данном случае необходимо учитывать абсолютную антимонгольскую направленность, а следовательно, и предвзятость восточных авторов, описывавших это событие. Но не об этом сейчас речь. Главное, что завоеватели действительно столкнулись с яростным противодействием народов Волго-Камского региона и Южного Урала — булгаров, кипчаков, башкир. Но если, судя по источникам, с кипчаками монголам пришлось сражаться еще в 1216 г., а с булгарами в 1223-м, то возникает вопрос: а участвовали ли в войне на стороне булгар в тот год башкиры? Какие-либо прямые свидетельства по этому поводу отсутствуют, но косвенным доказательством того, что башкиры выступили все-таки как союзники булгар, может служить многовековое соседство этих народов, объединивших перед лицом надвигавшейся опасности свои усилия. Подтверждением существования подобного союза можно считать события, развернувшиеся в южнорусских степях весной все того же 1223 г., когда русские и половцы-кипчаки, несмотря на многие десятилетия взаимной неприязни — полувойны, полумира, выступили против общего врага вместе.

Как показывает историческая картография Волжской Булгарии, территория расселения башкирских племен в состав этого государства никогда не входила. Более того, башкирское предание, записанное профессором Г. Б. Хусаиновым в Илишевском районе Башкортостана, гласит, что древнебашкирские племена жили довольно далеко от булгар (пятнадцать-двадцать дней пути), ограничивая свои контакты с ними торговым обменом, предметом которого были мед и меха. Тем

не менее Р. Г. Кузеев считает, что западные башкирские роды и племена, такие как еней, гайна (тархан), буляр, танып, юрми, формировались при непосредственном участии булгаро-мадьярских (а вероятнее всего — просто угорских) этнических групп, на рубеже I–II тыс. н. э. живших в низовьях р. Белой и по восточным окраинам Волжской Булгарии. Очевидно, именно они, эти племена, объединенные общим этнонимом «бачжигит», поздней осенью 1223 г. вместе с булгарами одними из первых скрестили свои мечи с монгольскими войсками Субэдэя и Джэбэ [112, с. 93]. Нельзя в этой связи обойти вниманием и сообщение венгерского монаха Юлиана, тем более ценное, что он не просто являлся современником событий, но находился, хотя и несколько позже (в середине 1230-х гг.), в их эпицентре — и в Булгаре, и в Башкирии. Юлиан писал, что монголы 14 лет воевали с башкирами, из чего вытекает, что «первые столкновения произошли в пределах 1221–1223 годов (1235 – 14 = 1221; 1237 – 14 = 1223)» [111, с. 143].

Помимо всего, Юлиан мог обладать информацией, отсутствовавшей в других источниках, так сказать, информацией «из первых уст» — от самих башкир, непосредственных участников схваток с монголами, произошедших в 1221 г., что, кстати, вполне отвечало ситуации, разворачивавшейся тогда на основном театре военных действий в Средней Азии. Джучи в 1220–1221 гг. осаждал и захватывал хорезмийские города, расположенные в нижнем течении рр. Сейхун (Сырдарья) и Джейхун (Амударья), что само по себе предусматривало рейды монгольских отрядов вглубь Дешт-и-Кипчак. Но если присутствие монголов в Деште, севернее Арала и в районе Яика в 1221 г. еще может подвергаться сомнению, то планомерное их продвижение в этот регион в 1223–1224 гг. сомнению не подлежит. Дело в том, что зимой 1223/24 гг. Чингисхан, удовлетворенный разорением и подчинением большей части Государства хорезмшахов, «двинул войска в возвратный путь» [282, с. 325]. Местом первоначального сбора своих армий, направлявшихся на восток, великий каан избрал правобережье Сейхун, где на равнине Кулан-баши, в нескольких переходах от Сайрама, состоялся Великий курултай [250, с. 144; 286, с. 224], на котором обсуждался порядок возвращения на родину, планировался очередной поход на тангутов, но главное, в свете рассматриваемой нами темы, — на том курултае решалась судьба не только Дешт-и-Кипчак, то есть степного пространства, необходимого завоевателям в качестве территории для ведения кочевого хозяйства, но и всего «Западного края», включая и Русь, и Центральную Европу, и земли к северу от Яика, населенные башкирскими племенами.

Курултай 1224 г. собрал весь цвет монгольской знати, на нем присутствовали царевичи, многие соратники и полководцы Чингисхана. Возможно, именно там Субэдэй и Джебэ докладывали своему повелителю о результатах совершенного ими похода, и, судя по всему, этот поход был признан весьма успешным. Недаром автор «Сокровенного сказания» (новейший перевод) удовлетворенно запишет: «И прошел он (Субэгэдэй-батор) через земли одиннадцати стран и народов (в прилагающемся далее списке уже традиционно значатся и бажигиды. — *Авт.*)» [286, с. 231]. Обращают на себя внимание сообщения о курултае в Кулан-баши, оставленные Абу-л-Гази и Джувейни. В частности, Джувейни пишет о том, что Джучи «... [также] явился на поклон к отцу. В числе подношений он подарил отцу 20 000 серых коней» [101, с. 257]. Абу-л-Гази более помпезен, по его словам, Джучи «прибыл к отцу своему» и «привез ему богатые дары; коней доставил он в дар сто тысяч: из них двадцать тысяч были серые, двадцать тысяч были сивые, двадцать тысяч гнедые, двадцать тысяч вороные и двадцать тысяч чубарые. Хан с своей стороны изъявил свою любовь и ласку к Джучию» [8, с. 143]. По-видимому, на том же курултае, уже по свидетельству Казвини, Джучи «вверены были область Хорезм, Дешт-и-Хазар, Булгар, Саксин, аланы, асы, русские, Микес, **башкиры** и те пределы» [101, с. 274]. Казвини вторит более поздний источник — «Родословие тюрок» («Шаджарат ал-атрак»): «...после завоевания Хорезма, по приказу Чингиз-хана, Хорезм и Дешт-и-Кипчак от границ Каялыка до отдаленнейших мест Саксина, Хазара, Булгара, алан, **башкир**, урусов и черкесов, вплоть до тех мест, куда достигнет копыто монгольской лошади, стали принадлежать Джучи-хану, и он в этих странах утвердился на престоле ханства и на троне правления» [101, с. 387–388]. Как видно, Чингисхан назначил улус Джучи, но это было не столько наследство, сколько программа будущих завоеваний его старшего сына [59, с. 59].

На основании сообщений «Сокровенного сказания», Джувейни, Абу-л-Гази, Казвини и «Родословия тюрок» вытекают как минимум несколько важных моментов, отображающих положение дел в Дешт-и-Кипчак. Во-первых, на курултае в Кулан-Баши был окончательно похоронен лозунг единства тюркских народов. По мнению В. В. Трепавлова, «после 1223 года лозунг „единства“, который так удачно применил Субедей на Северном Кавказе, потерял актуальность и уже не использовался. Все тюркские народы, что позднее оказались на пути монгольских армий, расценивались лишь как объекты покорения, а не потенциальные союзники» [256, с. 58]. Во-вторых, сам Джучи, судя

по всему, уже получил во владение обширные степные пространства к северу от Сейхун, которые были приведены к покорности еще во время похода 1216–1217 гг., ну а после взятия Ургенча и подчинения всего Хорезмийского оазиса царевич направился в Дешт и начал там править. В пользу этого свидетельствует Джувейни, сообщая, что Чингисхан, находясь еще «в пределах Самарканда (зимой 1222), послал к Джучи гонца с приглашением приехать к нему из Дешт-и Кипчака» [8, с. 143], и тот не замедлил явиться, пригнав к тому же огромное количество лошадей, в том числе и «диких куланов из Кипчака» [250, с. 144]. И наконец, именно на курултае 1224 г., меж пышных победных пиршеств и грандиозных ханских охот, великим монгольским кааном было активно продолжено строительство военной и административной системы нарождавшегося Улуса Джучи. Известно, что военная структура Джучиева юрта начала формироваться около 1206–1207 гг., когда Чингисхан приставил в помощь сыну пятерых тысячников — Кутан-нойона (Хутана), Байку, Кете (Катая), Хушитая (Тунгуй-тая) и Мунгэту-багатура (Мункеура) [84, с. 233; 151, с. 158, 176; 266, с. 274].

Чингисхан, оставляя своего первенца «на хозяйстве», приложил максимум усилий, направленных на ускорение процессов, связанных с укреплением как имперской, так и местной (джучидской) власти в восточном Дешт-и-Кипчак и созданием там абсолютно эффективного в экспансионистской политике государства, главной задачей которого в данный период было неумолимое продвижение на запад. Ярчайшим проявлением того служит образчик классических действий завоевателей на уже покоренных ими территориях — действий, связанных с формированием воинских подразделений из числа народов, признавших власть Чингисхана. Так, вездесущий Субэдэй «подал доклад [каану], чтобы „тысячи“ (в данном случае военно-административная единица, обязанная выставить тысячу воинов) из меркитов, найманов, кирей, канглов-кангар и кипчаков — всех этих обоков, вместе составили одну армию. [Чингисхан] последовал ему» [102, с. 228, 288]. Подобная методика, давным-давно «обкатанная» монголами и приносящая неизменный положительный результат, подтверждает факт закрепления их в восточном Деште — отныне между завоевателями и башкирами не оставалось непокоренных племен.

Летом 1224 г. ставка Чингисхана передвигалась на восток, достигнув к осени Иртыша. Там великий каан лично напутствовал сыновей — Джучи и Чагатая, назначив предварительно первого «главным правителем кипчаков» [84, с. 229]. В помощь старшему сыну

Чингисхан определил Мунгэту-багатура, а верный сподвижник каана Боорчу, ведавший войсками правой руки, по распоряжению своего властелина даже поучал его отпрыска. В частности, Лубсан Данзан повествует о том, как Боорчу, наставляя Джучи перед предстоящим походом, упоминает о некоем непроходимом перевале и реке, через которую как будто нельзя переправиться [84, с. 230–231], но которые царевичу необходимо будет преодолеть. Вряд ли следует напрямую отождествлять и упомянутый перевал, и реку исключительно с Уральскими горами, Яиком, а следовательно, и с землями башкир (были еще и Итиль, и Кавказ, оставались непокоренными асы, черкесы, аланы), однако военно-политические реалии 1224–1225 гг. прямо указывают на то, что монголы тогда, распространив свою власть практически на весь восточный Дешт, вплотную приблизились и к Яику, и к Южному Уралу. И война продолжалась.

Отныне, когда главные силы Чингисхана удалились в Центральную Азию, Джучи начал планомерное давление на кипчаков, опираясь лишь на вверенные ему войска. В ходе боевых действий он использовал и какую-то часть местного населения, уже признавшую его власть. Источники весьма скупы повествуют о войнах, которые Джучи вел в Приуралье, по Яику и, возможно, в Поволжье. Так, Джузджани в «Насиловых разрядах» лишь вскользь упоминает о тех событиях, да и то в контексте совместных действий Джучи и Чагатая. (Чагатай также устраивал свой улус, что располагался по соседству с Джучиевым в Семиречье и Прибалхашье.) «Туши и Чагатай, — пишет Джузджани, — управившись с делами хорезмийскими, обратились на Кипчак и Туркестан, покорили и заволокли одно за другим войска и племена кипчакские и подчинили все [эти] племена своей власти» [101, с. 250]. Более конкретно, но все так же немногословно о тех событиях сообщает в «Родословной туркмен» Абу-л-Гази: «Джучи с приданными ему нукерами из Ургенча пошел в Дешт-и кыпчак. Кыпчакский народ собрался, и произошла битва. Джучи-хан победил и перебил [всех] попавших [ему] в руки кыпчаков; те из них, которые спаслись, ушли к иштякам (башкирам. — И. А.). Большая часть иштяков теперь является потомками тех кыпчаков» [8, с. 141].

Здесь мы вплотную подходим к проблеме обстоятельств вхождения башкирских племен в состав Монгольской империи. Разгромив кипчаков, завоеватели подошли к Яику в его среднем и верхнем течении, и эта река отныне стала единственной границей между ними и башкирами, вытесненными на правобережье. Таким образом, к середине 1220-х гг. царевич Джучи подчинил степи, лежащие между

Иртышом и Уралом [111, с. 141]. Самому Джучи, после форсирования Яика, оставалось лишь выполнять приказ отца и продолжать покорять «вселенную». Одним из первых народов, оказавшихся отныне у него на пути, стали башкиры, а земли их, обширные и богатые, обойти стороной исходя из все той же великодержавной доктрины Чингисхана, в том числе и с точки зрения практического обеспечения безопасности северного фланга, представлялось невозможным.

«Письменные источники показывают, что „страна башкир“ XIII–XIV вв. располагается севернее Дашт-и-Кыпчака с протекающим через него Яиком, который течет „с севера из земли Паскатир“. Как писал Гильом де Рубрук: „Из России, из Моксея, из Великой Булгарии и Паскатира, то есть Великой Венгрии, из Керкиса (все эти страны лежат к северу и полны лесов) и из многих других стран с северной стороны которые им (монголам. — *В. И.*) повинуются, им привозят дорогие меха разного рода...“ Паскатиры (башкиры) — „пастухи, не имеющие никакого города; страна их соприкасается с запада с Великой Булгарией. От этой земли к востоку, по упомянутой северной стороне, нет более никакого города. Поэтому Великая Булгария — последняя страна, имеющая город“. А у Плано Карпини описания даже более конкретные: „С севера же к Комании, непосредственно за Руссией, Мордвинами и Билерами, то есть Великой Булгарией, прилегают Баскарты...“

Таким образом, данные письменных источников достаточно четко локализуют и пределы „страны Паскатир“: с юга — степи Дашт-и-Кыпчака, с запада — Волжская Булгария, а с востока — как писал ал-Омари: „Страны Сибирские и Чулыман прилегают к Башкирдам“.

Достаточно яркими и интересными являются описания башкир. Так, по Рубруку „это — пастухи, не имеющие никакого города“, но при этом живут в лесном краю и занимаются охотой на пушного зверя. Еще более яркими являются сведения венгерского монаха Юлиана: „Они язычники, не имеют никакого понятия о божестве, но не почитают и идолов... Земли не возделывают, едят мясо конское, волчье и тому подобное, пьют лошадиное молоко и кровь. Богаты оружием и весьма отважны в войнах...“ На первый взгляд, последнее сообщение никак не согласуется с практически в большинстве случаев, мусульманской погребальной обрядностью захоронений чияликцев (башкир). Наверное, здесь нужно иметь в виду, что между сведениями Юлиана, который побывал в Поволжье между 1235–1237 гг. и путешествием Рубрука, который через Волго-Уральские степи проезжал в 1253 г., есть хронологический разрыв почти в 20 лет. И, как писал

сам Рубрук: „то, что я сказал о земле Паскатири, я знаю через братьев проповедников, которые ходили туда до прибытия татар, и с того времени жители ее были покорены соседними Булгарами и многие из них стали саррацинами (т. е. мусульманами)...“ Что же касается богатства оружием и конями, то это довольно наглядно иллюстрируют грунтовые захоронения Охлебининского городища, датированные XII–XIV вв. и в которых найдены сабли, стрелы, удила и т. д.» [111, с. 142, 143].

Получалось, что к 1225–1226 гг. Джучи, оказавшись оторванным от метрополии, испытывая недостаток в войске перед лицом «богатых оружием и весьма отважных в войнах» башкир, к которым на помощь в любой момент могли подойти, если уже не подошли, булгары (а их мобилизационные возможности в экстремальных условиях достигали «45–55 тысяч воинов» [121, с. 106]), не решился на эскалацию агрессии на западе. Пассивность Джучи объясняется и тем, что ему необходимо было обустривать собственный улус, достигший к тому времени гигантских размеров — территории, равной сегодняшнему Казахстану. Так или иначе, но Чингисхан действиями царевича оказался недоволен, и неизвестно, как бы события развивались далее (есть несколько версий взаимоотношений отца и сына), но в 1227 г. случилось то, что случилось, — весной умирает Джучи, а ранней осенью, «в день цзы-чжоу (9 сентября)» [102, с. 161], — и сам Потряситель вселенной... Однако незадолго до своей кончины Чингисхан, узнав о смерти старшего сына, сделал весьма важное назначение — передал престол Джучи его сыну и своему внуку Бату. В «Родословии тюрков» по этому поводу говорится: «Батуй-хан, сын Джучи-хана¹, после смерти отца, по указу великого деда своего Чингиз-хана, поставил ногу на трон султанства Дешт-и-Кипчака» [101, с. 388].

Положение и влияние молодого царевича (Бату родился в 1209 г.) в среде монгольской элиты, несмотря на **высочайшее** назначение, на фоне возникшего с 1227 по 1229 гг. междоусобицы и регентства Толуя, а затем и в первые годы правления Угэдэя было, судя по всему, незначительно. Упоминание о Бату на курултае 1229 г. в Кодеу-арале в момент восшествия на престол Угэдэя (а там его имя значится вторым в списке знатнейших людей империи, сразу после Чагатая [151,

¹ Следует помнить, что титул «хан», коим именует автор «Родословия...» и Джучи, и Бату, гораздо более поздний и абсолютно не отвечает реалиям XIII в.: тогда в Монгольской империи им мог обладать лишь единственный носитель высшей власти — великий каан.

с. 191]), скорее всего, свидетельствует о предрасположенности к нему нового великого каана, но никак не о том, что он являлся могущественным правителем Дешта. При ближайшем рассмотрении становится очевидным, что в период с 1229 по 1234 гг. Бату мог лишь наблюдать, да и то издалека, за процессами, протекавшими в его улусе. И хотя в среде Чингисидов никто не оспаривал приоритетов Бату и он в многочисленных источниках запечатлен в качестве единственного законного наследника Джучи, тем не менее ему приходилось покуда находиться при Угэдэе — в 1229–1230 гг. в Каракоруме, а затем с 1230 по 1234 г. сопровождать его в походе против Цзинь [222, с. 68–70].

Между тем, независимо от положения при дворце и местонахождения Бату, на курултае в Кодеу-арале было принято важнейшее стратегическое решение о продолжении полномасштабной монгольской экспансии на всех направлениях — в Китай, в Персию, в Закавказье, но главное для Джучидов — новом грандиозном наступлении на запад. Едва Угэдэй утвердился на «престоле государства», он провозгласил закон: «Все приказы, которые до этого издал Чингиз-хан, остаются по-прежнему действительными и охраняются от изменений и переименований...» [101, с. 405]. Затем последовало персональное назначение Субэдэя, как «главного специалиста» по западному направлению, и Кокошая на «кипчакский фронт». Рашид ад-Дин пишет, что в 1229 г. Угэдэй «...Кокошая и Субэдай-бахадур послал с (тридцатью тысячами всадников) в сторону Кипчака, Саксина и Булгара» [230, с. 21]. Открылась новая страница монгольских завоеваний и очередная фаза вооруженного их противостояния башкирам, но прежде, по словам Ибн Василя, «...вспыхнуло пламя войны между Татарами и Кипчаками» [101, с. 49].

Прибывшее в район Яика тридцатитысячное монгольское войско, усиленное к тому же отрядами Улуса Джучи, нанесло свой первый удар по саксинам в низовьях Итиля. В конце 1229 г. «монголы дошли до Нижней Волги» [80, с. 689], а в войне их с кипчаками главной целью стало безжалостное уничтожение местной знати. По-видимому, с активным сопротивлением завоеватели не столкнулись, и уже очень скоро, возможно к весне 1230 г., степные пространства в междуречье Итиля и Яика, от низовий и вплоть до нынешних Саратова и Уральска, если и не заняты были монголами повсеместно, то, по крайней мере, «зачищены» от бежавших на запад и север кипчаков, не представлявших отныне угрозы для соединений захватчиков. Эти события четко отображены в Лаврентьевской летописи: «...саксины и половцы взбегоша из низу к Болгарам перед Татары и сторожеве Болгарски

прибегоша бьени от Татары, близ реки, ей же имя Як» [220, с. 453]. Несмотря на то что в этом отрывке башкиры не упомянуты, не вызывает сомнений, что они присутствовали в составе сторожевых отрядов болгар — война всюду стучалась в их дом! Да что там стучалась! Тот факт, что монголы их у Яика (район Оренбурга и Орска) потеснили и перевели боевые действия на правобережье этой реки, ярко свидетельствует, что агрессор вторгся непосредственно на территорию, населенную башкирскими племенами.

Неизвестно, как складывалась бы ситуация далее, однако в связи с военными неудачами монголов в войне с Цзинь (Доходху-Чэрби был разбит чжурчжэнями в долине Вэй-хой-фу [102, с. 164; 228, с. 208]), Угэдэй срочно отозвал Субэдэя в Китай. Значительную часть войск, выделенных еще совсем недавно ему и Кокошаю для ведения боевых действий на западе, Субэдэй, как представитель монгольской феодальной элиты и военачальник, имевший в распоряжении личные «тысячи» [151, с. 168], забрал с собой, невольно ослабив монгольский натиск на этом направлении. Таким образом, Кокошай в 1230 г. оказался в весьма затруднительном положении: рядом с ним не было ни главы дома Джучидов Бату, ни многоопытного Субэдэя. Главной задачей для него стало удержание захваченных территорий и поддержание сложившегося статус-кво на границах с башкирами и булгарами. Тем не менее, несмотря на то, что преимущество в численности войск между противоборствующими сторонами было за обороняющимися, Кокошай (а он оставался «в должности», по-видимому, вплоть до 1235 г. [250, с. 402]), предпринял ряд рейдов на север. Лаврентьевская летопись всего в двух строках сообщает: «В лето 6740 (1232)... приидоша Татарове и зимовали не дошедше до Великого града Болгарского» [220, с. 459]. Очевидно, что противостояние развернулось непосредственно на территории Волжской Булгарии, а «Великий град Болгарский» следует отождествлять со столицей государства — Биляром. Можно предположить, что вторжение осуществлялось из Приуралья, общим направлением через бассейн р. Шешмы в сторону Биляра [121, с. 170]. Однако сопротивление болгар и союзных им башкир, через земли которых монголам пришлось пройти, не позволило завоевателям окончательно подавить оборону противника и осадить столицу.

События 1232 г. вполне согласуются с башкирским преданием «Биксура». «До нашествия полчищ Чингиз-хана и Батыя, — вещует Сказитель, — реки Агидель, Ик, Мелле и Мензели были глубоководны... а долины их покрыты густыми лесами. В тех краях кочевали башкирские роды байляр и буляр. Когда же через их земли прошел хан

Батый со своим войском, мирной спокойной жизни башкирских родов пришел конец. Хан шел покорять страну булгар и по пути уничтожил башкирские племена. Это произошло в отсутствие Биксуры — старшего сына Карагай-атая. Когда Биксура возвратился с охоты и стал очевидцем содеянного захватчиками... он сел на своего аргамака и поскакал к соседним родам: байляр, ыласын, буре. Там он собрал егетов и выступил против войска Батый-хана. Выследил и уничтожил врагов. Первое наступление Батый-хана на булгар было сорвано» [111, с. 143]. Как видно из приведенного отрывка, имя Бату фигурирует в данном случае в контексте событий 1232 г., хотя он в это время, по нашему мнению, в регионе отсутствовал, а само упоминание о нем увязывается с событиями, произошедшими тремя годами позже, — началом монгольского вторжения 1235–1236 гг., которое предание помещает в строгие хронологические рамки. Так, далее по тексту, после слов «первое наступление Батый-хана на булгар было сорвано», говорится: «Года через три Батый-хан снова направил большое войско в сторону булгар. Биксура со своими егетами снова поднялся на борьбу» [111, с. 143]. Не требуется сложных математических расчетов, чтобы, увязывая две даты — 1232 и 1235 г. — и связующие их «три года», возвести этот фрагмент в ранг заслуживающего доверия исторического источника, подтверждающего «из первых уст» сообщения китайских, персидских, арабских, русских и западноевропейских авторов.

Несмотря на то что в 1232 г. завоеватели смогли проникнуть вглубь башкирских и булгарских земель, им пришлось вскоре ретироваться в приицкие степи, а первоначальный успех Субэдэя и Кокоша в 1229–1230 гг., когда территория Улуса Джучи расширилась на запад, свелся после назначения Субэдэя в Китай к ведению малоперспективной пограничной войны с булгарами и башкирами, в которой мимолетные победы сменялись столь же мимолетными поражениями. Монголы, как бы им того ни хотелось, не могли достичь богатого Волго-Камья, что обусловлено несколькими факторами. Классически (и, к сожалению, эта точка зрения глубоко укоренилась в отечественной академической науке) топтание агрессора на месте (вплоть до 1235 г.) объясняется достаточно просто — наличием и возведением в 1224–1227 гг. на восточных и юго-восточных рубежах Волжской Булгарии огромных, почти неприступных земляных валов — засечной черты, а также постройкой крепостей [8, с. 154; 121, с. 170]. Действительно, и крепости-заставы (часть которых, кстати, в 1230, да и 1232 гг. была сметена!), и засечная черта существовали, однако

возникает вопрос: а были ли в XIII столетии такие твердыни, которые не могли бы взять монголы, неважно, штурмом или измором? Ответ однозначен — таких крепостей не существовало. Конечно, можно сослаться на ряд случаев, особенно в войне с Цзинь, когда орды Чингис-хана обходили «неудобные укрепления». Однако не следует забывать и о том, как лихо форсировали они Великую китайскую стену, и о том, что, наводнив страну войсками и опустошив окрестности городов, да к тому же нейтрализовав засевшие за крепостными стенами гарнизоны, обрекая их на бездействие, монголы в конце концов добивались успеха, и эти, казалось бы, неприступные фортификационные сооружения рано или поздно капитулировали без боя, как чжурчжэньская крепость Тунгуань в Китае, сдавшаяся (в том же 1232 г.!) вместе со 110-тысячной армией на милость победителя [228, с. 220].

В других случаях, когда осаду было необходимо довести до конца, не считаясь с потерями среди **хошара** — осадной толпы, набранной из пленных, которую завоеватели гнали на стены впереди своих штурмовых отрядов, их военачальники становились упрямы, решительны и беспощадны. Так, при взятии Фэнсяна в 1231 г., по свидетельству Сюй Тина, «татары били по городу [...] из камнеметов»... специально наносили сильные удары в один [выбранный] угол его стены... было установлено 400 камнеметов. Еще (татары. — *Авт.*) имеют камнеметы на башнях» [102, с. 62]. Подобных примеров ведения осад, причем ведения грамотного, с соблюдением высших стандартов с точки зрения тогдашнего (да и не только!) военного искусства и запечатленного современниками, можно привести десятки, если не сотни и тысячи...

В этой связи вполне закономерно возникает вопрос: а при чем здесь Южный Урал и Волжская Булгария, они ведь так далеки от войны в Китае? Ответ напрашивается сам собой: главной причиной отсутствия победных реляций с западного направления в ставку Угэдэя являлось отсутствие там значительных войсковых соединений, способных самостоятельно, без поддержки имперского центра, решить задачу по окончательному покорению региона, так как лучшие, многочисленные и хорошо вооруженные части были перемещены на восточный фронт. Мы уже обращали внимание на определенный паритет между сторонами в численности войск или даже превосходство оборонявшихся перед монголами в первой половине 1230-х гг. Не исключено, что и башкиры, и булгары имели тогда возможность консолидировать имевшиеся у них силы, нанести ответный удар и отбросить противника от своих границ в глубь Дешта, но этого не

произошло, и, надо полагать, по следующим причинам: 1) **булгары сконцентрировались на ведении пассивной обороны** главных экономических центров своего государства; 2) в свою очередь, **«башкирские племена были разобщены и перед лицом монгольского нашествия действовали по-разному**. Если приуральские башкиры, жившие в лесостепных и предгорных районах Южного Урала, то есть в удалении от степного театра военных действий, сопротивлялись монголам, то юго-восточные башкиры — усергены, кочевавшие в междуречье Урала и Сакмары, оказались совсем рядом с завоевателями. Фактически, начиная с 1223 г. (а возможно, как мы подчеркивали, и с года 1216 или 1217. — *Авт.*) от монголов их отделяла только р. Урал» [111, с. 144]. Скорее всего, именно это привело к тому, что усергены, по-видимому, одними из первых среди башкирских племен признали власть Чингисхана. Однако после «монгольского прорыва» в 1230–1232 гг. усергены хотя и вынуждены были вести партизанскую войну, тем не менее делали это порою вполне успешно, что и подразумевает ослабление натиска захватчиков после того, как они, может быть, и «зимоваше, не дошедше до Великого града Болгарского», однако отступили из Волго-Камья, мягко говоря, «не солоно хлебавши».

С 1232 по 1234/35 гг. на Южном Урале происходила «неизвестная война»: никаких сообщений о ней, за исключением эпических произведений башкир, не сохранилось. Возможно, к этому времени относится фрагмент легенды «Усергены», в котором сказано следующее: «Над долинами Яика и Сакмара были у усергенов сторожевые посты и крепости. В них-то и встретили они монголов. Произошло немало жестоких битв. С обеих сторон погибло множество народа. Правда, находившиеся в укрепленной обороне усергены потеряли значительно меньше людей, чем их враги» [8, с. 154]. В другом башкирском предании дается достаточно подробное описание этих укреплений: «В старину наши предки с китайцами (читай: с монголами) воевали. Выкоплют большую широкую яму, обложат ее со всех сторон насыпью, сверху жердями и бревнами заложат, потом берестой и землей накроют — и получалось надежное укрепление. А из оставленных узких отверстий можно было отстреливаться от любого противника. По-башкирски эта крепость маса называлась» [8, с. 154]. (Где они, грозные валы булгар?) Подобные сообщения дают повод еще раз задуматься над вопросом о численности монгольских отрядов, сражавшихся на Южном Урале, а приведенные выше отрывки вновь красноречиво свидетельствуют о том, что большая часть войск захватчика была перекинута из восточного Дешта на войну в Китае.

Ну а что же происходило на Южном Урале? Не стоит преувеличивать или преуменьшать масштабы ведущихся там боевых действий. Возможно, попытки захвата и захват монголами сторожевых застав башкир были не столь многочисленны, как немногочисленны были и сами заставы. Тем не менее перед нами возникает следующая картина: несколько десятков (в лучшем случае) обороняющихся, засев в некоем небольшом земляном укреплении, отражают нападение также нескольких десятков врагов, которые никак не могут этим укреплением овладеть. В данном случае налицо деградация военной активности монголов, а вывод напрашивается один — с определенного момента война превратилась в вялотекущий конфликт, напоминающий собой не экспансионистскую акцию, а банальную разборку степных кланов, предусматривающую элементарный грабеж, причем грабеж обоюдный.

Однако эта «неизвестная война», этот «вялотекущий конфликт» по накалу страстей не уступал иным эпохальным столкновениям великих империй. И башкиры, и монголы использовали весь многовековой опыт предков в области ведения молниеносной степной войны, в ходе которой зачастую трудно было определить, кто наступал, а кто, заметая следы, уклонялся от прямолинейных схваток, дабы нанести удар из засады. Не следует забывать, что в тот суровый век противоборствующие стороны в равной степени проявляли ожесточенность, и башкиры, чьи земли попирали вражеские орды, готовы были защищать родной край любыми средствами. По-видимому, классическая и весьма эффективная тактика монголов — тактика террора, которую они неуклонно использовали, тем более в отношении строптивых противников, встречала со стороны башкир адекватное противодействие, а багатуры из Центральной Азии столкнулись с местными искусными поединщиками, и не потому ли великий каан Угэдэй в 1235 г., принимая решение об общеимперском походе на запад и поучая царевичей Чингисидов, ненароком напомнил им, что «народ там свирепый» [151, с. 192]? В свою очередь, Субэдэй докладывал Угэдэю о том, что «встречал сильное сопротивление со стороны тех народов (в том числе и «Бачжигит» — башкир. — *Авт.*)» [151, с. 191–192]. Учитывая положение дел на западе, в восточном Деште и на Южном Урале, следует с большой долей вероятности предположить, что и Угэдэй, и Субэдэй имели в виду, упоминая о «сопротивлении народов» и их «свирепости», в первую очередь башкир и булгар, потому как к 1234–1235 гг. иных по-настоящему серьезных противников, способных противостоять агрессору, в этом регионе не существовало.

К середине 1230-х гг. вектор геополитики, исповедуемой властными элитами Еке Монгол Улус, начал постепенно перемещаться на запад. Обширные, изобилующие травами и зверьем степные пространства Восточной Европы, напоенные многочисленными реками, становились не только заветной целью монгольской феодальной верхушки, но и вожделенной мечтой рядовых аратов. После падения столицы Цзинь Кайфына в 1233 г., а годом позже гибели последнего императора-чжурджэня и пресечения их династии, управлявшей страной более ста лет, задачи по окончательному подчинению Северного и отчасти Центрального Китая завоевателями были выполнены. После этой победы могущество монголов на континенте в плане решения насущных политических задач по многим параметрам достигает своего зенита. Никогда до того, даже во времена правления Чингисхана, ни тем более позже, при великих каанах Гуюке и Мункэ, несмотря на обширность географии ведения боевых действий и многочисленности армий, многонаправленность экспансионистских акций не превышала уровня агрессивной активности, проявленной монголами в период правления Угэдэя.

Важнейшим для всего дальнейшего хода евразийской истории (и не только для века XIII, но и грядущих эпох) являлись курултай монгольской знати, состоявшиеся в 1234 г. в Далан-даба (недалеко от нынешнего г. Цэцэрлэг) и в 1235 г. в Каракоруме [102, с. 168, 170]. Однако курултай в Далан-даба, отмеченный принятием новой редакции Великой ясы и устройством имперской администрации в Северном Китае, явно не отвечал интересам Джучидов в плане дальнейшего завоевания «Западного края». На том совете было лишь подтверждено поручение Бату, как правителю Улуса Джучи, возвращающемуся в свои владения, вести самостоятельные военные операции собственными силами, в том числе и соединениями Субэдэя, расположенными в Поволжье и Приуралье. Этих войск было явно недостаточно, а потому «партия войны» на западе, в лице наследников Джучи, которую (и это было существенно), поддерживал Субэдэй, приложила максимум усилий для того, чтобы склонить Угэдэя к принятию важнейшего политического решения. Весной 1235 г., когда возведены «были стены города Каракорум» [102, с. 170], состоялся курултай, сутью которого стало **объявление войны... всему миру**. Монгольские армии выступили против Кореи и южнокитайской державы Сун, в направлении Багдада и Закавказья, но главное — **было вынесено решение об общеимперском походе на запад**. Все началось с того, что «Субэдэй-батор известил Угэдэй-хана, что народы», населяющие

западные страны, «противоборствуют отчаянно» [286, с. 219] и что силами лишь Улуса Джучи «повоевать ханлинцев, кипчаков, бажигидов, русских, асудов, сасудов, мажаров, кэшэмирцев, сэрэсцев» [286, с. 218–219] и прочих невозможно. И Угэдэй изъявил свою волю: «Да отошлют властители уделов в сей поход самого старшего из сыновей своих! И те наследники, кои уделов не имеют, равно и темники, и тысяцкие, и сотники с десятниками и прочие, кто б ни были они, да отошлют в поход сей самого старшего из сыновей своих! И все наследницы и все зятя пусть старших сыновей в рать нашу высылают!» [286, с. 219].

Общемонгольский поход на запад был объявлен. Беспрецедентный по своему размаху, с военной точки зрения он стал беспрецедентным и по количеству царевичей Чингисидов, участвовавших в нем. В походе приняли участие более десяти потомков Чингисхана и прочих близких его родственников. Однако, по мнению И. Б. Грекова, вплоть до осени 1237 г., когда на курултае, состоявшемся в низовьях Дона, было принято решение о назначении Бату джихангиром всего предприятия [76, с. 58], управление монгольскими армиями осуществлялось отнюдь не коллегиально, а под жестким контролем все того же Субэдэя, наделенного после побед в Китае почетным званием да-цзяна — великого полководца [102, с. 243, 330]. Вплоть до завершения Великого западного похода в 1242 г. он оставался негласным главнокомандующим и военным лидером, пользовавшимся непрерываемым авторитетом среди принцев крови и в войсках.

Беспрецедентным было и количество войск, задействованных в этом походе, а великий спор об их численности не утихает в среде ученых уже долгие десятилетия (если не века), причем цифры разнятся от нескольких десятков тысяч (по Л. Н. Гумилеву, «30–40 тысяч человек» [82, с. 116]) до «600 000 человек» [276, с. 279], согласно М. И. Иванину — представителю русской исторической науки XIX столетия. Однако исследования последних лет сводят количественный состав монгольской армии к пределам в 80–120–150 тыс. воинов, и цифры эти вполне приемлемы, тем более что отражают численность войск на разных этапах похода [8, с. 165; 228, с. 248–249]. Впрочем, в данной работе мы не ставим задачи углубляться в тему размеров армий вторжения, равно как и числа представителей монгольской элиты, участвовавших в этой кампании. Для нас, с точки зрения рассматриваемой проблемы — завоевания Южно-Уральского региона монголами, наличие такого огромного количества войск и знати, находящейся в его рядах, служит подтверждением того, что

в 1235–1236 гг. на границах и в пределах башкирских кочевий выросла исполинская армия, перед которой в недалеком будущем не смогли устоять ни Русь, ни Польша, ни Венгрия. Даже если в пределах Южного Урала оказалась лишь какая-то часть этой армии, может быть два, максимум три тумена, то противостоять им разрозненные и измотанные непрерывной, более чем десятилетней борьбой с захватчиками и оказавшиеся отныне на острие наносимого ими удара башкирские племена не могли.

По всей видимости, именно к этому времени относится часть башкирского исторического предания «Акман-Токман»; «Но вот **нагрянула с востока страшная черная рать**. Было это летом (возможно, летом 1236 г. — *Авт.*). Все люди, вся скотина были на яйляу, в лесу, в горах, в долинах рек. Через башкирскую землю шла только часть вражеской рати. Основные же силы проходили южнее, по приицким степям. Вскоре затем **монгольский хан послал к башкирам своих нукеров — воинов — и вынудил народ покориться**» [111, с. 143]. Подтверждением того, что нашествие, коснулось непосредственно башкирских земель, являются свидетельства и других эпических произведений. «В легенде „Азан-таш“ так и сказано, что башкиры, потерпев поражение от несметного войска монголов, „скрылись в дебрях лесных чащ и теснинах гор“, разбрелись „по горам и лесам“... В предании „Бошман-Кыпсак батыр“ сообщается, что монгольская рать „распространилась по бескрайним степям“. Башкиры „пытались дать врагу отпор, но не смогли устоять перед его бесчисленной ратью, вынуждены были скрыться в лесах и горах“. Они не повиновались хану — подались „на север, в горы, леса“» [8, с. 155].

Действительно, после столь красноречивых свидетельств, а свидетельствам этим, пусть и эпическим, нет смысла не доверять, очевидно что башкиры потерпели поражение в открытом военном противостоянии с «черной ратью» завоевателей. Вместе с тем на деле все выглядело несколько иначе, и монголам пришлось пойти на беспрецедентный шаг, выразившийся в установлении с неподдающимся народом прямых переговоров, направленных на скорейшее урегулирование конфликта. Этому способствовало несколько факторов, с которыми они столкнулись и которые в своей реализации путем дипломатической дуэли не противоречили военно-политической доктрине Чингисхана.

Как известно, главной целью всего Великого западного похода являлось овладение Дешт-и-Кипчак. Земли и государства, расположенные к северу от степного пояса, рассматривались завоевателями

по большей части лишь в качестве вассалов, не лишенных традиционных форм управления, но обремененных определенной долей участия в общегосударственных, главным образом финансовых, вопросах — попросту, взимания дани. (Подобная стратегия в отношении сателлитов, в частности Руси, на протяжении нескольких столетий имела грандиозный успех.) В 1235–1236 гг. монголы, применяя на Южном Урале методику «кнута и пряника», предваренную устрашающими актами террора на части башкирских земель, тут же направили в еще не тронутые разорением кочевья своего представителя, которому необходимо было «уговорить» противника «добровольно» подчиниться.

Основной целью завоевателей непосредственно в кампании 1235–1236 гг. была Волжская Булгария — региональная держава, с подчинением которой крупнейший торговый путь, пролегавший по Итилю-Волге и Каме, переходил под их контроль. Субэдэй, как «начальник штаба», тщательно спланировавший действия монгольских корпусов против булгар, уже наметил строгий график будущей войны в Восточной Европе в 1237–1240 гг. Жертвами должны были стать кипчаки и Русь. Наличие подобного графика продвижения войск в западном направлении отрицать не приходится. Стратегия Чингисхана подразумевала его существование как сам собой разумеющийся весьма важный нюанс военного искусства. Ярким примером тому может служить знаменитый рейд Субэдэя и Джебэ 1220–1223 гг., когда Основатель наказал им **покончить «эти дела в трехлетний промежуток времени»** [266, с. 209]. Экстраполируя обстоятельства планирования того похода на военно-политическую обстановку, складывающуюся на стыке Азии и Европы в 1235–1236 гг., следует предположить, что Чингисиды и их полководцы не могли считать хоть как-то оправданной задержку даже небольшой части своих войск на Южном Урале. Орда уходила на Запад. Орда стремилась овладеть богатствами Запада, а уничтожить немногочисленные, но готовые отчаянно сопротивляться, вплоть до последнего человека, башкирские племена, теряя при этом воинов и время, монгольские военачальники не посчитали нужным и избрали путь переговоров, там более что городов как торговых, урбанизированных центров, где можно было поживиться богатой добычей, на Южном Урале не существовало.

Итак, переговоры начались. Венгерский монах-доминиканец Юлиан, совершивший в 1235–1237 гг. путешествие в «Великую Венгрию», легендарную прародину его народа, располагавшуюся на территории расселения башкирских племен на Южном Урале, оставил по этому поводу весьма интересный фрагмент в своем докладе

Папе Римскому Григорию IX. В частности, в его донесении сказано, что Юлиан «в этой стране венгров... нашел татар и посла татарского вождя, который знал венгерский, русский, куманский, тевтонский, сарацинский и татарский [языки]» [8, с. 263]. Пребывание Юлиана на Южном Урале четко датировано весной — началом лета 1236 г., в докладе указано, что он «отправился в обратный путь за три дня до праздника св. Иоанна Крестителя (20 июня 1236 г. — *Авт.*)» [8, с. 263], что, в свою очередь, позволяет определить дату переговоров между монголами и башкирами. Юлиан указывал на то, что в момент переговоров «татарское войско, находившееся тогда там же по соседству, в пятидневках оттуда, хочет идти против Алемании (т. е. Германии, и не это ли еще одно доказательство тщательного планировавшегося похода на запад?! — *Авт.*), но дожидались они другого, которое послали для разгрома персов» [8, с. 263]. Из приведенного фрагмента следуют как минимум два вывода: во-первых, монгольское войско, вернее, какая-то его часть, расположившаяся в районе Яика, Сакмары и верховий Ика, поджидало дополнительные соединения, и обязательно из Персии; во-вторых, если рассмотреть то обстоятельство, что монголы находились в «пятидневках» пути (и это с точки зрения мо-наха Юлиана, измерявшего расстояние в «одну дневку», скорее всего, максимум в 20 километров), то, учитывая скорость, с какой могли передвигаться отряды завоевателей, совершая порой молниеносные переходы в 120–150 километров в день, надо признать, что их посол вел переговоры с башкирами, образно говоря, «приставив нож к горлу», если под ножом подразумевать изготовившиеся к удару тумены.

Башкирские бии (доподлинно не известно, представители каких именно племен вели тогда переговоры с «послом татарского вождя») оказались перед сложным выбором: либо прекратить бесконечную, явно бесперспективную войну и признать власть великого каана, либо погибнуть. Башкиры могли по воле победителя превратиться, подобно меркитам, в «изгоев», подлежащих рассеиванию в пределах Империи, или того хуже, подобно татарам, оставившим лишь имя свое, подвергнуться поголовному физическому уничтожению, а могли на вполне приемлемых для себя условиях, сохранив во многом систему внутреннего управления, существовавшую у них до монгольского нашествия, стать частью этой Империи. И башкиры выбрали последнее. Башкирская знать, по крайней мере большая ее часть, не желала себе участи меркитских вождей, уничтоженных по приказу Чингисхана, или участи знати кипчакской, незавидная судьба которой уже была предопределена.

Нельзя исключать, что в 1236 г., начав переговоры с башкирами, монголы приоткрывали перспективы и выгоды в первую очередь военного сотрудничества с ними, естественно, на условиях, выдвигаемых завоевателями, то есть непосредственного участия в походах. Что сулили монгольские эмиссары башкирским биям в случае удачного, а иного и быть не могло, исхода предприятия, догадаться не сложно, особенно учитывая менталитет человека, жившего в веке XIII (да и не только!): невозможно отрицать, что ради приобретения материальных благ, даже за счет несчастья других людей, он был способен и на разбой, и на грабеж... Добавим только, что подобные действия ордынских правителей и их вассалов, неважно — русских, черкесов, огузов или башкир, являлись закономерностью, суровой правдой той эпохи.

По-видимому, переломным моментом в отношениях башкир с монголами и признания первыми **сюзеренитета над собою власти Угэдэя** было появление в одной из походных ставок завоевателей летом все того же 1236 г. вождя племени усерген Муйтэна. Нет ничего удивительного в том, что усергены, подвергавшиеся на протяжении долгих лет непрекращающемуся давлению со стороны монголов и потерявшие в бесконечной войне с ними многих своих батыров, были вынуждены в конце концов покориться, как, впрочем, и другие башкирские племена. Вокруг личности самого Муйтэна (а в его существовании как исторического лица сомневаться не приходится) накопилось достаточно противоречивых, к тому же легендарных, эпических свидетельств, так что впору задуматься над отдельным исследованием о нем как о первом башкирском владетеле, но отнюдь не мифическом, а управлявшем своими родовыми землями, входившими в состав централизованного раннефеодального государства, коим являлась Монгольская империя. Рассматривая Муйтэн-бия как реального политика, стремившегося приспособиться к ситуации, складывающейся в регионе, необходимо подчеркнуть, что пик его деятельности пришелся на время осуществления монголами Великого западного похода, и не исключено, что сам Бату, принимая Муйтэна в своей «золотой орде», пожаловал его титулом «бий» [111, с. 144] и улусом — все теми же землями усерген. Отныне Муйтэн-бий, да и другие представители башкирской знати, изъявившие покорность, превратился в улусбега. Как держатель улуса, он должен был расплачиваться с сюзереном не только натуральным ясаком, но и участием со своими воинами в походах повелителя [111, с. 145], что, судя по всему, и случилось. «В кубаире „Муйтэн-бий“ сказано... что он „с Сакмары и Саелмышы дошел

до Дона". Значит, Муйтэн-бий со своими воинами сопровождал Бату в походе на Русь в 1237–1238 гг.» [36, с. 17].

Тот факт, что башкирская знать выразила покорность монголам и была вынуждена участвовать в агрессии против запада, подтверждает «Юань ши». Согласно китайским хронистам, на рубеже 1239/40 гг., после подавления основных очагов сопротивления кипчаков в Восточной Европе, «Субэдэй набрал войско из хабичи... и прочих» [102, с. 231] «...и пятьдесят с лишним человек [их] це-лянь, которые усердно работали на него» [282, с. 503]. Следует пояснить, что термин «хабичи» обозначает людей «подвластных» и находящихся «под феодальным протекторатом» [282; с. 539], а «це-лянь» являлись племенными вождями, беками, биями или князьями покоренных народов. «Хабичи» и «це-лянь» — «это в первую очередь булгарские, буртасские, саксинские, башкирские, мордовские и чувашские князьки с их ополчениями» [282, с. 381].

Подобные сообщения наводят на мысль о том, что отряды башкир в составе монгольских соединений уже в 1240–1242 гг. могли не только оказаться на территории Польши и Венгрии, но и участвовать в сражениях при Лигнице и Шайо. Это ли не парадокс! Ведь всего несколько лет назад Юлиан, терпя ужасные лишения и теряя по пути на восток спутников, совершил, казалось бы, невозможное — достиг «другой», «старейшей», «Великой Венгрии» (читай Башкирии), и это было без преувеличения одно из самых замечательных путешествий XIII столетия. Но вот прошло пять лет, и «венгры-язычники» (башкиры), на поиски которых было потрачено столько усилий, сами, уже в рядах армии завоевателей, оказались на благодатных равнинах Пушты (венгерской лесостепи), на землях народа, с которым История разделила их несколько столетий назад, определив каждому свой путь и свою судьбу. И еще. Надо полагать, что башкирские воины, неважно, в каком качестве — вспомогательного войска или небольших подразделений, включавших в себя достойно экипированных багатуров, опередив столетия, стали предвестниками «северных амуров», удивлявших Европу в XVIII в., во времена Семилетней войны, или в веке XIX, в эпоху Наполеоновских войн, когда их курени располагались на Монмартре.

Однако не все башкиры в 1236 г. склонились перед завоевателями, и не все вожди, забыв былые вольности, подобно Муйтэн-бию, вернувшемуся из похода на запад и прожившему «еще несколько лет» [8, с. 186], кинулись усердно исполнять обязанности вассалов правителей Улуса Джучи. Западные башкирские племена — байляр, буляр,

ыласын и другие, кочевавшие в верхнем течении Ика, Мелле, Минзели, Агидели и по левобережью Камы и выступившие союзниками болгар в успешном отражении монгольского рейда 1232 г., осенью года 1236 испили горькую чашу нашествия, когда вражеские орды, устремившись к городам Волжской Булгарии, не миновали и их земель. В этом случае необходимо вновь обратиться к преданию «Биксура», главный герой которого, батыр Биксура, несколько лет назад посрамивший поражением отряды Бату, ведомые, по-видимому, Кокошаем, теперь, перед лицом нового нападения, «со своими егетами снова поднялся на борьбу» [111, с. 143]. Но вот сколь долго сумел он противостоять превосходящим силам врага, неизвестно. Так или иначе, вскоре он погиб [36, с. 167].

К эпическим произведениям, а тем более попыткам датировать произошедшие события, опираясь на их тексты, следует подходить весьма осторожно. В русле этого жанра преувеличения ратных и иных подвигов главных персонажей вполне естественны, как естественны и наслоения событий друг на друга, когда по воле Сказителей последующих поколений те или иные отрывки эпических произведений перемещались во времени. Не являются исключением и башкирские предания. Тем не менее при внимательном их рассмотрении выявляются некоторые знаковые моменты, отражающие не только события, о которых сообщают общепризнанные исторические источники, но и события, о которых они умалчивают. Так, в легенде «Усергены» сказано, что только после того, как монголы «побили болгар и русских», они «вернулись обратно и подчинили башкир» [8, с. 187]. Очевидно, очередное появление завоевателей на Южном Урале, и на этот раз, по-видимому, с карательной миссией, произошло по окончании Великого западного похода, то есть после 1242 г., а посему время сопротивления им башкир (некоей части) охватывает несколько больший промежуток, нежели хрестоматийные «четырнадцать лет», о которых упоминал Юлиан.

Весьма характерен для этого времени (по-видимому, 1240-е гг.) фрагмент из предания «Биксура», в котором сообщается о бесчинствах, творимых на землях башкир ханскими чиновниками и карателями. «За неповиновение предводителю ханского войска Карагай-атая высекли перед всем родом. Обезглавили всех взрослых мужчин. Женщин и девушек завоеватели пленили, захватили весь скот...» [36, с. 166]. В страшной картине кровавой расправы и насилия прослеживается, однако, не что иное, как жесткая рука хозяина — именно хозяина, а не вторгшегося агрессора, единственной целью которого

было бы уничтожение всех и вся. Заметьте, Карагай-атая «**высекли перед всем родом**», всего лишь **высекли**. Как бы ни жестоко и бесчеловечно было это наказание, оно свидетельствует в первую очередь о том, что расправу над бием племени байляр следует рассматривать как расправу над нерадивым данником, не заслужившим за свои проступки смертной казни, которого довольно подвергнуть унижительной для главы рода прилюдной показательной порке... Вот она, имперская политика «кну́та», правда, о «пряниках» «Биксура» умалчивает.

Монгольская (золотоордынская) власть, вначале огнем и мечом выжигавшая любые акты неповиновения и сопротивления, а затем буквально «кнутом» вгоняя целые страны и народы в рамки империи, созданной Основателем, к середине XIII столетия добилась того, что практически весь Дешт-и-Кипчак и Восточная Европа оказались вовлечены, и вовлечены насильственно, в «совместное проживание» внутри Улуса Джучи. Окончательно сформировавшийся территориально к середине 1240-х гг. и имевший, как и Еке Монгол Улус, федеративное устройство, а следовательно, представлявшийся образцом монархического федерализма Улус Джучи включал в себя «субъекты», наделенные разным статусом. Это в первую очередь касается территорий с отличными от номадических формами хозяйствования, как, например, Русь и Хорезм, основой экономики которых было земледелие, или же окраин, периферийных областей государства, коей являлась Башкирия [112, с. 100], где кочевой (полукочевой) уклад жизни населения хотя и занимал подобающее место, однако в силу географического расположения **страны** подразумевал не такие жесткие, строго вертикальные, как в главном домене золотоордынских властителей отношения вассала с центральной властью. При этом приоритетом отношений между сторонами оставалось безусловное подчинение вассала своему сюзеру.

Таким образом, положение башкирских племен в 1240-х гг., окончательно инкорнированных в состав державы Джучидов, оказалось схожим с положением русских княжеств, что предусматривало обязательную выплату ханского ясака, участие воинского контингента в военных походах, тыловое обеспечение армии и т. д. При этом монголы — и в этом отличие от политики, проводимой ими в отношении кипчакско-половецких племен — сохранили у башкир правящую верхушку. Так, Муйтэн-бий, «вернувшись оттуда (из похода на запад. — *Авт.*)... в своей стране был бием» [111, с. 145]. Кроме него башкирские предания сообщают о своих биях у бурзян, кыпсаков, тамьянцев, которых Муйтэн подчинил себе. В общем-то, схема управ-

ления, очень схожая с той, которую монголы установили для Руси: главный правитель, утвержденный и поддерживаемый монгольскими (золотоордынскими) ханами, и подвластные ему удельные князья (бии). «Как на Руси был великий князь владимирский, который отвозил в Орду дань, собранную с удельных князей, так и в Башкирии был глава сильнейшего племени, власть которого распространялась и на другие племена. Подобно тому, как на Руси ярлык на великое княжение владимирское по воле хана переходил от одной княжеской династии к другой, так и в Башкирии ярлык верховного бия мог переходить от одного племени к другому. **Монголы и сами не были заинтересованы в чрезмерном усилении одного из башкирских племен.** Поэтому верховными биями в разное время могли быть предводители усергенского и бурзянского племени. В преданиях усерген подчеркивается, что именно их племя было сильнейшим, а в преданиях бурзян таким же статусом наделяется бурзянское племя» [10, с. 17]. Если и дальше проводить аналогии с Русью, нельзя исключать того, что башкирские бии (улусбеги), как и их русские коллеги, враждовали между собой за обладание ханским ярлыком, а это красноречиво подтверждает имперскую позицию, занимаемую золотоордынскими правящими кругами, действовавшими по принципу «Разделяй и властвуй!».

Весьма эффективно используя этот лозунг, монголы на захваченных территориях устанавливали порядки, полностью отвечавшие исповедуемой ими внутренней и внешней политике. Но в данном случае весьма уместным будет процитировать Л. Н. Гумилева, писавшего, что «монгольское войско вышло из этой тяжелой войны (с башкирами. — *Авт.*) не ослабленным, а усиленным» [80, с. 429]. Это утверждение абсолютно верно, только вот Л. Н. Гумилев, увязывая успех монголов с событиями 1236 г., не проецировал свою мысль в отношении исторической судьбы башкир, развития их как нации, а не акцентировать на этом внимания невозможно. Невозможно отрицать, что **башкиры, пройдя сквозь череду тяжелых испытаний, связанных с монгольским нашествием, также вышли из противостояния с ними «не ослабленными, а усиленными», и усиление это было отнюдь не краткосрочным.**

На протяжении достаточно длительного периода, в XIII–XIV вв., родовая паноплия башкир обогатилась пришедшими с востока племенами салют (салджуиты), катый, меркит (меркиты), гэрэ (кераиты) [173, с. 233, 235, 311, 466] и многими другими. Это ли не доказательство не только удивительной способности кочевников выживать в край-

не невыгодных для себя условиях, но и того, что на Южном Урале в эпоху владычества монголов и Золотой Орды создались условия для поступательного развития местного социума и появления у него перспектив исторического развития?

Эпоха монгольских завоеваний, опалившая в XIII в. практически весь цивилизованный мир, не могла обойти башкир стороной. Монголо-башкирское противостояние, продолжавшееся почти полвека, начавшееся со встречи передовых разъездов Джучи в 1207 г. с неким башкирским родом, кочевавшим в Зауралье и Южной Сибири, закончилось к 1236 г. полномасштабной войной на собственно башкирских землях, а затем в середине столетия подавлением выступлений признавших за собою сюзеренитет великого хана нескольких башкирских племен, восстаний, носящих, по мнению центральной власти, исключительно сепаратистский характер. История не приемлет сослагательного наклонения: «что было бы, если б не монгольское нашествие...», но надо полагать, что случившиеся, вне сомнения, трагические события послужили, и уже в не таком по историческим меркам далеком будущем, осознанию башкирами своей национальной идентификации — как единого народа, как единой нации.

ГЛАВА IV

Южный Урал в составе Золотой Орды

4.1. Этнический состав населения по данным письменных источников

Арабские источники рассматриваемого периода, в которых упоминаются башкиры, представляют собой преимущественно компиляции. Таковым является сочинение ученого XIV–XV вв. Абд ар-Рашида ал-Бакуви «Китаб Талхис ал-асар вааджаиб ал-малик ал-каххар» («Сокращение [книги о] „Памятниках“ и чудеса царя могучего») — сокращенная редакция географического труда Закарийа ал-Казвини «Асар ал-билад ва ахбар ал-ибад» («Памятники стран и сообщения о рабах [Аллаха]»), составленного в 1275–1276 гг. Закарийа ал-Казвини (1203–1283) был выдающимся арабским космографом. Его сочинение является географической энциклопедией, содержащей в том числе и сведения о башкирах [1, с. 111].

Труд испано-арабского историка и географа Ибн Саида ал-Магриби (1214–1274 или 1286) — «Китаб баст ал-ард фи-т-тул ал-ард» («Книга распространения Земли в длину и ширину») — представляет собой систематическое описание ойкумены. Одним из главных источников этого труда было сочинение ал-Идриси. Сочинение Ибн Саида содержит сведения о башкирах и стране башкир [155, с. 34].

Труд Ибн Саида послужил основой для многих сообщений, содержащихся в сочинении сирийского историка и географа Абу-л-Фиды (1273–1331) «Таквим ал-булдан» («Упорядочение стран»), в котором дается описание Земли и всех известных к тому времени в арабском мире стран и народов. Информация Абу-л-Фиды о башкирах и стране башкир воспроизводит сведения Ибн Саида [155, с. 118].

Ал-Омари Шигабетдин Ахмед ибн Йахиа ибн Фазлаллах ад-Димакши (1301–1348) был секретарем при египетском султানে. Его обширный историко-географический труд называется «Пути взоров по государствам разных стран». Свои сведения о Золотой Орде он получал путем личных расспросов тюрок-мамлюков, дипломатов разных стран и торговцев. Башкирию ал-Омари упоминает при описании границ золотоордынского государства. При этом он ссылается на Хасана Элирбили, который, в свою очередь, передает рассказ странствующего купца Бедреддина Хасана Эрруми, ездившего по северным странам [101, с. 106 и сл.].

Ибн Халдун родился около 1332 г. и умер в 1406-м. Его труд называется «Книга назидательных примеров и Сборник подлежащего

и сказуемого по части истории арабов, иноземцев и берберов». Башкирию он также упоминает при описании границ золотоордынского государства [101, с. 169].

В сфере персидских источников приоритет принадлежит Рашид ад-Дину ат-Тиб Фазлаллаху ибн Имад ад-доуле Абу-л-Хайр Яхья ал-Хамадани — крупнейшему средневековому историку и государственному деятелю на службе у монгольских правителей Ирана из династии Хулагуидов. Рашид ад-Дин родился в Хамадане (Западном Иране) около 1247/48 г. Он был очень образованным человеком, знал персидский, арабский, иврит, монгольский и европейские языки. В 1298 г. Рашид ад-Дин был назначен везирем Газан-хана (1295–1304). Эту должность он сохранил и в период правления Улджайту-хана (1304–1316). В царствование Абу Саида (1316–1335) вследствие интриг врагов Рашид ад-Дин был освобожден от своего поста, а затем в 1318 г. казнен в Тебризе по обвинению в отравлении Улджайту. В 1300/01 г. Рашид ад-Дин по приказу Газан-хана начал, а в 1310/11 г. закончил грандиозный труд под названием «Джами ат-таварих» («Сборник летописей», или «Собрание историй»). Это сочинение включает всеобщую историю мира с древнейших времен с изложением истории монголов до 1303/04 г. Для нас наиболее интересен первый том под названием «Тарих-и Газани», который содержит обзор тюркских и монгольских племен, их разделений, генеалогий и легенд, истории самого Чингисхана и его потомков, правивших в Восточной Европе, Средней Азии, Китае и Иране. В распоряжении автора находились все государственные архивы и помощь всех тех людей, кто были знатоками истории монголов [11, с. 33 и сл.]. Подобно большинству других арабо-персидских авторов, Рашид ад-Дин выступает как компилятор, который обычно точно, а зачастую даже текстуально «передает изложение своих первоисточников» [228, с. 35 и сл.]. В числе этих первоисточников необходимо отметить «Золотую книгу» («Алтан дебтер») — официальную историю Чингис-хана, его предков и преемников, которая была написана на монгольском языке и не сохранилась до наших дней, так что данные этого источника известны нам только в передаче Рашид ад-Дина [228, с. 25]. Башкиры и страна башкир неоднократно упоминаются в разных местах «Джами ат-таварих». Однако большая трудность при работе с этим источником состоит в том, что башкирами Рашид ад-Дин называет не только самих башкир, но и венгров [9, с. 364–370].

«Аноним Искендера» — сочинение по всеобщей истории, посвященное Тимуриду Искендеру, управлявшему Фарсом и Исфahanом

в 1409–1414 гг. и убитому в 1415 г. Условное название «Аноним Искандера» дано В. В. Бартольдом. Впоследствии В. В. Бартольд установил, что автором этого сочинения был некий Муин ад-Дин Натанзи. «Аноним Искандера» содержит ценные сведения о месте Башкирии в административной структуре улуса Джучи [101, с. 310].

Большой интерес для нашей темы представляют отчеты католических миссионеров Плано Карпини и Рубрука о путешествиях в Монголию. Путешествие Плано Карпини длилось более двух лет. Он выехал из Лиона 16 апреля 1245 г. Доехав до Волги, Плано Карпини побывал в ставке Бату-хана и отправился дальше в Центральную Азию, где стал свидетелем возведения на общемонгольский престол хана Гуюка. В ставке Гуюка он прожил почти четыре месяца и отправился в обратный путь 13 ноября 1246 г. Осенью 1247 г. Плано Карпини прибыл в Лион, где и представил Иннокентию IV свой подробный отчет о путешествии.

В своей «Истории монголов» Плано Карпини сообщает о покорении монголами страны Баскарт, отождествляемой им с Великой Венгрией. Сам он в этой стране не был, но знал, что она прилегает к Комании, через которую пролегал его маршрут, с севера ¹.

Гильом де Рубрук (1215–1295) — францисканский миссионер, отправленный французским королем-крестоносцем Людовиком IX Святым к монгольскому великому хану. Целью миссии Рубрука было заключение союза с монголами, направленного против ближневосточных мусульман. Его путь пролегал из Палестины через Черное море в Крым, далее на восток до низовьев Волги. Двигаясь дальше на восток, он в конце 1253 г. достиг Каракорума, столицы великого хана Мункэ. Летом 1254 г. он отправился обратно, доехав до Нижней Волги, двинулся на юг вдоль западного берега Каспийского моря и в августе 1255 г. прибыл в свой монастырь в Ливане. Путь Рубрука в Монголию и обратно пролегал степными маршрутами. Страну Паскати́р, отождествляемую им с Великой Венгрией, Рубрук помещает к северу от маршрута своего путешествия [232, с. 76]. Двигаясь на восток, Рубрук пересек «большую реку, именуемую Якак» — Яик, о которой известно, что «она течет с севера из земли Паскати́р» и впадает в Каспийское море [232, с. 101 и сл.].

Очень важным источником по истории Башкортостана является «Письмо брата Иоганки венгра, ордена миноритов, к генералу орде-

¹ Плано Карпини, Иоанн де. История монголов. СПб, 1911. С. 25–26, 35–36, 50.

на, брату Михаилу из Чезень», написанное в 1320 г. Католический миссионер Иоганка прожил в Башкирии «6 лет непрерывно», о чем он и рассказывает в своем письме [6, с. 90–94].

Ценные сведения по этнической истории Южного Урала рассматриваемого периода содержатся и в более поздних источниках. К их числу относится трактат польского ученого Матвея Меховского (1457–1523) «О двух Сарматиях», впервые напечатанный в Кракове в 1517 г. Трактат состоит из двух книг. Первая книга посвящена Сарматии Азиатской, а вторая — Европейской Сарматии. Башкирия упоминается в главе второй «Об областях Скифии — Перми, Югре и Кореле, покоренных князем Московии» второй книги трактата [200, с. 117].

В русских источниках сведения о башкирах появляются достаточно поздно. Башкиры упоминаются в «Истории о великом князе Московском» Андрея Михайловича Курбского [176, с. 273, 275]. «История о великом князе Московском» — один из значительнейших памятников русской публицистики второй половины XVI в. В окончательном виде «История» сложилась, скорее всего, в первой половине 70-х гг. XVI в.

Район расселения башкир и их основные занятия нашли отражение в Книге Большому Чертежу [149, с. 138 и сл.], которая была составлена в 1627 г. в Разрядном приказе по «государеву указу».

Из тюркских источников нас интересуют два сочинения Абу-л-Гази. Абу-л-Гази (1603–1664) — потомок Чингисхана, сын Араб-Мухаммед-хана, происходит из рода Шейбана (Шибана), хивинский хан, автор исторических сочинений «Шеджере-и таракимэ» («Родословная туркмен») (закончена в 1660–1661 гг.) и «Шеджере-и турк» («Родословное древо тюрков») (закончено Махмудом, сыном ургенчского муллы, после смерти Абу-л-Гази). В обоих этих сочинениях упоминаются башкиры [157, с. 43 и сл.; 231, с. 17–18, 122, 151, 158 и сл.].

Источники эпохи позднего Средневековья по-прежнему определяют башкир как народ. В «Сокровенном сказании» упоминается народ Бачжиги, Бачжигит [151, с. 175, 188–189, 194]. Закарийа ал-Казвини называет Башкырт большим народом. О том, что баскарды были большим народом, пишет также и брат Иоганка венгр. А. М. Курбский упоминает башкир в качестве отдельного народа. Лубсан Данзан упоминает народ башмир [84, с. 228]. Народ Башкурд упоминается у Абу-л-Гази. Таким образом, арабские, монгольские, западноевропейские и русские авторы воспринимали башкир именно как народ, нередко уточняя, что это большой народ.

Арабо-персидские авторы по традиции называют башкир тюрками. Так, Закарийя ал-Казвини пишет: «Башкырт — большой народ из тюрков». Точно также он определяет руссов [1, с. 104, 111]. Рашид ад-Дин относит башкир (наряду с русами и черкесами!) к народам, «которые с древнейших времен и до наших дней называли и называют тюрками» [228, с. 73]. Тюрками Рашид ад-Дин называет все кочевые скотоводческие народы Азии, поэтому «у нашего автора „тюрки“ — термин не столько этнический, сколько социально-бытовой» [228, с. 28].

Венгерский миссионер Юлиан в 1236 г. нашел своих соплеменников «близ большой реки Этиль» [6, с. 81], отождествляемой с р. Белой [6, с. 73, 81, прим. 1] (баш. Агидель, нередко называемая Идель). Оказалось, что «язык у них совершенно венгерский: и они его понимали и он их». Рубрук пишет: «Язык Паскатири и Венгров — один и тот же» [232, с. 101]. Здесь паскатиры, то есть башкиры, довольно ясно отличаются от венгров, хотя и отмечается, что они говорят на одном языке с венграми. Однако сам Рубрук с башкирами не общался, а его лингвистические рассуждения ничего не стоят. Так, ниже он в том же духе пишет, что язык славян один и тот же с языком вандалов [232, с. 102]. Рубрук повторил утверждение Юлиана о тождественности бытовавшего в бассейне р. Белой языка с венгерским, но он не имел понятия о неоднородности этнического состава населения этого региона.

Юлиан сообщает, что найденные им «венгры» «водили его кругом по домам и селениям». Рубрук отмечает, что башкиры не имеют «никакого города» [6, с. 81; 232, с. 101 и сл.].

В источниках встречаются сведения и о хозяйственных занятиях башкир. Вот что пишет ал-Идриси о Башкирии: «Страна плодородна, пастбища обильны, пастухи многочисленны» [299, р. 222]. Юлиан об уральских «венграх» сообщает: «Земли не возделывают; едят мясо конское, волчье и тому подобное; пьют лошадиное молоко и кровь» [6, с. 81]. Не все в этой характеристике правдоподобно. Трудно представить, чтобы люди ели мясо «волчье и тому подобное» и пили лошадиную кровь. Очевидно, юлиановские «венгры» занимались скотоводством, главным образом коневодством и, возможно, охотой. Рубрук упоминает Паскатири в числе стран северной стороны, откуда «привозят дорогие меха разного рода». Башкир Рубрук (как и ал-Идриси) называет пастухами [232, с. 76, 101]. Ал-Казвини отмечает, что в седьмом климате, где живут башкиры, «нет возделанных местностей» [1, с. 111]. Матвей Меховский упоминает Башкирию в числе областей, в которых «не пахут, не сеют, не имеют ни хлеба, ни денег, питаются лесным зверем, которого у них много, а пьют только воду».

Он же отмечает большое значение пушной охоты [200, с. 117]. По Меховскому получается, что башкиры не занимались даже скотоводством, с чем согласиться нельзя. Книга Большому Чертежу описывает хозяйственные занятия башкир в следующих словах: «...а кормля их мед, зверь, рыба, а пашни не имеют» [149, с. 139]. Черкасская редакция содержит существенное дополнение: «скоту держат много» [149, с. 182]. В предании «Акман-Токман» отмечается: «Народ занимался охотой, пчеловодством, держал скот, коней. Башкиры кочевали со своими табунами с одного кочевья на другое. Каждый род, аймак имел свое место для весенних, летних, осенних и зимних стойбищ» [46, с. 182]. Таким образом, источники единодушно отмечают отсутствие земледелия среди занятий средневекового населения Южного Урала.

В «Сокровенном сказании» башкиры названы в числе «Лесных народов» [151, с. 174 и сл.]. Рубрук упоминает Паскатир в числе стран, которые «лежат к северу и полны лесов» [232, с. 76]. Рашид ад-Дин пишет, что «народы, которые с древнейших времен и до наших дней называли и называют тюрками, обитали в степных пространствах, в горах и лесах областей Дешт-и Кипчака, русов, черкесов, башкиров, Таласа и Сайрама, Ибира и Сибира. Булара и реки Анкары» [228, с. 73]. Эта характеристика заслуживает доверия, так как башкиры обитали именно на стыке степной, лесной и горной зон. О больших лесах в Башкирии пишет Матвей Меховский. О том, что «башкиры живут в лесах», пишет и Андрей Курбский. В предании «Булгары и башкиры» сказано: «Говорят, башкиры в те времена жили в лесах» [36, с. 164].

Юлиан об уральских венграх сообщает: «Богаты конями и оружием и весьма отважны в войнах». По мнению Л. Н. Гумилева, гостеприимство и воинственность заволжских «венгров» указывают «на высокий уровень пассионарности, значительно превышавший пассионарность соседних этносов» [80, с. 459 и сл.]. Пассионариями можно считать и самих башкир, которых Идриси называет (в разных переводах) смелыми и предприимчивыми [299, р. 222], решительными и сильными [153, с. 122], волевыми и храбрыми людьми [50, с. 28]. Закарийа ал-Казвини, повторяя сообщения более ранних авторов, пишет, что башкиры «самые худшие из тюрок и самые упорные в стремлении к убийству» [1, с. 111]. Выражение «самые худшие» следует понимать в значении «самые воинственные» или «самые опасные». Такой воинственный образ жизни средневековых башкир был обусловлен необходимостью борьбы с врагами. Суровые природно-климатические условия и пассионарность башкир — вот два фактора, объясняющих, почему их никто не мог покорить.

Закарийа ал-Казвини упоминает: «Башкырт — большой народ из тюрков, между Кустантинией и булгарами». Повторяя в сокращении рассказ Ибн Фадлана о башкирах [1, с. 130 и сл.], автор снова подчеркивает, что «это большой народ. Но большинство их христиане, — продолжает Закарийа ал-Казвини. — Среди них есть группа мусульман, последователей толка имама Абу Ханифы ан-Нумана», которые «платят джизью христианам». И наконец: «У них есть царь с громадным войском. Население живет в шатрах. У них нет крепостей» [1, с. 111]. Сведения Закарийа ал-Казвини о народе башкырт являются неудачной компиляцией различных сообщений предшествующих авторов о башкирах и венграх. И тех и других он объединяет в один народ, указывая при этом, что это «большой народ». Якут четко различал венгров-христиан и башкир-мусульман. У Закарийа ал-Казвини же оказывается, что среди языческого народа большинство составляют христиане, а меньшинство — мусульмане-ханифиты. Сведения о последних были заимствованы из Якута, сочинение которого Закарийа ал-Казвини читал невнимательно. Возможно, он прав в том, что мусульмане в Венгрии «платят джизью христианам». В его время их могли уже не привлекать на военную службу. Концовка рассказа, представляющая на первый взгляд интерес, никак не может быть отнесена к башкирам и вообще к XIII в., ибо она заимствована из Ибн Русте, который писал, что мадьярский король «совершает походы с всадниками числом 10 000», а у мадьяр «есть палатки, крытые кожей» [299, р. 206].

Ибн Саид ал-Магриби жителей Венгрии разделяет на два народа — собственно венгров и башкурдов, причем первые были христианами, а вторые от одного туркменского факиха приняли ислам [26, с. 106]. Басджиртов он упоминает в рассказе о печенегах [155, с. 34].

Арабский космограф Шамс ад-Дин ад-Димашки (1256–1327) располагает «страну башкирд и маджар» в Причерноморье [178, с. 58], а восточных башкир называет басхартами [278, с. 715].

Абу-л-Фида использует название «ал-Маджгария», т. е. «страна маджар» [178, с. 58]. В районе Дуная и Карпат он помещает народы «ал-авлак, ал-маджар, ас-сарб», т. е. валахи, венгры и сербы [155, с. 113]. Басджиртов Абу-л-Фида, как и Ибн Саид, упоминает в связи с описанием печенегов [155, с. 118], что неудивительно, так как «труд самого Ибн Саида был едва ли не главным источником Абу-л-Фиды» [26, с. 104]. Этноним «Башкерд», по мнению Д. А. Хвольсона, Абу-л-Фида употреблял для обозначения другого народа [278, с. 716].

Ал-Омари, описывая границы золотоордынского государства, называет «области Сибирь и Ибирь, Башкырд и Чулыман» [101, с. 106].

Здесь совершенно ясно, что автор говорит не о Венгрии, а именно о Башкирии. Он также пишет, что «пределы всего царства Узбекова [простираются] в длину от Дергана (Гурганджа. — *Авт.*) Хорезмского на востоке до Башгырда (на западе. — *Авт.*), а в ширину от Хорезма до крайних пределов земли Сибирской» [77, с. 281; 101, с. 110]. Вот здесь речь идет как раз о Венгрии. Ибн Халдун о Золотой Орде пишет, что это государство простирается, в частности, до «Булгара, Башгырда и Джулымана» [101, с. 169]. А. Н. Поляк читает: Башкирд [221, с. 30, прим. 5]. Ал-Калкашанди (1355–1418) знает «башкардов» — понятие, общее для Венгрии и Башкирии [221, с. 31].

Рашид ад-Дин часто упоминает башкир наряду с келарами. Так, он пишет: «Когда же пришла очередь ханствования и господствования над миром Чингиз-хану, его знаменитому роду и его великим преемникам, то они замирили и сделали покорными себе все государства населенной части мира, [состоящей] из Северного Китая и Южного, из Индии и Синда, Мавераннахра и Туркестана, Сирии и Византии, стран асов и урусов, черкесов и кипчаков, келаров и башкир, — короче говоря, все то, что простирается от востока на запад и с севера на юг» [228, с. 66]. «Келар», как известно, искаженный титул «король», причем имеется в виду венгерский король, воевавший с монголами. Стало быть, это название относится к мадьярам, как подданным венгерского короля¹. «Келар» и был королем башкир, т. е. венгров, а Рашид ад-Дин принял этот титул за название народа, отличного от башкир. Возможно, в тексте, которым пользовался Рашид ад-Дин, речь шла именно о короле или королевстве башкир. Надо обратить внимание и на перечисление стран, покоренных монголами, с востока на запад. Келары и башкиры оказываются в конце этого списка, т. е. на крайнем западе территории, охваченной монгольским нашествием, что соответствует местоположению Венгрии. Рашид ад-Дин также отмечает, что «еще [и поныне] в областях Хитая, Хинда и Синда, в Чине и Мачине, в стране киргизов, келаров и башкир, в Дешт-и Кипчаке, в северных [от него] районах, у арабских племен, в Сирии, Египте и Марокко [Магрибе] все тюркские племена называют татарами» [228, с. 103]. Здесь келары и башкиры не помещаются к северу от Дешт-и Кипчака и, стало быть, не отождествляются с южноуральскими башкирами. Интересно и упоминание о том, что монголы «захватили области келаров, башкиров, булар, Дешт-и Кипчак, урусов [русских], черкесов и асов [осетин]

¹ Rona-Tas, A. Hungarians and Europe in the Early Middle Ages: an Introduction to Early Hungarian History/A. Rona-Tas. Budapest, 1999. P. 300.

до крайнего севера» [229, с. 67 и сл.]. Получается, что области келаров и башкир были захвачены монголами раньше других (имеется в виду поход Батые). Таким образом, используемый Рашид ад-Дином этноним «башкиры» не имел определенной географической привязки и мог помещаться то в начале, то в конце захваченной монголами территории.

Как уже отмечалось, ранние арабские авторы не путали башкир с венграми. Представление о тождестве башкир и венгров появляется лишь в поздних арабо-персидских источниках. Это представление было связано с тем, что часть башкир поселилась в стране венгров, являясь там значительной военной силой. Название башкир многие восточные авторы распространяли на всех жителей страны венгров, что не соответствовало действительности. Отсюда и возникла путаница венгров, называемых башкирами, с башкирами, живущими на Урале.

4.2. Этническая карта Южного Урала в XIII–XIV вв. по данным археологии

В отличие от предшествующих столетий, формирование этнической карты Южного Урала в XIII–XIV вв. происходило, как бы мы сейчас сказали, с привлечением «административного ресурса» Золотой Орды. Практически все исследователи, так или иначе касавшиеся вопроса социальной истории и организации этого государства, подчеркивают огромную роль административной политики ордынских ханов в динамике и трансформации этнической карты Восточной Европы в указанное время. Суть этой политики, как это было показано Г. А. Федоровым-Давыдовым, заключалась, во-первых, в «обезглавливании» покоренных кипчакско-половецких орд путем либо ликвидации, либо вывоза в Монголию представителей местной родоплеменной знати, а во-вторых — в целенаправленном и преднамеренном освобождении степных территорий от «избыточного» кипчакско-половецкого населения. Но это абсолютно не означает, что монголы проводили политику геноцида по отношению к местным племенам (ордынские ханы не были тупо-кроважадными). Содержание административных мер заключалось в переселении части

кипчаков / половцев и их союзников (по крайней мере, перед лицом монгольской агрессии) «черных клобуков» / торков из южнорусских степей, достигающих тогда пика очередной аридизации, подальше на восток, в Поволжье и Южное Предуралье. Степи Урало-Поволжья в это время также были вполне аридными, но в природно-климатическом отношении все-таки продолжали оставаться более суровыми, нежели степи Причерноморья, Поднепровья или Подонья.

В отечественной историографии долгое время доминировала точка зрения Г. А. Федорова-Давыдова о формировании в XIII–XIV вв. этнической карты степного Поволжья как следствии переселения сюда половецко-торческого населения из более западных областей: «Археологические материалы кочевнических погребений XIII–XIV вв. позволяют проследить ряд значительных перемещений половецких и других кочевых племен, населявших южнорусские степи. Эти перемещения — увеличение численности кочевого населения Поволжья и Молдавии, переселение черных клобуков, исчезновение кочевнического населения в низовьях Дона и т. п. — хронологически относятся к монгольскому завоеванию и естественно связывать их с этим грандиозным событием» [267, с. 35]. Эти выводы ученого, в свою очередь, породили концепцию «кыпчакского этапа» в этногенезе урало-поволжских народов, в частности башкир: «Этническую историю башкирского народа в XIII–XIV вв. можно квалифицировать как кыпчакский этап в его этногенезе. Кыпчакская миграция в Башкирию в XIII–XIV вв., по этническому составу сама по себе чрезвычайно сложная, была наиболее мощной из всех тюркских миграций в Волго-Уральский регион. Разрушительное монгольское нашествие привело в движение массы кочевников, и это движение, то затухая, то вновь активизируясь, продолжалось по крайней мере два-три столетия» [168, с. 169].

Сейчас, по мере накопления и изучения археологического материала с рассматриваемой территории, ситуация не представляется столь однозначной. На страницах современных исследований в степях Урало-Поволжья в XIII–XIV вв. все чаще фигурируют канглы, кидани, кимки, найманы и, конечно же, собственно кипчаки [162, с. 117–129; 201, с. 20 и сл.; 296, с. 26 и сл.]. Мы полагаем, что для столь детальной этнической интерпретации имеющегося археологического материала еще не вполне достаточно¹. Зато вполне достаточно материала для определения места населения, оставившего в регионе памятники

¹ Что, впрочем, не означает, что ее не стоит проводить.

XIII–XIV вв., на этнической карте Южного Урала и степени его участия в этногенезе башкир.

В свое время одним из авторов настоящей работы был проделан сравнительно-статистический анализ погребального обряда кочевников Золотой Орды степей Восточной Европы с целью выявления степени типологического сходства оставленных ими памятников. Эта работа была предопределена тем обстоятельством, что, как это было показано Г. А. Федоровым-Давыдовым, в административно-территориальной системе Золотой Орды (Улуса Джучи) господствовала улусная система, согласно которой вся территория этого государства¹ была поделена на владения-улусы отданные под управление царевичам Чингисидам. Соответственно ей (хотя и с некоторой долей условности, но максимально приближенной к административно-территориальному делению Золотой Орды, установленному Г. А. Федоровым-Давыдовым [267]) все известные в степях кочевнические памятники Золотой Орды были поделены на семь локальных групп:

- Приуральская (152 погребения, или 19,8 % от всех известных золотоордынских погребений);
- Нижневолжская (154 погребения = 20,1 %);
- Средневолжская (149 погребений = 19,4 %);
- Волго-Донское междуречье (71 погребение = 9,3 %);
- Донская (50 погребений = 6,5 %);
- Левобережная Украина (75 погребений = 9,8 %);
- Правобережная Украина, включая Прикарпатье (69 погребений = 9,0 %).

Результаты сравнительно-статистического анализа перечисленных групп памятников по 96 альтернативным признакам² погребального обряда показали, что наибольшее типологическое сходство обнаруживают между собой погребальные памятники приуральских (территория современных Челябинской, Оренбургской, Актюбинской, Уральской областей), нижневолжских (Астраханская, Волгоградская области) и средневолжских (Саратовская, Самарская области) кочевников, образующие (в графическом выражении) замкнутый треугольник со значениями показателей сходства от 64 до 75 % [110]. Географически они строго вписываются в ландшафтную зону Урало-Поволжских степей.

¹ Так же как и территория всей Монгольской империи.

² То есть по принципу — есть тот или иной признак или его нет.

Признаки, объединяющие курганы перечисленных локальных групп, представлены в табл. 4.1.

Таблица 4.1. Признаки погребального обряда кочевнических могильников Урало-Поволжья XIII–XIV вв. (%)

№	Содержание признака	Локально-типологические группы			
		Приуралье		Поволжье	
		Каменные курганы	Земляные курганы	Средне-волжская	Нижне-волжская
1	Могильник бескурганый	–	–	3,3	–
2	Кострище в насыпи	–	2,2	6	3,2
3	Кости животных в насыпи	5,6	10,9	15,4	15,6
4	Ровик у основания насыпи	–	3,9	5,3	17,5
5	Керамика в насыпи	–	2,6	4	–
6	Деревянные конструкции в насыпи	–	–	4,7	–
7	Одно погребение	93,4	88,6	88,6	92,2
8	Два погребения	6,6	12,2	11,4	7,8
9	Погребения впускные	–	7,4	–	7,8
10	Могила простая	74,7	70,7	67,7	55,8
11	Стенки сужаются ко дну	–	–	–	3,9
12	Ступенька справа	–	–	–	3,2
13	Ступенька слева	8,4	6,5	10	9
14	Ступеньки вдоль длинных стенок	–	5,6	9,4	7,8
15	Подбой без уступа	–	3	–	5,8
16	Подбой с уступом	5,6	4,3	–	9
17	Перекрытие на засыпи могилы	27,1	21	14,1	26,6
18	Перекрытие на ступеньках	–	4,8	8,7	5,2
19	Перекрытие на ступеньке	–	2,6	6	3,9
20	Перекрыт подбой	–	2,6	–	6,5
21	Череп и ноги коня слева	–	3	7,4	7,1
22	Череп и ноги коня на засыпи могилы	–	–	–	3,2
23	Остов коня слева	11,2	5,6	–	–

№	Содержание признака	Локально-типологические группы			
		Приуралье		Поволжье	
		Каменные курганы	Земляные курганы	Средне-волжская	Нижне-волжская
24	Остов коня на ступеньке	7,5	3,9	–	3,9
25	Остов коня в отдельной яме	–	–	–	4,5
26	Ориентировка коня совпадает с человеком	14,9	9,1	12,1	19,5
27	Сбруя без коня	21,5	20	14,1	18,8
28	Ориентировка погребенного: Запад	32,7	40,6	60,4	51,3
29	Восток	–	3	8	5,2
30	Север	14,9	10,5	–	–
31	Юг	4,6	6,5	–	–
31	Юго-запад	11,2	14	4	19,5
32	Северо-запад	10,3	9,2	4,7	7,8
33	Северо-восток	18,7	10	13,4	8,4
34	Вытянуто на спине	89,7	92,5	90,6	94,8
35	Руки вытянуты вдоль	70	72	62,4	67,5
36	Правая согнута	6,5	7,4	6	9
37	Левая согнута	10,3	6,5	6	8,4
38	Обе согнуты	–	5,6	14,1	9
39	В дощатом гробу	10,3	14	30,9	27,2
40	В колоде	–	5,2	12,1	13,6
41	Деревянная рама	4,6	2,2	–	–
42	Подстилка из коры	4,6	7	7,4	3,8
43	Подстилка травяная	–	2,6	–	3,8
44	Кости овцы в могиле	10,3	8,7	8	18,8
45	Кости лошади	–	–	–	3,2
46	Кости животного не определены	5,6	6,5	3,3	–
47	Кости животного в изголовье	8,4	8,7	6	12,3
48	Кости животного у ног	4	3,9	4	7,1
Всего погребений:		107	229	149	154

Приведенные данные вполне очевидно свидетельствуют о том, что курганы Среднего и Нижнего Поволжья и земляные курганы Южного Приуралья представляют собой единый этнокультурный массив, оставленный близкородственными кочевниками, в XIII–XIV вв. составлявшими улус хана Бату.

Вопрос об определении этнического состава кочевников Улуса Джучи (Золотой Орды) в его восточноевропейской части настолько традиционен в историографии, что, в принципе, как бы подразумевает и свою решенность. И действительно, если мы обратимся к выводам исследователей, в разное время обращавшихся к вопросу о том, кто населял степи Улуса Джучи в XIII–XIV вв., то увидим, что их точки зрения существуют как бы в параллельном пространстве, не противореча друг другу и, главное, — не исключая друг друга. Суть их сводится к тому, что:

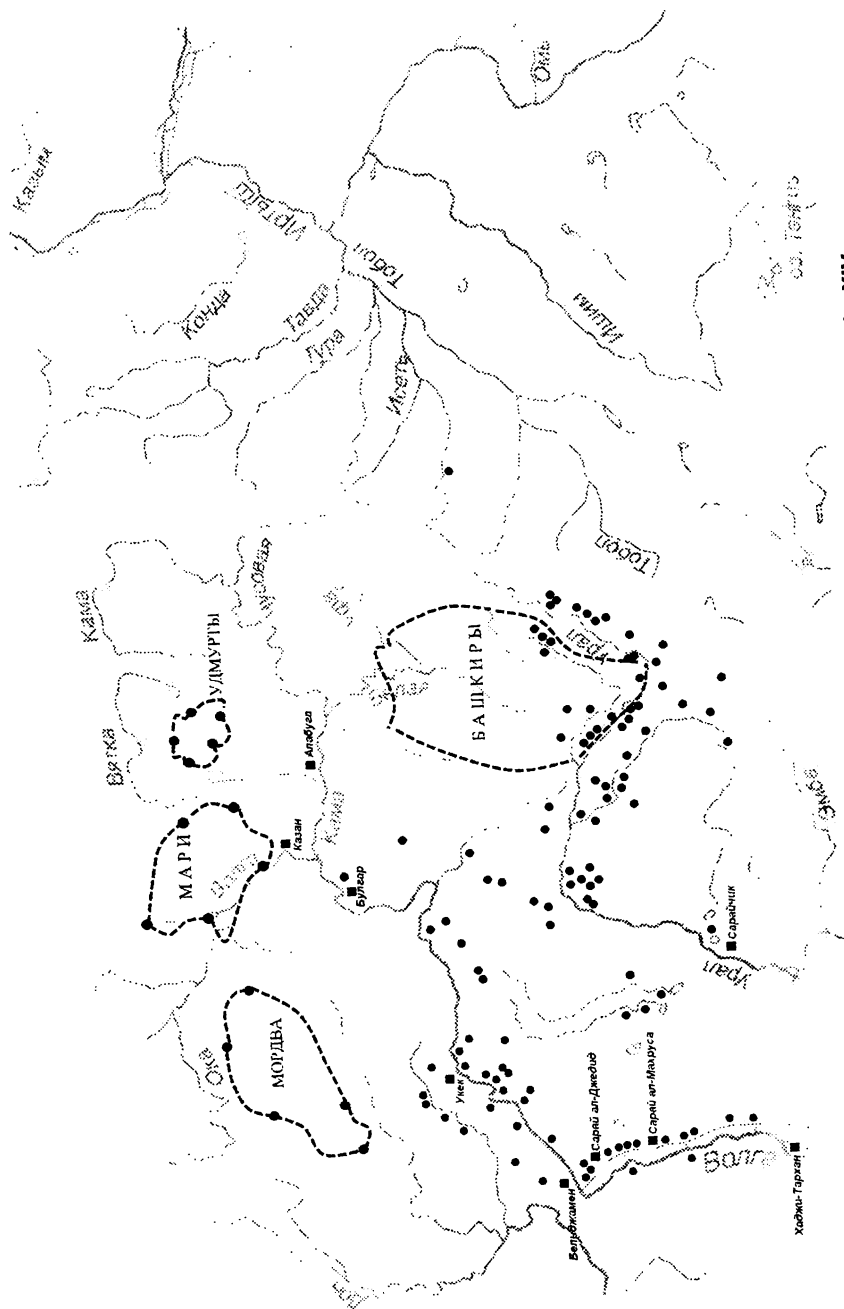
- в домонгольское время в южнорусских степях доминировали, а в Урало-Поволжских присутствовали кипчаки-половцы, против чего не возражает никто. Скорее напротив — большинство исследователей старались или стараются это доказать [17, с. 51; 27, с. 525, 550–551; 74, с. 65; 75, с. 18; 109, с. 66 и сл.; 113, с. 154–162; 165, с. 19; 173, с. 171 и сл., 184; 180, с. 41, 110, 113; 193, с. 34];
- против того, что в XIII–XIV вв. носители кипчакско-половецкого этноса входили в состав Улуса Джучи (Золотой Орды) тоже никто не возражает. Разногласия проявляются, главным образом, в оценке «удельного веса» кипчакско-половецкого компонента в этнической карте этого государства [158, с. 234; 162, с. 133];
- самой пёстрой и путаной представляется этническая карта Урало-Поволжской части Улуса Джучи (Золотой Орды), где как по письменным, так и по археологическим источникам можно выделить (и выделяется) целый конгломерат племен и народов самого различного происхождения и вероисповедания [43, с. 203–209; 195, с. 346; 201].

Хотя это уже хрестоматийно, но, дабы не нарушать целостность изложения, следует упомянуть классические работы С. А. Плетневой и Г. А. Федорова-Давыдова, наполнившие территорию Дешт-и-Кипчак / Половецкой Степи археологическим содержанием. С. А. Плетнева, рассматривая половецкие каменные изваяния как основной аксессуар культа предков, идентифицирует территорию их распространения в степях Восточной Европы с Половецкой землей, очерчивая ее восточную границу по Волге [218, с. 23].

Фактически к аналогичному выводу пришел и Г. А. Федоров-Давыдов по результатам сравнительно-типологического анализа погребений XII–XIII вв. в Нижнем Поволжье и Южнорусских степях. Памятники первой из названных территорий он вполне определенно связывает с половцами-команами [266, с. 150].

Появление последней из перечисленных выше точек зрения о конгломерате племен и народов в составе Золотой Орды (Улуса Джучи) было обусловлено типологической неоднородностью погребальных памятников кочевников XIII–XIV вв. в степях Заволжья и Южного Приуралья, отмеченной еще Г. А. Федоровым-Давыдовым и позже более развернуто обоснованной В. А. Кригером и одним из авторов настоящей книги [109, с. 55–68]. Речь идет о т. н. «каменных курганах», основной ареал распространения которых располагается к востоку от Мугоджар, в верховьях Урала, Ори и Илека. Первоначально В. А. Иванов и В. А. Кригер интерпретировали их как кипчацкие. Однако В. П. Костюков, предметно и детально проанализировавший погребальный обряд курганов золотоордынского времени с целью выявления этномаркирующих признаков, пришел к выводу о том, что среди урало-заволжских погребений кроме кипчацких присутствуют и погребения, связанные «с монгольской культурной традицией» [161, с. 13]. Последующие поиски исследователя в этом направлении позволили ему сделать заключение о том, что кипчаки, хотя и, безусловно, присутствовали среди кочевников Улуса Джучи, но отнюдь не как доминирующий этнос. А что касается Урало-Аральского региона и прилегающих к нему степей, то здесь, по его мнению, начиная с XIII в. доминировали племена, происхождение и история которых «в той или иной степени были связаны с центральноазиатским и южносибирским регионами» [159, с. 234 и сл.; 162, с. 133].

Выводы В. П. Костюкова в известной степени перекликаются со сделанными чуть ранее выводами исследователя памятников средневековых кочевников Западного Казахстана А. А. Бисембаева. По результатам сравнительно-типологического анализа погребального обряда курганов XII–XIV вв. автор пришел к выводу о присутствии в это время в Урало-Казахстанских степях двух этнокультурных групп кочевников, оставивших погребальные памятники, по чертам и облику близкие южносибирским и восточноевропейским [43, с. 139].

Карта урало-поволжских территорий Золотой Орды (Улуса Джучи) в XIV в.

По результатам сопоставления типологических групп погребений, выделенных путем сравнительно-статистического анализа, с археологическими, письменными и этнографическими данными неоднородную этническую картину степей Южного Приуралья в эпоху Золотой Орды рисует И. В. Матюшко. По мнению исследовательницы, погребения с целым остовом коня и традицией использования камня в насыпи принадлежат «тюркскому племени, ранее кочевавшему в южнорусских степях». И вообще, «большинство типов приуральских погребений XIII–XIV вв. свидетельствуют о преобладании в степях Приуралья тюркоязычной этнической общности в золотоордынское время. Существование разных типов погребений, очевидно, объясняется смешением различных родов и племен, что было характерно для золотоордынского периода. Это подтверждается и рядом письменных источников» [201]. И наконец, на примере погребений могильника Мокринский I в Западном Казахстане Д. В. Марыксин, присоединяясь к мнению В. П. Костюкова, выделяет погребения, оставленные буддистами — выходцами из Центральной Азии [195, с. 346].

Совершенно очевидно, что ни кочевников, оставивших в степном Предуралье земляные курганы, ни кочевников, оставивших «каменные курганы» XIII–XIV вв., напрямую считать башкирами нельзя хотя бы в силу того обстоятельства, что в рассматриваемое время башкиры уже обитали на территории современного Башкортостана (то есть за пределами степной зоны), включая и Бугульминско-Белебеевскую возвышенность. Здесь известен ряд однотипных могильников XIV в.: Синтыштамакский (Благоварский район Башкортостана), Куштирякский (Бакалинский район), Резяповский (Чекмагушевский район) и Аверьяновский (Самарская область). Все они датируются XIV в. [43, с. 31–34]. Всего пока исследовано 20 погребений в 18 курганах. Все курганные насыпи земляные. В одной курганной насыпи были найдены кости лошади, барана и угли. Погребения — основные (15 погребений), но есть и впускные (5 погребений). Преобладают простые прямоугольные могильные ямы с отвесными стенками (17 погребений), в двух случаях с левой стороны от костяка вдоль длинной стенки были сделаны широкие ступеньки, в одном — контуры могильной ямы не прослежены. Большинство костяков захоронено в положении вытянуто на спине, в одном случае скелет был склонен на левый бок, в одном случае положение костяка не выяснено. В четырех случаях черепа были развернуты в правую сторону. Ориентировка распределяется

следующим образом: юго-запад — 10 случаев, запад — 6, северо-запад — 3 и север — 1. В четырех погребениях имелись кости лошади, в одном — кости барана и жеребенка. Восемь погребений без вещей, двенадцать погребений с вещами.

Одним из авторов этой книги уже была выдвинута точка зрения о принадлежности этой группы памятников древнебашкирскому этносу. Она основывается на следующих аргументах:

1. Расположение данной группы памятников на Бугульминско-Белебеевской возвышенности. Едва ли кочевникам Золотой Орды, обитавшим в условиях, близких к современным или даже чуть более гумидным (пески Прикаспийской низменности в рассматриваемое время представляли собой сухую степь [85]), была нужна в массе своей откочевывать в лесостепь.
2. Близость погребального обряда огузо-печенежскому (земляные курганы, основные и впускные захоронения, простые могилы, положение вытянуто на спине, западная с отклонениями ориентировка, отсутствие целых конских захоронений).
3. Сходство антропологического материала Сынтыштамакского могильника с современными башкирами [8, с. 110 и сл.].

Еще одно подобное захоронение обнаружено у д. Удрякбаш Благоварского района. Установить наличие курганный насыпи над погребением невозможно. Проследить конструкцию могильной ямы также не удалось. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад. Погребение принадлежало кочевнику, о чем свидетельствуют особенности костей, а также находка железного стремени, зубов и позвонка лошади. Захоронение датировано XIII–XIV вв., а его культурная принадлежность может быть установлена только через определение таковой близкого к нему Сынтыштамакского могильника. Удрякбашское погребение было обнаружено случайно, что характерно для Благоварского района, являющегося практически «белым пятном» на археологической карте республики, так как его территория, за редкими исключениями, не подвергалась даже разведочным исследованиям [209, с. 283–285].

Логика перечисленных выше признаков подсказывает, что башкирским могло быть также захоронение 7 кургана I Сыртлановского могильника в Мелеузовском районе, которое располагалось близко к поверхности (впускное?). Костяк лежал вытянуто на спине головой на запад. Вещевой материал отсутствует. М. Ф. Обыденнов отнес это захоронение примерно к середине II тыс. н. э. и отметил влияние мусульманского погребального обряда [208, с. 47, 110]. Очевидно,

человек, захороненный здесь, был представителем той группы населения, которая оставила целый ряд поселенческих памятников, расположенных поблизости. Это, прежде всего, селища Каныкаево II, Береговское III, Иткучуково II, Хлебодаровка IV, Смаково, Красноярское I и II, первое из которых находится недалеко от г. Стерлитамака в Ишимбайском районе, а все остальные — у южной излучины Белой в Мелеузовском районе. Эти поселения, культурный слой которых очень беден находками, В. Д. Викторова отнесла к памятникам так называемого ишкуловского типа, отметив их синхронность селищу Береково. Последнее находится тоже в Мелеузовском районе и по поливной керамике желтого цвета датируется XIII–XIV вв. [54, с. 163, 166, 172]. Особняком стоит и селище Аптраково ныне того же Мелеузовского района, отнесенное к первой половине II тыс. н. э. Само Ишкуловское селище, находящееся в Абзелиловском районе, определяется как место башкирской кочевки XIV–XV вв. [54, с. 172] ¹. На трех последних селищах заметны округлые впадины глубиной 10–30 см и диаметром 3–6 м. Это следы легких жилищ типа юрт. М. Ф. Обыденнов из поселенческих памятников Мелеузовского района называет еще Басурмановское, Бельское II и III, Хасановское I, Апасевское селища и относит их, как и те, что были известны раньше, к периоду XIII–XV вв. [208, с. 108]. Вот эти селища, по-видимому, и надо рассматривать в качестве летних стоянок башкир в предгорных и горных районах Южного Урала. Однако в своем большинстве они еще не раскапывались, поэтому выводы об их датировке и культурной принадлежности являются сугубо предварительными.

Тем не менее перечисленные выше памятники объективно свидетельствуют в пользу гипотезы Р. Г. Кузеева если не о локализации древнебашкирского этноса, то во всяком случае его присутствии на Бугульминско-Белебеевской возвышенности в XIII–XIV вв. Вместе с тем нельзя забывать, что для рассматриваемого времени на территории современного Башкортостана, главным образом в среднем и нижнем течении р. Белой, локализируются памятники чияликской археологической культуры, выделенной казанским археологом Е. П. Казаковым по материалам селища и могильника у с. Чиялик на востоке современного Татарстана [136, с. 67–75].

¹ Что, впрочем, не мешает местным башкирам все археологические памятники и мусульманские кладбища в окрестностях с. Ишкулово считать казахскими (наблюдения во время раскопок Ишкуловского II могильника в 1983 г.).

Чияликские могильники — бескурганные, погребенные лежат в простых прямоугольных ямах на спине с вытянутыми или согнутыми в локтях руками. Преобладающая ориентировка — западная, юго- или северо-западная. В могилах часто встречаются остатки гробов со следами действия огня на них (Казакларовский могильник) или угольки и кусочки обожженной глины в засыпи могилы (могильник Такталачук). Большинство погребений совершено по мусульманскому обряду, т. е. без вещей и с соблюдением соответствующих канонов, однако в чияликских могильниках представлены и многочисленные пережитки языческого угорского обряда: круглодонные сосуды с характерной гребенчато-шнуровой орнаментацией, поставленные в изголовье могилы, остатки конской шкуры и бляшки-наглазники (Кушулевский, погребения 1, 65; I Азметьевский, погребения 44, 50, 93), женские украшения, среди которых наиболее часты подвески с желудевидными бусинами на кольце.

Границы ареала памятников чияликской культуры охватывают оба склона Южно-Уральского хребта в пределах зоны лесостепи. На западе они вплотную примыкают к восточным пределам Волжской Булгарии (икская, токская, усть-бельская локальные группы), на востоке проходят по верховьям рр. Урал и Большой Ик (уральская группа) [60, с. 9].

«Чиялики» вели полукочевой образ жизни, что археологически выражается в наличии поселений двух типов — летников и зимников. Летники — открытые поселения, расположенные по берегам рек и состоящие из легких каркасных жилищ. По материалам наиболее исследованных летников — Горново, Тукмак-Каран, Верхне-Спаское, Ишкуловское — выделяются такие типы жилищ, как юрты и конические шалаши круглой планировки, а также каркасно-столбовые постройки прямоугольной формы со входом-тамбуром.

Зимники — это укрепленные городища (Чортово, Кара-Абыз, Турналинское, Гумеровское, Нагаевское II и др.), застроенные квадратными полуземлянками или наземными срубными постройками, отапливаемыми каменными печами-сувалами. Кроме того, как на летниках, так и на зимниках выявлены ямы-погреб с обложенными деревом стенками, бани (?), хлевы для скота. На Горновском поселении на р. Дема найдены также остатки печи для выпечки хлеба [60, с. 11–13].

Памятники чияликской культуры генетически восходят к памятникам «мрясимовского типа», а через них к поздней бакальской культуре Зауралья и Западной Сибири. Прежде всего, их объединяет керамика,

представленная лепными сосудами, украшенными шнуровым и гребенчатым орнаментом, и такие элементы погребального обряда, как остатки конской шкуры и бляшки-наглазники (Кушулевский, погребения 1, 65; I Азметьевский, погребения 44, 50, 93), женские украшения, среди которых наиболее часты подвески с желудевидными бусинами. То есть фактически мы можем говорить о двух этапах расселения зауральско-западносибирских угров в Приуралье в первой половине II тыс. н. э. Первый этап — «мрясимовский» (X — начало XIII вв.) и собственно чиялыкский (XIII–XIV вв.). Описанные выше курганы «мрясимовского» типа локализуются в северных районах современного Башкортостана. Именно они очерчивают южную границу этнокультурного ареала приуральских угров, которая в домонгольский период проходила по правобережью рр. Уфы и Белой. В более южных районах Приуральской лесостепи, между низовьями Камы, Волгой и горами Южного Урала, угорские памятники домонгольского времени не выявлены. Объясняется это, по-видимому, тем, что в рассматриваемое время (начиная с середины XI в.) Волго-Уральские степи переживают очередной период кочевнических миграций, вызванных приходом сюда половецко-кипчакских племен. Вытеснив огузов из Заволжья и разгромив Заволжскую Печенегию, половцы-кипчаки заставили печенегов и союзных с ними башкир частью уйти на запад, частью отступить на север, на южные окраины Волжской Булгарии и на территорию современного Башкортостана¹. Движение кочевников со стороны степей, очевидно, определило именно западное направление угорской миграции в Приуралье в X — начале XIII вв. В указанное время практически на всех булгарских поселениях появляется керамика, украшенная характерным для приуральских угров гребенчато-шнуровым орнаментом, свидетельствующая о расселении её носителей по всей территории Волжской Булгарии [135, с. 304].

В рассматриваемое время Волжская Булгария становится культуро- и ареалообразующим фактором для населения Среднего Поволжья, Прикамья и Приуралья. Начинает функционировать Камский торговый путь, способствовавший «булгаризации» материальной культуры населения Среднего и Верхнего Прикамья [40]. Продукция булгарских ремесленников попадает за Урал, к обским уграм — предкам современных хантов и манси [263]. Отчетливо оформляются

¹ Кочевнический (тюрко-печенежский) этнокультурный компонент прослеживается в керамике болгарских поселений X–XI вв. (Т. А. Хлебникова, Е. П. Казаков, Н. А. Кокорина).

этнические границы волжских финнов — мордвы, мари, мешеры — и прикамских финно-пермяков — удмуртов [70; 172].

Одним из наиболее выразительных проявлений культурного и политического влияния Волжской Булгарии на соседние племена региона явилась исламизация приуральских угров. Уже в XI–XII вв. у восточных границ Волжской Булгарии появляются могильники чияликского типа — Азметьевский, Ново-Сасыкульский, Кушулевский, Селянинский, захоронения в которых совершались по мусульманскому обряду, хотя и с заметными пережитками язычества. К мусульманским погребальным традициям здесь относятся вытянутое положение покойного, уложенного головой на запад, но лицом повернутого на юг, в сторону Мекки (кыбла), к языческим — помещение в женские и детские могилы характерных глиняных сосудов с заупокойной пищей, а также наличие в этих же погребениях личных украшений — бус, серег, подвесок, перстней.

В процессе адаптации к новым ландшафтным условиям башкиры перенимали от своих угорских соседей традиционные для населения уральской лесостепи хозяйственно-культурные черты — навыки лесной охоты с помощью луков, склеенных из разных пород дерева, самострелов и ловушек-черканов, гоньбу за зверем на лыжах, речное и озерное рыболовство с острогой и лучением, долбленые лодки-«кэмэ», конические шалаши-чумы и др. Все эти элементы культуры, воспринятые, как считают этнографы В. И. Васильев и С. Н. Шитова, на самых ранних этапах башкирско-угорского этнокультурного взаимодействия, к XVI–XVII вв. становятся уже неотъемлемыми, традиционными чертами образа жизни и быта южноуральских башкир [51; 288], не говоря уже о том, что процесс хозяйственного освоения башкирами Приуральской лесостепи сопровождался процессом этнической интеграции двух народов, осуществлявшимся в направлении постепенной ассимиляции угров башкирами.

На эпоху Золотой Орды приходится и кипчакский период в этнической истории башкир, который Р. Г. Кузеев оценивал так: «Смешение и взаимодействие племен кипчакской миграции с древнебашкирским этносом и расселение смешанных групп в пределах территории нынешней Башкирии привели к формированию этнокультурных признаков, которые лежат в основе современной этнической характеристики башкирского народа» [173, с. 481]. Масштабы кипчакизации населения Южного Урала, по мнению исследователя, были велики: «Кипчакский компонент (собственно кипчакский, табынский, катыйский, минский) охватил всю территорию расселе-

ния башкир, а кыпчакские родоплеменные названия стали составлять около 35 % в общей родоплеменной этнонимии башкирского этноса» [170, с. 217]. И это подтверждается данными о широком распространении кыпчакской этнонимии и топонимии в Башкирии [139, с. 217; 261, с. 123; 262, с. 89 и сл.]. В настоящее время только одни башкиры-кыпсаки расселены в 242 населенных пунктах Урала и Юго-Западного Приуралья. Кыпчаки оставили многочисленные следы в топонимии Башкирии, что свидетельствует об их непосредственном пребывании здесь. Сведения о переселении кыпчаков из оренбургских степей в Башкирию сохранились в башкирских преданиях [20, с. 110].

Кипчакизация, под которой подразумевается переселение части кыпчакских племен на территорию современного Башкортостана, охватывала в основном его южные и юго-западные районы, непосредственно примыкающие к северным границам степной зоны Заволжья и Южного Предуралья — основной территории распространения кыпчакско-половецких памятников (земляные курганы) XIII–XIV вв. Кочевники, оставившие эти памятники, с высокой степенью вероятности, и являлись предками современных башкир-кыпсаков.

Зауральские, юго-восточные районы современного Башкортостана оказались под непосредственным влиянием кочевников, оставивших «каменные курганы», среди которых доминировали южносибирские племена домонгольского и имперского (X–XIV вв.) периодов и кимаки — потомки создателей Кимакского каганата в Верхнем и Среднем Прииртышье. Именно они и составили этническое ядро улуса Шибана, владений младшего брата хана Бату, включавших в себя степи Южного Зауралья, Тургай, часть современного Центрального Казахстана до Северного Приаралья и низовьев Сырдарьи [162]. Носителей культуры каменных курганов можно считать предками башкирских катаяцев и табынцев, во-первых, потому, что эти племена имеют центральноазиатское происхождение (катаяцы этнически восходят к кара-китайцам [173, с. 225], а родиной табынцев, как известно из их предания, был Алтай [36, с. 123]), а во-вторых, потому, что башкирские катаяцы и табынцы в рассматриваемое время расселялись главным образом в Зауралье и горах Южного Урала [168, с. 172, рис. 15; 173, с. 528, карта 18], то есть в непосредственной близости от ареала распространения каменных курганов. О связи культуры зауральских башкир с культурой «каменных курганов» XIII–XIV вв. свидетельствуют и такие этнографические данные, как распространение каменных оградок в оформлении надмогильных

сооружений XVII — начала XX вв.¹, «монголизмы» в их лексике и близость антропологического типа [133; 292, с. 61].

Каменные обкладки вокруг могильных ям в основном встречаются в степной и лесостепной зонах Башкортостана, охватывая его территорию на юго-западе в Альшеевском районе и на северо-востоке в Зауралье. В северо-западных районах Башкортостана, а также в лесной зоне, среди северных башкир Пермской области не было встречено ни одного случая каменной обкладки могильных ям. Там доминируют деревянные надмогильные сооружения (несмотря на то, что камень имелся в достаточном количестве), которые отражают традиции населения лесной полосы, в то время как каменные обкладки могил имеют кочевническое происхождение [294, с. 213–217]. Этногенез северных и северо-западных башкир — гайна, еней, юрми (юрматы) — своими корнями связан с теми процессами, которые сопровождали расселение древних башкир по Южному Уралу и Приуралью, а именно ассимиляцией ими местных «чияликцев» — угров. К сожалению, упоминавшиеся выше памятники чияликской культуры — это самые поздние археологические объекты, подвергавшиеся целенаправленному изучению. Что же касается территории северных и северо-западных районов современного Башкортостана, то, в контексте средневековой археологии, они до сих пор представляют собой наименее изученную часть региона. Поэтому единственная нить, с помощью которой удастся проследить этническую связь северных и северо-западных башкир с прикамско-приуральскими уграми и финно-пермяками, — это исторические предания племени гайна, согласно которым их предки — охотники Айна и Гайна — приехали на Урал на оленях², и сказание башкир уфа-таныпцев, начинающееся словами: «Мы потомки марийцев, которые, оставив марийские обычаи, перешли в мусульманскую веру...» [36, с. 115–117, 136].

¹ Каменные выкладки и оградки позднего Средневековья (вероятно, XV–XVI вв.) выявлены в Абзелиловском, Баймакском, Дуванском, Учалинском и Хайбуллинском районах Башкортостана.

² Ясное дело, что приехать на оленях из степей они не могли.

4.3. Башкиры под властью ханов Улуса Джучи

В предыдущей главе мы достаточно ясно обозначили место, занимаемое башкирскими племенами, а с определенного времени — Башкирским улусом в составе Золотой Орды, являвшимся, в отличие, например, от русских княжеств (хотя бы по причине номадических форм хозяйствования и менталитету населения), ни много ни мало, но имперской территорией, обладавшей к тому же определенными функциями автономности. Однако положение Башкирии в государственной системе Джучидской державы, основным взаимосвязывающим звеном которой являлись владения улусбегов различного уровня, не представляется чем-то исключительным. На фоне достаточно пестрого этнотерриториального деления Золотой Орды, в которой разные субъекты имели и разный статус, положение башкирских племен нельзя назвать ни чрезвычайно принижено-угнетенным, ни тем более привилегированным. Для Сарая (центральной власти) и в XIII, и в XIV вв. в отношениях с вассалами, независимо от форм собственности, которыми те обладали (тархан или сукюргал), отдаленности земель или вероисповедания населения, приоритетнейшей являлась лишь одна позиция — полная лояльность с их стороны по отношению к сюзерену. Полная лояльность во всем, будь то выплата даней или участие (по требованию) в военных походах повелителя. Надо полагать, что положение кочевого, полукочевого населения Южного Урала, равно как и Сибири или отдаленных уголков Кок-Орды («левого крыла» Улуса Джучи), ничем не отличалось от положения кочевников, населявших главный домен золотоордынских властителей, располагавшийся в нижнем и среднем течении Итиля.

Тем не менее невозможно обойти стороной бытовавшую в отечественной исторической науке XX в. идею о ярчайшим образом проявленной классовости золотоордынского общества, о безудержном «феодальном гнете», которому башкиры, впрочем, как и другие народы, были подвержены. Советские историки, четко выполняя «генеральную линию» (как будто у них был выбор!), сводили историю практическую в область господствовавшей тогда идеологии, то есть к бесконечным умствованиям на тему притеснения башкир (рядовых аратов), творимых правящей верхушкой Улуса Джучи. По этому поводу писалось следующее: «Положение трудящихся масс Башкирии под властью Золотой орды было исключительно тяжелым. Кочевавшие в стране с суровым климатом, башкиры... жили в постоянной нужде,

„ибо это не оседлые люди, у которых есть посевы, и сильная стужа губит их скотину“. Завоеватели обложили башкир тяжелой данью, которая становилась невыносимой в те годы, когда случался падеж скота вследствие обильных снегов и гололедицы. В таких случаях трудящиеся башкиры продавали своих детей для покрытия податных недоимок. Особенно тяжелой была военная повинность, когда башкиры должны были во время подготовки золотоордынского хана к очередному походу поставлять в его войско вооруженных людей с годовым запасом продовольствия» [211, с. 46–47].

Подобные утверждения абсолютно правдивы в плане изложения материала, касающегося непосредственного освещения бытового положения дел, и не только в Башкирии, а в целом в Улусе Джучи в XIII–XIV вв. Вместе с тем по мере накопления материала и переосмысления множества окаменелых догм в современной России этот некогда сверхполитизированный вопрос, касающийся монгольских завоеваний, нашел новые формы выражения. Не будет лишним процитировать Н. А. Мажитова и А. Н. Султанову, написавших по этому поводу следующее: «Место завоевательных походов татаро-монголов и созданного ими государства, в том числе Золотой Орды, в мировой истории в советской исторической науке получило неоднозначную оценку. Как в любом, а тем более в сложном историческом явлении, прослеживаются как негативные, так и прогрессивные черты. А последнее проявлялось не в происходящих тогда событиях, а в их результатах. В частности, мы не можем классифицировать исторический путь, пройденный народами, населявшими Золотую Орду, в числе которых были и башкиры, как шаг назад в ходе поступательного развития истории» [183, с. 331–332]. Стоит согласиться с этим тезисом, так как вхождение башкир, а в некоторых случаях вхождение добровольное в состав Улуса Джучи — раннефеодального и, что немаловажно, по многим своим параметрам федеративного государства, было, несомненно, шагом вперед, переходом на новую ступень социального развития.

Весьма эффективно используя формулу «Разделяй и властвуй!», ханы Улуса Джучи на подчиненных им территориях установили порядки, полностью отвечавшие внутренней и внешней политике, исповедуемой золотоордынскими правящими элитами, буквально втискивая в сознание уже элит местных, где посулами, а где под страхом наказания, мысль о необходимости верно им служить. Не в последнюю очередь этому способствовал культ Чингисхана, активно навязываемый завоевателями в районах с преобладанием кочевого населения. По-видимому, еще в период заключительного этапа покорения

Южно-Уральского региона монголами (1235–1236 гг.) башкирские вожди, удостоенные чести присутствовать в ставках царевичей-огла-нов, наблюдая там за церемониалами, богатством и роскошью (с их точки зрения) походной жизни Чингисидов, не могли не задуматься о самом Основателе как объекте поклонения. Так или иначе, но и внутри башкирских элит в определенный момент зародился культ почитания Чингисхана.

В свое время Р. Г. Кузеев отметил, что «в представлении башкирской родоплеменной аристократии... и рядовых башкир, все великое, могущественное связывалось с Чингисханом» [32, с. 201]. Нет ничего удивительного в том, что в шежере племен юрматы, мин, усерген, табын, кара-табын, бурзян, кыпчак, айли, иряктэ Чингисхан фигурирует в качестве источника и символа власти [32, с. 31, 84, 110, 138, 165, 180, 523]. Появление создателя Монгольской империи на страницах такого социально направленного источника, каковым, в отличие от исторических преданий, является шежере, отражает начало нового этапа в развитии башкирского общества, этапа, когда родовая верхушка башкир, приняв культ Чингисхана и официально признав его «небесное» покровительство, попыталась юридически оформить легитимность своей власти, дарованной ей не от иных представителей «золотого рода» — Угэдэя, Чагатая, Толуя, Гуюка, Мункэ или Бату, о которых также имеются упоминания в родословиях [32, с. 300–301; 34, с. 31], но непосредственно из рук Потрясателя вселенной. Красноречивым свидетельством на этот счет является отрывок из шежере племени юрматы, в котором родовые бии, конечно же, в более поздней трактовке, именуются ни много ни мало как ханами, тем самым подчеркивая свой социальный статус: «63-й предок, Салим-хан, пребывал ханом сорок лет. От него Ильгам-хан. На его веку появился Чингиз-хан. Направились к нему, и Ильгам-хан присягнул [ему] на верноподданство. Говорят, что от Чингиз-хана повелось у всех народов прикладывать тамгу. В то время наш предок Юрматы и другие роды направились к Чингиз-хану и присягнули, говорят, ему на верноподданство. Наш предок Юрматы в [знак] верноподданства стал ловить диких зверей за голень. В ту пору не было таких, кто бы ловил зверей руками, [поэтому] Чингиз-хану [это] очень понравилось, и нашему предку Юрматы он сказал: „Деревом твоим пусть будет ива, птицей твоей — балабан, тамгою твоей — вилы, боевым кличем твоим — „Ак тюбя!“ — сказал так и так установил» [34, с. 67].

Несмотря на свидетельства более поздних источников (XVI–XVIII вв.), указывающих на то, что некоторые башкирские вожди (на-

пример, в лице упоминавшегося выше Муйтэн-бия), получили властные полномочия якобы непосредственно от Чингисхана, относиться к этому следует достаточно осторожно. В данном случае, в отличие от главнейших правителей других подвластных монголам государств, которые в середине XIII в. непосредственно подчинялись великому каану и вынуждены были совершать сверхдальние поездки в Каракорум для получения ярлыков, аристократия башкирская занимала, по-видимому, в иерархии Монгольской империи более низкую ступень и, подобно многим удельным владетелям, получала основные пожалования, равно как и наказания, не в общеимперском центре, а «на местах», то есть в ставках правителей Улуса Джучи. Тем не менее нельзя игнорировать сообщение Плано Карпини, согласно которому в 1246 г. на курултае, устроенном в честь воцарения Гуюка, могли оказаться и представители знати народов, населявших Южный Урал и Волго-Камье. Карпини упоминает о четырех тысячах послов — представителей разных стран и народов, присутствовавших на том курултае¹ «в числе тех, кто приносил дань, и тех, кто шел с дарами султанов, других вождей, которые являлись покориться им (монголам. — *Авт.*), тех, за которыми они послали, и тех, кто были наместниками земель» [129, с. 312]. Правда, как он тут же заметил, «всех их вместе поставили за оградой» [129, с. 312], не удостоив чести, подобно великому князю владимирскому Ярославу Всеволодовичу, находиться непосредственно возле персоны монгольского властелина, а это говорит о многом...

Другим фрагментом сочинения Плано Карпини, весьма ценным уже с точки зрения непосредственного нахождения собственно Башкирии в составе Монгольской империи, является упоминание о том, что «Баскарт, то есть Великая Венгрия» [129, с. 286], наряду с более чем пятьюдесятью иными перечисленными им странами и народами, названа в числе «земель, которые они (монголы. — *Авт.*) одолели» [129, с. 286]. Этот фрагмент является логическим продолжением и связующим звеном между более ранними сообщениями, отображенными, в частности, в «Сокровенном сказании» и повествующими о существовавшей в первой половине XIII в. задаче завоевания монголами башкир (бачжигит) [151, с. 188–189], и сообщениями авторов

¹ Плано Карпини, упоминая о «Баскарт» (Башкирии), правда не указывая конкретно место встречи, пишет: «Мы видели даже мужчин и женщин из вышеуказанных стран» [129, с. 286], что подразумевает возможную его встречу с представителями башкирских племен на курултае 1246 г.

XIV столетия, исходя из которых Башкирия (Южный Урал) представляется уже давным-давно покоренной областью. Так, Ибн Фадлаллах ал-Омари, описывая земли, находящиеся в юрисдикции ханов Улуса Джучи, уравнивает в контексте своего сочинения «области Сибирь, Башкырды и Чулыман (Прикамье. — *Авт.*)» [101, с. 106] с Хорезмом, Крымом и крупнейшими золотоордынскими городами — Сараем, Азаком, Маджаром, Булгаром, Укеком и др., являвшимися ни много ни мало, но государствообразующими центрами.

Конечно же, роль Башкирского улуса, хотя бы в силу географического его положения, нельзя переоценивать, однако факт присутствия на его территории ханских чиновников и, по всей видимости, присутствия постоянного, говорит сам за себя. Ал-Омари особо подчеркивает, что «в земле Башкырдов [находился] мусульманский кади (судья. — *Авт.*), пользующийся почетом» [101, с. 107]. Другой автор, современник ал-Омари (первая половина XIV в.), монах-миссионер Иоганка Венгр, который с несколькими спутниками в течение шести лет «непосредственно оставался» в «Баскардии, подчиненной татара́м», записал следующее: «...были там татары, судьи баскардов, которые, не будучи крещены, а исполнены несторианской ереси, когда мы стали проповедовать им нашу веру, с радостью приняли [ее]. Государя же всей Баскардии с большей частью его семьи мы нашли совершенно зараженным сарацинским заблуждением» [8, с. 286]. При ближайшем рассмотрении двух этих свидетельств можно предположить, что и мусульманский кади, отвечавший «в земле Башкырдов» за судопроизводство согласно законам шариата, о котором упоминает ал-Омари, и «судьи баскардов», о которых пишет Иоганка, являлись представителями золотоордынской администрации, по выражению Б. Д. Грекова, «уполномоченными ханскими» [75, с. 220], то есть баскаками, находившимися в тех странах, где у власти оставались местные правители, признавшие себя ханскими вассалами. Следовательно, «государем всей Баскардии», зараженным «сарацинским заблуждением», был «свой», местный владетель-улусбег, выходец из какого-то наиболее мощного (или богатого) башкирского племени.

К сожалению, неизвестно, кто именно во времена Иоганки и ал-Омари был улусбегом — проводником внутренней политики золотоордынских ханов на Южном Урале. Несмотря на то что башкирские шежере сохранили имена некоторых родовых вождей, имевших определенное влияние в регионе в XIII–XIV вв., и родословие Муйтэн-бия тому подтверждение, прямых свидетельств, указывающих на появление здесь одного надплеменного лидера, не существует. Более того,

нельзя исключать, что «государем баскардов», назначенным, естественно, по ханскому волеизъявлению, мог стать представитель кочевой аристократии из числа «новой» башкирской знати, появившейся на Южном Урале после монгольского завоевания в процессе проникновения сюда многочисленных степных обоков, представителей как тюркских племен, издревле населявших Дешт-и-Кипчак, так и племен центральноазиатских. Надо отдать должное золотоордынским ханам наследникам Джучи, действовавшим в данном случае весьма рационально. Очевидно, что со времен Бату башкирские земли не использовались новыми хозяевами Дешта в прямой ущерб коренным племенам, на них не расселялись сиюминутно те самые многочисленные обоки из кипчакских и центральноазиатских степей, приведенные в движение монгольским переустройством мира. Надо полагать, что продвижение с юга на территорию Башкортостана новых племен было достаточно плавным и, главное, не повлекло за собой военного противостояния между сторонами, между пришлым и местным населением. Конечно, бывало по-всякому, однако башкирские эпос и шежере по поводу возникновения возможного противоречия безмолвствуют, в отличие, например, от памятников смутных времен — эпохи развала Золотой Орды и гегемонии Орды Ногайской, когда Южный Урал буквально наводнили алчные пришельцы.

В XIII–XIV вв. на территории Южного Урала происходили неизбежное в сложившейся ситуации самопроникновение народов и их взаимная интеграция, которая была возможна лишь в условиях сосуществования в рамках централизованного Джучидского государства, исключавшего на протяжении долгих десятилетий внутренние военные конфликты, государства, являвшегося в эпоху «золотого правления» великого хана Узбека гарантом мира и стабильности в Башкортостане.

Итак, Южный Урал, став частью Золотой Орды, которая, в свою очередь, «в этническом отношении была наследницей Дешт-и-Кипчака» [173, с. 463], в XIII–XIV вв. представлял собой территорию, куда непрерывающимся потоком устремлялись тюркские и отчасти центральноазиатские народы. Этот период, вобравший в себя крупнейшее и, по-видимому, самое значительное в истории Башкирии перемещение населения, коренным образом повлиявшее на экономическую ситуацию в регионе, известен, по определению Р. Г. Кузеева, как «кипчакский этап в этнической истории башкир» [173, с. 463].

В этническом составе кипчакской миграции в Башкирию во времена господства Золотой Орды выделяются несколько родоплемен-

ных групп: кипчакская, катаяская, табынская и минская. «Кыпчакская группа (время миграции в основном XIII в.; приток отдельных групп — конец XIII — начало XIV в.) наряду с собственно кыпчакскими (кыпчак, кара-кыпчак, елан, сары, бушман и др.) включала печенежские (канглы), огузские (туркмен) и тюркизированные монгольские (гэрэй, гэрэ) образования. К этой же группе отнесены потомки древнетюркских племен (киргиз и др.), увлеченных кыпчакским движением с Алтая и Прииртышья еще в конце I тыс. н. э. <...> Катаяская группа (время миграции — середина XIII в.) является сложным синтезом тюркских и монгольских компонентов — далеких потомков кара-катаев и салджиутов. Этническая история катаяской группы развивалась в кыпчакской среде. Основу табынской родо-племенной группы составляет восточно-тюркский этнический компонент (дулат, теле), смешавшийся с монгольским (барын, дуван). Этническая история табынских образований протекала во взаимодействиях с усунями, кара-китаями и, наконец, с племенами Дешт-и-Кипчака. Как и катаяцы, табынцы являются наиболее яркими носителями в составе башкир центральноазиатских черт культуры. <...> Минская группа (время миграции — XIV в.), тюркская в основе (мин, кырк, куль), включает монгольский компонент (миркит) и, возможно, некоторые вкрапления эпохи тюрко-угро-самодийских контактов на Северном Алтае. Средневековая этническая история минских родов связана с кочевыми племенами Сырдарьи, Двуречья и Дешт-и-Кипчака. Минские башкиры составляют третью и последнюю крупную миграционную волну в Башкирию из районов Сырдарьи и Приаралья» [173, с. 464–465]. Все вышеперечисленные племена (родоплеменные группы) являлись участниками грандиозного по масштабам процесса этногенеза тюркских народов, который почти целое тысячелетие протекал на огромной территории от Алтая до Черного моря. Кипчакский этап, по существу, стал заключительным аккордом этого процесса, приведшим, в конечном итоге, к завершению формирования ряда народностей: казахов, узбеков, каракалпаков, башкир... [173, с. 465].

Как бы ни относился исследователь к государству, созданному волей Чингисхана — Улусу Джучи, и роли, которую это государство сыграло в истории Башкирии, приходится констатировать, что именно эпоха его существования — от зарождения в середине XIII в. и вплоть до начала процессов распада в конце XIV столетия — и есть «решающий момент завершающего этапа этногенеза башкир» [173, с. 481].

ГЛАВА V

ИСЛАМ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

История проникновения и утверждения ислама у народов Урало-Поволжья сложна и запутанна, причем зачастую — искусственно. Суть проблемы состоит в стремлении ряда исследователей средневековой истории региона, в первую очередь историков-религиоведов, обосновать и доказать как можно более раннее проникновение и утверждение ислама в качестве мировоззренческой парадигмы у тюркоязычного населения региона. Здесь нет смысла рассматривать всю довольно обширную историографию проблемы. Остановимся на последней по времени работе известного уфимского археолога Г. Н. Гарустовича, посвященной именно распространению ислама среди башкир [63, с. 212–227]. Весь процесс принятия мусульманской религии башкирами (читай — кочевым и полукочевым населением Южного Урала) исследователь разбивает на три этапа:

- 1) проникновение (конец I — начало II тыс. н. э.);
- 2) распространение (XIII–XIV вв.);
- 3) утверждение ислама в Башкортостане (XV–XVII вв.) [63, с. 219].

Сразу следует отметить, что корпус источников, на основании которых Г. Н. Гарустович и другие исследователи реконструируют историю исламизации Урало-Поволжья, невелик. Это отрывочные, несистематизированные сведения средневековых авторов и археологические материалы (погребальные памятники, несущие в себе элементы мусульманской погребальной обрядности). Последние названный автор оценивает несколько противоречиво. С одной стороны, он считает, что «археологические источники (посредством надежного археологического датирования артефактов) позволяют чётко определить хронологию процесса» [63, с. 218], с другой — предостерегает, что «...привлечение комплекса археологических источников не дает возможности определить самое начало процесса проникновения ислама в Приуралье, они представляют нам лишь усредненные хронологические данные о времени, когда этот процесс уже явственно фиксируется и становится массовым явлением» [63, с. 219]. По этой причине, считает автор, роль письменных источников по данной теме, действительно немногочисленных, переоценить трудно. Внимем этому предостережению и попробуем рассмотреть интересующую нас проблему через призму комплексного подхода к имеющимся источникам.

Когда среди историков-религиоведов встает вопрос о времени появления и распространения ислама среди народов Урало-Поволжского региона, все сразу же обращаются к «Запискам / Рисала» арабского чиновника и путешественника Ахмеда ибн Фадлана, в 922–923 гг.

совершившего поездку в Волжскую Булгарию. И хотя практически все исследователи подчеркивают, что процесс распространения и утверждения ислама в регионе был длительным и постепенным, но дата 922 г. считается «несомненной» [56, с. 6], а период 910–920 гг. — наиболее вероятным временем принятия ислама болгарской знатью (царями Шилкой, Алмушем и их окружением) [124, с. 38].

В принципе все эти даты вполне убедительны. Но нас в данном случае в большей степени интересует вопрос о масштабах распространения новой религии среди народов региона, где кроме волжских болгар обитали и тюркоязычные кочевники — огузы (гузы), печенеги, башкиры, и оседлые финно-пермяки, и полукочевые угры. В конфессиональном отношении все эти племена, имевшие различные хозяйственно-культурные типы и обитавшие в отличающихся друг от друга природно-климатических условиях, а priori не могли быть едиными. Так же, как и их отношение к новой религии. И здесь нам никто не поможет так, как современник и очевидец, более того — человек, в силу своего социального положения и должности, заинтересованный, может быть, даже и в некоторой идеализации религиозной ситуации в государстве, куда он был «командирован» со вполне конкретной дипломатической миссией. Речь идет, конечно же, об уже упоминавшемся Ахмеде ибн Фадлане и его знаменитых «Записках» («Рисала») (см. гл. II).

Перезимовав зиму 921–922 гг. в Хорезме, в начале марта 922 г. караван багдадских послов двинулся через плато Устюрт — пустынное плоскогорье между Каспийским и Аральским морями — далее на север. Через две недели пути, где-то в середине марта 922 г., спустившись по северному склону плато Устюрт — Чинку, багдадские послы выехали на равнину «к кочевому племени тюрков, известных под названием гуззов».

Выше (гл. II) мы уже говорили, что обстоятельства прихода огузов в степи Южного Приуралья — характерные для кочевых сообществ эпохи древности и Средневековья войны за пастбища и водопой. Они были хотя и кровопролитными, но быстротечными, поскольку главным для противоборствующих сторон было как можно быстрее изгнать противника с данной территории. Заключив союз с хазарами, огузы взяли своих противников печенегов «в клещи» и вынудили их уйти дальше на запад, за Волгу и Дон. Правда, какая-то часть печенегов осталась в степях Южного Приуралья. Так территории между Волгой и Уралом превратились в «огузскую степь» — Дешт-и-Огуз. Произошло это лет за 25–30 до Багдадского посольства, поэтому огу-

зы еще сохраняли свою воинственность и некоторое пренебрежение к чужеземцам.

«Огузский иль» (так называли созданное ими государство сами огузы) в X — начале XI вв. представлял собой типичное кочевническое государство во главе с правителем, носившим титул «ябгу» или «джабгу». Территория «Огузского иля», согласно сведениям ал-Идриси (середина XII в.), других средневековых авторов и археологии, простиралась от оз. Балхаш на востоке до Прикаспийской низменности и низовьев Волги на западе, включая предгорья Южного Урала (горы Мугоджары, р. Иргиз). В низовьях Сырдарьи у огузов были небольшие города — Джент, Янгикент и Хора. На юге огузские кочевья вплотную подходили к границам Хорезма, Мавераннахра и Хорасана.

Огузы делились на ряд племен, в которые входило множество родовых подразделений. Племенной состав огузов IX — середины XI в., к сожалению, остается неясным. Известно лишь, что во второй половине XI в. они насчитывали 22 племени. В книге арабского ученого XI в. Махмуда Кашгари «Диван лугат ат-тюрк» («Собрание сведений о тюркских народах») приведен следующий перечень огузских племен: кынык, кайыг, баюндур, йива, салур, афшар, бектили, букдуз, баят, язгыр, имур, карабулак, алка булак, игдыр, урегир, тутьрка, улайондулуг, тюгер, джебни, беджене, джувулдар, джаруклуг.

Огузы делились на бузуков и учуков, входивших соответственно в правое и левое крыло их войска. Каждая из этих крупных групп состояла из 24 племен, делившихся, в свою очередь, на две равные части. Судя по огузским историческим преданиям, бузуки относились к числу «старших», а учуки — «младших» племен. Бузуки правого крыла пользовались большими привилегиями (по сравнению с учуками) при «избрании» верховного хана.

Очевидно, в дальнейшем разделение на бузуков и учуков приобрело черты военно-территориальной организации. Племена обоих крыльев огузского войска имели закрепленные за ними пастбищные выгоны и угодья. Деление на бузуков и учуков соответствовало понятиям «внутренние» и «внешние» огузы. В их составе различались «чистокровные», «рожденные от наложниц-рабынь» и «присоединившиеся» к огузам роды и племена.

Местом пребывания огузского «ябгу» была кочевая ставка, где он проводил большую часть времени. Фактически титул «ябгу» являлся наследственным, хотя формально его избирали на собрании родовой знати «канкаш».

Отдельными областями «Огузского иля» управляли доверенные лица (наместники) «ябгу», носившие титул «кюзеркин», или «кударкин». Багдадское посольство оказалось в той местности, которой управлял «кюзеркин» Йынал по прозвищу Маленький (или Младший).

По своему мировоззрению огузы были язычниками. Они поклонялись силам природы, духам умерших предков, верили в «загробную жизнь» как продолжение жизни земной, приносили жертвы верховному небесному владыке Тенгри и его супруге — богине земли Умай.

Наиболее отчетливо язычество огузов проявляется в их погребальном обряде, хорошо известном археологам по многочисленным захоронениям, выявленным и исследованным в степях Заволжья и Южного Приуралья [62, с. 66–96], а до того описанном Ибн Фадланом, который, похоже, наблюдал его лично. В описании Ибн Фадлана это выглядело так: «А если умрет человек из их числа, то для него выроют большую яму в виде дома, возьмут его, наденут на него его куртку, его пояс, его лук... и положат в его руку деревянный кубок с набизом, оставят перед ним деревянный сосуд с набизом, принесут все, что он имеет, и положат с ним в этом доме. Потом посадят его в нем, и дом над ним покроют настилом и сделают над ним нечто вроде купола из глины. Потом возьмут его лошадей и в зависимости от их численности убьют из них сто голов, или двести голов, или одну голову и съедят их мясо, кроме головы, ног, кожи и хвоста. И, право же, они растягивают все это на деревянных сооружениях и говорят: „Это его лошади, на которых он поедет в рай“» [150, с. 128].

Отношение к исламу у огузов были двойственным. С одной стороны, они, по словам Ибн Фадлана, проезжавших через их кочевья мусульманских купцов приветствовали словами: «Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммед пророк Аллаха», но «не выражая этим никакого убеждения». Хотя «всякий раз, как он (огуз. — *Авт.*) услышит мусульманина, произносящего „Слава Аллаху“ и „Нет бога, кроме Аллаха“, он говорит то же, что и он». Но с другой, любой несчастный случай, случившийся с огузом в гостях у его друга-мусульманина (особенно если это закончилось смертью гостя), является поводом для кровной мести [150, с. 127]. Попытка внедрения ислама в правящую среду «Огузского иля» вызвала резкое неприятие со стороны рядового общества. Тот же Ибн Фадлан рассказывает о том, что Йынал Маленький, через территорию которого проезжали багдадские послы, «прежде принял было ислам. Но ему было сказано: „Если ты принял ислам, ты уже не главенствуешь над нами“. Тогда он отказался от своего ислама» [150, с. 127].

Однако Ахмед ибн Фадлан общался только с западными огузами (или огузами правого крыла «Огузского иля») и ничего не знал об огузах восточных, или туркменах. Как установил российский историк и этнолог С. Г. Агаджанов, уже в X–XI вв. арабским авторам — Макдиси, Бируни — были известны огузы, принявшие ислам и именуемые туркменами. «В прежние времена, — цитирует Бируни С. Г. Агаджанов, — любой из тюрок-гузов, кто принимал ислам и смешивался с мусульманами, становился переводчиком между теми и другими, так что, когда какой-нибудь гуз принимал ислам, гузы говорили: он стал туркменом, а мусульмане говорили, что в их число вошел туркмен, то есть похожий на тюрка». По мнению ученого, этноним туркмен распространялся на те группы тюрок, которые приняли ислам и кочевали на востоке Туркестана, в среднем и верхнем течении Сырдарьи, областях Шаш (Ташкент), Исфиджаб и Западном Семиречье — в предгорьях Памира и Тянь-Шаня. Среди этих тюрок преобладали огузы [2, с. 147]. Исламизированы они были еще первыми Саманидами — персидской династией, в 900 г. основавшей собственное государство в Мавераннахре со столицей в Бухаре. В X в. государство Саманидов включало в себя Мавераннахр (междуречье Сырдарьи и Амударьи), Хорезм, Хорасан и Гурган (территория современного Афганистана). Исламизированные огузы, жившие в окрестностях Шаша и Исфиджаба, именовались газиями — борцами за веру. Что, в общем-то, не гарантировало их 100%-й лояльности к верховным правителям Саманидского государства, содержавшим ряд пограничных крепостей в Западном Семиречье против туркмен, которые приняли ислам.

Наличие мусульманских погребений среди кочевнических курганов Южного Приуралья начала II тыс. н. э. допускал и челябинский археолог и историк В. П. Костюков. Основанием для такого предположения послужили, во-первых, изредка (6,6 % от всех известных), но встречающиеся у огузов и печенегов погребения без вещей, а во-вторых — радиоуглеродные даты Большеказакбаевского II курганного могильника в Челябинской области, укладываемые в интервал 1016/1044–1254/1289 гг. н. э. Погребенные в этом могильнике мужчина и женщина захоронены без вещей, с руками, уложенными на живот (мужчина) и на грудь (женщина) и лицом, повернутым на юг (кыбла) — мужчина. И хотя подобных погребений известно пока очень мало, но сам факт их наличия позволил В. П. Костюкову высказать предположение о том, что «среди кочевников начала II тысячелетия, хозяйственные интересы которых простирались до Южного Заура-

ля (или ограничивались им), несомненно были группы, вовлеченные в орбиту ислама, и у некоторых из них исламизация достигла той степени, когда она уже достаточно рельефно проявляется в погребальной обрядности» [159].

Весной 922 г. послы багдадского халифа двинулись далее на север и через месяц пути прибыли к берегам оз. Чолкар (Шалкар) («воды, похожей на настоящее море»), где увидели кочевье «ал-баджанак» (печенегов) (см. гл. II). Ни Ахмед ибн Фадлан, ни Константин Багрянородный, ни другие средневековые авторы, так или иначе упоминавшие печенегов в своих сочинениях, ни слова не говорят об их верованиях и мировоззрении. Что, впрочем, и не удивительно: для Ибн Фадлана, который общался с ними всего один день, это были люди бедные, по сравнению с огузами, и, следовательно, никакого реального интереса для багдадских послов не представлявшие. Что касается византийского императора, то он оценивал европейских печенегов («пацинаки» в первую очередь с точки зрения возможности их использования в контексте византийской геополитики — как сдерживающий фактор для русов (Киевской Руси). А в этом случае вопрос о том, каким богам они поклоняются, реального смысла не имеет.

Поэтому единственный источник, благодаря которому мы можем судить о религии печенегов, это археологические материалы. Судя по всему, они были язычниками-шаманистами, поклонявшимися душам умерших предков (отправившихся на тот свет снабжали всем необходимым в земной жизни, включая и кусок мяса, как правило — баранины) и исповедовавшим культ коня и всадника (см. гл. II). Как и большинство кочевников Великого пояса Евразийских степей, начиная с глубокой древности печенеги верили в чудодейственную силу крови и плоти поверженного врага. Иногда в печенежских погребениях встречаются подвески-амулеты из человеческих костей (фаланги пальцев, фрагменты челюсти с отверстием для подвешивания). А из русской летописи «Повесть временных лет» хорошо известен ставший хрестоматийным рассказ о том, как печенежский хан Куря, подкарауливший и разгромивший дружину князя Святослава на Днепровских порогах, сделал из черепа убитого князя чашу и пил из нее.

Византийский писатель XI в. Михаил Пселл, характеризуя европейских печенегов, отмечал их «безбожие», которое выражалось в небрежении договорами о дружбе и союзнничестве с другими народами: «даже поклявшись над жертвами, они не держат своего слова, ибо никакого божества, я не говорю уже о боге, они не почитают: все, по их мнению, происходит само по себе, и смерть для них конец всякому

существованию». Вместе с тем некоторые арабские авторы (А. ...ри) дают более сложную картину, основанную на свидетельствах мусульман, которые оказались в качестве пленников в Константинополе. Согласно этим сведениям, печенеги «были сторонниками веры „маджуси“». Некоторое время спустя после 400/1009–1010 случилось, что оказался среди них мусульманский факих, который был пленником, и этот ученый направил их племя к исламу. Они стали мусульманами. Их намерения были подлинны, и они распространяли призыв к исламу среди них. Остальная их часть, те, кто не принял ислам, спорили с ними. Эти разногласия привели к войне, и Бог дал победу мусульманам. Мусульман было 12 000, а неверных было вдвое больше. Они убили их, а остальные стали мусульманами. Все они ныне являются мусульманами. Есть среди них и ученые, и факихи, и читатели Корана». Американский историк-востоковед Питер Голден отмечает, что этот рассказ ал-Балхи — единственный в своем роде. По его мнению, возможно, что одна группа печенегов действительно приняла ислам, но это вряд ли касалось всей печенежской этнополитической конфедерации. Византийские, венгерские и русские источники, то есть соседние народы, которые были наиболее тесно связаны с печенегами, не содержат никаких прямых упоминаний о распространении среди них ислама.

Более определенные данные имеются относительно христианских миссий. В 1008 г. епископ Бруно Кверфуртский, как сообщается, окрестил 30 печенегов и назначил в эту общину епископа. Имеются также отдельные сообщения о принятии православного христианства печенежскими вождями, которые поступили на службу к киевскому князю Владимиру Крестителю, непримиримому противнику печенегов. Так, согласно Никоновской летописи, в 989 г. был крещен печенежский «князь» Метигай, а в 991-м в Киеве принял христианство «князь» Кучук. В последнем случае печенеги именуются «измаильтянами», что, возможно, является свидетельством их прежней связи с исламом. Но и усилия по обращению печенегов в христианскую веру в целом давали незначительные результаты. Действительно, епископ Бруно описал их как самых упрямых и жестоких из всех язычников. Нельзя не отметить, что печенеги, поступавшие на венгерскую службу, характеризуются как язычники. Князь Тонусоба (X в.), «живший во времена св. Стефана» — первого венгерского короля, отказался стать христианином, когда Стефан привел венгерское королевство в эту веру, и остался «неверным по вере». Его сын Уркюн, однако, все же крестился. Византийцы также пробовали побудить предводи-

телей печенегов принимать христианство, надеясь, что когда лидеры окрестятся, то остальные последуют за ними. Но результаты вновь оказались минимальными.

Американский историк Питер Голден считает, что основным препятствием для массового перехода евразийских кочевников (в данном случае печенегов) к монотеистической религии — исламу — было отсутствие у них собственной государственности: «если мы посмотрим на все крупномасштабные преобразования евразийских кочевников, таких как уйгуры, хазары, волжские булгары, огузы, сельджуки, карлуки и ряд других племен, создавших государство Караханидов, в каждом случае мы увидим, что у них или уже было государство, или же они были организованы в племенные союзы, находившиеся в процессе превращения в государство. Как мы отметили, новая религия могла функционировать как объединяющая сила, средство идеологического дистанцирования, символ независимости, и все это помогало процессу формирования государства... В Степи массовое приобщение к монотеистическим религиям требовало государственности и поддержанной государством программы. То же самое может быть сказано относительно утверждения христианства и ислама в других регионах мира».

Третий тюркский народ, встреченный послами багдадского халифа на пути в Волжскую Булгарию, — башкиры (ал-башгард). Не будем забывать о том, что Ибн Фадлан не был ни ученым-этнографом, собирающим сведения о неведомых племенах и народах, ни любопытствующим туристом, записывающим для памяти разные увиденные диковинки, да и багдадское посольство не было научной экспедицией и преследовало цели вполне конкретные — политические. Контакты с башкирами (так же, как, впрочем, и с огузами, и с печенегами) этими целями не предусматривались. Поэтому можно понять то предубеждение, с которым Ибн Фадлан описывает встреченных им башкир, тем более что арабских послов уже предупреждали о возможном нападении башкир на их караван. И, конечно же, вполне понятно, почему, вступив на землю башкир, арабские послы, по словам Ибн Фадлана, «остерегались их с величайшей осторожностью, потому что это худшие из тюрков, самые грязные из них и более других посягающие на убийство. Встречает человек человека, отделяет его голову, берет ее с собой, а его самого оставляет».

Наверное, с точки зрения Ибн Фадлана — истинно правоверного мусульманина, воинственность башкир объяснялась тем, что они были язычниками. Поэтому он довольно подробно перечисляет богов,

которым поклонялись башкиры: «Кое-кто из них говорит, будто бы у него двенадцать господ: „у зимы господь, у лета господь, у дождя господь, у ветра господь, у деревьев господь, у людей господь, у лошадей господь, у воды господь, у ночи господь, у дня господь, у смерти господь, у земли господь, а господь, который на небе, самый большой из них. Однако он объединяется с теми в согласии, и каждый из них одобряет то, что делает его сотоварищ“». То есть, подобно большинству евразийских народов эпохи раннего Средневековья, в частности славянам, башкиры обожествляли силы природы, над которыми стоял верховный небесный бог (может быть — Тенгри?). Правда, Ибн Фадлан, конечно же, не мог смириться с тем, что у какого-то другого народа есть какой-то другой верховный бог, кроме Аллаха. Поэтому свой перечень башкирских богов он завершает довольно строгой ремаркой: «Наш господь (Аллах) превыше того, что говорят нечестивые, возвышенным величием» [150, с. 131].

Ещё одна отмеченная Ибн Фадланом черта мировоззрения древних башкир — тотемизм или его пережитки: «Мы видели, как одна группа из них поклоняется змеям, другая группа поклоняется рыбам, еще одна группа поклоняется журавлям. Мне сообщили, что они когда-то вели войну с какими-то людьми из числа своих врагов, причем они [враги] обратили их в бегство, и что журавли закричали позади них [врагов], так что они испугались и сами обратились в бегство, после того, как обратили в бегство [этих ал-башгард]. Поэтому они [эти ал-башгарды] стали поклоняться журавлям и говорить: „Эти журавли наш господь, так как он обратил в бегство наших врагов“. За это они им и поклоняются».

И ещё одна деталь мировоззрения башкир привлекла внимание Ибн Фадлана — обычай ношения ими деревянного амулета в виде фаллоса. Причем это был амулет-оберег, которому башкиры вверяли свою жизнь и от которого ждали помощи в случае житейских проблем: «Каждый из них вырубает палочку величиной с фалл и вешает ее на себя. И если он захочет отправиться в путешествие или встретит врага, то целует ее, поклоняется ей и говорит: „О господи, сделай для меня то-то и то-то“. Я сказал переводчику: „Спроси кого-либо из них, какое у них оправдание этому действию и почему он сделал это своим господом?“ Он [спрошенный] сказал: „Потому что я вышел из подобного этому и не знаю относительно самого себя иного создателя, кроме этого“» [150, с. 131].

В своих «Рисала» Ибн Фадлан мимоходом упоминает еще одну деталь, касающуюся башкир. В составе багдадского посольства на-

ходился башкир-мусульманин: «право же, был с нами один человек из их (башкир. — *Авт.*) числа, уже принявший ислам и служивший у нас». О чем это говорит (и говорит ли это о чем-либо вообще) в плане установления характера религиозной жизни древних башкир? По большому счету, это не говорит ни о чем, кроме того, что среди слуг багдадских послов был башкир, принявший ислам. Насколько глубоко он уверовал в учение Пророка, об этом Ибн Фадлан не сообщает. Равным образом, как не сообщает и о том (поскольку явно ничего об этом не знает), были ли среди соплеменников этого башкира еще мусульмане. Поэтому, с точки зрения научного источниковедения, предположение Г. Н. Гарустовича о том, что этот башкир-мусульманин «...не был невольником, ничто не мешало ему вернуться на родину и рассказывать соплеменникам о его новых верованиях. Это сообщение фиксирует самую раннюю стадию проникновения ислама в Башкортостане и датируется она концом IX — началом X века» [63, с. 219] звучит очень уж беллетристически.

Никакие другие сведения о башкирах — ни территория их расселения, ни общественное устройство, ни образ их жизни, очевидно, Ибн Фадлана не интересовали, поэтому после описания их верований он сразу же переходит к описанию дальнейшего маршрута в страну булгар.

Волжская Булгария — самое первое феодальное государство на территории Урало-Поволжского региона — формировалась как страна полиэтническая, со сложной религиозной структурой. Самые первые булгарские племена, пришедшие на Среднюю Волгу во второй половине VII–VIII вв., в основном были еще язычниками, по-видимому, тенгрианского толка, широко распространенного среди тюркских кочевников степной Евразии. Характерными особенностями культа бога Тенгре как владыки Верхнего мира были поклонение его символам и ипостасям — Солнцу, Луне, грому, высоким деревьям, отдельно стоящим горам и скалам. Поклонялись они также женскому божеству — богине Умай, священной Воде и Земле [148, с. 207–211].

Все эти верования и связанные с ними обряды своими корнями восходят к духовной культуре и религии центральноазиатских тюркских племен. Особенно наглядно это прослеживается в погребальном обряде могильников т. н. новинковского типа, исследованных самарскими археологами Г. И. Матвеевой, С. Э. Зубовым, А. В. Богачевым, Р. С. Багаутдиновым на Самарской Луке и прилегающих к ней территориях Самарского Поволжья. По своему внешнему оформлению это невысокие курганы, насыпанные из земли и обложенные камнем.

Некоторые курганы у основания насыпи имели кольцевой ровик. Захоронения совершались в неглубоких прямоугольных могилах. Умерших укладывали вытянуто на спине, головой ориентируя на восток, север, северо-восток. Вместе с ними в могилы помещали куски мяса (кости животных, как правило, в изголовье) и питье в глиняных кувшинах или горшках. Кувшины — типично северокавказские: сделаны на гончарном круге, приплюснутые, плоскодонные, украшенные орнаментом в виде горизонтальных линий и сетки, выполненных техникой лощения.

Погребенных сопровождали вещи, использовавшиеся ими при жизни: пояса с бронзовыми или серебряными накладками, оружие, принадлежности конской сбруи и орудия труда — мужчин; украшения — женщин.

В некоторых могилах найдены остатки конской шкуры в виде черепа и костей ног, уложенной рядом с погребенным или на специальной ступеньке вдоль стенки могильной ямы. Одним словом — типично языческий обряд, характерный для кочевников древнетюркского этнического круга [23;197].

Продвижение ранних булгар в район устья р. Камы сопровождалось переселением туда же населения из лесных районов Прикамья. Начиная с VIII в. носители неволинской, ломоватовской и поломской археологических культур (угры) частично переселяются на Среднюю Волгу и Нижнюю Каму, в определенной мере предшествуя здесь волжским булгарам, а в дальнейшем участвуя в формировании этноса и культуры государства волжских булгар. Предпосылки и причины участия носителей поломско-ломоватовской и неволинской культур в сложении волжско-булгарского этноса нуждаются в более детальном изучении и в настоящее время остаются исторической загадкой. Достаточно большое (более 400 км) расстояние между территориями указанных археологических культур и Нижним Прикамьем не мешало этому переселению. Что манило лесных угров переменить место жительства, неясно. Возможно, это были какие-либо не отразившиеся в имеющихся письменных источниках политические или экономические причины.

Передвижение это в виде постоянно нарастающей волны мигрантов стало осуществляться еще в VIII в., вскоре после того, как земли Нижней Камы и Средней Волги освободились от населения именковской культуры. В Ветлужско-Вятском междуречье в VIII в. начинает распространяться шнуро-штампованная керамика поломского облика — яркий признак начавшейся миграции населения Предура-

для в более южные области. Свидетельством миграций предуральского населения в Среднее Поволжье (на территорию современного Татарстана) является Игимский могильник, оставленный небольшим, но чистым в этнокультурном отношении коллективом мигрантов из лесного Прикамья [136, с. 11–20].

В IX в. переселение было настолько массовым, что в будущей центральной части Волжской Булгарии угорское предуральское население не только предшествовало булгарам, но и какое-то время численно преобладало над ними. Об этом говорят крупнейшие языческие могильники последней трети IX — первой половины X вв. — Танкеевский, Тетюшский, Больше-Тиганский, XII Измерский, Больше-Тарханский, где в погребениях фиксируются типично угорские элементы полумской, ломоватовской и неволинской культур. Так, среди погребений одного из самых ранних волжско-булгарских могильников — Больше-Тарханского на правом берегу р. Волги (VIII — первая половина IX вв.) отчетливо выделяются собственно раннебулгарские захоронения с характерной лошенной посудой и погребения прикамского населения. Последние отличаются преобладанием западной ориентировки погребенных, наличием в погребениях характерной лепной круглодонной посуды, украшенной резным и шнуровым орнаментом, характерных бронзовых украшений (т. н. шумящих подвесок) и остатков конской шкуры в виде черепа и костей ног, уложенной в свернутом виде в ногах погребенного. То есть на одном и том же могильнике хоронили своих покойных и язычники-булгары, и язычники-угры.

В Волжской Булгарии наиболее полно полумско-ломоватовский компонент населения выявлен в материалах Танкеевского могильника, в погребениях которого собрано около 200 экземпляров полумско-ломоватовских сосудов, встречены многочисленные погребальные маски (40 экземпляров), арочные и коньковые шумящие наконечники, биметаллические кресала, костяные ложечки и иной материал, характерный для материальной и духовной культуры угорского населения раннесредневекового Предуралья. Неволинские материалы (керамика) так же выразительно представлены в материалах этого могильника.

Предуральские угорские племена, переселившиеся в Булгарию, видимо, и были известны там под именем «эсегель» («иске иль»), то есть «старые племена». В X в. эти племена влились в состав булгарской тюркоязычной народности. Вероятнее всего, именно «эсегелями» оставлены погребения прикамско-приуральского типа на Боль-

шетарханском, Танкеевском, Тетюшском могильниках, содержащие перечисленные выше признаки погребального обряда. Все эти могильники находятся в зоне смешанных лесов, достаточно привычной для лесного населения Предуралья. Да, здесь было несколько теплее, и почвы были более плодородными. Несколько по-иному выглядели леса — меньше хвойных деревьев, больше лиственных растений. Нет кедровой сосны, зато много орехов-лещины. Примерно те же грибы, ягоды. Но вот лес шумит и пахнет по-другому, в нем мало лосей, зато водятся олени. В общем, в таком переселении имеются свои минусы, но и плюсы тоже.

Причины, побудившие булгарского царя Алмуша / Алмаса обратиться к багдадскому халифу с просьбой о содействии утверждению ислама в его царстве, были политические. Волжские булгары находились в политической зависимости от Хазарского каганата, где уже в конце VIII в. распространяется иудаизм, вследствие чего к политическому и экономическому давлению хазар на булгар прибавилось еще и давление религиозное. Багдадский халифат вел непрерывные войны с хазарами. Следовательно, халифу нужны были военные и политические союзники. Волжские булгары, как никто, подходили на роль таких союзников: находятся рядом с хазарами и терпят унижительную зависимость от них.

Другой не менее (если не более) важный фактор принятия ислама волжскими булгарами — образование самого Булгарского государства. Процесс этот был достаточно сложным, поскольку в рамках единой государственной системы предстояло объединить различные племена и роды, каждый со своим культом, языком и мировосприятием. Для этого требовалось принятие и утверждение унифицированной и универсальной надэтнической религиозной системы, не имеющей местных корней и исходящей от правящей верхушки. Кстати, здесь уместно вспомнить, что через 60 лет после описываемых событий точно такую же проблему и почти таким же способом решал великий киевский князь Владимир, завершивший процесс объединения восточных славян в едином Киевском государстве.

Судя по историческим и археологическим данным, знакомство булгар с исламской культурой началось задолго до IX в. Возможно, что часть булгарских родов была обращена в ислам еще во время проживания на землях Хазарии. В 737 г. арабский полководец Марван ибн Мухаммад после успешных войн с хазарами вынудил Кагана и его подданных принять новую религию. Это ускорило распространение религии победителей в хазарском обществе. При этом личная

конфессиональная ориентация каганов оставалась иудейской. Другим фактором укрепления ислама в каганате стало переселение в его города большой общины хорезмийцев из Средней Азии. В столице каганата ими были возведены мечети и медресе. Аль-Масуди отмечал, что минарет соборной мечети превосходил высотой находившийся поблизости дворец кагана.

Впрочем, относительно степени распространения ислама среди населения Хазарского каганата современные исследователи высказываются весьма сдержанно. Так, С. А. Плетнева, комментируя сведения арабских источников о результатах арабо-хазарских войн VIII в., склоняется к мысли, что в результате победоносного вторжения арабского полководца Мервана в 735 г. в Хазарию каган был вынужден принять ислам, но временно и к 741 г. сумел освободиться от номинальной зависимости от арабов. Исследовательница вполне логично считает, что «религия основного врага и обидчика — халифата — вряд ли имела шансы стать популярной в каганате, хотя в городах жили мусульманские купцы, ремесленники и воины (гвардейцы-лариссии)» [219, с. 307].

Известный исследователь хазарских древностей, московский археолог В. С. Флёров, рассматривая проблему хазарской столицы — г. Итиля¹, хотя и не сомневается в существовании в ней мечетей, но не приводит ни одного факта нахождения остатков мечетей в других хазарских поселениях. Более того, исследователь полагает, что отношение хазарских правителей к исламу (и, соответственно, к мусульманам) было далеким от толерантного (во всяком случае, в нашем понимании этого слова), о чем свидетельствует сообщение хазарского царя Иосифа (иудея) в письме к сановнику Кордовского халифата Хасдаю ибн Шафруту (между 954 и 961 гг.) о разрушении по его приказу минарета соборной мечети и казни муэдзинов в Итиле. Что, в общем-то, ставит под сомнение незыблемость и глубину проникновения ислама в сознание подданных хазарского царя. Более того, со ссылкой на мнение источниковеда Б. Н. Заходера, В. С. Флеров полагает, что члены итильской мусульманской уммы — гвардейцы-лариссии — в общем-то и не стремились превратить ислам в обязательную единую религию Хазарского каганата [269, с. 96–100].

Отсюда возникает естественное сомнение в правоте исследователей — сторонников раннего (VIII–IX вв.) распространения ислама среди волжских булгар. Более соответствующим историческим ре-

¹ До сих пор археологами не найденного.

алиям представляется мнение известного российского востоковеда В. А. Гордлевского, который считал, что к волжским булгарам учение ислама пришло из Средней Азии: «среднеазиатские купцы завозили на Волгу сперва товары, а потом, конечно, и учения, распространенные в Средней Азии, или вернее: по дорожке, проложенной купцами, пробиралась в Поволжье и религиозная пропаганда. Итак, конец IX — начало X вв. для Волжской Булгарии стали периодом становления не только государственности, но и религиозно-правовой системы, юридической практики». В силу всего сказанного не следует воспринимать 922 г. как дату принятия булгарами ислама, это лишь один из ярких моментов данного длительного процесса.

Тем не менее, к X в. ислам становится неотъемлемой частью культуры Хазарского каганата, а мусульмане заметной группой его населения. Видный арабский географ Абу Исхак ал-Истахри в своем труде «Китабель акалим» («Книга областей») писал, например: «В городе (Итиль) более восьми тысяч мусульман, тридцать мечетей.... Падিশах у них иудей, возле него четыре тысячи человек. Меньшая часть хазарского населения — иудеи, большинство — мусульмане и христиане, есть небольшое число язычников». Таким образом, есть все основания полагать, что среди булгарских племен, переселявшихся в VIII–IX вв. в Среднее Поволжье, наряду с язычниками были представлены и мусульмане. Поэтому встреча Ибн Фадлана с мусульманами в Волжской Булгарии не должна вызывать у нас удивления, в отличие от самого Фадлана, который думал, что едет к язычникам.

Если исходить из данных письменных источников и археологии, то становится ясно, что среди волжских булгар были как мусульмане, так и язычники. О первых писал Ибн Русте — арабский географ первой трети X в., автор большого труда «Китаб ал-алак ан-нафиса» («Книга драгоценных ожерелий»), написанного между 903–925 гг., который, во-первых, сообщает о том, что царь булгар Алмиш (Алмуш) «принял ислам», а во-вторых — о том, что большая часть булгар «приняла веру ислама. В их поселениях (махаллихи) [есть] мечети, школы. У них [есть] муаззины и имамы...» [130, с. 702]. Он же указывает и на то, что среди булгар есть неверные (ал-кафир), которые поклоняются «любому, что встречается из понравившегося ему»¹.

¹ Здесь мы невольно обращаемся к параллельным (и практически одновременным) сведениям Ибн Фадлана о языческих верованиях башкир.

Ахмед ибн Фадлан конкретизирует сведения о масштабах исламизации волжских булгар, сообщая о том, что мусульманами были 5 тысяч баранджаров. Но он также косвенно свидетельствует и о присутствии среди булгар начала X в. язычников, и о том, что и булгары-мусульмане ещё были неофитами и в своей погребальной обрядности допускали отклонения от ортодоксального ислама.

Если строго следовать содержанию «Записок» («Рисала») Ибн Фадлана, а не «перечитывать их заново», не выискивать каких-то не содержащихся там сведений, не заниматься «перетолковыванием» упомянутых в них этнонимов и т. п., то придется признать, что ажиотаж, вызванный прибытием багдадского посольства в Волжскую Булгарию, длился недолго. Уже через три дня после торжественной встречи царь Алмуш, очевидно через своего переводчика, еще раз внимательно перечитал письмо халифа Муктадира и узнал, что, кроме подарков, послы должны были еще передать ему деньги — четыре тысячи динаров на постройку крепости. Те самые деньги, которые они так и не получили от Ахмеда ибн-Мусы Хорезмийца, который был перехвачен политическими противниками и в Мерве посажен в тюрьму. Но послы об этом не знали, а болгарского царя все эти интриги просто не интересовали. Поэтому он был в ярости и, как пишет Ибн Фадлан, вызвал его к себе и буквально швырнул ему в лицо то самое письмо халифа, которое еще три дня назад благоговейно слушал стоя, с вопросом — где деньги? Путаный ответ Ибн Фадлана о том, что послы де торопились успеть вручить царю подарки и поэтому не стали дожидаться прибытия денег в надежде, что человек, долженствующий их доставить, догонит послов в пути, по-видимому, не удовлетворил царя. «Скажи ему — приказал он своему переводчику — я не признаю этих людей. Подлинно я признаю только тебя одного, и это потому, что эти люди не арабы. И если бы знал наставник халиф — да поможет ему Аллах — что они возвестят мне то, что ты возвестил, он не послал бы тебя, чтобы ты сохранил его поручения для меня: прочел бы его письмо ко мне и выслушал бы мой ответ. И я не потребую ни одного дирхема ни у кого, кроме как у тебя, так что отдавай деньги, и это самое лучшее для тебя».

Царь Алмуш, судя по описанию Ибн Фадлана, был человек крупного телосложения, грузный, с басовитым голосом («как будто бы он говорил из большого кувшина»), поэтому разговор с ним произвел на нашего автора тягостное впечатление: «я ушел от лица его перепуганный, удрученный». Но на этом дело, естественно, не кончилось. Еще несколько дней болгарский царь тщетно пытался добиться от

багдадских послов внятного объяснения, где деньги и когда он сможет их получить. В конце концов, поняв, что денег он не увидит, Алмуш собрал «перед лицом своим» всех багдадских послов и устроил им «разнос» в стиле морально-нравственного диспута.

Суть «диспута» заключалась все в тех же злосчастных четырех тысячах динаров, а поводом стало услышанное Ибн Фадланом и раскритикованное им двойное провозглашение икамы булгарским муэззином. Дело в том, что в Багдадском халифате икаму провозглашали один раз — ислам шафиитского толка, а в Хорезме дважды — ислам ханифитского толка. С канонической точки зрения оба толка ислама равноправны. Однако принятие той или иной формы икамы влекло за собой и введение всей системы обрядов и юридических норм данного толка. Таким образом, в данном случае для Ибн Фадлана вопрос об икаме был вопросом престижа, вопросом политическим.

Начиная со 199 года хиджры (821 г.) **шафиитский мазхаб** приобрёл большую популярность в Египте. Длительное время он преобладал в Иране и сохранил последователей, несмотря на то, что официальной идеологией государства является сегодня **шиизм**. В Ираке и Мавераннахре шафиитский мазхаб спорил в популярности с ханифитским. Сегодня он является доминирующим в Сирии, Ливане, Палестине и Иордании, имеет многочисленных последователей в Ираке, Пакистане, Индии, Малайзии и Индонезии.

То есть разница между двумя течениями суннитского ислама была, как мы видим, невелика, и единственным, надо полагать, преимуществом ханифитского направления в исламе в глазах царя Алмуша и булгарской знати был приоритет мнения большинства (**уммы**), в известной степени перекликавшийся с традициями родового строя.

Болгарскому царю Алмушу нельзя отказать в политической хитрости и остроумии. Первый вопрос, который он задал багдадским послам в лице Ибн Фадлана, заключался в том, есть ли разница между молитвами, прочтенными двумя муэззинами, из которых один провозглашает икаму единожды, а второй дважды? На что Ибн Фадлан, естественно, ответил, что разницы никакой нет и обе молитвы допустимы. Вопрос второй: «Что ты скажешь о человеке, который вручил неким людям деньги, предназначенные для людей неимущих, осажденных, порабошенных, а те обманули его?» Надеюсь, читателю ясно, о чем идет речь. Что мог ответить на это Ибн Фадлан? Конечно то, что «это недопустимо и те люди скверные».

Третий вопрос царя был не просто каверзным, он был убийственным: «Знаешь ли ты, — обратился он к Ибн Фадлану, — если бы

халиф — да продлит Аллах его пребывание в этом мире — послал ко мне войско, то одолел ли бы он меня?» Получив отрицательный ответ, он продолжил: «А эмир Хорасана?» Ответ был тоже отрицательный. «Это не вследствие ли отдаленности расстояния и многочисленности между нами племен неверных?» Ибн Фадлан ответил: «Да». Если отбросить дипломатическую витиеватость, то суть вопроса заключалась в том, должен ли я, царь болгар, бояться и боюсь ли я халифа (шиифита) или хорасанского эмира (ханифита)? Нет, не должен и не боюсь, в чем ты, почтенный Ибн Фадлан, меня и убедил.

А далее последовала речь царя, в которой он окончательно «припечатал» багдадских послов за их нерадивость и «поставил крест» (если так можно выразиться применительно к исламской подоплеке всего этого дела) на всем их предприятии: «Итак, клянусь Аллахом, воистину в моем отдаленном местопребывании, в котором ты меня видишь, подлинно я боюсь своего господина, повелителя правоверных. А именно я боюсь, что до него дойдет обо мне что-либо такое, что вызовет его отвращение, и он проклянет меня, и я погибну в моем местопребывании, в то время как он будет оставаться в своем государстве, и между мною и им будут простираться обширные страны. А вы, которые едите его хлеб, носите его одежду, во всякое время видите его, вы обманули его в отношении размера той посылки, с которой он отправил вас ко мне, к людям неимущим, вы обманули мусульман, — я не приму от вас руководства в деле своей веры, пока не придет ко мне такой человек, который будет искренен в том, что он говорит. И если придет ко мне такого рода человек, то я приму от него руководство». Ответить послам было нечего: «Так он зажал нам рот, мы не дали никакого ответа и удалились от него».

Всё! Миссия багдадских послов провалилась с треском! Очевидно, Ибн Фадлан еще пытался как-то оправдаться, но и не менее очевидно, что оправдания не были приняты царем Алмушем. И не были приняты потому, что для него вопрос о получении денег на постройку крепости из казны багдадского халифа имел исключительно политическое значение. Перед лицом постоянной хазарской угрозы и осознания своего унижительного положения как вассала хазарского кагана (булгары платили дань хазарам — по шкурке соболя с каждой семьи, сын болгарского царя находился в заложниках у хазар, а одна из его дочерей была насильно отдана в жены хазарскому кагану) финансовая поддержка от багдадского халифа для Алмуша означала одновременно и поддержку политическую. Послы, похоже, этого не понимали. Во всяком случае Ибн Фадлан, ознакомившись с материальным состоя-

нием страны волжских булгар, задал царю недоуменный вопрос: «Государство твое обширно, денежные средства твои изобильны и доход твой многочислен, так почему же ты просил государя, чтобы он построил крепость на доставленные от него деньги, которым нет числа?» На что получил вполне четкий ответ: «Я полагал, что Держава Ислама приносит счастье, и их денежные средства берутся из дозволенных религиозным законом источников. По этой причине я и обратился с просьбой об этом. Право же, если бы я захотел построить крепость на свои средства, на серебро или золото, то, конечно, для меня в этом не было бы никакой трудности. Право же, я только хотел получить благословение от денег повелителя правоверных и просил его об этом».

Одним словом, болгарский царь Алмуш был явно обижен. Поэтому, несмотря на то, что он провозглашал неоднократно свое преклонение перед авторитетом и величием багдадского халифа, ислам в своем государстве сохранил ханифитского (среднеазиатского) толка. То есть политически он остался от халифа независимым.

А это как раз и означало полный провал миссии багдадского посольства, в котором Ибн Фадлан старался подчеркнуть именно свою значимость (может быть, так оно и было). Булгарское мусульманство «исправить» ему не удалось, да и в своей миссионерской деятельности он, похоже, преуспел весьма скромно. Во всяком случае сам Ибн Фадлан упоминает только об одной семье некоего Талута, обращенной им в ислам, который принял мусульманское имя Мухаммед, став, таким образом, тёзкой своего наставника в вере. И сообщает о том, что именно он научил читать молитвы мусульман из племени баранджар, для которых была даже построена деревянная мечеть. Правда, кем построена, арабами или местными властями, из текста неясно.

Таким образом, анализируя содержание «Записок» («Рисала») Ахмеда ибн Фадлана, что мы можем узнать о распространении ислама у народов Урало-Поволжья в X в.? Что это за религия, кочевые племена огузов, безусловно, знали, но относились к ней довольно индифферентно, а в ряде случаев — и неприязненно. Был ли ислам у заволжских печенегов — из сообщения Ибн Фадлана мы ничего сказать не можем. Кое-кто из башкир был мусульманином, но это был человек, явно оторванный от своей этнической среды, тогда как большинство его соплеменников оставались ярко выраженными язычниками¹. Булгарский царь Алмуш (Алмас) и его ближайшее окружение были мусульманами, но, с точки зрения багдадских послов, мусульманами

¹ Возможно, что тотемистами.

«неправильными», ханифитами. Большая часть булгарского просто-народья продолжала оставаться в язычестве и последовать примеру своего повелителя, похоже, не особенно стремилась. Следовательно, не подвергая сомнению 922 г. как одну из возможных дат начала ислама в регионе, мы и относиться к ней должны соответственно: как к одному из звеньев в длинной цепи лет, в ходе которых ислам проникал и утверждался в духовной культуре народов Урало-Поволжского региона.

Сведения средневековых авторов о сложной конфессиональной ситуации в Волжской Булгарии X в. органично дополняются и иллюстрируются данными археологии. Известный казанский археолог советского периода Е. А. Халикова, еще в 70-е гг. прошлого столетия первой начавшая целенаправленное исследование мусульманских некрополей домонгольской Волжской Булгарии, убедительно показала, что процесс утверждения ислама в мировоззрении и духовной культуре волжских булгар был длительным и постепенным. Материалы исследованных ею Танкеевского, Тетюшского, Рождественского III, Старо-Куйбышевского I и других городских и сельских могильников показывают, что в течение всего X в. (то есть и после визита багдадского посольства в 922 г.) на булгарских могильниках хоронили одновременно как мусульман, так и язычников (ал-кафир). Причем погребения второй группы выглядят как типично угорские (в археологическом контексте они относятся к неволинскому и полемскому (чепецкому) типам), содержат характерный набор сопровождающих вещей и керамику. Что же касается раннемусульманских захоронений X–XI вв. (по определению Е. А. Халиковой), то они содержат реминисценции язычества: остатки деревянных гробовищ, остатки возле могил погребальной тризны в виде костей животных и фрагментов глиняной посуды, кыбла же в них отсутствует.

Полученные данные позволили исследовательнице сделать вывод о том, что «лишь в XII — начале XIII вв. идеология и обряды ислама глубоко укоренились у основного населения страны, охватив разные социальные слои булгарского общества, что доказывается установлением унифицированной, единообразной, „ортодоксальной“ погребальной обрядности, соответствующей канонам ислама — строгое соблюдение кыблы, единообразное положение корпуса и рук погребенных, полное отсутствие сопровождающего инвентаря и т. п.» [273, с. 151].

С этим выводом, в принципе, согласны и современные исследователи истории Волжской Булгарии. Так, известный археолог, чл.-корр.

АН РТ, профессор Ф. Ш. Хузин на основании археологических материалов показывает, что «предки современных поволжских татар — болгары принимали ислам не единовременно, а несколькими актами» и в 922 г. багдадское посольство только зафиксировало существование ислама в Булгарии [284, с. 43–49].

Другой казанский историк и археолог И. Л. Измайлов хотя и считает, что «уже к концу X в. Булгария на международной арене выступала как мусульманская страна», но вместе с тем не отрицает, что в течение всего X в. языческие могильники продолжали функционировать на территории этого государства [123].

Распространение ислама у башкир Г. Н. Гарустович относит к XIII–XIV вв. Какой смысл вкладывает исследователь в слово «распространение» — не совсем ясно. Если исходить из приводимых им данных о появлении на башкирских территориях каменных и кирпичных мавзолеев (**кэшэнэ, дюрбе, мазар, текие**) и каменных надгробий с эпитафиями, то все они датируются временем не ранее XIV в. [63, с. 220–223]. Если исходить из совершенно, на наш взгляд, верного предположения о том, что исламизация башкир и других племен Урало-Поволжья была обусловлена включением этих племен в состав Золотой Орды (что, как мы помним, произошло не ранее середины 1230-х гг. — см. гл. III), то исламизация этого государства, в свою очередь, тоже осуществлялась поэтапно. И связан этот процесс был с процессом урбанизации значительной части территории Золотой Орды. Начинается активное строительство городов в степном Поволжье со всеми вытекающими отсюда социальными последствиями: приток торговцев и ремесленников из исламских Хорезма и Волжской Булгарии (Булгарского Улуса). Современные исследователи процесс исламизации Золотой Орды (Улуса Джучи) разбивают на три этапа, связанных с именами конкретных ханов и политической ситуацией, знаменовавшей их правление. Первый этап — 1242/43–1312 гг. — время правления хана Бату, пока еще придерживавшегося принципов религиозной толерантности, провозглашенных в Великой Ясе Чингисхана. В целом это было время «индифферентного отношения властей Золотой Орды к мировым религиям» [52, с. 38; 122, с. 603].

На имеющемся археологическом материале мы пока не можем проследить, как относились к исламу в это время кочевники-степняки. Однако наличие в степях Урало-Поволжья языческих погребений, содержащих кроме оружия, украшений и конских захоронений монеты ханов Узбека (правил в 1313–1341 гг.) и Джанибека (1342–1357 гг.), показывает, что и на втором этапе исламизации Зо-

лотой Орды (с 1313 г. по конец XIV в.) [122, с. 38] язычество сохраняло достаточно прочные позиции в кочевнической среде. По нашим подсчетам, погребения с монетами золотоордынских ханов составляют 10 % от общего количества языческих кочевнических погребений в степях Восточной Европы. Из них почти половина — в степях Заволжья и Южного Приуралья (Андреевский, Жарсуат, Тлявгуловский, Джангала, Новоорский, Абганеровский, Бахтияровский, Суслы, Блюменфельд и др. могильники).

Кроме того, имеются и письменные источники, указывающие на сопротивление золотоордынской знати исламу. В начале XV в. при дворе Шахруха — младшего сына великого Тимура, правителя Хорасана, — было написано продолжение к «Сборнику летописей» Рашид ад-Дина, в котором, в частности, рассказывается о попытке заговора ордынских эмиров против хана Узбека: «... Причиною вражды эмиров к Узбеку было то, что Узбек постоянно требовал от них обращения в правоверие и ислам и побуждал их к этому. Эмиры же отвечали ему на это: „Ты ожидай от нас покорности и повиновения, а какое тебе дело до нашей веры и нашего исповедания и каким образом мы покинем закон (тура) и устав (ясык) Чингиз-хана и перейдем в веру арабов?“» [101, с. 324].

Нам представляется, что одной из причин первоначального неприятия ислама золотоордынской знатью была та, что он исходил из городов — явления, для кочевников Дешт-и-Кипчак чуждого. Практически все исследователи истории и культуры Золотой Орды, начиная с классика советского «золотоордыноведения» Г. А. Федорова-Давыдова, отмечают дуалистический характер культуры этого государства: «В силу ориентации ханов на мусульманство и городской быт среднеазиатско-иранского типа, в южнорусской степи, далекой от ислама, вдруг пышно распускается **совершенно чуждаяномадам** (выделено нами. — *Авт.*) яркая урбанистическая восточная средневековая культура поливных чаш и мозаичных панно на мечетях, арабских звездочетов, персидских стихов и мусульманской духовной учености, толкователей Корана, математиков и астрономов, изысканно тонкого орнамента и каллиграфии. **Эта культура была недолговечной и не опиралась на традиции оседлости в Нижнем Поволжье, где до этого были кочевые степи** (выделено нами. — *Авт.*)» [265, с. 118].

После завоевания Дешт-и-Кипчак монголами этнический состав кочевников изменился незначительно — степи Восточной Европы по-прежнему оставались кипчакскими. Поставленные кочевниками

управлять улусбеги, нойоны и багатуры управляли ими по законам Великой Ясы Чингисхана, один из которых гласит: «Мужчинам разрешается заниматься только войной и охотой» [30]. А какую жизнь кочевник мог видеть в городе? Ответ на этот вопрос мы находим в работах исследователей городов Золотой Орды. Характерной особенностью золотоордынских городов Нижнего Поволжья являлось отсутствие организующего центра — укрепленной цитадели: «структура городского ландшафта была организована регулярной застройкой, основанной на сетке улиц в центральной нуклеарной части и иррегулярной, рассредоточенной на окраинах» [44, с. 141]; «...усадьбы хана и других представителей социальных и административных верхов **располагаются по степи без видимого порядка** (выделено нами. — *Авт.*), не создавая определенного городского центра» [97, с. 215]. То есть обитателю степи, привыкшему к четкой организации пространства кочевья (юрта старшего — или крайняя с запада (справа) в ряду, или в центре), плутание по узким (от 3 до 10 м) улицам и переулкам, в поисках нужного ему объекта, едва ли доставляло эстетическое удовольствие и психологический комфорт. Во-первых, если судить по предлагаемым реконструкциям, «кварталы нижеволжских городов представляли собой замкнутый уличным контуром жилой массив, состоящий из нескольких жилых домовладений» [44, с. 142]. На языке «родных осин» это, очевидно, означает, что вдоль всей улицы тянулись однообразные глинобитные стены с калитками или глухими воротами во дворы, периодически прерываемыми еще более узкими переулками. Во-вторых, центральные 10-метровые улицы (ширина улицы заурядной русской деревни) были «переполнены людьми» (Ибн-Батута). А если учесть, что уличная сеть золотоордынского города, выполняя свою чисто магистральную функцию, «являлась еще и матрицей, на которую накладывались дренажные и арычные системы. Она являлась основным способом водоснабжения средневекового золотоордынского города на Нижней Волге» [44, с. 143], едва ли стоит сомневаться в том, что плутать по этим тесным, забитыми людьми, зауженными еще и арыками, из которых нельзя было напиться без риска подцепить какую-нибудь кишечную заразу, улицам («Открытый характер неукрепленных каналов и арыков исключает использование подающейся по ним воды в качестве питьевой. Арыки, как гидротехнические сооружения, могли использоваться для подачи воды, употреблявшейся в технических и хозяйственных целях» [44, с. 143]), для привыкшего к открытым пространствам степняка удовольствие было «ниже среднего».

Едва ли есть смысл сомневаться так же и в том, что рядовой кочевник-орат не имел доступа в усадьбы зажиточных горожан и уж тем более в усадьбы городской знати (хотя в Степи Великая Яса Чингисхана такую возможность, хотя бы формально, ему предоставляла: «Если кто проезжает подле людей, когда они едят, он должен сойти с лошади, есть с ними без их позволения, и никто из них не должен запрещать ему это...» [90]). Ну а что он мог увидеть в домах своих «товарищей по классу», представителей городского плебса? Землянки небольших размеров, с земляными же полами и перекрытые камышовой кровлей. Отапливались они открытыми очагами-кострищами, иногда обложенными кирпичом или обмазанными глиной, печами, сложенными из обожженного или сырцового кирпича¹, канами. Как там жилось внутри — это вопрос. Но в чем можно не сомневаться, так это в том, что, в отличие от войлочной юрты, паразитов там хватало. Лепящиеся к внешним стенам усадеб зажиточных горожан — ремесленников и феодалов — или сгрудившиеся впритык друг к другу (на городище Шареный бугор возле Астрахани на площади около 150 м² выявлены 22 землянки [97, с. 134, рис. 14]) подобные жилища, олицетворяющие городской стиль жизни, вряд ли могли вдохновить кочевника-степняка на добровольное переселение в город.

В определенный период времени (улучшалось материальное благосостояние горожан?) землянки засыпались и на их месте строились наземные однокомнатные дома на сырцовом цоколе, с глинобитными или сырцовыми полами, зачастую являвшиеся частью усадьбы [97, с. 221]. Они и были «основным модулем квартальной застройки и иррегулярной застройки пригородов, в которых проживало рядовое население золотоордынских городов» [44, с. 154]. Площадь их была невелика — в среднем 16 м².

Усадьбы горожан среднего достатка, исследованные Э. Д. Зиливинской на Селитренном (Сарай-Бату) и Царевском (Сарай-Берке) городищах, снаружи хотя и представляли собой довольно внушительные сооружения (20×20 м — Селитренное городище, раскоп XV; 14×12 м — Царевское городище), но изнутри это были «соты» с комнатами-ячейками в 20–25 м² [98]. Отсчитайте 5×4 или 5×5 шагов — вот это будет реальное жизненное пространство одной комнаты многокомнатного зажиточного дома. Естественно, без окон и вентиляции. Кроме как спать, там вряд ли что можно было еще делать.

¹ Где у них там были дымоходы, и вообще — были ли они, из материалов раскопок понять невозможно.

Усадьбы социальных верхов золотоордынского города а priori должны были являться притягательным объектом для кочевой степной знати, часть которой, как считают исследователи, уже переселилась в города. Характеристику феодальной усадьбы золотоордынского города мы приведем словами археологов, эти самые усадьбы исследовавших непосредственно: «По основным конструктивным особенностям он (дом владельца усадьбы. — *Авт.*) не отличается от домов городского плебса. Так же как и при строительстве домов рядового населения города, в качестве основного строительного материала используется сырцовый кирпич. Главным отличием усадебных построек социальной верхушки от построек городского плебса являются их размеры, использование при строительстве жженого кирпича и наличие архитектурного декора (выделено нами. — *Авт.*)... Несмотря на значительную площадь построек и наличие архитектурного декора, усадебные дома, видимо, были невысокими и не очень удобными для жизни (выделено нами. — *Авт.*)» [97, с. 222 и сл.].

Одним словом, город, из которого ислам исходил и распространялся среди населения Золотой Орды, для кочевников не являлся авторитетом в деле смены духовной парадигмы.

Не стоит также забывать и о том, что многие идеологические и моральные установки ислама¹ в сознании степняка-кочевника противоречили установлениям Великой Ясы Чингисхана, обязательным для всех без исключения подданных Монгольской империи. И хотя, как отмечал еще персидский историк XIII в. Джувейни, «...и много среди тех приказов есть, что соответствует шариату» [286, с. 464], но много было и идущего ей вопреки. Например, в Великой Ясе провозглашалась веротерпимость (Чингисхан уклонялся «от предпочтения одной религии другой и от превозношения одних над другими...» [286, с. 464], а его потомки Узбек и особенно Джанибек насаждали новую веру мечом и кровью. Вот уже противоречие. Яса провозглашала, что «Мужчинам разрешается заниматься только войной и охотой» [90], или, когда правители «не заняты военным делом, пусть непременно ревнуют об охоте и войско к тому приучают» [286, с. 465]. А где в городе этим заниматься? Или, «он (Чингисхан. — *Авт.*) запретил им опускать руку в воду и велел употреблять что-нибудь из посуды для черпания воды; он запретил им мыть их платье в продолжение ноше-

¹ В Золотой Орде хан Узбек и его преемники утверждали ислам ханифитского толка (здесь сказалось сильное влияние Средней Азии).

ния, пока совсем не износится» [286, с. 474]. А мы можем представить себе мусульманский город без общественных бань или мусульманина, в течение суток не совершающего омовения? Даже заклание животных для еды и жертвоприношений у монгол и мусульман должно совершаться по-разному: по шариату животному нужно перерезать горло и обе сонные артерии, чтобы стекла кровь, а по Ясе «когда хотят есть животное, должно связать ему ноги, распороть брюхо и сжать рукой сердце, пока животное не умрет¹, и тогда можно есть мясо его; **но если кто зарежет животное, как режут мусульмане, того зарезать самого**» (выделено нами. — *Авт.*) [286, с. 473].

Не говоря уже о том, что насаждаемый сверху в Золотой Орде ислам суфийского толка [52, с. 32 и сл.], призывающий к воздержанию, аскезе и альтруизму (человеколюбию), никоим образом не состыковывался с заветом (биликом) Чингисхана, согласно которому «настоящее наслаждение и блаженство мужа в том, чтобы подавить и победить возмущившегося врага, отобрать у него все, чем он владеет, заставить истошно вопить его слуг и обливаться горячими слезами его жен, [в том чтобы] оседлать его быстроногих меринов, [в том чтобы] возлежать, словно на постели, на телах его прекрасных жен, лицезреть красоту их и целовать в сладкие, алые губы» [286, с. 485].

Нам думается, что читателям, так же, как и авторам этих строк, становится понятным неоднократно отмеченный археологами факт разнообразия (разнобоя) в погребальной обрядности на городских мусульманских кладбищах Золотой Орды [53, с. 93–136; 68, с. 181–186; 295, с. 242–270] и реминисценций (пережитков) языческого обряда в кочевнических погребениях т. н. «золотоордынского мусульманского периода» в виде помещения туда женских украшений, головных уборов — «бока», датированных второй половиной XIV — началом XV вв., в том числе и находками монет в погребениях [109, с. 30–41]. Все это, по мнению известного археолога и антрополога Л. Т. Яблонского, «говорит о слабости мусульманизации населения даже в эпоху расцвета Золотой Орды...» [68, с. 158], с чем, конечно же, нельзя не согласиться.

Подобная картина наблюдается по всей территории Золотой Орды. Могильники, на которых хоронили по мусульманскому обряду, но с выраженными языческими пережитками, известны на Дону (Новохарьковский, датируется XIV в.), Северном Кавказе (Золотаревка-3 — вторая половина XIV — начало XV в.; Шарахалсун — вторая полови-

¹ И чтобы ни одна капля крови не попала в землю — приплода скота не будет.

на XIV в.) и других местах [21, с. 157–198; 22, с. 193–230; 207]. Исследователи перечисленных и других подобных им памятников полученный материал трактуют однозначно — как проявление сложности и неравномерности в процессе исламизации населения Золотой Орды.

Таким образом, мы имеем гораздо больше оснований присоединиться к мнению покойного Р. М. Юсупова, полагавшего, что еще в XIV–XVI вв. ислам не являлся религией всего башкирского народа, а затронул только его родовую аристократию [42, с. 182]. И это представляется более реальным, нежели расплывчатое утверждение Г. Н. Гарустовича о том, что «...к XV веку процесс распространения ислама среди башкир **фактически завершился** (выделено нами. — *Авт.*), а со времени добровольного вхождения башкир в состав Русского государства **началось окончательное утверждение мусульманской религии** (выделено нами. — *Авт.*)» [63, с. 226]. Едва ли это было так, поскольку, **во-первых**, живущие в отдалении от золотоордынских городов — рассадников ислама — башкиры не могли быть более исламизированы, нежели поволжские или донские кочевые племена, имевшие более тесные связи с городами. **Во-вторых**, несмотря на то, что на территории Башкирии хорошо известны как минимум четыре мусульманских мавзолея-кэсэнэ (кэшэнэ) — Хусейн-бека, Тура-хана, Бэндэбикэ и Башня Тамерлана ¹, из них только один в исторической памяти башкир ассоциируется с именем мусульманского проповедника — Хаджи Хусейн-бека, прибывшего в Башкирию из Туркестана с целью обращения башкир в ислам. Произошло это, что немаловажно, в XIV в., поскольку дата смерти Хусейн-бека — 1339 г. — зафиксирована в его эпитафии. Насколько Хусейн-бек преуспел на миссионерском поприще, сказать трудно. Обращает на себя внимание тот факт, что среди башкирских исторических преданий и родословных-шежере его имя упоминается единожды: в историческом предании «Последний из Сартаева рода», повествующем о нашествии Тимура Тамерлана на Золотую Орду, его главный герой Джалык сетует на то, что ни один из святых, к кому он обращался с мольбой о помощи перед лицом надвигающегося нашествия, включая и Хусейн-бека, на его мольбы не откликнулся.

Что касается «мавзолея Тура-хана», то в преданиях, легендах и шежере башкир это строение вообще ни с кем из святых не ассоциируется. Более того, еще в XIX в. местное население называло это

¹ По административному делению XX столетия последняя сейчас находится на территории Челябинской области.

сооружение «дворец Тура-хана». Уфимский краевед Р. Г. Игнатьев в 1883 г. опубликовал услышанную им от башкир д. Нижние Термы (ныне — Чишминский район РБ) легенду о том, что Тура-хан — один из потомков Чингисхана — вначале был подданным сибирского хана Кучума, а затем, после ссоры с ним, откочевал в район нынешней Уфы. Здесь, на р. Слак, он построил себе дворец ¹ (!) и мечеть. После взятия Казани русскими войсками Тура-хан покинул это место и ушел в район нынешнего г. Стерлитамака, где есть гора с таким же названием — Тура-тау. Впрочем, Р. Г. Игнатьев отмечает, что вблизи «дворца» была найдена могильная плита с эпитафией, посвященной Сахиб-Зимал, жене хана [119, с. 333], а во время раскопок мавзолея в 1976 и 1988 гг. внутри него были найдены два захоронения, одно из которых — женское.

В башкирском историческом эпосе «Идукай и Мурадым», записанном в 1910 г. знаменитым собирателем башкирского фольклора М. Бурангуловым, Тура-хан (Тора-бий) — враг, погубивший главного героя Идукая, но получивший заслуженное возмездие от его сына Мурадыма, который «В плен Тора-бия взял; Там, где жизнь окончил отец, По рукам и ногам разодрал» [37, с. 186].

Мудрая старуха (аулия) Бэндэбика, с именем которой связан кирпичный мавзолей в Кугарчинском районе РБ, исследованный Н. А. Мажитовым в 1968–1969 гг., также присутствует только в одном предании «Бэндэбика и Ерэнсэ-сэсэн», записанном в д. Максютново (где и находится сам мавзолей) в 1960-х гг. Согласно этому преданию, после смерти, по ее же завещанию, Бэндэбика была похоронена в собственном доме (но не в кэшэнэ), заваленном землей [36, с. 204–206].

Наконец, кэшэнэ Башня Тамерлана, хотя и является в восприятии башкир погребальным памятником, но сооруженным над могилой мифической дочери Тимура Тамерлана, якобы бежавшей с возлюбленным от гнева отца и покончившей жизнь самоубийством из нежелания расстаться с любимым.

Одним словом, историческая память башкир сохранила вполне индифферентные сведения о мавзолеях-кэшэнэ, не ставших, в отличие, например, от мавзолеев Средней Азии или мечетей г. Булгара в Татарстане, местом религиозного паломничества и поклонения.

В-третьих, чем иным, кроме недостаточно глубокого внедрения ислама в сознание башкир, можно объяснить наблюдаемое в 1770 г.

¹ По другой версии — это был дом суда, в котором судили, казнили и захоранивали преступников.

академиком И. И. Лепехиным колдовство (камлание) башкирского колдуна-«чертовидца» (Шайтан Курзя) с целью облегчить женщине роды? [179, с. 37 и сл.]. Или замечание другого академика — Г. Георги о том, что, хотя «башкирцы искони содержат Мугаметанский закон и имеют молебные храмины, школы и священнослужителей: но в разсуждении веры своей не последние невежды и наблюдают немало и языческих обрядов...». В том числе — и обряд изгнания бесов «Шайтан Куреесця» [67, с. 107].

Впрочем, в данном случае башкиры не составляли исключения среди других кочевых и полукочевых народов Урало-Поволжья. Таковыми же неусердными «магометанами» называет Г. Георги и казахов («киргизцев»), у которых также было мало сведущих в исламе людей, но зато очень много всевозможных предсказателей судьбы (фалши), погоды (диагзы), «чертознатцев» (багзы) и разного рода гадателей (армячи, ярунчи): «Веру свою они почитают; но как у них нет школ, да притом и целые улусы не имеют мулл; то не только превеликие невежды, но и крайне суеверны» [67, с. 140].

Характерно, что у православных русских тоже были свои колдуны, знахари и ворожеи. Но их побаивались и старались держаться от них подальше (вспомним картину художника-передвижника В. Максимова «Приход колдуна на крестьянскую свадьбу» или великого М. В. Нестерова «За приворотным зельем»). И уж, конечно, в таком жизненно важном деле, как рождение ребенка, колдуны не участвовали никогда: если возникали сложности у роженицы, то просили **открыть Церковные Врата!**

Таким образом, приведенные данные противоречат утверждениям о ранней, до XV–XVI вв., исламизации тюркских народов Урало-Поволжья, хотя в конце концов ислам становится их главной религией. Произошло это, в том числе, и потому, что суфийский ислам оказался способен «впитывать» в себя элементы доисламских культов, популярные среди тюркского населения региона, и позволил сохранить их до настоящего времени [52, с. 53], о чем имеется богатейшая литература [206; 237; 279 и др.]. И закончим словами археолога Д. В. Васильева, известного специалиста по распространению и утверждению ислама в Золотой Орде: «Признание кочевниками Золотой Орды основных мусульманских догматов не привело к моментальному отказу от мировоззренческих основ тенгрианства — тюрко-монгольского шаманизма. Процесс этот был долгим и трудным...» [52, с. 59].

ГЛАВА VI

НА РУБЕЖЕ ЭПОХ

К середине XIV в. государства Чингисидов, раскинувшиеся на огромных пространствах от Дуная до Янцзы, переживали острейший политический кризис, приведший не только к перераспределению ролей и появлению новых игроков на политическом поле Евразии, но и прекращению *de jure* существования большинства из этих государств как объектов международного права. Подобно карточным домикам, они рассыпались, погребая под руинами славу и неодолимость своих недавних правителей. Уже к 40-м гг. XIV столетия Ильханат (Улус Хулагу) и Улус Чагатай рухнули, а на их территории появились государства-однодневки, находившиеся в состоянии жесточайшей конкуренции между собой. На крайнем востоке правящая Китаем монгольская династия Юань доживала свои последние годы: в 1368 г. монголы были окончательно изгнаны из пределов Поднебесной.

Золотую Орду также не минули разрушительные процессы, потрясшие основы мироустройства, заложенного Чингисханом. В Улусе Джучи началась Смута, или, как ее называли на Руси, «великая замятня», в одночасье ослабившая державу, еще совсем недавно блиставшую в зените своего могущества. Сама по себе «великая замятня» представляет очень сложное, многоходовое кровавое действо, в течение которого многочисленные Джучиды и их сторонники — выходцы из различных степных родов и придворных партий буквально резали друг друга с единственной целью — обрести высшую власть.

Весьма показательно, что борьба между наследниками Джучи, не в последнюю очередь вызванная неурегулированностью вопросов престолонаследия, велась явно по династическому признаку. Очевидно, что «засидевшиеся» на вторых ролях в восточной (заяицкой) части Золотой Орды, ее «левом крыле» — Кок-Орде, представители «золотого рода», и в первую очередь потомки Орду и Шибана, стремились сместить династию Батуидов, правившую страной в течение более чем ста лет. Однако схватка за обладание становым хребтом государства — главным доменом золотоордынских ханов, располагавшимся в нижнем и среднем течении Итиля, наполненном к тому же богатейшими городами, стала не только схваткой между главными претендентами — принцами крови, но и появившимися временщиками — гургенами, сумевшими в определенных условиях поднять под себя ситуацию, как это сделали Мамай в 1360–1370 гг. в «правом крыле» — Ак-Орде и Идегей, замахнувшийся ни много ни мало, но на власть над всей степной державой на рубеже XIV–XV вв. Итак, воевали все против всех, и война эта не могла обойти стороной Южный Урал, а следовательно, и башкирские кочевья.

Необходимо отметить, что башкирские племена (впрочем, как и все население Золотой Орды) вступали в период «великой замятни» в некоем «позитиве», коим были отмечены правления Тохты, Узбека и Джанибека. «Относительно мирная и безопасная жизнь в империи Джучидов на протяжении второй половины XIII — первой половины XIV вв. вызвала благоприятные демографические последствия. Старые эли множились, делились и ветвились...» [259, с. 372]. Башкирия, находившаяся на периферии государства, счастливым образом избежала к тому же ужасающего бедствия — пандемии чумы, охватившей практически весь тогдашний цивилизованный мир. «От чумы, прокатившейся по всей Европе (до этого она свирепствовала в Центральной Азии, Китае, на Среднем и Ближнем Востоке и т. д. — *Авт.*) особенно сильно пострадало население Дешт-и-Кипчака, Крыма и Поволжья. Под 1346 годом в русских летописях говорится: <...> „...Бысть мор силен на Бесермены и на Татарове...“ из-за чумы, „в землях Узбековых... обезлюдели деревни и города“. Только в одном Крыму тогда погибло от чумы свыше 85 000 человек. По сообщению русских летописей, в Сарае, Астрахани, Ургенче и в других городах вымерло столько народа, „яко не бе можно живым мертвых погребати“» [239, с. 372].

О том, что чума действительно обошла стороной Южно-Уральский регион, свидетельствуют столь чувствительные к подобным катастрофическим событиям эпические произведения башкир. При ближайшем рассмотрении мы не обнаружим в них даже отзвуков той беды, причиной чего, помимо периферийности региона, по-видимому, следует считать, само государственное устройство Улуса Джучи. После монгольского завоевания «на просторах половецкого „Дикого поля“ установилась жесткая и стройная улусная система с десятичным делением населения. Ордынское правительство не допускало самовольных переходов из одного улуса в другой, чтобы не нарушать стройной организации налогообложения и военной мобилизации» [255, с. 36–37]. Таким образом, несмотря на непрерывное, санкционированное центральными властями проникновение на Южный Урал племен-элей — выходцев из Центральной Азии и Дешт-и-Кипчак, эта отдаленная территория оставалась достаточно замкнутым пространством, по определению В. Л. Егорова, «кочевой областью», которую «градостроительство не затронуло» [92, с. 106]. В результате того, что земли эти не подверглись урбанизации, трагедия их миновала, тогда как в других краях «города Узбековы обезлюдели» и народ, их населяющий, сделался жертвой чумы. Судя по всему, башкирские племена,

избегав вселенского мора, ко времени начала «великой замятни» представляли из себя достаточно мощный, хотя и разобщенный по родовому признаку сегмент золотоордынского общества, способный влиять на политическую ситуацию если и не в стране, то, во всяком случае, на Южном Урале и в некоторых областях восточного Дешт-и-Кипчак. И хотя письменных свидетельств современников событий (за исключением краткого сообщения в сочинении Шараф-ад-дина Йезди [101, с. 338]) об активном участии башкир в военно-политической жизни государства не существует, не следует принижать и минимизировать их роль, в том числе и экономическую, которую они играли в государственной системе Улуса Джучи.

Так или иначе, но «мирная передышка», продолжавшаяся на территории Южного Урала почти сотню лет (межклановые разборки не в счет!), в начале второй половины XIV в. заканчивалась. К этому времени сепаратистские настроения среди золотоордынской аристократии, в основе которых по-прежнему лежало различное отношение к городам, городской культуре и оседлым периферийным районам улуса, достигли своего апогея, и достаточно было только искры, чтобы «смута проснулась». Такой искрой явилось убийство хана Джанибека и возведение на престол одной из придворных группировок его сына Бердибека, которого спустя два года таким же путем сместил Кульпа. Началась «великая замятня», в период которой на золотоордынском престоле успела «отметиться» пара десятков правителей.

Все эти события разыгрались в непосредственной, близости от степей Южного Урала и, естественно, не могли пройти незамеченными для их обитателей. Достаточно сказать, что среди участников борьбы за золотоордынский трон потомки Шибана, улус которого как раз и составляли западноказахстанские и южноуральские степи (Хызр, Мюрид), стали весьма активной силой. Более того, в 1377 г. один из кок-ордынских («заяицких») царевичей — Араб-шах — совершает успешный набег на нижегородские земли. Как показывают источники, ханы кок-ордынской ветви династии Джучидов оказались достаточно сильны, чтобы, несмотря на распри, удержать в своих руках поволжские и заволжские степи и не пустить сюда возвысившегося на пике смуты темника Мамай и ак-ордынских ханов, от имени которых он правил [114, с. 114—116]. Во многом успех кок-ордынских потомков Джучи был обеспечен мощной поддержкой со стороны nomads восточного Дешта и Юго-Западной Сибири — исконных вассалов Ордуидов, Шибанидов и Тукатимуридов, и, конечно же, в междоусобной войне, охватившей в 60–70-х гг. XIV в. Кок-Орду (а накал страс-

тей там не уступал резне в Ак-Орде), не могли не принять участие и башкиры. Нам не известны конкретные факты оказания племенами башкир прямой военной помощи претендентам на сарайский престол, но, возможно, уже своим лояльным (или нелояльным) отношением к тем или иным Джучидам они способствовали успеху или неудаче предпринимаемых теми усилий по захвату власти. Вместе с тем было бы не совсем корректно, освещая место башкир в ходе «великой замятни», отводить им роль вассалов исключительно правителей «левого крыла»: необходимо учитывать и тот факт, что северо-западные башкиры исторически тяготели к Булгарскому улусу¹.

Весьма примечательно, что данные археологических исследований подтверждают обострение обстановки в регионе в последней четверти XIV столетия, что связано непосредственно с ведением боевых действий. И хотя датировка выделенных комплексов золотоордынских погребений не может быть соотнесена исключительно с «великой замятней» (необходимо также учитывать и обстоятельства нашествия Тамерлана), обойти стороной очевидные материальные свидетельства той эпохи невозможно. «Уфимский антрополог Р. М. Юсупов, исследовавший черепа золотоордынских погребений на территории Оренбуржья, обнаружил не совсем обычные вещи: почти все они носят на себе следы насильственных повреждений» [114, с. 114]. Так, в одном из захоронений Тлягуловского могильника «лежал костяк молодого 30-летнего мужчины, на черепе которого хорошо были видны следы буйно прожитой жизни. Во-первых, сильным ударом сбоку у него был слегка искривлен нос, о чем свидетельствует положение и форма носовых костей. Затем, в верхней челюсти, под левой глазницей остался след от раны, нанесенной стрелой или копьем, которая, впрочем, не была для него смертельной, поскольку края ее заросли и сгладились. Но и умер этот воин не своей смертью, а вероятно, был убит двумя стрелами: железный наконечник одной из них был найден среди ребер с правой стороны груди, а среди тазовых костей черешком вверх торчал длинный костяной наконечник» [114, с. 98]. «Такая же рана была при жизни нанесена юноше 23–24 лет, погребенному в кургане № 2 могильника на реке Урта-Буртя. А мужчине 46–48 лет, чей скелет покоился под насыпью кургана № 3 того же могильника, сабельным ударом слева рассекли нос. Точно так же был ранен 46-летний муж-

¹ Вопрос о принадлежности земель башкирских племен, в том числе и Южно-Уральского региона, к какой-либо части Улуса Джучи (Ак-Орде или Кок-Орде) остается открытым.

чина, погребенный в одном из курганов могильника „Рычковка 1“. Саблей рассекли лоб и слегка повредили череп над правым глазом у 6–8-летней девочки из кургана № 16 могильника на реке Урта-Буртя, а молодой женщине из кургана № 18 нанесли сильный удар по голове каким-то массивным тупым предметом (булавой или рукояткой сабли)» [114, с. 114].

Возвращаясь к захоронению «бурно прожившего жизнь» мужчины из Тлягуловского могильника, невозможно не отметить, что это был, по всей видимости, знатный или, по крайней мере, достойный последних высоких почестей воин. «Слева от умершего, возле северной стенки могилы, также головой на запад, лежал целый скелет лошади. Захоронили ее взнузданной и оседланной, так как в зубах черепа сохранились железные удила, на спине — металлическое украшение луки седла, сплетенное из железной и медной проволоки, а по бокам — стремяна и пряжки от подпруги.

Но самое интересное — под кистью правой руки человека были найдены две серебряные монеты золотоордынских ханов Узбека и Джанибека. Первый правил с 1312 по 1342, второй — с 1342 по 1357 год. Изучавший эти монеты казанский специалист — нумизмат А. Г. Мухамадиев — установил, что края их подрезаны, и, следовательно, в могилу монеты попали не ранее 60-х годов XIV в., то есть не ранее того времени, когда в Золотой Орде стал ощущаться дефицит серебра, и ханы начали выпускать монеты облегченного веса. Таким образом, дату этого захоронения, с точностью почти до десятилетия, мы получили верную» [114, с. 98–99].

Несмотря на то что перед нами классическое, во всей своей «красе», языческое погребение кипчаков, его нахождение практически на землях башкир подталкивает как минимум к двум предположениям: 1) в очередной раз свидетельствует о том, что здесь, на границе степи и отрогов гор Южного Урала, всю полыхала сотрясавшая Улус Джучи гражданская война; 2) доказывает, что вследствие обострения обстановки в Золотой Орде «в Приуралье устремляются многочисленные племена Дешт-и-Кипчака, которые (впоследствии. — *Авт.*) существенно преобразили этнографическую карту Башкирии и этнический облик ее населения» [173, с. 356]. «Массовый сдвиг кочевников Приуралья на север вплоть до Пермских земель и на восток, на Урал и в Зауралье, имел место (именно. — *Авт.*) во второй половине и в конце XIV в.» [173, с. 472] и увязывается все с той же «великой замятней». А уж каким образом (но не «хлебом и солью»!) встречали прибывавшие с юга эли местные башкирские племена, объяснить не-

обязательно, и нет ничего удивительного в том, что безвестный кипчакский багатур нашел свою погибель вблизи или непосредственно на территории, занимаемой башкирами. Нет ничего удивительного и в том, что, согласно эпосу «Бабсак и Кусяк», на рубеже XIV–XV вв. в юго-восточной и южной Башкирии сформировался племенной союз, образовавшийся, скорее всего, перед лицом реальных агрессивных действий как со стороны Джучидов или Тамерлана, так и номадов Степного пояса, устремившихся на север, в том числе и «талба мангытских» — будущих ногайских правителей. Возникший союз объединял «прежде всего племена бурзян, усерган, тамьян и тангур» [173, с. 115], чьи земли в первую очередь подвергались опасности появления на них незваных гостей, тем более что «гости» эти своим присутствием нарушали экономическую ситуацию, складывающуюся в это время на границе леса и степи.

Парадоксально, но во времена «великой замятни» на Южном Урале сложилась достаточно благоприятная экономическая ситуация, связанная с развитием торговых путей в Сибирь, после того как регион Нижней Волги, а по сути, северный отрезок Великого шелкового пути превратился в арену бесконечной феодальной войны. В противовес опасностям основного (волжского) пути, булгарские купцы усиливали свои связи с Зауральским регионом, отыскивая альтернативные маршруты, а потому возросло значение обмена с населением таежно-лесной зоны и увеличилась роль территорий Башкортостана и Оренбуржья как транзитных областей [65, с. 165]. Отныне, по мнению Г. Н. Гарустовича, «мягкое золото» сибирской тайги — пушнина — ручьем потекло по землям башкирских племен, знатные люди которых, да и простые араты, видели в этом прямую выгоду. Башкирские бии, пользуясь феодальным правом, в равной степени распространившимся на весь средневековый мир, взимали с купцов пошлину «за проезд», обеспечивая со своей стороны охрану торговых обозов, не забывая при этом баловать своих жен ювелирными изделиями из дальних стран, преподносимыми им в дар. Кроме того, купцы пользовались услугами башкир, поставлявших, к взаимной выгоде, продовольствие и обеспечивавших места стоянок.

До недавнего времени предположение об увеличении на Южном Урале во времена ордынской Смуты интенсивности движения караванов, направлявшихся из Булгара на восток и обратно, представлялось бы достаточно фантастическим, однако в свете последних находок, и в частности обнаружения, а главное — публикации Г. Н. Гарустовичем материалов «местонахождения» (клада) XIV в. у дер. Брик-

Алга,¹ расположенной в шести километрах южнее г. Белебея (Башкортостан), возникает совсем другая картина. Обнаруженные артефакты (а их количество ошеломляет, они разнообразны и многочисленны) составляют целые комплексы предметов — от оружия, конской и домашней утвари до сельскохозяйственных орудий и изысканных украшений из золота, жемчуга и драгоценных камней. Впечатляет и количество найденных здесь монет (всего 385 единиц), чеканенных от имени тринадцати золотоордынских ханов и охватывающих период от 1280-х до 1375–1376 гг. [65, с. 27]. Все это является безусловным доказательством того, что торговый путь, пролежавший по землям башкир, несмотря на все издержки смутного времени, функционировал, и функционировал эффективно (иначе зачем «торговым гостям» возить столько ценностей?). Впрочем, последняя дата, запечатленная на монете, год правления одного из «проходных» ханов эпохи «великой замятни», предположительно некоего Джанибека III, — год 1376, указывает, по-видимому, и на дату появления брик-алганского клада, а вместе с тем и на время, когда начавший было функционировать путь «из Булгар в Сибирь» пресекался. При всем желании невозможно идеализировать ситуацию на Южном Урале и рассматривать ее как исключительно благоприятную для торговых маршрутов. Опасность быть ограбленным, плененным, а то и хуже — сгинуть на чужбине бесследно постоянно преследовала купцов, многие из которых, являясь по натуре авантюристами, пускались в опасные путешествия. Так, по-видимому, и случилось в 1377 г., когда Шибанид царевич Арабшах, что был «свиrep зело», направляясь на запад в надежде овладеть великоханским тронem (что, кстати, ему в недалеком будущем удалось) и обходя кок-ордынские территории, контролируемые его врагом Урус-ханом, оказался во главе своих отрядов на Южном Урале, а здесь (это только предположение) и «пересеклись пути разбойного царевича и купеческого каравана. Результат той встречи предсказать не сложно» [65, с. 194].

Тем временем на южных рубежах Кок-Орды, на границе с Мавераннахром, в районе Сыгнака и Саурана, разворачивались события, коренным образом повлиявшие не только на ход золотоордынской истории ближайшего десятилетия, активными участниками которой на определенных этапах стали башкиры, но и вообще на историю России в долгосрочной перспективе. Связано это с разгоревшейся

¹ Гарустович, Г. Н. След великой замятни (Местонахождение XIV века у деревни Брик-Алга). Уфа: АН РБ, Гилем, 2012. 222 с.

борьбой за власть в «левом крыле» Джучиева улуса между Урус-ханом и Тохтамышем. Все началось с того, что зимой 1376 г. Тохтамыш, гонимый Урус-ханом, направился в Мавераннахр и прибыл к Тимуру в Самарканд с просьбой о помощи в борьбе за кок-ордынский престол, и тот, имея свои интересы в Дешт-и-Кипчак, не отказал оглану, вступив с Урусом в прямой военный конфликт. Война в Кок-Орде, продолжавшаяся вплоть до 1379 г., закончилась полной победой Тохтамыша, и уже в следующем 1380 г., после того как он захватывает Сарай ал-Джадид, все правое крыло признает его власть, а Мамай, потерпевший поражение, убит.

К сожалению, до нас не дошли какие-либо источники, прямо указывающие на то, что в 1379–1380 гг. башкиры безоговорочно заняли сторону Тохтамыша в борьбе за сарайский престол, однако при сопоставлении его действий с действиями, предпринятыми в этом регионе в 1235–1236 гг. монголами и в 1391 г. Тимуром, вывод о том, что во всех случаях продвижение на запад и Тохтамыша, и Бату, и Тимура было бы весьма проблематичным без поддержки или хотя бы нейтрализации башкирских родов, напрашивается сам. Скорее всего, Тохтамыш сумел «договориться» с башкирскими биями, и те если и не предоставили ему воинов, то, по крайней мере, «не мешали» двигаться на запад и не создавали угрозы с севера. В ближайшем будущем, уже в ранге великого хана, Тохтамыш упрочил свое положение в этом регионе и даже, согласно башкирским шежере, имел там личные владения и ставку на рр. Чермасан и Кармасан [160, с. 181]. На основании литературно-фольклорного источника, известного под названием «Последний из Сартаева рода», становится очевидно, что в определенной фазе Тимурова нашествия — в 1391 г. — башкиры выступили на стороне Тохтамыша и оказали захватчикам яростное сопротивление [202, с. 101]. Это сопротивление, объяснимое в первую очередь естественным стремлением свободолюбивого народа защищать свои земли, подкреплялось и тем, что, должно быть, существовали некие верноподданнические, «особые» отношения башкир и центральной власти в лице Тохтамыша, исходя из которых вассал оказывал помощь своему суверену. Сложиться эти отношения могли именно в конце 1370-х гг., когда Тохтамыша признали главнейшие племена, занимавшие территорию площадью около двух миллионов квадратных километров. Безусловно, это была огромная политическая, а главное — бескровная победа.

Несмотря на важность для Тохтамыша лояльного отношения к нему со стороны башкир, проявленного ими, скорее всего, в ответ

на обещание всяческих милостей в момент его похода в низовья Итиля, следует отметить, что уже через какой-то весьма незначительный отрезок времени хану, вероятно, пришлось столкнуться с нежеланием некоторых башкирских родов — кыпсаков, катайцев, юрматынцев, табынцев — выплачивать дань. Недаром в эпосе «Идукай и Мурадым» сообщается о том, что «ясачники Туктамыша на Урале кровь проливая непосильную дань собирают» [8, с. 193]. Впрочем, не следует упускать из виду и того факта, что иные башкирские бии — улусбеги-«данышники» сами собирали ясак [8, с. 192]. Так или иначе, но на Южном Урале Тохтамышевы эмиссары столкнулись с открытым вооруженным сопротивлением, перерастающим в партизанскую войну, о чем красочно повествуется в эпосе «Идукай и Мурадым»:

Пятеро из семи родов,
Туктамыша отвергнув власть,
Не платя ему ясак,
Не желая давать рабов,
При приближении ханских войск,
В скалах укрытие ища,
Бились с врагами вместе и врозь.

[125, с. 210–211]

Естественно, на основании эпоса весьма затруднительно рассуждать о том, как именно «башкиры отстаивали независимость своей страны» [125, с. 211]. Надо учитывать, что само башкирское общество того периода (и это отображено в вышеназванном тексте), представлялось весьма неоднородным: если одна его часть стремилась противостоять даже и не имперскому центру, а местным ханским добротам, и не исключено, что в борьбе за некие привилегии, то другая была готова безоговорочно признать над собою власть Тохтамыша. В этих условиях на исторической арене появляется башкирский бий Шигали, добившийся того, чтобы сепаратистские настроения в среде башкирской знати сошли на нет и улусбеги отказались от конфронтации с великим ханом. И тогда «вложили в ножны свои разящие мечи лучшие батыры страны» и «сошли с коней». Вожди пяти «родов», «посоветовавшись между собой, предпочли выполнить приказ хана: „Пусть... придут и будут биями, если не хотят стать рабами“. Хан Туктамыш назначил их своими советниками, но оставил заложниками в Золотой Орде. Они понадобились ему для борьбы с Тимуром» [8, с. 211–212].

В данном случае становится очевидным, что эпос «Идукай и Мурадым» абсолютно согласуется с историческим источником — сочинением Натанзи «Аноним Искендера», утверждавшим, что Тохтамыш либо обманом, либо лестью, либо силой захватывал правителей отдаленных, приграничных или зависимых земель и «тех из них, кого нашел пригодным оставить при себе, удержал, тех, которых нашел пригодными для охраны... границ, вернул обратно, а тех, которые не соответствовали его пользе, уничтожил» [101, с. 315]. Это позволяет по-новому взглянуть на эпические произведения и их использование в качестве пусть и косвенных, но достойных упоминания в контексте происходивших некогда событий источников. Поэтому не будет преувеличением предположить, что удерживаемые тогда в ставке Тохтамыша в качестве полугостей-полузаложников русские князья Александр, сын Михаила Тверского, Родислав, сын Олега Рязанского, а также Василий Дмитриевич Московский встречались и общались с башкирскими биями, пребывавшими в таком же качестве при дворе золотоордынского хана.

К середине 1380-х гг. Тохтамыш настолько усилился, что готов был скрестить меч с Тимуром, коего еще недавно, по словам Тамерлановых панегиристов, почитал «отцом». Действительно, в 1386 г. почти стотысячное войско Тохтамыша обрушилось на Азербайджан, разграбив богатейший Тебриз, находившийся в сфере влияния Тимура. Весной 1387 г. степная конница вновь атаковала Закавказье, осенью Тохтамыш открыл новый фронт против Тимура, на этот раз в Средней Азии, направив войска в сердцевину его державы — Мавераннахр, откуда Тамерлан их выдал из зимой 1388 г. На это неугомонный Тохтамыш ответил новым вторжением — осенью того же года во главе имперской армии он лично выступил против Железного Хромца. Примечательно, что Шараф-ад-дин Йезди следующим образом отображает это событие в «Книге побед»: «Тохтамыш-хан... забыв все милости и попечение Тимура, отважился на неблагодарность... он собрал со всего улуса Джучи... огромное войско. Из русских, черкесов, болгар, кипчаков, аланов, [жителей] Крыма с Кафой и Азакком, башкирдов... собралось войско изрядно большое» [101, с. 337, 338]. Подобное сообщение свидетельствует как минимум о том, что Улус Джучи при Тохтамыше был действительно способен выставить общеимперское войско, и башкиры (судя по всему, башкирское племя сарт [202, с. 101]) участвовали в нападении на Мавераннахр. Надо отметить, что та военная кампания не принесла Тохтамышу успеха. Тимур в очередной раз отбил противника, однако на сей раз он

взбеленный не на шутку и начал готовить поход на север: опытный полководец понимал, что нанести окончательное поражение такому врагу, как Тохтамыш, можно лишь при одном условии — перенести военные действия на территорию Золотой Орды.

Ранней весной 1391 г. огромная, по некоторым данным, двухсоттысячная армия Тимура вторглась в Дешт-и-Кипчак. Продвигаясь по нынешнему Центральному Казахстану и претерпевая трудности в снабжении войска продовольствием, Тимур тем не менее без особых потерь достиг Тобола, а повернув на запад, оказался в Зауралье. Перейдя Яик, впервые со времен Джучи и Субэдэя иноземные войска вторглись в земли башкир. До сей поры Тимуровы чагатаи¹ не встречали сопротивления, ордынцы отступали, не ввязываясь в арьергардные сражения, используя стратегию «скифской войны», но вот теперь именно здесь, на Южном Урале, военные действия активизировались, а башкирские племена, как и более века назад, оказали завоевателям яростное сопротивление.

В сложившейся ситуации Железный Хромец применил, и, скорее всего, достаточно успешно, «разработанную когда-то Чингис-ханом тактику „облавной охоты“, когда в стороны от маршрута движения войска рассыпались многочисленные воинские отряды, Тимур отправил такие отряды и в пределы приуральских башкирских кочевий» [112, с. 101–102]. К сожалению, в официальных летописях нет сообщений о той непродолжительной, но крайне ожесточенной по своему характеру партизанской войне, которая разгорелась на юге и западе Башкирии и была отражена в башкирском историческом предании «Последний из Сартаева рода». Представляется весьма затруднительной попытка стыковать между собой письменные тимуридские источники и легендарное повествование, жанр которого достаточно сложно определить однозначно, хотя (и это доказано) оно, безусловно, отражает события, разворачивающиеся на Кондурче, а значит, содержит в себе факты, если и не точно совпадающие с фактами, изложенными в сочинениях Йезди или Шами [101, с. 345], то, по крайней мере, переданные очень эмоционально и ярко отображавшие дух той эпохи и напряженность момента.

Главный герой повествования «Последний из Сартаева рода», некто Джалык-бий, принадлежавший к воинской знати башкир, возможно, участвовавший в походах золотоордынского хана на Маве-

¹ Чагатаи — главная ударная часть армии Тимура, состояла из кочевников Семиречья, которым Тамерлан выплачивал жалование.

раннахр или Могулистан, «был сторонником Токтамыша. И судя по всему активным сторонником» [202, с. 101]. При появлении на землях Джалык-бия посланника Тимура, потребовавшего принести ему символические знаки покорности — «землю и воду», он приказал немедленно подвергнуть его мучительной казни. «Я не отпустил его обратно, — вещует Джалык-бий, — я приказал его вымазать медом и посадить в муравейник. Ха! Как он визжал тогда» [202, с. 104]. Ну а после того, как погибли многие соплеменники, и в том числе сыновья Джалык-бия Кармасан и Чермасан, сердце его окончательно ожесточилось. «Я не брал никого в ясыр. Я только убивал. Стоны поверженного врага приятны воину. Мольбы о пощаде — веселят его сердце. Кто скажет, что это не так?!» [202, с. 105]. Что здесь сказать?.. Наверное, свою Отчизну следует защищать всеми возможными и невозможными средствами...

Однако сопротивление башкир Тимуровым полчищам не ограничилось ведением партизанской войны некоторыми их родами, защищавшими непосредственно свои кочевья. Нельзя исключать и того, что часть башкирской знати, приверженцев Тохтамыша, во главе личных дружин и ополчения двигалась на соединение с главными силами Улуса Джучи, концентрировавшимися в районе Самарской Луки. Так, согласно эпосу «Идукай и Мурадым», бий степных башкир Шигали явился в лагерь Тохтамыша с приличным войском и докладывал хану: «Исполнил приказ, что тобою был дан... десятитысячное войско я собрал» [8, с. 213].

18 июня 1391 г. состоялась величайшая битва эпохи Средневековья. Это событие произошло в районе, где р. Кондурча «соединяется с рекой Соком перед впадением ее в Волгу, образуя треугольник» [239, с. 412], но некоторые исследователи почему-то называют его сражением «близ башкирского аула Кундузлы»¹ [125, с. 73]. Оно окончилось полным разгромом Тохтамыша, преданного некоторыми эмирами, покинувшими в решающий момент поле боя. Тимур торжествовал, упиваясь победой, но вместе с тем не стал развивать успех и не попытался захватить главные города Улуса Джучи, а, постояв какое-то время «на костях», по выражению Л. Н. Гумилева, «ограничился собиранием разбежавшихся татарок и скота» [81, с. 609], а затем ретировался через прикаспийские степи в Мавераннахр. Так или иначе, но «после ухода армии Тамерлана из пределов Волго-

¹ К сожалению, не существует точной географической привязки топонима Кундузлы к какому-либо населенному пункту.

Уралья фактически начался развал Золотой Орды, и история Поволжья, „страны Паскатира“ степных кочевников, пошла уже по иному руслу» [111, с. 146], а война между Тохтамышем и Тимуром, не прекращавшаяся ближайшие несколько лет, придала этому процессу ускорение. Тамерлан в 1395 г. (15–17 апреля) подтвердил свой успех на Кондурче разгромом золотоордынского войска на Тереке, но расклад на сей раз был иным, и Улус Джучи, его «правое крыло», включая Нижнее и Среднее Поволжье, подвергся опустошительному нашествию, продолжавшемуся вплоть до весны 1396 г., что полностью дестабилизировало внутреннюю жизнь страны, вернув худшие времена Смуты середины XIV столетия.

Башкиры, кочевья которых располагались вдали от эпицентра событий, на рубеже XIV–XV вв. вновь, как и во времена «великой замятни», когда политическая ситуация в государстве менялась по несколько раз в год, оказались предоставлены «сами себе». По сути, в течение нескольких десятилетий (1390–1420-е гг.) в период максимального ослабления Золотой Орды и в преддверии окончательного ее развала, когда властные элиты «старой» империи — Улуса Джучи — были уже не в состоянии эффективно контролировать положение дел на Южном Урале, а подрастающая поросль империи «новой» — Ногайской Орды — еще не «доросла» до того, чтобы наложить свою длань на земли башкирских племен, последние, вероятно, переживали непродолжительный суверенитет, а их кочевья, как и северо-восточные области Булгарского улуса, превратились в островок относительной стабильности. Подтверждением этому может служить возможное пребывание здесь все того же вездесущего Тохтамыша, скрывавшегося в заволжских и южноуральских лесах в моменты, когда он терпел поражения от Тимура в 1391 и 1395/96 гг., а затем, в 1399 г., спасаясь от преследований со стороны Тимур-Кутлука и Идегея. Так, в 1395 г. хан удалился к «лесистым местам» булгар на Вятку, в пределы бывшего Мамадышского уезда, где дожидался, пока Тамерланово воинство покинет территорию Ак-Орды [239, с. 430]. Следует пояснить, что географически эта область Булгарского улуса находилась в непосредственной близости (всего один конный переход!) от земель башкирских племен буляр, байлар, иректэ и юрми, кочевавших по рр. Ик, Мензеля, Мелля. По-видимому, бии северо-западных башкир, исполненные верноподданнических чувств, не в последнюю очередь из-за близости своих угодий к великоханским владениям (и не потому ли впоследствии они признали власть казанских ханов?), оказали Тохтамышу существенную поддержку, и подтверждением тому может

служить отображенный в шежере фрагмент, согласно которому тот имел личные владения в верховьях Агидели [160, с. 181]. Наконец, нельзя обойти стороной татарский эпос «Идегей», где отмечено, что Тохтамыш в 1399 г. уходил от преследовавших его врагов опять же в направлении башкирских земель:

В бегство обратясь, Токтамыш,
Этот властный и грозный хан...

<...>

Вместе с отрядом он достиг
Мест, где берет начало Ик...

[120, с. 168]

Каким был дальнейший маршрут гонимого властителя Золотой Орды на восток, неизвестно, стоит лишь предположить, что, воспользовавшись помощью лояльных ему башкирских биев, он преодолел горы Южного Урала, оторвался от преследователей и оказался в Западной Сибири. На этом «эпоха» Тохтамыша как верховного сюзерена башкир окончилась, однако его правление и личность были настолько противоречивы, что невозможно умолчать и о том, как некие башкирские сепаратисты «стреляли в спину» бывшему хану. И хотя бытовавшие в советское время утверждения, гласящие, что «башкиры принимают участие в военных походах против Золотой орды» и «в борьбе среднеазиатского эмира Тимура с золотоордынским ханом Тохтамышем принимали участие башкирские бии» [211, с. 51] абсолютно политизированы, соответствуя установкам, царящим тогда в отечественной исторической науке, тенденции крайне негативного восприятия власти Джучидов в определенных кругах башкирской знати в конце XIV столетия (и мы подчеркивали это выше) действительно имели место быть. Несмотря на то что в данном случае нам вновь приходится оперировать эпическим произведением, не упомянуть об этом нельзя. Ведь недаром Сказитель в повествовании «Идукай и Мурадым» восклицает:

Когда Туктамыш бесславно пал
Вздыхнул наконец свободно Урал.

[125, с. 216]

Несмотря на разорение, а по существу, уничтожение Тимуром главных государствообразующих экономических центров Золотой

Орды, чье существование как единого государства обеспечивало стабильность в Южно-Уральском регионе, и полномасштабную междоусобную войну, начавшуюся в улусе Джучи с 1396 г., нельзя обойти вниманием и тот факт, что военно-политический кризис, охвативший во второй половине XIV в. практически весь Дешт-и-Кипчак, оказал влияние на дальнейшее формирование башкир как единого народа. Это, в первую очередь, выразилось в том, что вновь, как и во времена монгольского нашествия, были приведены в движение огромные массы кочевого населения Великой Степи, что не могло, в свою очередь, не вызвать активизацию этнической миграции. Массовое перемещение кочевников в Деште, Приуралье, Зауралье, а также групп Булгарского улуса, устремившихся на восток, и завершение ассимиляции в башкирской среде местных финно-угорских групп привело к тому, что к концу XIV — началу XV вв. территория Башкирии приняла очертания, близкие к современным [173, с. 472–475], а время, отпущенное Историей на совместное существование самых разных народов Евразии в составе Улуса Джучи, фактически истекло.

ГЛАВА VII

«ТЕМНЫЕ ВЕКА» В ИСТОРИИ ЮЖНОГО УРАЛА

Улус Джучи вступил в новый XV век в состоянии очередного жесточайшего кризиса, не только затронувшего властные элиты государства, охваченные, как и во времена «великой замятни», дележом власти, но и усугубившегося, в буквальном смысле, экономической катастрофой, постигшей страну после нашествия чагатаев и уничтожения Тимуром городов Нижнего Поволжья. Прекращение функционирования этих городов в качестве крупнейших административно-хозяйственных центров, а во многих случаях их фактическое исчезновение привело в ближайшие десятилетия к полной дезинтеграции золотоордынского общества. Справедливости ради, необходимо отметить, что собственно распад Золотой Орды как единого государства растянулся ни много ни мало на несколько десятилетий, однако центробежные тенденции, овладевшие умами степной аристократии и усугубленные процессом необратимого угасания крупных урбанизированных центров на Итиле, сделали свое дело: уже к середине XV столетия на просторах Дешт-и-Кипчак, там, где лишь несколько поколений назад простиралась империя, внушавшая благоговейный трепет соседям и подвластная воле одного повелителя (Узбека, Джанибека, Тохтамыша), появляется несколько откровенно враждебных друг другу государств — наследников державы Джучидов.

Несмотря на все, порою чудовищные в своем исполнении, издержки чрезвычайно агрессивной по отношению к вассалам и сопредельным странам политике, исповедуемой правящей верхушкой Улуса Джучи, следует если и не восхищаться, то, по крайней мере, высоко оценивать роль Золотой Орды как государства, являвшегося на протяжении более полутора сотен лет неоспоримым гегемоном в нескольких крупнейших регионах Евразии, державой, олицетворявшей пик развития номадической цивилизации. Вместе с тем приходится констатировать, что **химера (а иначе в данном контексте Золотую Орду и не назовешь), выстроенная когда-то волей Чингисхана на бескрайних просторах Великой Степи, растаяла под спудом проблем, преодолев которые иные страны, обладавшие гораздо меньшим потенциалом, пройдя сквозь достаточно сложные периоды «межцарствий» и «феодальной раздробленности», выходили зачастую усиленными и обновленными. Драма Золотой Орды заключалась в том, что многочисленные улусбеги, неважно даже, какого происхождения, ранга и положения, а в их лице и вся Степь, отторгли городскую жизнь, находя выход из создавшейся ситуации в возвращении к истокам, к корням, к эпохе кочевых каганатов. Выпадение же в первой половине XV в. из имперского пространства областей, в ко-**

торых в той или иной степени традиционно были развиты земледелие, ремесла и торговля (Булгар, Хорезм, Крым), лишь подчеркивало вековечный контраст между улусами с разными видами хозяйствования и невозможность их дальнейшего, по причине децентрализации управления, сосуществования в едином государстве. Появление на политической арене Крымского и Казанского ханств было во многом следствием положения дел, сложившегося в Дешт-и-Кипчак.

С определенного момента, на рубеже XIV–XV вв., «править бал» в Деште начал родовой вождь племени мангыт эмир Идегей. Именно он, раскачивая лодку государственного устройства Золотой Орды, «выпустил джина из бутылки», возмутив сепаратистскими настроениями сознание не только представителей «золотого рода», но и многочисленных биев, эмиров, нойонов, мечтавших самостоятельно властвовать над своими уделами, именно он, во многом основываясь на личных амбициях и неприязни к Тохтамышу, вверг страну, так и не залечившую раны от Тимурова нашествия, в хаос гражданской войны. Можно по-разному оценивать деятельность Идегея, являвшегося, вне сомнения, незаурядным правителем, главными «заслугами» которого между тем стали дискредитация единодержавной власти Джучидов и создание Мангытского Юрта (Ногайской Орды). По нашему мнению, именно эти два фактора, с одной стороны, противоречившие, а с другой — дополнявшие друг друга, поскольку Ногайской Ордой никогда не правили потомки Чингисхана, привели к череде «темных веков» в истории Башкирии.

Упомянув о «темных веках», мы ни в коей мере не считаем, что за термином этим скрывается некая стагнация в традиционной жизни кочевого и полукочевого населения Южного Урала и Приуралья. Их эли, как и прежде, перемещались извечными маршрутами от зимовий к летникам, а их быт и хозяйствование, где имели место и промыслы, и охота, и земледелие (у северо-западных башкир), сохранявшиеся от старины в неизменной форме, соответствовали утвердившемуся в течение не одной сотни лет жизненному укладу.

Под «темными веками» в истории башкир следует подразумевать период с начала XV и вплоть до второй половины XVI вв., и в первую очередь по той причине, что в руках исследователей практически не оказалось ни документальных (письменных), ни вещественных (археологических) материалов, относящихся к этому времени. Касаясь археологических материалов XV–XVI вв., необходимо подчеркнуть, что «в их накоплении есть свои сложности, как объективные, так и субъективные. К первым относятся и внедрение ислама в башкир-

скую среду, а соответственно искоренение язычества в погребальном обряде и нивелировка каких-либо археологических признаков, указывающих на социальную или этническую принадлежность погребенного. Поэтому раскопки средневековых некрополей с точки зрения этнокультурной истории не перспективны. А раскопки поселений и крепостей того времени столь же малоперспективны, поскольку на их месте и по сей день стоят деревни и города, своей многовековой жизнью уничтожившие последние остатки седой древности. Ситуация с Уфимским кремлем — наглядный тому пример.

Отсутствие письменных источников объясняется хотя и исторически сложными, но очевидными обстоятельствами: государства, в состав которых попали территория современного Башкортостана и племена, ее населявшие, по своей структуре и характеру представляли собой достаточно рыхлые этнополитические образования с весьма аморфными границами, в пределах которых территория современного Башкортостана всегда являлась периферией, объектом поборов и источников ясака. Поэтому в архивах, даже если такие были в средневековой Казани или Искере — столице Сибирского ханства, мы едва ли нашли бы сколь-нибудь подробные сведения о народах и племенах нашего региона, разве только что о размерах налагаемого на них ясака. А потом, обстоятельства, при которых и Казань, и Искер со всеми своими служебными и административными зданиями попали под руку „белого царя“, были таковы, что рассчитывать на сохранение хоть каких-нибудь письменных документов (если, конечно, они не были высечены на камне) просто не приходится» [112, с. 105–106]. Как это ни печально, но исследователю, прикасающемуся к «темным векам» в истории Южного Урала, приходится оперировать лишь косвенными сведениями, исходящими главным образом из эпических преданий башкир, их шежере (родословий), дошедших до нас «в копиях XVIII–XIX вв.» [167, с. 9], или сообщений XVIII, XIX и даже XX вв., сделанных, опять же, со ссылкой на историко-литературные памятники или по принципу записи устных рассказов, как в случае с П. И. Рычковым, опубликовавшим в 1734 г. сообщение старшины Ногайской дороги Кыдраса Муллакаева, почерпнутое последним из некоей рукописи на древнетюркском языке, утерянной во время одного из восстаний XVIII в. [125, с. 78].

Важными источниками (хотя и вновь косвенными) являются русские летописи, и в том числе «Казанская история» — художественная повесть, написанная неизвестным автором сразу же по свежим следам взятия Казани в 1552 г., а также акты дипломатической переписки

между Россией и Ногайской Ордой. Так, «в 1586 г. ногайский государь Урус выразил Ивану Грозному неудовольствие по поводу того, что „ты на четырех местах хочешь горо(ды) ставити“ — и перечислил эти места: „на Уфе да на Увеке, да на Со(маре), да Белой Воложке“. „А теми местами, — спрашивал бий, — твои деды и отцы владели ли?». Действительно, в этом отрывке «проявилась убежденность властей Ногайской Орды в своих наследственных исконных правах на башкирские земли по Уфе и Белой; ногаи считали их своими неоспоримыми владениями „от Едигея князя“» [258, с. 103]. Однако не извращал ли Урус из «своего» XVI в., а тем более из самого его окончания, ситуацию на Южном Урале, сложившуюся там во времена Идегея — более чем за сто пятьдесят лет до появления цитируемого выше послания? И обладал ли Идегей возможностями для того, чтобы в самом начале XV в. объявить башкир своими данниками?

По-видимому, не следует подвергать сомнению факты, запечатленные в сочинениях Ибн Арабшаха и Низам-ад-дина Шами и свидетельствующие о том, что Идегей еще в середине 1390-х гг., после разрыва с Тохтамышем и в преддверии «холодной войны» с Тимуром, начал формировать будущий самостоятельный от власти Джучидов и Тамерлана Мангытский Юрт. Шами (к слову, современник событий и верный слуга Тимуридов) в своем сообщении делает акцент на «вероломстве» Идегея, хитростью умудрившегося увести мангытов подальше от владений, а следовательно, и влияния Тимура, совсем недавно облагодетельствовавшего его и еще нескольких ордынских огланов дорогими подарками и ярлыками. Автор подчеркивает, что «...они (Идегей, Тимур-Кутлук и др. — *Авт.*) ушли. Однако как только прибыли в свои дома, то сделали своим лозунгом неверность, стали забывать обещанное и не соблюдали своего слова» [101, с. 299]. В свою очередь, Ибн Арабшах (ум. в 1450 г.), находившийся на службе у недругов Тимура и Тимуридов, да к тому же побывавший в Крыму и низовьях Итиля [101, с. 205], т. е. практически на месте описываемых событий, когда еще были живы многие непосредственные их участники, более категоричен в освещении ситуации. «Идику, — пишет Ибн Арабшах, — послал гонца к своим родичам и соседям, да к племенам левой стороны — все они принадлежали к числу сторонников и друзей его — без ведома о том Тимура, [сказать] чтобы они ушли из своих мест и откочевали из своих родных краев, направляясь туда, где и самый центр и местности до него [представляют] трудное сообщение и много опасностей; чтобы они, коли возможно, на одном привале не оставались 2 дня, и чтобы они [непрерывно] поступили

так, иначе Тимур, застигнув их, рассеет их и погубит всех. Они последовали тому, что им предписал Идику, и шли, не останавливаясь» [101, с. 211]. Очевидно, что в этом фрагменте запечатлены конкретные действия Идегея, направленные на сохранение людского и экономического потенциала своего улуса. Привлекает внимание и тот момент, что единомышленники Идегея **«ушли из своих мест и откочевали из своих родных краев, направляясь туда, где и самый центр и местности до него [представляют] трудное сообщение»**. В этой связи возникает вопрос: куда могли откочевать мангыты?

Понятно, Степь велика, но на юг по известным причинам мангытскому эмиру дорога была заказана (Тимур в 1389 г. овладел Хорезмом), а на Средней Волге свою власть уже восстанавливал Тохтамыш, выгнавший из главного домена самопровозглашенных ханов — вначале Бек-Пулада, а затем Куйручука. Оставался путь на север и северо-восток, туда, где располагались земли башкирских племен усурген и бурзян, граничившие непосредственно с кочевьями мангытов. Так как территория Южного Урала представляла собой в те времена огромный лесной массив, то вполне уместно вспомнить фрагмент сочинения Ибн Арабшаха, указывавший на то, что «местности», куда направились «родичи и соседи» Идегея, «представляют трудное сообщение». Таким образом, можно предположить, что первый натиск мангытов на башкир и проникновение их на территорию Южного Урала и Зауралья произошло в самом конце XIV в. Проникновение это представляется явлением, по-видимому, хотя и настойчивым, но в то же время плавным, не несущим в себе очевидной агрессии и желания мангытской верхушки превратить башкир в своих данников.

Если внимательно рассматривать всю военно-политическую деятельность Идегея с конца XIV в. и вплоть до его гибели в 1419 г., мы не обнаружим в ней попыток присоединения к его улусу земель башкир. Идегей, сконцентрировавшийся на всемерном укреплении собственного владения и участии в борьбе за власть в распадающемся Улусе Джучи на стороне тех или иных претендентов на ханский престол, возможно, видел в башкирах силу, с которой необходимо считаться, и в этом нет ничего удивительного. Ну зачем Идегею, имея за спиной в качестве врагов и противников то Тимура, то Тохтамыша, то Тохтамышичей, было ввязываться в непонятный и бесперспективный конфликт с башкирами, тем более что на памяти еще оставалось остервенелое сопротивление, оказанное ими полчищам Тамерлана? По-видимому, политика Идегея в отношении башкир строилась по тем же принципам, как и во времена монгольского нашествия, когда

Чингисиды посчитали нужным заключить с ними определенное соглашение, или в недалеком прошлом, когда Тохтамыш, судя по всему, заручился их поддержкой и при восшествии на трон, и при войне с Тимуром.

Однако не следует забывать еще об одном очень важном факторе, имевшем место во внутриордынских отношениях в начале XV в., коим впоследствии оперировали ногайские правители (тот же Урус), предъявляя свои требования на башкирские земли и упоминая о том, что их предшественники владели ими «от Едигея князя». Дело в том, что в 1416 г., после изнурительной войны с сыном Тохтамыша Керим-Берди, Идегей и его ставленник Чокре-оглан «разделили между собой сферы влияния: Волжская Булгария отошла к владениям Чокре и Идигу, а Керим-Берди стал управлять юго-западом Золотой Орды» [223, с. 225]. Неизвестно, сколь долго Идегей и его чиновники главенствовали в Булгаре (по-видимому, лишь несколько лет, как известно, через три года Идегей погиб), но вот тот факт, что этот улус некоторое время пребывал во власти мангытского эмира, дал впоследствии повод для притязаний Уруса на все земли башкир, а не только территории расселения их северо-западных племен, исторически связанных с Волжской Булгарией. Более того, «можно добавить, что, по местным (татарским. — *Авт.*) сказаниям, одно из мест расселения рода Эдиге находилось на берегах реки Вятки (опять вблизи или непосредственно на землях башкир. — *Авт.*). В тех местах рассказывают о сыне Эдиге Габделькотдусе (Абд ал-Каддусе?) и о Сююмбике — дочери Юсуфа, праправнука Эдиге» [257, с. 69]. Таким образом, несмотря на недостаток прямых доказательств мангытского присутствия на Южном Урале в конце XIV — начале XV вв., следует согласиться с мнением, высказанным В. В. Трепавловым, согласно которому «перекочевка кипчакских (мангытских. — *Авт.*) элей в земли башкир... представляется несомненной... хотя установление там мангыто-ногайской гегемонии произошло через столетие — в последней четверти XV века» [257, с. 69].

Невозможно обойти стороной и прямое военное давление на Волго-Камский регион, которое на рубеже веков начала оказывать Москва. Так, в 1399 г., в момент, когда болгарские полки были задействованы Идегеем в сражении на Ворскле, ситуацией воспользовался великий князь Василий Дмитриевич, пославший своего брата Юрия в Среднее Поволжье. Были взяты и разрушены Казань, Булгар, Жуко-тин, Керменчук и многие другие города. За три месяца русские войска оккупировали большую часть Булгарского улуса, однако задерживать-

ся здесь не стали, а, удовлетворившись добычей, вернулись восвояси. Таким образом, русские непосредственно приблизились к башкирским землям, и это был «первый звонок» в предстоящей более чем полуторавековой гонке за обладание Южно-Уральским регионом, развернувшейся между Россией, Ногайской Ордой, Казанским и Сибирским ханствами.

Башкирские племена, географически оказавшись «между молотом и наковальней» в ситуации, когда военно-политическая обстановка в Деште стремительно менялась, были вовлечены во все разгоравшиеся тогда конфликты, что, в общем-то, соответствовало духу эпохи. На этом фоне **родовая знать башкир**, преследовавшая прежде всего личные интересы (и это естественно!), **не смогла консолидироваться для того, чтобы противостоять надвигавшемуся раздроблению Башкирии** на части, управляемые извне — Казанью, Искером, Сарайчуком. Более того, следует предположить, что прогрессирующая феодальная война — война без начала и без конца, охватившая в первой половине XV в. агонизирующую Золотую Орду, в миниатюре свирепствовала и на Южном Урале.

Некоторые башкирские племена — бурзян, купсак, усерген, тамьян [167, с. 75] — на протяжении 1420-х гг. поддерживали Тукати-мурида Улуг-Мухаммеда в войне за сарайский престол с сыном недолго правившего хана Куйручука Бораком. Согласно шежере, один из легендарных башкирских биев Кусем (Кусем-хан) ни много ни мало, но не позволил войскам Борака продвинуться севернее реки Самары и даже заключил с ним некое мирное соглашение [167, с. 80, 199]. Не исключено, что авторы предания завуалировали этим мирным соглашением факт вынужденного перемирия, причина которого заключалась в том, что Борак разгромил вначале Улуг-Мухаммеда, бежавшего в Литву к Витовту, а затем еще одного претендента на власть в Орде — Худайдата. В данном случае история, как и в XIII, и в XIV вв., повторялась в очередной раз, и направлявшийся на запад, как и его предшественники, Борак, для которого подчинение «правого крыла» было приоритетной задачей, по-видимому, посчитал нужным «договориться» с башкирами, обезопасив тем самым свой северный фланг. Но вправе ли мы считать войско Борака исключительно ногайским, как об этом сказано в шежере? Несмотря на то что пост беклербека при Бораке занимал Мансур, сын Идегея, а значит, и мангытский (ногайский) компонент в войске, которое он возглавлял, был достаточно велик, нельзя исключать возможности, что часть южных башкир — племен юрматы, кыпчак [173, с. 487] и, что немаловажно, часть

усергенов, большинство из которых, как было сказано выше, поддерживали Улуг-Мухаммеда, тем не менее входили в число сторонников Борака. Это предположение вполне согласуется с сообщением Ибн Арабшаха и Шами о имевшем место проникновении «родичей и соседей» Идегея на север и неизбежном в этом случае процессе взаимной интеграции народов, начавшемся уже на рубеже XIV–XV вв. Между тем разделение башкир на «западных», тяготевших к Булгарскому улусу, и «южных», оказавшихся пока лишь под влиянием мангытов, на этом не окончилось — оно находилось в своей начальной точке.

В самом конце 1410-х гг. на востоке «левого крыла», в Тюменском юрте, закрепился Ходжи-Мухаммад — хан из рода Шибанидов, которого поначалу согласно завещанию Идегея поддерживали его сыновья (тот же Мансур ухитрился и Ходжи-Мухаммаду послужить в качестве беклербека). С их помощью потомку Шибана удалось установить власть над значительной частью бывшей Кок-Орды [223, с. 229]. Немаловажно, что в 1420 или 1421 г. он был провозглашен ханом Сибири [239, с. 476]. В то же время Ходжи-Мухаммад хотя и считал себя «ханом Дешт-и-Кипчак» и претендовал на наследие золотоордынских государей, фактически являлся правителем нового государства, известного в историографии как «государство кочевых узбеков» [223, с. 229]. Не предпринимая попыток захватить Поволжье, он довольствовался властью над Восточным Дештом, где его интересы вскоре пересеклись с интересами Борака, занятого, в свою очередь, войной с Улуг-Мухаммедом. Эти события еще более усугубили и без того запутанную ситуацию на постимперском пространстве Улуса Джучи. Надо полагать, что Ходжи-Мухаммад собирал под своими бунчуками не только кочевников восточного Дешта, но и полукочевое население Юго-Западной Сибири и прилегающих к ней территорий, следовательно, «мобилизации», учитывая великодержавные амбиции Ходжи-Мухаммада, подлежали башкирские племена, издревле населявшие земли по азиатской стороне Уральских гор, и среди них сальют, терсяк, табын, сынрян, катый... Наш вывод о том, что зауральские башкиры, несмотря на малочисленность [173, с. 408], были вовлечены в разгоравшийся конфликт, базируется в первую очередь на хрестоматийных, со времен Чингисхана, политических принципах, исповедуемых властными элитами Монгольской империи, а затем и Улуса Джучи на протяжении более двух веков. Согласно политике правящих кругов никто из подданных или вассалов их властителей не оставался в стороне в моменты, когда решались не то чтобы великодержавные, но даже местные задачи. Вместе с тем следует предположить, что

политическое влияние Сибирского ханства на зауральских башкир, а тем более на часть их племен, населявших европейскую сторону Уральских гор (по мнению М. Г. Сафаргалиева, под властью Шибанидов могли оказаться области Башкирии, расположенные в верховьях реки Уфы (Караидели) [239, с. 476]), вплоть до середины XVI в. было незначительно [173, с. 484] и, возможно, носило фрагментарный характер, что сводит участие этих племен в войнах на стороне того или иного лидера (хотя оно и было обязательным для них, как для вассалов, рассчитывавших в том числе и на добычу) в основном к защите собственных родовых земель.

Формат данной работы не подразумевает освещения во всех тонкостях и нюансах военных конфликтов между Джучидами в первой половине XV в. Стоит лишь отметить, что велись они с переменным успехом, в присущем эпохе «великой замятни» стиле, когда события сменялись с непредсказуемой фееричностью, а воинская доблесть их участников дополнялась предательством и чрезмерной жестокостью. Во всем этом действе башкиры (по крайней мере, представители знати) принимали непосредственное участие, зачастую поддерживая враждующие стороны, тем самым порождая конфронтацию в среде башкирского общества. Подобный порядок вещей наводит на мысль о том, что в 1420-х — 1430-х гг. башкирские племена оказались расколоты на несколько частей. По сути, в это время на территории Южного Урала выстраивалась новая политическая конфигурация, просуществовавшая вплоть до добровольного вхождения Башкирии в состав России. Оказывая помощь (или будучи вынужденными оказывать помощь) Улуг-Мухаммету, Бораку, Ходжи-Мухаммаду, а затем и их наследникам, башкирские племена к середине XV столетия преопределили свою судьбу, попав вначале под влияние, а затем и под власть государств, образовавшихся на месте Золотой Орды. Отношения их с этими государствами строились не как раньше, «во времена Узбеков», — на принципах имперского федерализма, когда башкиры являлись субъектами сеньоро-вассальных отношений, и хотя обязаны были платить ясак и участвовать в военных акциях золотоордынских ханов, зато находились под покровительством своих сюзеренов, обеспечивавших им сравнительно безопасное и мирное с точки зрения XIII–XIV вв. существование в рамках единой державы. Отныне «отношения башкир с этими государствами строились уже по принципу господства и подчинения» [8, с. 218].

Такими образом, в середине XV столетия часть Южного Урала была поделена между Казанским и Сибирским ханствами. Башкир-

ские племена, населявшие территории нынешних северо-восточного Татарстана и северо-западного Башкортостана, признали или вынуждены были признать власть первых казанских правителей — Улуг-Мухаммеда и его сына Махмут-хана, провозгласивших, кстати, суверенитет собственного Казанского ханства, обособившегося от других областей окончательно распавшегося Улуса Джучи на рубеже 1445–1446 гг. На востоке несколько ранее, начиная со времен Ходжи-Мухаммада (с 1420–1421 гг.), сибирские ханы уже имели в качестве подданных зауральских башкир, а это, в свою очередь, сыграло впоследствии определенную роль в массовом продвижении союзных Шибанидам мангытов на Южный Урал. Что же касается центральной части Южного Урала и его районов, пограничных с Дештом, вопрос о зависимости, а тем более прямой принадлежности этих областей, населенных башкирами, во второй — третьей четвертях XV в. к какой-либо государственной структуре постзолотоордынского пространства остается открытым. В данном случае исследователь в первую очередь задается вопросом, когда именно правители Ногайской Орды установили здесь свое главенство. Надо полагать, что проникновение мангытов на Южный Урал, начавшееся еще в конце XIV столетия, все-таки еще не стало всеобъемлющим, а их присутствие здесь в середине века XV не носило доминирующего характера.

Главными военно-политическими событиями этого периода являлись выяснения отношений башкир с Казанским ханством, и отношения эти носили неоднозначный характер. Можно предположить, что, с одной стороны, они основывались на традициях, сохранявшихся со времен Волжской Булгарии, когда народы-соседи в трудный час перед лицом внешней угрозы готовы были объединиться, с другой — опыт совместного проживания в едином государстве, каким была Золотая Орда, подсказывал и казанским ханам, и башкирским биям непреложную истину той суровой эпохи: в мире существует одно право — право сильного, и необходимо лишь вовремя, высчитав конъюнктурные возможности, применить его с максимальной выгодой для себя. Естественно, казанские суверены имели приличную фору — они являлись прямыми потомками Чингисхана и априори рассматривали башкир в качестве вассалов, те, в свою очередь, и не исключено, что исходя из «верноподданнических» в отношении представителя «золотого рода» чувств, поддерживали Улуг-Мухаммеда, отражая натиск Боракова бек-лербека Мансура [167, с. 80], не превосходящего по знатности своего происхождения представителей башкирской элиты. Впрочем, в период правления Улуг-Мухаммеда, как и в правление Махмут-хана,

занятых бесконечной войной с соперниками за обладание ставшей уже призрачной властью над Дешт-и-Кипчак, башкиры не находились во главе списка, и о них вспоминали в моменты, когда необходимо было взимать многочисленные виды ясака или подкреплять при необходимости ханское войско башкирской конницей [112, с. 107].

В ответ на притеснения, несомненно возникавшие со стороны казанских чиновников во время сбора даней, башкиры готовы были взяться и за оружие. Так, «башкирские источники свидетельствуют о враждебных отношениях башкир с Казанским ханством. В эпическом сказании „Ек-Мэргэн“ отмечается, что „западные башкиры платили дань Казанскому хану“. Батыр Ек-Мэргэн „сплотил вокруг себя западных башкир и запретил им платить дань. Не раз и не два приводил он в смятение казанских ханов, делая на них внезапные набеги вместе с подчиненными ему воинами“. „Однажды Казанский хан собрал сильное войско и двинулся походом на Ек-Мэргэна“. Тот „выступил ему навстречу. Началось кровопролитная битва“. Все товарищи Ек-Мэргэна погибли, и тогда он „по собственной воле сдался на милость хана. Его увезли в город Казань. Там хан велел его запереть в большом каменном помещении“. Потом „хан даровал ему свободу и отпустил его на родные берега Агидели“» [8, с. 220]. В другом эпическом предании «Умбет-батыр» говорится о том, что «часть башкир жила на берегу реки Самары. У них происходили постоянные стычки с Казанским ханством. Казанские ханы старались подчинить себе самарских башкир, но те дружно сопротивлялись и раз за разом отбивали налеты татарских войск. Во главе башкирского воинства стоял усергенский батыр Умбет. Когда он начал стареть, усергенцы, жившие на Самаре, решили вернуться в родные места. Их сородичи приняли эту весть с большим одобрением. Они выделили им место на берегу реки Ускалик ¹» [36, с. 191].

При сопоставлении этих легендарных текстов высвечиваются как минимум две фазы взаимоотношений башкир с Казанью. **Во-первых**, оба героя, и Ек-Мэргэн, и Умбет-батыр, вступают в открытую вооруженную борьбу с казанским ханом (именно ханом!), чья легитимность согласно происхождению была незыблемой, но в чем амбициозные башкирские вожди, в итоге потерпевшие поражение, позволили себе усомниться. Но если Ек-Мэргэн попал в плен, то Умбет-батыр, по видимому, ретировался из степных, а значит, и доступных татарским войскам районов поймы р. Самары на восток, в дремучие уральские

¹ Возможно, под Ускаликом подразумевается Бузулук, приток Самары.

леса. Во-вторых, внезапно хан милует Ек-Мэргэна и отпускает его домой. В свою очередь, Умбет-батыр, и опять же не иначе как по «высочайшему соизволению», по прошествии времени возвращается в родные места, обосновавшись на Ускаликее... Итак, несмотря на фольклорную составляющую этих источников (очень важно, что они дублируют друг друга), очевидными становятся моменты подчинения северо-западных башкир власти Казанского ханства. Произошло это, скорее всего, в 1450–1460-х гг., то есть в момент его становления, когда, несмотря на наличие множества иных, более важных факторов, присутствовавших во внешней политике Казани и во взаимоотношениях и с Русью, и с Большой Ордой, наследники Улуг-Мухаммеда «нашли время», а главное — силы для принуждения башкир к союзу с ними.

М. Г. Сафаргалиев увязывал процесс окончательного подчинения части башкирских племен со временем правления Халила (1461–1467 гг.), когда казанские татары предприняли ряд походов на восток и северо-восток против удмуртов и башкир [239, с. 505–506]. Однако, согласно исследованиям Р. Г. Кузеева, «башкирская территория, которая находилась под постоянным или длительным протекторатом казанских ханов была... невелика. Судя по историко-этнографическим данным, она ограничивалась средним и нижним течением Ика, долиной Мензели, низовьями р. Белой и прилегающими районами левобережья Камы. Нет никаких данных, которые показывали бы господство казанских ханов на более обширной территории. Постоянно занятое активной политикой на западе и борьбой с Русью, от чего зависело само существование Казанского ханства, оно не стремилось и было не в состоянии распространять свое владычество далеко на восток. Лишь эпизодически, в зависимости от взаимоотношений и характера соперничества с ногайскими ханами, казанские правители напоминали о своей силе, посылая в глубь Башкирии военные отряды... Основная же политическая линия казанских ханов в отношении башкир заключалась в стремлении привлечь воинственных кочевников к борьбе, которую они вели с набиравшим мощь молодым Русским государством. Характер подобных взаимоотношений, которые в свое время Н. В. Устюгов обозначал термином „свободный вассалитет“... хорошо иллюстрируется историей военной службы племени ирэкте и других башкирских родо-племенных групп казанскому хану в обмен на тарханные грамоты с земельными и иными привилегиями, которые получала башкирская аристократия. Именно этим обстоятельством объясняется появление в XV в. в долине Ика — на старых башкир-

ских землях — табынцев, бурзян, минцев, кыпчаков, тамьянцев, тангауров и др. Небольшие группы башкир из этих племен оставались на Ике еще в XVIII в. Существенным моментом является поступление на службу к казанским ханам и переселение к границам ханства восточных башкир, расселявшихся к этому времени на территории, подвластной Ногайской орде. Это означает, что в Волго-Уральском регионе какое-то время продолжала действовать традиционная для кочевников феодальная система выбора сюзерена, влияние которого не всегда ограничивалось лишь территорией его непосредственного владычества. На наш взгляд, служба некоторой части башкир из юго-восточных (древнебашкирских) племен казанскому хану была инерцией их более древних взаимоотношений с правителями Волжской Булгарии» [173, с. 482–483].

Впрочем, не только Казань пыталась в то время закрепиться на Южном Урале. Речными путями Волго-Камья, проторенными еще в середине XIV в. новгородскими ушкуйниками, на восток ныне плыли струги с ратными людьми великого князя московского Ивана III, и надо сказать, что их «хождение встречь солнцу» носило целью своей отнюдь не удовлетворение праздного любопытства: уже тогда, за столетие до Ермака, русские прощупывали дорогу «за Камень». Под 1468 г. летопись гласит, что «великий князь московский Иван III воевод своих (И. Глухого, И. Руно, А. Меньшова, С. Сабурова [8, с. 218; 112, с. 108]. — *Авт.*) „послал на Каму воевати мест Казаньских“». „А воеводы великого князя повоеваша Черемису по Вятке реце и поидоша из Вятки по Каме на низ да воевали и до Тамлугы и гостей побили многих, а товару у них поймали много. Ходили до перевоза Татарского да опять воротились вверх, воюючи Казанские же места, и в Белую Воложку ходили воевати“» [8, с. 218].

Это первое письменное упоминание о появлении русских на реке Белой (Белой Воложке — Агидели), а значит, и на территории современной Башкирии. И хотя в описании событий летописец о башкирах умалчивает, последние не могли не знать о том, что на их землях очутились пришельцы с запада, ведь берега Белой — Агидели являлись родовыми владениями упоминавшегося выше Ек-Мэргэна. Интересен и тот факт, что башкиры (и не под впечатлением ли отнюдь не мирного посещения их земель русскими?) уже в следующем 1469 г. участвовали в составе войск казанского хана Ибрагима в набеге на Нижегородское княжество. Из Московского летописного свода конца XV в. известно, что «царь Казанский Обреим (Ибрагим. — *Авт.*)» собрался на войну с русскими «со всею землею своею, с Камскою

и с Сыплинской и с Костяцкою (Остяцкою. — *Авт.*) и з Вотяцкою и з Башкирскою» [8, с. 293]. Необходимо отметить, что начавшаяся война, поначалу складывавшаяся для Ибрагима вполне удачно (летом 1469 г. он сумел потеснить русских), уже осенью обернулась разгромом ордынских отрядов под Казанью и пленением самого Ибрагима [241, с. 165–166]. Таким образом, задолго до взятия Казани войсками Ивана Грозного западные башкиры имели возможность убедиться в растущей мощи Москвы, что, надо полагать, не могло не отразиться на умонастроениях башкирских биев и родовых старшин, которые уже в конце XV в. оказались хорошо информированными не только о военной силе, но и размерах Русского государства. Более того, эпизоды соприкосновений русских и башкир в 1468–1469 гг., случившиеся тогда, скорее всего, на бранном поле, не стали исключением в цепочке событий, приведших в итоге Башкирию в состав России, и связано это прежде всего с энергичной политикой Ивана III, направленной на укрепление его державы в Волго-Камском регионе.

В 1487 г. Ивану III удалось после свержения хана Алегамы и замены его на престоле в Казани промосковски настроенным Магмет-Амином-ханом «установить свой протекторат над Казанским ханством, после чего он принял титул „князя Булгарского“. Есть даже основания полагать, „что на казанские волости наложена была известная подать, шедшая в московскую казну и собираемая московскими чиновниками“. Иван III, таким образом, в какой-то мере имел основания считать себе подвластными все народы, входящие в состав Казанского ханства, в том числе и часть башкир» [8, с. 220]. Существует документальное свидетельство о посылке в 1505 г. казанским ханом Магмет-Амином башкирского бия Кара-Килимбета к великому князю московскому [211, с. 54], вот только цель той миссии неизвестна. Еще одним подтверждением следует считать сочинение Матвея Меховского «Трактат о двух Сарматиях», впервые напечатанное в Кракове в 1517 г., где он «упоминает Башкирию в главе, названной „Об областях Скифии — Перми, Югре и Кореле, покоренных князем Москвитии“. Матвей Меховский пишет: „За Москвитией на северо-востоке, на краю северной Азии, собственно называемой Скифией, находятся народы и области, подчиненные государю Москвитии, впервые покоренные князем Московским Иваном, а именно Пермь, Башкирия, Чиремисса, Югра и Корела“. Под князем Московским Иваном имеется в виду Иван III. Меховский отмечает, что жители этих стран не знают металлов, поэтому „в дань князю Московскому приносят не металлы, а шкуры лесных животных, которыми богаты“» [8, с. 219].

Отсюда напрашивается вывод, что проникновение русских в Башкирию могло происходить не только с запада — со стороны Казанского ханства, но и с севера — со стороны Перми Великой, по речному пути через Каму на Агидель: это и продемонстрировал отряд Ивана Руно, в 1468 г. ходивший «воевати в Белую Воложку».

В контексте извлечений из трактата Меховского следует, что башкиры платили дань непосредственно московскому князю и их покорение, таким образом, не было связано с установлением протектората над Казанским ханством. Как бы там ни было, но в этой части сообщение Меховского весьма туманно, что в полной мере отражает имевшийся у автора недостаток информации о положении непосредственно на местах и в принципе не противоречит понятию о чреде «темных веков» в истории Южного Урала, в которой относительно этого периода остается столь много и легенд, и тайн, и загадок... Объективности ради, необходимо констатировать, что время всеобъемлющих двусторонних русско-башкирских отношений еще даже и близко не наступило — между Россией и Башкирией лежало раздираемое политическими противоречиями, но вместе с тем непокорное в полной мере воле Москвы Казанское ханство, а южнее, в Восточном Деште, «расправив плечи» заявила о себе как о новом гегемоне степного пояса Евразии Ногайская Орда, правители которой в итоге распространили свою власть над многими бывшими золотоордынскими улусами, в числе которых оказалась и большая часть Южно-Уральского региона.

Появление на политической арене Дешт-и-Кипчак столь мощного игрока, каковым, вне сомнения, являлась Ногайская Орда, произошло не вдруг и не сразу, а ее изначальное происхождение, как и само название, связывают с именем, быть может, самого значимого в истории Улуса Джучи сепаратиста — знаменитого полководца и чистокровного Чингисида Ногая. В последней четверти XIII в. в западной части Золотой Орды он создал практически независимый от центральной власти улус, располагавшийся в междуречье Днепра и Днестра и получивший имя основателя — Ногайский улус, или Ногайская Орда [138, с. 18; 242, с. 141]. В XIII столетии Ногаевой Орде просуществовать долго было не суждено — Ногай потерпел поражение в борьбе с великим ханом Тохтой и в 1300 г. погиб, а его детище — независимый улус — вновь перешел под юрисдикцию Сарая. Тем не менее с ликвидацией Ногаевой Орды имя ее основателя, по-видимому, еще и в качестве носителя идеи глобального сепаратизма не истерлось из памяти нескольких поколений кочевников и спустя более сотни лет

в другом конце Дешта, в Кок-Орде, возродилось в качестве этнического самосознания целого народа в рамках очередного государственного объединения, созданного в конце XIV в. на основе Мангытского Юрта другим могущественным временщиком — Идегеем. Во многом благодаря удачному географическому расположению Мангытского Юрта, а также предпринятым самим Идегеем мерам по усилению улуса он стал обладать более устойчивым социально-экономическим потенциалом по сравнению с другими улусами Золотой Орды. Поэтому здесь сложились необходимые условия для консолидации различных племен под собирательным термином «ногай». Численный рост ногайского населения и распространение этнонима «ногай» на все племена улуса повели к переименованию при преемниках Идегея Мангытского Юрта в Ногайскую Орду [138, с. 18, 21].

Однако для возвышения Ногайской Орды и окончательного утверждения ее в качестве гегемона над большей частью Дешта потребовалось несколько десятилетий, и связано это было в первую очередь с разрушительными для Улуса Джучи процессами, приведшими его к развалу. Сам Идегей, несмотря на всю его харизматичность и талант организатора, был в гораздо большей степени занят не формированием нового государства, а решением сиюминутных задач — то бесконечной борьбой с Тохтамышем и Тохтамышичами, то интригами с Тимуром и Тимуридами, то войнами на западе с Литвой, Русью да и еще много где... Преемники Идегея пытались действовать в русле политики, доставшейся им от него в наследство — политики, направленной на обретение полной независимости своих владений, в том числе от даже номинальной власти представителей «золотого рода». Тем не менее реалии, существовавшие во взаимоотношениях на постимперском пространстве в первой половине XV в. между несколькими влиятельными группировками Джучидов, погрязших в схватке за Степь, не позволяли Идегеевичам до поры до времени провозгласить самостоятельность собственного улуса. Они (в том числе Мансур, Науруз, Воккас) **были вынуждены**, и не в последнюю очередь из-за противоречий, возникших в среде мангытских вождей, *служить*, хотя и на руководящих должностях, но все-таки **всего лишь служить ханам Джучидам** — Улуг-Мухаммеду, Бораку, Ходжи-Мухаммаду, Абулхаиру и другим [239, с. 479–480].

Окончательное оформление Мангытского Юрта в качестве мощной структуры, способной в недалеком будущем объявить себя гегемоном Степи, и превращение его в Ногайскую Орду произошло в 40-х гг. XV в. Вначале при сыне Идегея Нуратдине (который тем

не менее никогда не являлся «князем» Ногайской Орды, а остается в генеалогии ее правителей мурзой) были укреплены родовые земли мангытов по Яику и Эмбе. Затем при сыновьях Нуратдина Воккасе и Аббасе и сыне Воккаса Мусе, провозглашенных уже «ногайскими князьями», Ногайская Орда, по словам Матвея Меховского, обрела статус независимой степной державы, способной диктовать свои условия соседям [239, с. 481]. Скорее всего, именно тогда башкирские племена стали представляться ногайским правителям в качестве объекта подчинения, тем более что геополитическая ситуация, складывавшаяся в последней четверти XV столетия в Дешт-и-Кипчак, и их борьба на юго-востоке и юге с ханами кочевых узбеков и казахов и на западе с Большой Ордой и Крымом позволяли ногаям «расширять пределы юрта в северном направлении (ситуация буквально подталкивала их к активным действиям на севере. — *Авт.*). При этом мангытские эмиры стремились обзавестись сильными союзниками (в том числе и в лице башкир) для противостояния Гиреям и узбекам — Шибанидам» [258, с. 107], что, в свою очередь, дает предпочтение версии, по которой ногаи пришли в Башкирию с востока, предварительно оформив союз с сибирским Шибанидом ханом Ибаком. «Именно этот хан помог лидерам Мангытского юрта бию Мусе и его младшему брату, мирзе Ямгурчи, отстоять их кочевья в яйцких степях от Большой Орды и казахов. И именно в тот период встречается первое документальное упоминание о присутствии ногаев в Башкирии. В грамоте Ямгурчи к Ивану III от 26 августа 1489 г. бакши (писарь) мирзы, по дипломатической традиции, указал место ее составления: „Мурзин кочев на Белой Волжке был“... Таким образом, что бы ни рассказывали шеджере о первых ногайских правителях в Уфе — мифическом Ногае или сказочном Тура-хане, неведомом Басмане или легендарном Тюря Баба Туклесе, дипломатическая переписка все-таки является более достоверным источником» [258, с. 108].

Начав активное проникновение на Южный Урал, ногаи не могли не вступить в конфликт за обладание этой территорией со своими естественными противниками — Казанским ханством. Пиком противостояния сторон, надо полагать, был рубеж XV–XVI вв., когда Казанью пытались овладеть союзные ногаям сибирские правители. Непрерывно на протяжении нескольких лет, с 1496 по 1499 гг., «шибанские царевичи» Мамук и «мамуков брат Агалак» пытались захватить Казань. Собственно ногаи, ведомые Мусой и Ямгурчи, в июле — августе 1500 г. в течение трех недель под стенами города вели бои с оборонявшимися татарами и их русскими союзниками [241, с. 184]. Стоит ли

сомневаться в том, что и сибирские, и ногайские орды проходили к Казани через земли башкир, большая часть которых уже была подвластна новым хозяевам и обязалась еще по золотоордынским законам платить «дань кровью», участвуя в походах своих суверенов (и это, скорее всего, было так, если учесть, что Ямгурчи в то время был наместником в Башкирии)? В свою очередь, казанские ханы, занятые бесконечными околотронными интригами и политическими метаниями, постоянно то апеллируя к Москве, то оппонируя ей, пытались тем не менее бороться за «башкирское наследство», регулярно отправляя отряды на Южный Урал, причем «некоторые из них достигали в центральной Башкирии района г. Уфы, где обычно располагалась ставка местного ногайского владетеля» [173, с. 483]. Однако поколебать позиции ногаев им было не суждено, и в начале XVI столетия те распространили свою власть практически на весь современный Башкортостан, за исключением северо-востока, по-прежнему находившегося в ведении Сибирского ханства, и небольшой области на северо-западе, оставшейся за Казанью. Вся центральная Башкирия, с границей по реке Ик [173, с. 318], и все земли южнее, населенные башкирами, попали под власть «князей ногайских» — правителей Ногайской Орды и их наместников на Южном Урале.

До третьей четверти XVI в. гегемония ногаев на Южном Урале оставалась главенствующим фактором в политической жизни региона. В исторической науке за данным периодом вполне обоснованно закрепилось наименование «ногайского», вплоть до того, что башкир южной, юго-западной, юго-восточной и центральной части Башкортостана нередко называли ногайскими, а всю эту территорию — Ногайской Башкирией. Это вполне объяснимо, так как и башкиры, и собственно ногаи в те времена были настолько связаны между собой, что даже народные родословия — шежере, а тем более авторы XVIII–XIX вв. не всегда проводили грань между ними [258, с. 95]. Тесную связь башкир с ногаями (и не только по причине порабощения одних другими) следует увязывать также с исторически сложившимися еще в домонгольский период сакральными традициями, объединявшими башкир с племенами Восточного Дешта, вошедшими в золотоордынское время в состав Мангытского Юрта. В этой связи невозможно не учитывать важнейший фактор более ранних миграций кочевого населения степи, в том числе из Приаральского региона, на Южный Урал и в Зауралье в IX–XII вв. [173, с. 452–455]. Башкиры, относящиеся к огузо-кипчакской родоплеменной группе (ай, тырнаклы, тугыз, сарт и др. [173, с. 454]), имели там свои этнические

корни, а значит, и могилы предков, память о которых в номадической среде может существовать бесконечно долго (достаточно вспомнить совсем другую историю и решимость скифов в далеком VI в. до н. э. отчаянно сражаться с вторгшимися в их пределы персами за глубоко почитаемые «отеческие могилы» [69, с. 219]).

Обращаясь ко времени доминирования в Восточном Деште Улуса Джучи в XIII–XIV вв., а затем в конце XV и XVI в. Ногайской орды, необходимо учитывать тот факт, что сама территория в низовьях Яика, где расположился город Сарайчук — важный ордынский торгово-административный центр, а впоследствии ногайская столица, и существовавший там джучидо-мангытский некрополь, возникший, по-видимому, на гораздо более древнем, священном для номадов (в том числе и башкир) месте, почитались у тюркских кочевников. Основываясь на более поздних данных, один из находившихся здесь склепов молва нарекла «Ханской могилой». «Казахи (и башкиры?) съезжались на развалины для молитв и жертвоприношений, выбрав для поклонения мавзолее, который, по словам А. И. Левшина, считали „могилой угодника магометанского“. Но помимо этой гробницы развалины Сарайчука содержали и иные сооружения» [257, с. 592]. Отголоском мирного сосуществования башкир с ногаями, а значит, и их возможной взаимной интеграции, следует считать извлечение из шежере бурзян, кыпсак, усерген и тамьян, относящихся к середине — второй половине XV, началу XVI вв., согласно которому после некоего противостояния между сторонами был заключен мир. «Затем после перемирия, — гласит шежере, — Бэрдибэк [и] Мансур (сын Идегея. — *Авт.*) с двух [противоположных] берегов реки Белой состязались в стрельбе из лука, каждый из них был хорошим стрелком и эмиром, и стрелы обоих из них перелетали дороги [идуших] по [обеим] сторонам реки Белой. [После того как] с таким пиршеством прожили один месяц, ушли обратно, то есть вернулись в свои страны. Башкирский и ногайский народы на [определенное] время остались [жить] в мире до эпохи Урак Мамай (начало XVI в. — *Авт.*)» [167, с. 80]. Тем не менее ситуация, описанная в приведенном выше отрывке, являлась, скорее всего, исключением из правил, и ногаи, подчинив себе башкирские племена, установили в регионе достаточно жесткий, если не жестокий режим управления.

Если рассматривать Башкирию, оказавшуюся в составе Ногайской Орды, но оставшуюся вне системы «крыльев» [257, с. 196], само по себе напрашивается сравнение с золотоордынским периодом, и надо сказать, что определенные аналогии здесь усматриваются. **Во-пер-**

вых, Башкирия, как и прежде, оставалась на периферии, в стороне от территорий, где происходили основные военно-политические события. Более того, окончательная утеря Джучидами в XV в. Хорезма привела к еще большей изоляции Южного Урала, так как полностью пресеклись торговые пути из Средней Азии в Нижнее Поволжье и Волго-Камье [75, с. 407]. **Во-вторых**, как и прежде, местное население, а вместе с ним и пришлое мангыто-ногайское оставалось в рамках привычного цикла кочевков, четко обозначенных в XIII–XIV вв. и запрещавших подданным ханов Золотой Орды самовольные перемещения за пределы собственных улусов. По крайней мере, «нет никаких данных о периодических ежегодных откочевках башкир или ногаев с Южного Урала на юг — по одной из двух систем ногайских перекоченок: к низовьям Сырдарьи или Волги, к Аралу или Каспию» [258, с. 98].

Таким образом, согласно исследованиям В. В. Трепавлова, следует выделить несколько пунктов, определивших значение Южного Урала в государственной системе Ногайской Орды:

1. Для правителей Ногайской Орды Башкирия представляла интерес в качестве сырьевой базы — важнейшего источника пушнины, меда, воска, кожи и т. д. Кроме того, «многолюдная и богатая Башкирия» являлась поставщиком людских ресурсов, порою так необходимых им и в борьбе за власть, и в экспансионистских устремлениях.
2. Ногайская Башкирия представляла собой зону замкнутого кочевого скотоводства и, следовательно, имела достаточный потенциал для возможного сепаратизма и отделения от Ногайской Орды, что приводит к мысли о существовании здесь особого территориального подразделения — удела или наместничества, управление которым велось из эмбийских кочевий — центра «левого крыла» Орды, а также, естественно, из Сарайчука.
3. Институт наместничества в Башкирии интересен в том плане, что в этот период отмечены места конкретного местонахождения здесь ставкок представителей центральной ногайской власти, которые, в свою очередь, имели разный управленческий статус и, за исключением Уфимского городища, почти все ставки расцениваются как резиденции удельных башкирских или ногайских правителей. Безусловным и общепризнанным, сохранившимся в памяти потомков провинциальным центром Ногайской Башкирии являлось Уфимское городище. В народном сознании столичная роль данного пункта утвердилась настолько, что эта местность стала трактоваться в преданиях как кочевье главного хана с собирательным именем Ногай. Причем башкирские сказители относили основание здесь ставки

ногайского правителя еще к дочингисовым временам. Помимо укрепленного поселения на правом берегу реки Уфы, предания называют и другое городище — Ак-Тюба под Оренбургом. Историческая память отобразила данное двоецентрие таким образом, что и Чертово городище на Уфе, и Ак-Тюба принадлежали государям-братьям. Хан Басман кочевал у Сакмарского устья, где и поставил Ак-Тюбу, но был вытеснен ногаями на юг. Его брат Тюря обосновался в районе Уфы. В родословиях и легендах как главные стойбища ногайских наместников фигурируют и другие местности. Например, долина р. Демы (оз. Азкират) значится как летнее кочевье «ногайских ханов, покуда они владели башкирами» (зиму они проводили в Иман-кале). Затем, после начала откочевки основной массы ногаев на юг, ставка переместилась под Стерлитамак, в крепость Тура-тау. Кроме того, в качестве резиденций ногайских удельных правителей интерпретируются городища Кара-Абыз под Благовещенском и Чертово под Бирском.

4. Если исходить из вышеизложенных позиций, появляются все основания утверждать, что Башкирия на протяжении всего времени господства Ногайской Орды имела статус особой провинции, с относительно фиксированной территорией, административными центрами, верховными и удельными наместниками [257, с. 148; 258, с. 95, 98, 100].

Всего за период с конца XV по начало XVII в. Башкирией правили официально (или начиная с 1550-х гг., в связи с нараставшим в регионе русским присутствием, все более номинально) десять правителей:

- Ямгурчи (конец 1480-х гг. — рубеж XV–XVI вв.);
- Алчагир (начало XVI в.);
- Мамай (первая четверть XVI в., с 1536 г. нурадин¹);
- Хакк-Назар (около 1522–1538 гг., с 1538 г. казахский хан);
- Исмаил (1538 — около 1545 гг., с 1545 г. нурадин);
- Ахмед-Гирей (1546 — около 1558 г.);
- Динбай (1558–1578 гг., с 1578 г. нурадин);
- Саид-Ахмет (1578 — около 1584 г., с 1584 г. нурадин);
- Канай (конец XVI — начало XVII в., с 1623 г. бий);
- Кара Кель-Мухаммед (начало XVII в. — 1623 г., с 1623 г. нурадин).

Пятеро из девяти известных наместников впоследствии переместились на нурадинскую должность. Впрочем, Ямгурчи и Алчагир жили еще до учреждения нурадинства в Ногайской Орде, а Хакк-Назар (Ак-Назар), единственный в приведенном списке Чингисид

¹ Нурадин — военный министр.

(Тукатимурид в династийной иерархии Джучидов), сразу же после окончания наместничества в Башкирии был объявлен казахским ханом и правил в течение сорока лет. Очевидно, что будущий «карьерный рост» ногайских наместников на Южном Урале свидетельствует о высоком статусе этой должности (что, в свою очередь, говорит и о высоком статусе региона) и позволяет сделать резонное предположение, что Башкирия выступала тогда в качестве опытного полигона для наместников, занимавшихся здесь управленческой тренировкой и приобретением административных навыков [257, с. 210; 258, с. 120;], а это само по себе представляется уникальным явлением, не имеющим аналогов в истории Дешт-и-Кипчак.

Вовлечение Южного Урала в систему государственного устройства Ногайской Орды повлекло за собой классическое с точки зрения политического и экономического наследия Золотой Орды отношение имперского центра и зависимой территории. Как и прежде, в XIV в. и в эпоху монгольских завоеваний, пришедшая мангыто-ногайская знать, подчинившая своему влиянию знать местную, использовала людские ресурсы башкирских племен в своих интересах и не прекращавшихся в XVI в. междоусобных войнах, освещать которые здесь мы не будем, однако участие в них башкир считаем вполне естественным с позиций отношений суверена и вассала. Помимо использования башкирских отрядов на театре военных действий в Деште, от Крыма до Алтая, «князи ногайские» не без помощи башкирских биев, являвшихся прямыми вассалами наместников, но выступавших в качестве сюзеренов по отношению к более мелким властителям-единоплеменникам, безжалостно эксплуатировали (и это не преувеличение) население Южного Урала, а «рядовые общинники» еще недавно ходившие в походы и погибавшие вдали от родных мест за чуждые им интересы, вернувшись домой превращались в бесправных плательщиков ясака [173, с. 499]. Положение усугублялось тем, что башкиры, были вынуждены платить ясак сразу «трем улусам», т. е. ведомству бия, нурадина и кековата ¹ [257, с. 196].

Дошедшие до наших дней благодаря записям П. И. Рычкова отрывки из башкирской исторической хроники, рассказанной старшиной Кыдрасом Муллакаевым, повествуют о жестоких притеснениях, испытываемых башкирами от ногайских властителей, в частности от хана Хакк-Назара, который «всячески их изнурял и в бессилие при-

¹ Кековат — администрация правителя Ногайской орды рангом ниже, чем нурадин.

водил; ибо на три двора по одному токмо котлу иметь допущал и как скот и пожитки, так и детей их к себе отбирал, и землями владел, та-кож и через реку Белую переходить не допущал, а кои звероловством промышляли, принуждены были платить ему за то ясак с каждого человека по лисице, по бобру и по кунице» [235, с. 183].

Подобные акции и произвол со стороны взимавших платежи специальных эмиссаров-«данышников» [258, с. 104] (аналога золотоордынских баскаков) приводили к возмущениям в среде башкир, что не могло, в свою очередь, не найти отображения в народном творчестве. Вновь, как и в эпоху монгольского завоевания и нашествия Тимура, появляются герои, способные стойко противостоять поработителям. Так, в сказании «Таргын и Кужак» в полной мере, тем более на бытовом уровне, разговорным языком, выражена ненависть народа к иноземным захватчикам. В его тексте есть яркая сцена — описание схватки Кужака с ногойским батыром Таргыном. Кстати, Таргын — главный герой казахской эпической поэмы «Ер-Таргын» (что, вполне возможно, связывает события, запечатленные в сказании, с временами наместничества в Башкирии Хакк-Назара, будущего казахского хана) — изображен там как батыр, борющийся за интересы народа. Но вот в Башкирии Таргын, «прославившийся» в качестве похитителя девушек (недаром ногоаев в Башкирии нарекли «очень развратными и дурными мусульманами» [257, с. 565]), вынужден выслушивать гневную отповедь Кужака, вызвавшего его на поединок:

Эй, Таргын, ты — пришелец,
Около коня ты — ишак,
Не знающий цены гостеприимства,
Акса-хана унизивший,
Акьюндуз опозоривший,
Стране горе принесший,
На солнце пятно уронивший,
Дурное ты задумал,
Грязные руки распустил,
Стань же здесь передо мною,
Я-то уж доберусь до твоей головы!

Далее согласно закону жанра Кужак победил Таргына, унизив тем, что, легко ранив его в мочки ушей, попав в них из лука, вынудил бежать [128, с. 65–66]. Однако и на этот раз по праву сильного покидать родовые земли вынуждены были башкиры...

● Русские поселения

Направления контроля над территориями
и их эксплуатации
Табын Названия и местоположение башкирских племен

**Этнополитическая карта Урало-Поволжья
в XV — первой половине XVI вв.**

В те времена законы степи были суровы: победителям всегда принадлежали лучшие пастбища, особенно пригодные для зимних тебеновок. Этими качествами обладали лесостепное Приуралье и приийские степи в Зауралье до Тургайской возвышенности [173, с. 485], откуда башкиры, может быть и не перманентно, а достаточно плавно, но тем не менее выдавливались мангытами, объявившимися здесь во главе с Идееем в 1390-х гг. В середине — конце XV и в XVI веке, согласно исследованиям Р. Г. Кузеева, гнет ногайской знати стал настолько тяжел, что «наблюдается отлив башкирского населения с юго-западного Приуралья на север Башкирии... к XV в. относятся сообщения, что башкиры достигли „Чулымана“ (т. е. Камы) и областей „Сибирь и Ибирь“» [173, с. 485]. Но и в этом случае «продвижение башкир (племен гайна, танып, уран, балыксы, катый, салют, сызгы, упей и др.) на север было постепенным. По словам епископа Пермского Дионисия, башкиры и татары „сделались жителями опустелых земель Перми, особливо южной части оных“ лишь после падения Казани в 1552 г.» [173, с. 485].

В 1520–1540-е гг. Ногайская Орда переживала апогей могущества. К этому времени ногаи сумели включить в сферу своей гегемонии Казахское ханство и окончательно утвердить и упорядочить свое господство над Башкирией [257, с. 201, 232]. Казалось, новая государственная структура «оседлала» Дешт-и-Кипчак, но, как показали ближайшие десятилетия, колосс оказался, может быть, и не на глиняных ногах, однако и не той силой, что была способна заменить властную руку золотоордынских правителей и по праву именоваться наследницей Улуса Джучи. Несмотря на значительные людские ресурсы, в том числе и за счет вассалов (по данным Матвея Меховского «в 30-х годах XVI века „ногайский князь“ (верховный правитель. — *Авт.*) мог располагать 200 000 воинами (и Матвей Меховский, учитывая размеры Ногайской Орды, был недалек от истины. — *Авт.*)» [239, с. 482]), **Ногайская Орда была аморфным государственным образованием, если хотите, еще одной степной химерой**, делившейся на многочисленные полусамостоятельные улусы (ярчайшим подтверждением тому является статус Башкирии с ее замкнутым кочевым циклом). Слабость внутреннего строя Ногайской Орды объясняется и патриархальным, натуральным характером ее кочевого хозяйства, мало затронутого товарно-денежными отношениями, и отсутствием на ее территории, за исключением переживавшего упадок Сарайчука, городов [239, с. 482–483]. Все это не могло не привести к глубокому кризису, вызванному в середине

XVI в. жесточайшим голодом. Шежере племени юрматы гласит: «Однажды годы пришли голодные. Зима была очень долгая, [в течение] трех лет лошадей, овец не стало, хлеба совсем не уродились, многие народы обеднели и многие люди остались голодными и разутыми. Ногайцы собрались [и] держали совет. Наши деды пришли с Кубани из-за земли и воды, [они] пришли в поисках холодных земель, холодной воды, но оказалось, [что] зимняя стужа страшнее жарких дней» [167, с. 32]. Так или иначе, часть ногаев перед лицом голода решила откочевать в пределы северокавказских степей.

Откочевка ногаев с Южного Урала не была мирной. Мурзы пытались силой увести подвластных им башкир. На этой почве среди минских башкир вспыхнуло восстание под предводительством Канзафар-бия. И хотя часть башкир, поддавшись уговорам ногайских мурз, ушла с ними на Кубань, в массе своей минцы приняли сторону Канзафара и не покинули родных мест. Вот как об этом повествует предание, в котором уход ногаев из Башкирии увязывается в первую очередь не с голодом, а с усилением русского присутствия в Волго-Камье. «Было это, когда русские завоевывали Казанское ханство. Стали они доходить до Урала. А в Башкирских землях в это время еще правили ногайцы, которых оставили после себя монгольские завоеватели. Почуввав неладное, они решили убраться восвояси, а заодно увести с собой башкир, посулив им райскую жизнь где-то в Турции. Некоторые поверили лживым обещаниям и потянулись за ними в чужие края. А тех, кто не поддавался на эти уговоры, стали угонять силой или даже убивать. Но тут появился наш батыр Канзафар, бросил клич, поднял родичей и выступил против ногайцев. Восставшие перебили всех ногайцев, которые не успели покинуть Башкирию. Лишь немногие спаслись бегством» [36, с. 190]. Оказавшись перед фактом неизбежного столкновения с Россией, ногаи посчитали, что «по сравнению [даже] с холодом (и голодом. — *Авт.*) [опаснее] продвижение с севера неверных русских» [167, с. 32]. И не потому ли после взятия Казани «хан» ногаев Турэ, ставка которого Имэн-кале располагалась на территории нынешней Уфы, «убоялся» натиска русских и откочевал дальше на восток, обосновавшись в окрестностях современного Стерлитамака? «Там, возле горы Тура-Тау, как гласит предание, он построил себе ставку, укрепленную земляными валами. Остатки этой ставки в 80-е годы XIX века наблюдал и обследовал уфимский краевед Р. Г. Игнатьев. Новые тревожные слухи об успехах русского оружия заставили Турэ-хана бросить и эти места и уйти совсем далеко на юг, на Кубань и Северный Кавказ» [112,

с. 109]. Однако основная масса ногаев оставила Южный Урал лишь «в 1570-х годах, когда в бывшее башкирское наместничество Ногайской Орды вошли стрельцы, а в центре удела Имэн-кале (отныне — Уфе) демонстративно утвердился русский воевода с гарнизоном. Тем не менее пост наместника Башкирии оставался в номенклатуре Орды. До 1578 г., до того как заступил на нурадинство, его занимал Динбай, затем его племянник Саид-Ахмед. Когда и он стал нурадином, его место занял, очевидно, Канай. Ставка наместника теперь располагалась где-то на Эмбе, подальше от стрелецкого гарнизона Уфы, и ногаи были вынуждены „ежегод“ снаряжать военные экспедиции на север для сбора традиционного ясака» [257, с. 366]. Но это уже другая история...

Гегемония Ногайской Орды, продолжавшаяся более полутора столетий и имевшая несколько периодов, включавших в себя как горячие, так и умеренные фазы, не окончилась бесследно, и Башкирия, и ее население впитали в свою среду пришлый ногайский элемент, первоначально появившийся здесь, сверкая остриями сабель. Действительно, существуют жестокие или «не очень» жестокие правители, безжалостно бросающие своих подданных в кровавую мясорубку междоусобных войн, но необходимо помнить, что не существует «хороших» или «не очень хороших» народов (перед Богом все равны!), а потому следует сказать, что связи с ногаями оставили в истории и культуре Башкортостана глубокий след. Чего только стоит «возникновение среди южных башкир таких межродовых этнонимов, как ногай-юрматы, ногай-кипчак, ногай-бурзян, ногай, ногайлы. У башкир рода мин, к примеру, под названием „ногай“ и „ногайлы“ имеется семь межродовых образований» [125, с. 79].

Мы несколько не преувеличиваем значение ногаев в этногенезе башкирского народа — сам по себе это был очень сложный, многоступенчатый, многовековой процесс, но именно события XV — первой половины XVI в. и смешение башкир с ногаями на юге и финно-уграми на севере создали все условия для того, чтобы этнические, территориальные, социально-экономические и политические предпосылки, необходимые для завершения формирования башкир в народность, сомкнулись [173, с. 509]. **Оставалось совсем немного времени до того момента, когда воля, сила и мудрость народа привели башкир, абсолютно добровольно, вначале под скипетр «Белого царя», а затем и в состав России.**

ГЛАВА VIII

ВХОЖДЕНИЕ БАШКИРИИ В СОСТАВ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА. ОСНОВАНИЕ ГОРОДА УФЫ

Столетие, последовавшее за распадом Золотой Орды (середина XV — середина XVI вв.), предшествовавшее добровольному вхождению башкир в состав Русского государства, как мы уже подчеркивали в предыдущей главе, являлось воистину «темным веком» в истории народов Южного Урала и Приуралья. По этому периоду историки практически не имеют ни документальных (письменных), ни вещественных (археологических) материалов, что, в свою очередь, породило обширную, хотя и достаточно однообразную историографию, касающуюся темы социально-экономической и политической истории башкирских племен в период между распадом Золотой Орды и вхождением башкир в состав Русского государства. Суть рассуждений исследователей, обращавшихся к этой теме, в основном сводится к освещению социально-политического и экономического положения башкир через призму действия нескольких факторов. Прежде всего — разделения территории башкирских племен между Казанским, Сибирским ханствами и Ногайской Ордой и, второе, распространения социально-политической и административной системы этих государств на башкир. Своеобразной квинтэссенцией подобных подходов и оценок являются вышедшие с небольшой разницей во времени две больших монографии башкирских историков, освещающие историю Башкортостана с древнейших времен до XVI в. Авторы одной из них считают, что в рассматриваемое время основная часть территории современного Башкортостана была объединена под властью ногайского хана Акназара, установившего здесь «четкие принципы административного деления» [184, с. 321]. Авторы другой, в свою очередь, полагают, что «во второй половине XV — первой половине XVI вв. башкиры находились под властью трех государственных образований. На Башкирию была распространена система феодальной эксплуатации, сложившаяся в Ногайской Орде, Казанском и Сибирском ханствах» [126, с. 134]. Суть расхождений хотя и не значительна, но принципиальна, поскольку в первом случае подразумевается сохранение у башкир, пусть и в подчиненном виде, собственной государственности, якобы сложившейся еще до монгольского нашествия [184, с. 208], во втором же — полный распад не только «башкирской государственности», но и того этногеографического образования, которое, как считал Р. Г. Кузеев, сложилось в X в. с центром на Бугульминско-Белебеевской возвышенности и которое он обозначил понятием «Древняя Башкирия» [173, с. 435–439, 486].

Опираясь на данные исторической этнографии, исследователь отмечал, что за период XIV — первой половины XVI вв. «в основ-

ном завершилось формирование современных очертаний этнических территорий всех волго-уральских народов, в том числе и тюркских» [171, с. 88]. Позже этот вывод начал подтверждаться и результатами археологических исследований. Так, по данным Н. И. Шутовой, исследовавшей удмуртские могильники XVI–XIX вв., начиная с XVI в., «фиксируется сеть новых погребальных памятников на не освоенных прежде землях... Как правило, они расположены в верховьях мелких рек или ручейков, в районах, где в X–XIV вв. практически не наблюдалось проживание людей» [290, с. 101]. В системе географических координат это междуречье Чепцы, Кильмези и Ижа, где автором выявлены удмуртские дохристианские могильники, нижняя дата которых — XVI век [290, рис. 1]. То есть, по сравнению с предшествующим периодом, происходит сокращение древнеудмуртской этнической территории, что, по мнению Р. Г. Кузеева, происходило вследствие продвижения марийцев на север и русских на восток [171, с. 88].

Последнее обстоятельство в настоящее время хорошо документировано многочисленными (свыше 140) археологическими памятниками, свидетельствующими о пребывании компактных групп русского населения в лесном Прикамье и Приуралье. По данным Л. Д. Макарова, после разгрома Вятской земли войсками Ивана III в 1489 г. славяно-русский анклав на Средней Вятке не только не исчезает, но и усиливается за счет переселенцев из северо-русских земель. Та же ситуация имела место и в Верхнем Прикамье (Пермь Великая). В конце XV в. в состав Московского государства был включен бассейн р. Чепцы, на территории которого древнерусское присутствие фиксируется по археологическим данным начиная с XIII в. В золотоордынскую эпоху начинается инфильтрация древнерусского населения в бассейн Сылвы и Ая (северо-восток современного Башкортостана) [192, с. 35–38].

Во второй половине XIV — первой половине XV вв., в период упадка Золотой Орды, запустевает Закамье, то есть территория бывшего ядра Волжской Булгарии, густо заселенная в домонгольское время. Соответственно, густо заселенная центральная часть Казанского ханства с его полиэтническим населением на востоке ограничивалась правобережьем нижней Вятки и Камы, а на западе — нижним течением Свияги и восточной частью современных Чувашии и Марий-Эл [5]. Данная ситуация наглядно отражена в соответствующей карте атласа «Tartarica», на которой именно на территории Заволжья и Закамья сосредоточена основная масса археологических памятников XVI–XVIII вв., тогда как памятники XV–XVI вв. сосредоточены, за редким исключением, в Волго-Вятском междуречье [301, с. 272 и сл.].

Что же касается территории расселения башкир в рассматриваемый период, то по этому вопросу единственно для нас доступным и вместе с тем еще не до конца оцененным историками является фольклорный материал.

Историческая память башкирского народа сохранила и донесла до наших дней обширный корпус фольклорных источников и родословных-шежере, которые, при всей неоднозначности их оценок как исторического источника, занимают «почетное место» (Р. Г. Кузеев) в исторических построениях. Как считал Р. Г. Кузеев (и исследователи башкирского фольклора против этого не возражают), «героические сюжеты в башкирском творчестве („Урал-батыр“, „Кузы-Курпэс и Маян-хылу“, „Кара Юрга“, „Кунгар буга“, „Кусяк-бий“ и др.) в поэтических образах воспроизводят события, характерные для средневекового кочевого общества. В этом плане эти памятники дают значительный материал не только для восстановления некоторых картин этнической истории башкир, но и для характеристики внутренней социальной структуры и социальной жизни общества». Аналогичным образом оценивает исследователь и башкирские шежере, которые он (с известной долей условности) определяет как «генеалогические летописи» [173, с. 33, 37].

Ниже мы рассмотрим сведения башкирских преданий и шежере, отражающие пространственно-географическую среду, в которой находились башкирские племена в период создания этих произведений — носителей исторической памяти башкирского народа, без влияния которой процесс этногенеза вообще невозможен. Список координат, маркирующих историческую географию башкирских племен в эпоху Средневековья, достаточно обширен (табл. 8.1).

Самый восточный географический пункт, фигурирующий в башкирском эпосе — **р. Иртыш**, за которую Урал-батыр отгонял врагов (эпос «Конгур-буга») и в верховьях которой жил Карабай («почтеннейший в роде башкирском муж») до присоединения к нему нескольких башкирских семей (эпос «Куз-Курпях»). Где дальше разворачивались события эпоса «Куз-Курпях», предполагать сложно. Например, там фигурируют гора Караташ и озеро Каз-Куле — места становились Карабая. Местоположение этих географических объектов не идентифицируется, но, как сказано в примечании № 6 к эпосу «Куз-Курпях», гора под названием Караташ известна в Абзелиловском районе Башкортостана [35, с. 512]. На Иртыше же находились кочевья Аккубьяка — одного из батыров, освобожденных Алдаром из плена пэрия («Алдар и Зухра»). Из контекста эпоса следует, что Аккубьяк и Алдар принадлежали к разным племенам.

Таблица 8.1. Географические объекты, фигурирующие в башкирских преданиях и легендах

№ п/п	Объект	Предание	Ситуация
1	Гора Иремель	«Конгур-бугэ»	Тандыса увидела исток Идели у горы Иремель
		«Алдар и Зухра»	Гора на расстоянии 2 дней езды от кочевий Алдара на р. Яик
		«Сказание о Мамай-хане»	Место рождения отца Мамай — Мусы
		«Мэргэн и Маянхылу»	Место сбора батыров на борьбу с Нугай-ханом
2	Иренлык	«Конгур-буга»	Местность к югу от Алагау
		«Идукай и Мурадым»	Владения бия, принявшего подданство Золотой Орды
		«Ерэнсэ-сээн»	Пастбища, предлагаемые казахским ханом Абулхаиром башкирскому тархану Акмамбесту для зимовки
3	Сакмар	«Акбузат»	Одна из рек, прорубленных сыновьями Урал-батыра по его завещанию
		«Кара-Юрга»	На берегах Сакмара проживал охотник по имени Кусярбай. Сакмар — та граница, за которой Махтымкулу перестает быть женой Аблая
		«Конгур-буга»	Родина Тандысы, о которой ей пропела старуха Гольхылу
4	Идель (Агидель)	«Муйтэн-бий»	Владения Муйтэн-бия
		«Акбузат»	Одна из рек, прорубленных сыновьями Урал-батыра по его завещанию
		«Идукай и Мурадым»	Места кочевий юрматынцев и табынцев
			Одна из шести рек, текущих с Уралтау («как у вымени шесть сосков»)
	Верховья Агидели Верховья Ак-Идила, гора Тюнгак-тау	«Кара-Юрга»	Кочевья Масем-бая
		«Алдар и Зухра»	Места кочевий башкир-семиродцев
		«Ек-Мэргэн»	Место летовки старухи Тугызак-эби с детьми

№ п/п	Объект	Предание	Ситуация
5	Яик	«Акбузат»	Одна из рек, прорубленных сыновьями Урал-батыра по его завещанию
		«Идукай и Мурадым»	Одна из шести рек, текущих с Уралтау («как у вымени шесть сосков»)
		«Мэргэн и Маянхылу»	Территории, подвластные Нугай-хану
		«Сказание о Мамай-хане»	Место логовок отца Мамай — Мусы
6	Нугуш	«Акбузат»	Одна из рек, прорубленных сыновьями Урал-батыра по его завещанию
		«Идукай и Мурадым»	Места кочевий норматынцев и табынцев
			Одна из шести рек, текущих с Уралтау («как у вымени шесть сосков»)
7	Иртыш-река	«Конгур-буга»	Урал-батыр отгонял врагов за Иртыш-реку
		«Куз-Курияч»	В верховьях р. Иртыш жил почтеннейший в башкирском роде муж — Карабай
		«Алдар и Зухра»	Место кочевий Аккубяка — одного из батыров, освободивших Алдаром из плена пэрия
		«Алдар и Зухра»	Один из пунктов по маршруту следования Алдара и Зухры из кочевья Кидраса в кочевья Алдара
8	Ашкадар	«Мэргэн и Маянхылу»	Территория, подвластная Нугай-хану
9	Дим	«Мэргэн и Маянхылу»	Территория, подвластная Нугай-хану
		«Заятуляк и Хыуыхылу»	Местообитание хана Сакмара между оз. Асликуль и р. Дим
		«Алдар и Зухра»	Гости, приезжавшие на праздник к отцу Зухры
10	Оз. Асылыкуль, Аслыкуль	«Заятуляк и Хыуыхылу»	Местообитание хана Сакмара между оз. Асликуль и р. Дим

11	Карагас-гора на южном берегу озера Асылыкуль	«Заятуляк и Хыухылу»	Гора, на которой конь-тулпар дожидался своего хозяина Заятуляка
12	Озеро Кандра	«Алдар и Зухра»	По рассказу Зухры, ее отец Кидряс, кончая по рр. Кармасан и Чермасан, в середине лета доходил до оз. Кандры
13	Гора Балкантау		Родная земля Заятуляка в ответе его водяному царю. Священное место придемских башкир, место успокоения Заятуляка и Хыухылу
14	Зилаир-река	«Конгур-буга»	Река на пути Тандысы, которая пошла искать ушедшую корову Конгур-бугу
15	Мохац-река		Тандыса упомянула ее в своем ответе старухе Гьюльхылу
16	Алатау-гора		Гора на восток и запад от Урала
17	Курташ, Ряз, Кагыташ		Чуть правее от Алатау
18	Кыркты		К югу от Алатау
19	Гора Сахра		Севернее Алатау
20	Каралык и Иргиз	«Узак-Тузак — последний из рода балабашняков»	Конечный пункт миграции балабашняков (печенегов) из Приазовья на Урал
21	Гора Карагаш	«Куз-Курпач»	В окрестностях становища Карабая
22	Озеро Каз-куле		Место летовки Карабая
23	От устья р. Уфы, впадающей в Ак-Идиль, и вниз по оной по обоим берегам до устья ее Чолман-Идиль. Не только берега реки сей занимают кочевья наши, но и на каждую сторону по пяти дней езды	«Алдар и Зухра	Рассказ Зухры о кочевьях ее отца Кидряса

№ п/п	Объект	Предание	Ситуация
24	Река Бирь	«Алдар и Зухра	Гости, приезжавшие на праздник к отцу Зухры.
25	Озеро Ачелы		Пункты по маршруту следования Алдара и Зухры из кочевья Кидраса в кочевья Алдара
26	Уршак, Горький Узьян, в Уршак впадающий		
27	Реки Узьян, Касмарт, Ик	«Идукай и Мурадым»	Реки, текущие с Уралтау («как у вымени шесть сосков»)
28	Саелмыш	«Муйтэн-бий»	Владения Муйтэн-бия
29	Биштамак, Кизил, Ойсюк	«Сказание о Мамай-хане»	Место зимовок отца Мамай — Мусы
30	Река Танып	«Егет-Кыпсак и девушка-башкирка»	Место, где егет-кыпсак встретил девушку-башкирку
31	Миасс	«Сукем-багыр»	За Миассом Сукем-багыр настиг врагов
32	Юрактау, Куksятау	«Билал и Дусян»	Горы, при виде которых тоскует старый башкир, потерявший сыновей
33	Агаш	«Ерэнсэ-сэсэн»	Пастбища, предлагаемые для зимовки Ерэнсэ

Из зауральских рек в фольклорных произведениях упоминается **р. Миасс**, как рубеж, за которым Сукем-батыр настиг и разбил войско Кусюм-хана (кубаир «Сукем-батыр») ¹.

Объекты башкирского Зауралья в эпических произведениях упоминаются чаще. Прежде всего, это **верховья Агидели** как территория кочевий Масем-бая (эпос «Кара-Юрга»), **гора Иремель** у истоков Агидели, которую Тандыса увидела во время своих странствий по Уралу («Конгур-Буга»), она же как место рождения отца Мамай-хана — Мусы («Сказание о Мамай-хане»), она же как место, расположенное в двух днях пути от кочевий Алдара на р. Яик («Алдар и Зухра»), она же как место сбора батыров, поднятых Мэргэном на борьбу с Нугай-ханом («Ек-Мэргэн»). Там же, в верховьях Агидели, упоминается **гора Тюнгак-тау** как место кочевий башкир-семиродцев («Алдар и Зухра»). В лесах у **истоков Яика** проводил свои йяляу отец Мамай-хана Муса («Сказание о Мамай-хане»).

Долина Ирендыка — место, предлагаемое казахским ханом Абулхайром башкирскому тархану Акмамбету для зимовья («Ерэнсэ-сэсэн»), владения бия, принявшего подданство Золотой Орды («Идукай и Мурадым»), местность, пройденная Тандысой по дороге к Алатау («Конгур-Буга»).

Река Сакмар — один из новых источников воды, прорубленный в Уральских горах сыновьями Урал-батыра по его завещанию («Акбузат»), место обитания охотника Кусярбая и граница, перейдя которую Мактымхылу перестает быть женой Абляя («Кара-Юрга»), родина Тындысы, о которой ей пропела старуха Гюльхылу («Конгур-Буга»), владения Муйтэн-бия («Муйтэн-бий»).

Река Нугуш — также один из источников, прорубленных сыновьями Урал-батыра («Акбузат»), территория кочевий башкир-юрматинцев и просто одна из рек, текущих с Уралтау («Идукай и Мурадым»). И так далее (см. табл. 8.1).

Самые западные топонимы, упоминающиеся в эпических произведениях башкир, — **рр. Бирь и Чолман-Идиль (Кама), оз. Кандра (Кандры-куль)** (эпос «Алдар и Зухра») и **Аслыкуль** («Заятуляк и Хыухылу»). Последние фигурируют в качестве территорий башкирских кочевий: р. Чолман-Идиль и оз. Кандра означали границы кочевий Кидряса — отца Зухры; с берегов р. Бирь приезжали гости на свадьбу Алдара и Зухры; между оз. Аслыкуль и р. Дим (Дёмой) располагались кочевья легендарного хана Сакмара.

¹ Кубаир, правда, поздний, отражающий события не ранее XVII в.

Таким образом, географические реалии, зафиксированные в башкирских преданиях и легендах, обозначают пространство, отложившееся в исторической памяти народа, пространственно-географические координаты его мировоззрения и мировосприятия.

Время формирования башкирского эпоса, по определению исследователей-фольклористов, охватывает период «начиная с эпохи разложения первобытно-общинного строя до зарождения капиталистических отношений в Башкирии», и самыми древними эпическими сказаниями башкир являются кубайры «Урал-Батыр» и «Акбузат» [35, с. 15,17]. Но если в «Урал-Батыре» реальных топонимов, оронимов и гидронимов мы практически не находим, то в «Акбузате» они уже имеются: рр. Яик, Сакмара и Нугуш. С другой стороны, едва ли есть смысл сомневаться в том, что более поздние башкирские сказания складывались уже во время расселения древних башкирских племен на Южном Урале. Следовательно, картографировав упомянутые в них географические реалии, мы получаем карту местностей, занимавших, как уже было сказано, центральное место в мировосприятии древних башкир. И эта карта практически полностью совпадает с картой расселения башкирских племен в XIII–XIV вв., реконструированной Р. Г. Кузеевым на основании данных исторической этнографии [173, карты №№ 3–10]. В реальных географических координатах — это территории, расположенные к северу, северо-востоку и востоку от Бугульминско-Белебеевской возвышенности, в западных и восточных предгорьях Южного Урала.

Так, в низовьях рр. Белой и Ика обитало племя **еней**, а севернее их — племя **гэине** (гайне). И те и другие тюрко-угорского (булгаро-угорского) происхождения. По мнению исследователей (Р. Г. Кузеев, Д. М. Исхаков), это потомки и наследники тех угорских этнических групп, которые в свое время участвовали в формировании этнического облика ранней Волжской Булгарии [132, с. 53; 168, с. 134]. В предмонгольское и золотоордынское время угорский этнический пласт был представлен в регионе чияликской археологической культурой, локализовавшейся в лесостепных районах Южного Приуралья, от низовьев Камы до предгорий Южного Урала в среднем течении р. Белой (см. гл. III).

Далее к востоку, в центральных районах современного Башкортостана, включая весь бассейн р. Демы от ее верховьев до устья, бассейн р. Уршак и верховья Чермасана, располагалась **этническая территория башкирского племени мин** (минг, мингат) тюрко-монгольского

происхождения¹. Восточными соседями минцев в рассматриваемое время являлись **башкиры-табынцы**, своими генетическими корнями, по определению Р. Г. Кузеева, уходящие в древнетюркский мир Центральной Азии и Алтая [168, с. 149, 151].

Историю расселения племени мин в Приуралье Р. Г. Кузеев реконструировал следующим образом: в XII–XIII вв. минцы составляли часть многоплеменного кипчакско-половецкого кочевого мира, основным ареалом обитания которого были степи Восточной Европы от Волги на востоке до Карпат и низовьев Дуная на западе. В XIV в., вследствие целенаправленной административной политики первых ханов Золотой Орды, они переселяются на запад современного Башкортостана, в низовья р. Ик, на берега Зая, Мензели и Сюни [173, с. 301 и сл.]. Суть политики монгольских ханов отечественные историки (Б. Я. Владимирцов, Г. А. Федоров-Давыдов и др.) объясняют через систему **унаган-богол**, представляющую собой установление господства одного наиболее сильного рода над другим родом или несколькими родами. Род, «попавший в унаган-богол, должен был кочевать по новым маршрутам, навязанным ему родом-властелином» [266, с. 237]. В данном случае в унаган-боголе оказались все кочевники восточноевропейских степей, завоеванных монголами в 20-е — 30-е гг. XIII столетия.

В XIV в. минские роды занимают южную часть бельско-уфимского междуречья, постепенно локализуясь в долине р. Демы [173, с. 302].

Аналогичным образом табынские роды, в XII в. бывшие одним из значительных этнополитических объединений на территории Дешт-и-Кипчак («Половецкой степи»), в XIII–XIV вв. переселяются на юго-запад современного Башкортостана (левобережье Демы, верховья Ика, междуречье Бол. Кинеля и Самары), а затем — в Зауралье, в верховья Ая, Юрюзани, Белой и Урала, где они «составили основу северо-восточной географической группы башкир» [173, с. 289 и карта № 10].

Наконец, с юга, со стороны Урало-Поволжских степей, территорию приуральских башкир «подпирали» кочевья ногаев (мангытов) Ногайской Орды. Более того, если во второй половине XVI столетия территорию башкирских и ногайских владений, по сведениям башкирских шежере, разделяла река Самара, то еще в конце XV столетия «улусы мангытских мирз кочевали по Ногайской стороне до впадения

¹ Кузеев Р. Г. Историческая этнография.... С. 151.

Камы (с 1580-х гг. — Самары) в Волгу», а далее к востоку начиналась область расселения башкир [257, с. 469].

Таким образом, этническая карта Урало-Поволжья в период, предшествовавший завоеванию Казанского ханства Москвой, при всей своей многокомпонентности, в своих внутренних очертаниях представляется достаточно четкой. Удмурты — по правобережью Нижней Камы, в междуречье Чепцы и Вятки; еней, гэине, юрми (юрматы) — особые тюрко-угорские этнические группы («иштяки» в источниках XVI–XVII вв.) [132, с. 54 и сл.] — по левобережью Нижней Камы, в низовьях Белой и Ика, в бассейне Зая; башкиры-минцы и табынцы — по левобережью среднего течения р. Белой, между восточными склонами Бугульминско-Белебеевской возвышенности и предгорьями Южного Урала. Между ними и «иштяками» кочевали (на летовках-яйляу) ногаи-мангыты, чья этническая территория располагалась южнее р. Самары.

В этнической карте Урало-Поволжья небольшими, но четко очерченными анклавами в XV — первой половине XVI вв. присутствовали и русские поселения, локализовавшиеся, в основном, по северным районам региона.

Остается только с сожалением констатировать, что обозначенная карта и в настоящее время в большей своей части остается только оболочкой без конкретного содержания, поскольку ни на территории Башкортостана, ни на территории Ногайской Орды целенаправленных археологических поисков и исследований памятников XV–XVI вв. не ведется. Источниковые лакуны на указанных территориях особенно подчеркиваются уже упоминавшимися исследованиями Н. И. Шутовой памятников средневековых удмуртов, Л. Д. Макаровым древнерусских памятников Прикамья и Приуралья и А. А. Бурхановым памятников эпохи Казанского ханства в Высокогорском районе Татарстана (Иске-Казанский историко-культурный и природный комплекс) [48; 49].

На фоне этой, в общем-то, относительно четкой этнической карты в XV — первой половине XVI вв. в регионе разворачиваются довольно динамичные политические события. Через полвека после образования Казанского ханства, в 1489 г., появляются первые сообщения о пребывании в Башкирии ногайских мирз, устроивших там «кочев на Белой Воложке» [257, с. 469]. По всей видимости, это было первое упоминание о ногайских летовках-яйляу на территории современного Башкортостана. Затем последовал ногайский набег 1500 г., очевидно, завершившийся захватом земель по левобережью Вятки [257, с. 469, примеч. 11].

Вместе с тем, по летописным данным, пространство к югу от Камы и к востоку от Волги к этому времени уже представляло собой территорию, подвластную Казанскому ханству. Это обстоятельство позволило Д. М. Исхакову и разделившему его точку зрения В. В. Трепавлову выдвинуть предположение о двойной, ногайско-казанской подчиненности этого края [132, с. 45]. Для приуральских башкир это означало двойное обложение ясаком — как со стороны казанцев, так и со стороны ногайцев. А если учесть то обстоятельство, что отношения между Казанским ханством и Ногайской Ордой в XV — первой половине XVI вв. были отнюдь не дружественными (башкиры-юрми, находившиеся в казанском подданстве, с левого берега р. Ик обстреливали ногайцев, кочевавших по правому берегу этой реки) [173, с. 318], то можно определенно утверждать, что приуральские башкиры чаще всего оказывались «между молотом и наковальней».

В первой половине XVI в. территория современного Башкортостана была поделена между улусами ногайских ханов Шейх-Мамае, занимавшего юг Западной Сибири, и Шидяка, владевшего степями Волго-Уральского междуречья. Башкирские исторические предания и шежере донесли до нас имена некоторых ногайских ханов, в XV — первой половине XVI вв. правивших в Башкирии: Басман, Алтакар, Акназар (Хакк-Назар), Исмаил и Ахмет-Гирей. Среди них историческая память башкирского народа наиболее отчетливо сохранила имя Хакк-Назара (Акназара), правившего в своем улусе с особенной жесткостью. Ставка его находилась в Имэн-кале на территории современного г. Уфы¹.

По исследованиям В. В. Трепавлова, Хакк-Назар принадлежал к роду Джучидов и в 30-е гг. XVI в. являлся наместником (нурадином) правителя левого крыла Ногайской орды Шейх-Мамае на территории современного Башкортостана. При нем башкирские племена впервые были обложены налогом, башкирские бии — поставлены в положение ногайских вассалов и осуществлялась усиленная исламизация башкир [257, с. 205–207]. После Хакк-Назара, в 1537 г. ставшего ханом казахов и ногайцев, наместником в Башкирии был хан Исмаил. В 40–50-е гг. XVI в. он становится главным нурадином и предводителем правого, Волго-Уральского, крыла Большой ногайской орды

¹ Пока, по имеющимся археологическим данным, на место ханской ставки могут претендовать Уфимское (Чертово) городище на территории санатория «Зеленая роща» или Кара-Абызское городище под г. Благовещенском, на которых известны материалы XV–XVI вв.

и в этом качестве начинает сотрудничать с царем Иваном IV в период «Казанского взятия».

Драматические перипетии «Казанского взятия» приуральских башкир практически не коснулись — им в это время приходилось решать свои, не менее сложные проблемы. В первой половине 1550-х гг. Большая ногайская орда раздирается внутренней «смутой», основной причиной которой была борьба за власть между Исмаилом и его старшим братом бием Юсуфом. Поводом к обострению конфликта явился отказ Исмаила участвовать в организуемой Юсуфом поддержке Казанского ханства в его борьбе с царем Иваном IV. После взятия русскими войсками Казани в 1552 г. часть «проюсуфовски» настроенных ногайских мурз пытались увести башкир на юг, в ногайские степи [152, с. 190]. В свою очередь, сторонники Исмаила готовились совместно с русскими завоёвывать Астрахань и, не исключено, пытались привлечь к этому делу башкир. Вполне вероятно, что этот внутренний «раздрай» в Ногайской орде, приведший к гражданской войне, надоел башкирским биям, и они выбрали свой путь. Хотя и у самих башкир-минцев внутренние дела обстояли в то время не совсем гладко. Родословная (шежере) башкир Минской волости, дошедшая до наших дней в записи 1896 г., исследованная и опубликованная уфимским языковедом Р. М. Булгаковым, повествует о ссоре и стычках между родами Кара-Кильмет-бия и Аксак-Килемет-бия, вследствие чего часть минцев ушла из этих мест, а оставшиеся, во главе с Канзафар-бием, приняли подданство царя Ивана IV. Вместе с ним остались его родственник Чублюк, а также бии Урман, Туман и Тенекей [33, с. 265 и сл.].

Зимой 1555 г., когда в Москве Иван IV принимал посольство Исмаила, в Казань с берегов Дёмы на лыжах пришли послы минских башкир во главе с биями Канзафаром, Урдасем, Чублюком, Урманом и Туманом. Иван IV, узнав от послов, «чем изобильна земля их», милостиво принял башкир под свою державную руку и «обложил башкирцев лёгким ясаком, — кого лисицей, кого куницей, а кого мёдом и пожаловал землями». Кроме платежа ясака в царскую казну башкиры должны были за свой счет нести военную службу. В конце 1566 г. состоялось повторное посольство минцев к Ивану Грозному. На сей раз, согласно шежере, в его составе находились «князь» (бий) Янбакты а также Уразлы, сын бия Урмана, Камачык, внук Чублюка, и Махмуд, внук Канзафар-бия. 9 февраля 1567 г. был составлен документ, которым подтверждался ясак размером в 171 куницу и 18 батманов меда (батман — 10 фунтов или 4 с небольшим кг) [33, с. 268].

Вслед за минцами «белому падишаху» покорились башкиры-юрматынцы в лице Татигч-бия, Азнай-бабы, Ильчиктимер-бабы и Кармыш-бабы, получив оставшиеся от бежавших ногаев земли по левобережью р. Белой, от устья Уршака до верховьев Ашкадара, на условиях выплаты ясака в 100 кунц [33, с. 59]. Произошло это, судя по сведениям юрматынского шежере, в 1553/1554 г. (по юлианскому летоисчислению), поскольку уже в следующем 1554/1555 г. (в шежере, соответственно, указаны года хиджры — 961 и 962) юрматынцы уже доставили в Москву свой первый ясак в размере 100 кунц [33, с. 59].

Примерно в это же время (в шежере не сказано точно — когда) русское подданство приняли племена усерген (князь Бикбав), бурджан (бурзян) (князь Искибий), кыпчаков (князь Мешавли Каракуджак) и тамьянцев (князь Шагали Шакман) [33, с. 151]. В течение 1554 и начала 1557 гг. в состав Русского государства вошла почти вся территория современного Башкортостана, кроме северо-восточной зауральской части.

Вместе с тем мотивация вхождения в русское подданство у каждого из башкирских племен была своя. Так, если минцы и юрматынцы сами пошли в Казань, покорились царю Ивану IV, просили землю, получили ее и согласились платить ясак, то усергены, кыпчаки, тамьяны и бурзяны, согласно их шежере, были вызваны царем в Казань, взяты им под покровительство, просили дать им землю, получили ее, назвали себя подданными и также согласились платить ясак. Что же касается иректинских башкир, в XV — начале XVI вв. переселившихся из-за Урала в долину Ика, то они должны были служить казанским ханам [173, с. 319]. В частности, в начавшейся войне между Москвой и Казанью иректинский хан Исян помогал казанцам боеприпасами («приказал своим родам-народом настрогать стрел и натесать луков и отправил все это в Казань»). Однако после падения Казани «Исян-хан и его братья и другие земляки перепугались» и ушли в подданство к царю Ивану IV [33, с. 383 и сл.]. Но в общем у башкирских биев не было сил, чтобы противостоять натиску могущественных соседей: «трем великим <ханам> уплачивали ясак. Доставляли из этих мест и платили. Что же делать малому народу?» — башкиры-минцы; «и вот я, Татигач-бий, ничего другого придумать не имея случая...» (в связи с взятием Казани Иваном IV) — башкиры-юрматынцы; «А что если хан Казани придет сюда с огромным войском и разрушит наш иль? — и посчитали нужным искать защиты у русских» — иректинцы [33, с. 57, 266, 383]. В этой ситуации протекторат растущего и динамично развивающегося Московского государства являлся наиболее

оптимальной формой сохранения экономической самостоятельности и этнической целостности приуральских башкир.

Таким образом, политическая ситуация в Урало-Поволжском регионе, в ходе которой башкиры оказались между двумя государствами, враждовавшими между собой, поставила башкирских биев перед необходимостью поиска оптимального пути сохранения собственной этнической цельности и самосознания. Ни Казанское ханство, ни Ногайская Орда, раздираемые внутренними неурядицами, на роль надежного созерена в той ситуации явно не годились, а потому выбор был сделан в пользу более сильного — Московского государства.

Свое вхождение в состав Русского государства башкирские племена юридически закрепляли обязательством выплачивать **ясак**. По всем определениям, данным в классических словарях и энциклопедиях, **ясак** — натуральная подать, которой в царской России облагались нерусские народы, занимавшиеся охотничьим промыслом (в Поволжье с XV–XVI вв., в Сибири с XVII в.). Ясак вносился в казну соболями, лисицами, бобрами, куницами и другой пушниной («мягкой рухлядью»), а иногда и скотом. Все эти меха составляли для казны важный источник дохода и серьезную статью отпускной торговли [47].

Ясак назначался для каждого племени или рода в отдельности, «смотря по людям и промыслам» [47]. Уплата ясака служила **внешним выражением подданства**. У кунгурских татар и башкир ясак был **поземельным сбором**, у некоторых народов Сибири — поголовным, у якутов — по количеству принадлежащего скота [243; 245, с. 991]. Судя по данным шежере, башкирские племена платили ясак куньими, лисьими, беличьими мехами, медом (минцы, иряктинцы) и реже — лошадьми [33, с. 414 и сл.]. Ясак распределяли по **тюбям** в зависимости от количества занимаемой земли. Тюбя (тюба, аймак) — совокупность нескольких семей, находившихся между собой в отношениях кровного родства. Каждая тюбя имела свое название, единую тамгу, которая модифицировалась по семьям, являлась совместным владельцем родовой земельной вотчины. Члены тюбы расселялись компактно на общей территории, предводительствуемые старостами. Несколько тюб объединялись в племя (уру, иль). Племенные вожди — **мирзы, тарханы** — от уплаты ясака освобождались [33, с. 58]. Ясак башкиры рассматривали как неотъемлемую часть их права на землевладение, что юридически фиксировалось в ясачных книгах, хранившихся в Казани и Москве ¹. В XVIII–XIX вв. ссылки

¹ До наших дней ни одна из ясачных книг не сохранилась.

на запись в ясачной книге являлись достаточно веским основанием для доказательства прав того или иного рода на занимаемые им земли [260, с. 194].

После вхождения Приуральской Башкирии в состав Русского государства география расселения башкир начинает меняться. В первую очередь — вследствие расширения теперь уже вотчинных башкирских земель. Последние прирастали за счет бывших ногайских кочевий. Любопытные сведения о территориях расселения башкирских племен в период их вхождения в состав Русского государства мы находим в башкирских шежере, составленных, если исходить из содержания дошедших до нас родословных, именно в это время или чуть позже. Или, по словам составителей и переводчиков последнего по времени свода шежере, — в эпоху «многовековых усилий всего башкирского народа спасти от внутреннего разложения и внешнего разрушения родовой строй» [33, с. 28]. В них также приводятся реальные топонимы и гидронимы, обозначавшие территории обитания того или иного племени (табл. 8.2).

Нанеся эти топонимы и гидронимы на карту, мы получаем картину, аналогичную географической карте башкирского эпоса. Все пункты, обозначающие систему географических координат исторической памяти башкир, располагаются за пределами Бугульминско-Белебеевской возвышенности, в предгорьях Южного Урала или прилегающих к нему с юга степях. О чем это говорит? Прежде всего о том, что в исторической памяти башкир Бугульминско-Белебеевская возвышенность как центр «Древней Башкирии» [173, с. 438] не отложились. Почему? По всей видимости, потому, что таковой она и не была.

Таблица 8.2. Географические объекты, представленные в башкирских шежере

№ п/п	Объект	Шежере	Ситуация
1	Реки Зай и Шешма	Юрматы, № 2	Места ногайских кочевий и юрт предков юрматинцев
2	Кара-Елга (Черная речка)		В 1409 г. найдена могила святого
3	Река Шадлык (Шатлык)		Место юрматинских кочевий после 1409 г.
4	Реки Сакмара, Джаик (Урал), Идель		Места ногайских кочевий
5	Реки Нутуш и Кукуш		Верхняя и нижняя межа бывших ногайских кочевий, занятых юрматинцами
6	Реки Ашкадар и Нутуш		Первая тюба юрматинцев
7	Реки Тор и Селеук		Вторая тюба юрматинцев
8	Горы Турагау, Шахтау, Куштау от устья Стерли, верховья Куганака и Уршака, р. Асава		Третья тюба юрматинцев
9	Устье Уршака, Асавы, г. Юрактау, долина Краутугай, Зиган, верховья Каламана, Тора, Шинешмы		Четвертая тюба юрматинцев
10	Реки Сухайля, Тюрюшля, Ташлыир	Юрматы, № 3	Места юрматинских кочевий
11	Течение р. Джаик (Урал) от Сарымсака до Буззавыла, рр. Кизил, Сакмара, Зилаир, Асселе, Ускалык, Сурени, Саялмыш, Меню, Кривле, Иртюбяк, Сарлак, Мряушли, Калмак, Бишазы, Илимсат, Сакмара, Ляимберды, Таналык	Документ о разделении земель, выданный Иваном Грозным. № 9	Владения тунгаур и усерган

12	Реки Сарымсак, Камелик, оз. Дюрткуль		Владения бурзян
13	По р. Джаик от Сарайчыка до Бузджавы (Бузсаваыл), Сакмара, Аселе, Ускалык, Су-рени, Меню, Иртыбьяк, Чарлак, Мряушли, верховья Калмаша, Лаимберды, Таналык, Камышлау, Джим, г. Ук, оз. Дюрткуль	Документ о разделении земель, выданный Иваном Грозным, № 10	Владения усерген, қылчаков и тамьянцев
14	Река Миач (Миасс)	Иряткинские родословные (северо-западные башкиры)	Место жительства предка Ирякте
15	Река Ай	Айлинская родословная № 11	Место, куда пришел и жил сын Иштяка Бекатун
16	Устье р. Уфы	Родословная Юмран-Табынской волости	Место, где проживали Янеш, Бабеш и другие родоначальники айлинцев
17	Река Самара и ее приток р. Ток		Место обитания дуган-табынов, кичи-табынов и др. 12 табынских родов
18	Чусовая, Чулман (Кама), Пермь, Оса, Оханск, Барда, Тулва		Место, где осел Туктар-бий, сын Хани Углана, пришедшего из Астрахани
19	Р. Танып	Иряткинские родословные (северо-западные башкиры)	Места странствий Абтал-бия — предка иряткинцев
20	Р. Буй		Место обитания башкир тазлар
21	Р. Туй, Байки		Место обитания башкир уран
22	Устье р. Мелля		Место обитания башкир ирякте
			Место, где Абдал-бий нашел свободные земли для будущего поселения

С точки зрения хозяйственно-культурного типа средневековых башкирских племен, основу которого составляло кочевое скотоводство, это вполне естественно и объяснимо. Бугульминско-Белебеевская возвышенность, сильно эрозированная и расчлененная руслами стекающих с нее рек местность, поднятая над уровнем моря на высоту 200–480 м, еще в середине XIX в. представляла собой типичную лесостепь [168, с. 50, рис. 2]. Для нее характерна вертикальная дифференциация ландшафта: глубина врезания русла стекающих с нее рек 100–150 м, склоны сыртов — ступенчатые, вершины их покрыты лесом [31, с. 553 и сл.]. Мощностъ снежного покрова 40–60 см, и сохраняется он по склонам оврагов и речных русел 160–180 дней, до первых чисел мая. К середине августа трава по склонам возвышенности выгорает, стекающие с нее реки пересыхают [247, с. 38; 268, с. 72]¹. Если древние башкиры и использовали экологический потенциал Бугульминской возвышенности, то в очень ограниченное время, а зимовать уходили в степь, в заросшие камышом поймы Урала и Самары, или еще южнее, в прикаспийские и приаральские степи [126, с. 110]. Но так могло быть не далее чем до завоевания монголами Восточной Европы и возникновения Золотой Орды.

И опять-таки, очевидно, не случайно именно в XIII–XIV вв., по данным Р. Г. Кузеева, очерчиваются районы расселения башкирских племен на довольно ограниченной территории от верхнего течения р. Урал на востоке до низовьев Белой и Демы на западе, то есть реальная, а не мифическая «Древняя Башкирия». На формирование очертаний ее географических границ, безусловно, влияла административная политика первых золотоордынских ханов, направленная на освобождение степных пространств Восточной Европы от предшествующего половецко-кипчакского населения путем переселения последнего на окраины Степи.

Судя по сведениям башкирских шежере, накануне и в период вхождения башкир в состав Русского государства географические координаты этнической территории башкир определялись этнополитическими факторами, действовавшими на территории Урало-Поволжья. Первый — распространение ногайских кочевий вплоть до устья Камы — в конце XV столетия [257, с. 469]. Второй — переселение части башкирских племен (юрматы) на земли, освободившиеся по

¹ Эти данные подкрепляются и личными наблюдениями В. А. Иванова в 80-е гг. прошлого столетия.

левобережью Средней Белой после ухода оттуда следом за взятием русскими Казани ногаев [33, с. 57].

Таким образом, сведения башкирских эпических и исторических преданий и родословных-шежере позволяют сделать ряд выводов относительно исторической географии башкирских племен в эпоху позднего Средневековья. Прежде всего, нам, очевидно, следует исключить территорию Бугульминско-Белебеевской возвышенности из ареала консолидации древне-башкирских племен и формирования древне-башкирского этноса. Соответственно, возникает необходимость откорректировать наши представления о границах «Древней Башкирии» в том виде, как они реконструированы Р. Г. Кузеевым: «Бугульминская возвышенность с левобережья Белой на востоке и до левых притоков Волги на западе с прилегающими с юга степями...» [173, с. 438].

Немногочисленные и невыразительные археологические памятники на территории возвышенности, о которых речь шла в предыдущих главах, показывают только то, что средневековые кочевники Приуралья (башкиры — в том числе) использовали эту территорию в хозяйственных целях, не более того. А постоянно звучавшие и звучащие «заклинания» о «белых пятнах» на археологической карте Бугульминско-Белебеевской возвышенности и о необходимости «лучше искать»¹ сейчас уже выглядят не более чем желанием как можно дольше сохранить имидж данной территории, занимающей большую часть современного Башкортостана, как географического центра башкирского этногенеза и вообще всей «Древней Башкирии». Последняя, если верить Н. А. Мажитову, простиралась едва ли не от Волги до Иртыша. Что же касается реально существующих данных, отложившихся в башкирских исторических преданиях и шежере, то они границы «Древней Башкирии» очерчивают на территории между долиной р. Дема и западными предгорьями Южного Урала, а также в восточных предгорьях Южного Урала, от р. Миасс на севере до Сакмары — на юге.

Первоначально административным центром вновь присоединенных к Русскому государству завожских и приуральских земель была Казань — место сбора ясака. Однако его доставка туда оказалась делом хлопотным да и не безопасным. Прежде всего, потому, что ногайские ханы продолжали рассматривать башкирские племена и Башкирию как своё владение. Так, в конце 1550-х гг. Исмаил, ставший

¹ Рефрен, постоянно звучавший у Р. Г. Кузеева в его дискуссиях с одним из авторов этой книги.

к тому времени ханом Ногайской орды, назначил наместником над башкирами (нурадином) бия Динбая бей Исмаила, который должен был по-прежнему собирать ясак для ногайского хана, что он и делал, снаряжая для этого специальные военные экспедиции. Поэтому в 1573 г. башкирские старшины обратились к царю Ивану Грозному с «челобитьем» о постройке на их территории крепости «не только для одного того, чтобы им положенный на них ясак тут, как внутри их жилищ, платить было льготнее, но и от неприятелей бы иметь им здесь убежище и защиту» [236, с. 263]. В 1574 г. на Уфимском полуострове был возведен острог (крепость), получивший название Уфимского, который в 1586 г., уже при царе Федоре Ивановиче, получил статус города.

Основатель и первый строитель Уфимского острога воевода Иван Григорьевич Нагой приходился каким-то родственником царю Ивану Грозному (последняя, седьмая по счету жена царя Мария Федоровна, мать царевича Дмитрия, происходила из рода Нагих). Правда, в Уфе он воеводствовал недолго и в 1577 г. уже участвовал в Ливонской войне. Достраивать Уфу уже в статусе города, надо полагать, пришлось его родственнику Михаилу Александровичу Нагому, прибывшему сюда на воеводство как раз в 1586 г. и управлявшему городом с небольшими перерывами до 1605 г. Первоначально Уфимская крепость занимала небольшую площадь, не более 1,2 га на площадке, где сейчас стоит монумент Дружбы, огороженной дубовой стеной (отсюда башкирское название «Имен-Кала» — Дубовый город) с двумя восьмиугольными проездными башнями — Михайловской (северная) и Никольской (южная) — и одной караульной башней — Наугольной, располагавшейся в северо-восточном углу кремля. Внутри кремля находились деревянная церковь Казанской Божьей Матери, икона которой «явилась» на этом месте в 1559 г., дом воеводы, пороховые погреба, хлебные склады, приказная изба, тюрьма и другие казенные постройки. Немногочисленные горожане (в 70–80-х гг. XVII в. в Уфе насчитывалось 58 дворов и 162 посадских жителя) селились в основном у восточного подножия Уфимского кремля, по правому берегу р. Сутолоки (нынешняя улица Посадская — самая старая в Уфе).

Но уже в начале XVII в. население города растет за счет, главным образом, приезжавших сюда служилых людей и ссыльных. Например, в 1606 г. царь Василий Шуйский выслал в Уфу дьяка Афанасия Власьева, который выступал в качестве представителя Лжедмитрия I во время его сватовства к Марине Мнишек. «Жительства свои» новопоселенцы устраивали между оврагами, со всех сторон окружав-

шими город. Эти новые «жительства» нуждались в защите, поэтому в начале 40-х гг. XVII в. строятся новые стены («верхний острог»). Общая длина их была более 2 км, и они охватывали город полукругом, концами упираясь в берег р. Белой. В «верхнем остроге» было уже шесть ворот — Казанские, Ильинские, Фроловские, Сибирские, Спасские и Успенские, получивших свои названия от располагавшихся рядом церквей и Успенского мужского монастыря. От этих ворот начинались и старинные уфимские улицы — Фроловская (ныне прибрежный парк), Ильинская (Заки Валиди), Казанская (Октябрьской революции), Сибирская (Мингажева). В кремле на месте сгоревшей деревянной Казанской церкви был построен каменный Смоленский собор во имя чудотворного образа Смоленской Божьей Матери (собор освятили в 1616 г.)¹.

Кроме городской ограды, полуостров, на котором стояла тогда Уфа, был защищен засекою — земляным валом со рвом и палисадом, начинавшимся недалеко от Уфимского (Дудкинскогo) перевоза и доходившим до р. Белой. В середине этой засеки была устроена сторожевая башня с воротами, от которой по всему протяжению засеки производились непрестанно караульные разезды.

Большинство населения Уфы первоначально составляли служилые люди — стрельцы, подчиненные стрелецкому голове. Они делились на сотни во главе с сотниками, полусотни во главе с пятидесятниками и десятки с десятниками. Воеводскую канцелярию составляли подьячие, целовальники (сборщики податей), писцы и толмачи (переводчики с башкирского и татарского языков). В начале XVII в. в городе появляются и торговые люди — купцы. Среди последних выделяются т. н. «тезики» — купцы, приезжавшие сюда из Средней Азии, для которых в Уфе строились специальные дворы [260, с. 220].

В начале XVIII в. город растет в северо-восточном направлении. В верховьях Сутолоки возникает Татарская слобода, где жили участвовавшие в строительстве Уфимской крепости волжские татары. За рекой Сутолокой — Московская слобода (ныне микрорайон «Дружба» за Сергиевской церковью), в которой поселяются уфимские дворяне и стрельцы, высланные в Уфу Петром I после раскрытия заговора стрелецкого головы Ивана Циклера, и казаки.

Вообще городовые (служилые) казаки изначально составляли неотъемлемую часть уфимских первопоселенцев, поскольку их при-

¹ Взорван в 1956 г. по распоряжению городских властей, как «аварийное здание».

существование в отряде воеводы Ивана Нагого указывается в источниках, наряду со стрельцами, пушкарями и детьми боярскими. Первоначальная численность Уфимских казаков не известна, но по данным на 1681 г. в уфимском гарнизоне числилось 165 конных казаков, а в конце XVII в. — уже 400. Топонимия города Уфы указывает на район первоначального размещения Уфимской казачьей станицы. Это левый берег р. Сутолоки, напротив Уфимского кремля, вверх от которой начинается улица Будановская (ныне — Егора Сазонова), названная по имени первого уфимского казачьего атамана Буданова.

Местоположение г. Уфы при слиянии трех рек — Белой (Агидель), Уфы (Караидель) и Демы — было выбрано не случайно: здесь сходились границы четырех дорог (Казанской, Осинской, Сибирской и Ногайской), а недалеко от Уфы, на Чесноковской горе, традиционно проводились всебашкирские йыйыны (съезды), на которых решались важнейшие вопросы управления краем.

Условия, на которых московский царь принимал под свою власть башкир, вполне устраивали, в первую очередь, башкирскую племенную знать. Башкиры обязывались платить ясак и нести военную службу за свой счет. За это Москва, во-первых, как уже было сказано, на основании **тарханных грамот** освобождала биев и мирз (мурз) от уплаты ясака. Во-вторых, Русское государство брало на себя защиту башкирских земель от набегов и грабежей со стороны соседних племен и народов, от попыток кочевых ханов подчинить башкир своему господству. В-третьих, московское правительство обещало не вмешиваться во внутреннее управление башкир, не притеснять мусульманскую религию, соблюдать обычаи и обряды местного населения [126, с. 147]. Но главное — московский царь гарантировал земельные права башкир, признав за их общинами **вотчинное право** на занимаемые ими земли.

Само по себе понятие «вотчинное право» в отечественной юрисдикции появилось достаточно поздно и было введено в оборот в XIX в. К. П. Победоносцевым в его «Курсе гражданского права». По определению автора, «вотчинное право» предполагает исконное владение. Причем, обоснование этого владения может быть разным: «один может сказать: я владею потому, что всегда владел так, другой — потому что владел, пока не захватили моего владения; третий — потому что крепость моя указывает здесь мое владение и т. п. Во всех таких претензиях при межевании дело еще не касается вопроса: **точно ли владелец есть законный собственник владимой дачи, правильны ли крепостные акты его, правильно ли дошло**

к нему владение (выделено нами. — *Авт.*). Надлежит только разобрать, из каких урочищ составляется и какою чертою определяется местность дачи, и кого межевание застало в ней владельцами, и сколько у кого во владении найдено или сколько должно быть записано на основании тех правил, которые общим законом государственного межевания постановлены на случай неизвестности, сомнения или спора о действительном владении. К разрешению этих только вопросов и стремится государственное межевание. Оно разрешает споры о моем и твоём только в одном смысле: где лежит на сей раз мое и твоё; но не решает вопроса о моем и твоём в смысле гражданского права, т. е. что должно по праву быть моим как собственное, и что твоим, что моя, что твоя вотчина».

Вот, собственно говоря, в чем и заключается основное содержание понятия «вотчинное право» — **определить, кому, чего, где и сколько принадлежит в данный момент.** Термин этот — сугубо юридический и в практической жизни XV–XVI вв. едва ли применявшийся. Очевидно, правильное будет считать, что земельные отношения Московского государства с башкирскими племенами воспринимались и юридически оформлялись через призму понятия «вотчина», известного на Руси с глубокой древности. В энциклопедическом словаре Брокгауза и Евфрона вотчина определяется как «термин древнерусского гражданского права для обозначения земельного имущества с правами полной частной собственности на него» [47]. В Московском государстве вотчина противопоставлялась поместью как земельному имуществу условному, временному. В таком содержании понятие «вотчина» сохраняется вплоть до XVIII в., когда указом от 23 марта 1714 г. она была, по сути, смешана с поместьем под общим наименованием «недвижимое имущество вотчина». Окончательное юридическое оформление вотчины происходит в XIV в. когда этим термином стали обозначать все, доставшееся от отца сыну. В XII–XIII вв. «термин вотчина возвышается до термина государственного права, когда ею хотят означить территорию известного удела или отвлеченное право какого-либо князя владеть какою-нибудь областью: так московские князья и цари называют своею вотчиною Новгород Великий и Киев». Превращение Московского княжества в Московское государство сопровождалось юридическим сближением понятий «вотчина» и «поместье» в том плане, что и с того, и с другого теперь требовалась исполнение военной службы: чтобы «в службе убытка не было и земля бы из службы не выходила». Здесь под словом «„земля“» равно разумеется и поместье, и вотчина; в Московском царстве с во-

тчины отбывается такая же обязательная служба, как и с поместьем...». Основных типов вотчинного землевладения в Московском государстве было три: 1 — собственно «вотчина» (родовая, старинная); 2 — «купля» и 3 — «жалованье» (государева «дача»). Существенная разница между этими тремя типами заключалась в правах распоряжения. Наиболее обширными правами обладали владельцы купленных вотчин («купель»). Права владельцев родовых вотчин ограничивались государством (владелец родовой вотчины обязан был учитывать имущественные интересы других «вотчичей» (то есть, лиц, имевших отношение к данному владению), а права распоряжения жалованными вотчинами подчинялись условиям, излагавшимся в **жалованных грамотах** [47]. Причем, до XVII в. жалованные грамоты не имели одного определенного образца и составлялись применительно к каждому конкретному случаю. И только в конце XVII в. появляются грамоты единого образца, по которым «владельцам пожалованных вотчин предоставляется право продавать, закладывать и в приданое отдавать; нельзя было только отдать в монастырь по душе» [47].

Итак, каковым же, с точки зрения московской юрисдикции XVI в., был статус земель, закрепленных за башкирскими племенами после вхождения их в состав Русского государства? Совершенно ясно, что не «купля». Со всей очевидностью, земли эти со стороны Москвы воспринимались как вотчины родовые и жалованные. Со вторыми более или менее ясно — юрматынцам были **пожалованы** земли, освободившиеся после ухода ногайцев: «От бежавших ногаев оставшиеся земли мы нижайше **просили дать нам и получили их**» (здесь и далее выделено нами. — *Авт.*) [33, с. 57]. Иряктинцы также после долгих скитаний «обратились к Русскому государству, мечтая стать хозяевами всех своих юртов, оно **наделило их землей**» [33, с. 361]. Бурзянские, кыпчакские, тамьянские и усерганские бии, сходя в Казань и присягнув царю Ивану IV, **приняли пожалованные им земли** [33, с. 109]. Правда, в другом шежере (копия 1902 г.) говорится о том, что эти же бии «подали нижайшее прошение обмерить и **дать им их земли и воды**» [33, с. 156].

Единственные владения, которые, по данным шежере, могут рассматриваться как родовые вотчины, это владения башкир-минцев. Во-первых, в сообщении о принятии подданства Русского государства в минском шежере вообще ничего не говорится о том, чего минцы просили и что они получили. Во-вторых, зато при царе Алексее Михайловиче, чтобы избежать распрей, сыновья Канзафар-бия и Чюблек-бия решили **земли свои** поделить между собой, для чего в Москву было

послано специальное посольство, «чтобы они скрепили в книге... ныне уплачиваемый нами милостивому великому падишаху нашему ясак — сто семьдесят одна куница, восемнадцать батманов меда» [33, с. 268]. Таким образом, с точки зрения юрисдикции XVI–XVII вв., башкирские вотчинные земли в большинстве своем являлись «жалованными» со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Вхождение башкирских племен в состав Русского государства по времени совпало с процессом сближения юридического характера помещного и вотчинного землевладения. По своему содержанию процесс этот сопровождался распространением принципов помещного землевладения на вотчинное. Или, говоря другими словами, теперь кто владеет землей, тот должен был служить. В противном случае он переставал быть земельным вотчинником. Право распоряжения вотчинами ограничивалось. На вотчинное землевладение налагалась служебная повинность в одинаковой степени, как и на землевладение помещное. «Следовательно, вотчиной могло владеть только лицо физическое или юридическое (выделено нами. — *Авт.*), способное нести военную службу лично или через своих вооруженных слуг. Отсюда законы (1562 и 1572 гг. — *Авт.*) стали ограничивать право распоряжения вотчинами, чтобы помешать их переходу в руки, неспособные к службе, или помешать их выходу из рук способных, т. е. предотвратить ослабление служебной годности служилых фамилий» [145, с. 254 и сл.].

В. О. Ключевский отмечал также, что во второй половине XVI в. «во множестве исчезали вотчины, владеемые исстари, унаследованные от отцов и дедов, во множестве стали являться вотчины новые, недавно купленные, вымененные, **чаще всего пожалованные** (выделено нами. — *Авт.*). Благодаря этому движению юридическое понятие о частной гражданской вотчине, завязавшееся в период удельного дробления Руси или унаследованное от предыдущих веков, но еще не успевшее устояться, укрепиться при недавнем господстве родового владения, — теперь это понятие снова замутилось и поколебалось. Причина этого колебания сказалась и в законе 1572 г., в котором от старинных вотчин боярских отличены вотчины „государского данья“, т. е. жалованные государем, и о них постановлено, что в случае бездетной смерти владельца с ними должно поступать, как обозначено в жалованной грамоте; если же в грамоте вотчина написана только самому боярину лично, то по смерти его она возвращается к государю... Оба условия также вели к тому, что вотчина, подобно поместью, переставала быть полной частной собственностью и становилась владением обязанным, условным» [145, с. 255].

Все, сказанное выше, относится к частновладельческим вотчинам. Но как, с точки зрения юрисдикции Русского государства, выглядели вотчины башкирских племен? Шерть (присягу) на подданство государю давали конкретные лица — бии. Ясак собирали и предоставляли в царскую казну конкретные лица — старосты и тарханы. Они же несли надлежащую военную службу вместе со своими сородичами и соплеменниками, с позиций московской администрации, по статусу своему мало чем отличавшимися от слуг и «холопей» любого московского боярина-вотчинника или дворянина-помещика. А коль скоро так, опять же, возникает вопрос — а чем, в контексте московской юрисдикции второй половины XVI в., башкирские вотчины отличались от вотчин, жалованных московскому боярству и служилому дворянству? Ответ может быть один — единственно лишь тем, что жалованные грамоты ¹ на земли выдавались не конкретному бию имярек ², а всем табынцам, минцам, бурзянам, тамьянам и др. Но, опять-таки, с точки зрения московской власти, все эти земли были **пожалованными**, следовательно, владельческими условно.

Исходя из этого центральная московская власть считала себя в полном праве использовать государственные земли (включая и башкирские вотчины) по своему политическому усмотрению. Первый пример такого подхода — разрешение в середине XVII в. калмыкам кочевать в пределах башкирских земель. Начиная с 20-х гг. XVII в., калмыки вторгались на башкирские территории по Яику, Ори, Кизылу и Сакмаре. Это вызывало естественное сопротивление со стороны башкир, и государство до поры до времени поддерживало их. Однако после вхождения калмыков в состав Русского государства в конце 50-х гг. XVII в. им были предоставлены кочевья между Яиком (Уралом) и левым берегом Волги от Царицына до р. Самары. Но именно земли по Самаре башкиры считали своими и на действия правительства ответили восстанием 1662–1664 гг. [4, с. 91–93].

Второе восстание, потрясшее Башкирию через 20 лет (1681–1684 гг.), было спровоцировано опрометчивой, в общем-то, политикой правительства по христианизации приуральского населения и раздаче земель монастырям. Характерно, что здесь центральная власть нарушила сразу два своих же собственных положения: невме-

¹ Которые никто из современных историков не видел и едва ли теперь уж увидит.

² Хотя они и выделялись из общей массы вотчинников, получая титулы тарханов и освобождаясь тем самым от ясака.

шательства в дела башкирской веры и запрета на передачу вотчинных земель церкви (последнее было закреплено указом 1672 г.). Поэтому не случайно, что в этом восстании башкир поддерживали мордва и мари-йцы [4, с. 111].

Следующее восстание 1704–1711 гг. было вызвано введением помимо ясака новых налогов — на улы, бани, свадьбы, печи, мельницы, мечети и др. — и изъятием в казну части башкирских лесных и рыболовных угодий (проект т. н. прибыльщиков, разработанный А. Д. Меншиковым для пополнения казны) [4, с. 123]. Здесь опять имело место нарушение прав башкир-вотчинников в том виде, как они это себе понимали. Во-первых, изъятие части вотчинных владений, которые, с позиции власти, являлись жалованными, а потому — подведомственными государству; во-вторых, обложение башкир дополнительными налогами, что приравнивало их к основной массе податного населения России, то есть как бы принижало их социальный статус.

То есть башкирские восстания второй половины XVII — начала XVIII вв. имели конкретные причины, главным образом — экономические, и в них ни разу не звучали лозунги политического характера: выход из состава России, переход в иное подданство и т. п. [126, с. 206–214]. Отсутствие у приуральского населения устойчивых земледельческих традиций способствовало тому, что башкиры и после их переселения в приуральскую лесостепь еще длительное время продолжали оставаться полукочевыми скотоводами и охотниками. Об этом нам сообщают как средневековые авторы, наблюдавшие башкир еще накануне и во время монголо-татарского нашествия, так и сюжеты дошедших до наших дней произведений башкирского народного эпоса. Так, католический монах Гильом Рубрук, в 1253 г. проезжавший через Волго-Уральские степи, писал о башкирах (у Рубрука — «паскатиры»), что «это пастухи, не имеющие никакого города; страна их соприкасается с запада с Великой Булгарией. От этой земли к востоку, по упомянутой северной стороне, нет более никакого города. Поэтому Великая Булгария — последняя страна, имеющая город...» [111, с. 142]. Основное занятие героев башкирских эпических сказаний — разведение скота и охота. Для пополнения своих табунов они совершают набеги — барымту на иноплеменников. По обычаю степняков охотятся на птицу с помощью ловчих соколов, а на зверя — конной гоньбой с палицей-сукмаром. А в уста одного из героев легенды «Ушкуль», записанной в XIX в. писателем-народником Ф. Д. Нефедовым по мотивам башкирского фольклора, вложено даже

такое заклинание: «Богиня земли! Прими наши жертвы, пошли земле плодородие, хорошее просо, ячмень, сытную траву и всякое полезное людям и скоту произрастание. Вот сабан, который мы храним от наших предков, но мы не прикоснемся им к матери-земле, не тронем ее груди; земля для нас священна».

В «Книге Большому Чертежу», составленной в 1627 г., сказано: «А усть реки Белая Воложки вверх и по реке на Уфе, по обеим сторонам и до Оральной горы и далее, все живут башкирцы, а кормля их мед, зверь, рыба, а пашни не имеют, скоту держат много».

Примерно те же самые сведения содержатся в башкирских челобитных второй половины — конца XVII в., в которых говорится, что главными занятиями башкир являются полукочевое скотоводство, бортничество и охота [126, с. 188].

Более того, по сведениям юрматынского шежере «История аула Мурдаш и соседних аулов, написанная Мингнигулом сыном Джиянбирди», еще в XVIII в. башкиры-юрматынцы, чтобы избежать принудительного от властей и унижительного для их менталитета занятия земледелием, ухитрились высевать прожаренную рожь. Тем самым они убеждали начальство в неплодородии своих земель и получали возможность «возвратиться к своим скакунам» [33].

Аналогичные сведения о приверженности башкир к традициям полукочевого скотоводства содержатся в записях представителей местной администрации и путешественников XVIII в. [126, с. 188].

Тысячелетие в жизни народов, населявших громадные территории между христианской Европой, мусульманским востоком и загадочным Китаем, много ли это? Наверное, если взглянуть на проблему с высоты возраста пирамид, совсем не много, однако именно здесь, на бескрайних просторах Великой степи, на краю тогдашней Ойкумены, независимо от цивилизаций, кичившихся своей многовековой историей, происходили грандиозные процессы, во многом повлиявшие в том числе и на все нынешние мироустройство. Именно здесь закипел «котел» Великого переселения народов, которое, в свою очередь, породило ни много ни мало, но этнический облик современной Европы, именно здесь были созданы могучие степные каганаты, явившие вершиной своего развития Монгольскую империю, наследие которой выражается не только в трагических событиях того сурового времени, но и в поразительной даже для XXI столетия стройности ее государственной системы.

Завершая книгу, мы не зря вновь акцентируем внимание читателя на глобальных континентальных процессах. Для нас важно и очевидно, что на их фоне история Южного Урала (Башкирии) органически вписывается в многогранность истории евразийской и является важнейшей и неотъемлемой ее частью. Несмотря на кажущуюся периферийность, здесь, у подножия Рифейских гор, на протяжении целого тысячелетия сталкивались интересы самых разных племен и народов — носителей как кочевнических, так и оседлых форм хозяйствования. Все это в долгосрочной перспективе способствовало возникновению уникальной, перманентно, столетиями развивавшейся ситуации, приведшей в итоге к возникновению башкирского этноса.

Тем не менее ставить точку в изучении средневековой истории нашего края пока преждевременно. «О сколько нам открытий чудных...» предстоит еще свершить и в тиши академических кабинетов, склоняясь над древними манускриптами, и под палящим солнцем в «поле», бережно счищая пыль веков с археологических находок.

Мы постарались показать любознательному читателю, как может выглядеть средневековая история Южного Урала и населяющих его народов. И наверное, было бы опрометчиво утверждать, что наша книга истина в последней инстанции. Но с другой стороны, на ближайшие годы — а вдруг...

Приложение. Список памятников к карте расселения племен Южного Приуралья в конце IX–XI вв.¹

1 — Увак; 2 — Тамар-Уткуль; 3 — Жаман-Каргала; 4 — Жаман-Каргала I; 5 — Болгарка I; 6 — Саралжин III; 7 — Челкар; 8 — Челкар II, IV, V; 9 — Бес-Оба; 10 — Алебастровая гора; 11 — Кара-Оба (Джангала); 12 — Ченин; 13 — Сухая Саратовка; 14 — Бережновский; 15 — Быковский I; 16 — Кано; 17 — Эльтон; 18 — Ленинск; 19 — Калиновский; 20 — Верхний Балыклей I; 21 — Рахинка; 22 — Новоникольское; 23 — Средняя Ахтуба; 24 — Бахтияровский II; 25 — Верхне-Погромное; 26 — Кияковка; 27 — Царев; 28 — Лапас; 29 — Мирный; 30 — Заяры; 31 — Илекшар I; 32 — Кировский II; 33 — Красный Октябрь I; 34 — Осинковский I; 35 — Александровский; 36 — Волчанское; 37 — Васильевский; 38 — Рубежинский; 39 — Яман; 40 — Красный Яр; 41 — Сорочинское; 42 — Ак-Булак; 43 — Пчельник; 44 — Челкар III; 45 — Кара-Су I; 46 — Жана-Унем; 47 — у г. Саратова; 48 — Ровное; 49 — Кос-Оба; 50 — Покровский; 51 — Барановский; 52 — Волжский; 53 — Заплавное; 54 — Кураевский сад; 55 — Иловатка; 56 — Колобовка; 57 — Луговское; 58 — Молчанка I; 59 — Никольевский; 60 — Новая Молчановка; 61 — Досанг; 62 — Зензели; 63 — Блюменфельд; 64 — Политотдельское; 65 — Черная Падина; 66 — Фриденберг; 67 — Ханская могила; 68 — Буранный; 69 — «Золотая Нива»; 70 — хутор Степана Разина; 71 — Лебедевка; 72 — Зakanальный; 73 — Алешкин; 74 — Букановский; 75 — Восточный Маныч I; 76 — Восточный Маныч III; 77 — Глазуновский; 78 — Гува I; 79 — Джангар; 80 — Иджил; 81 — Калмбазар; 82 — Капитанский хутор; 83 — Кривая Лука; 84 — Купцын-Толга; 85 — Лола; 86 — Старица; 87 — Свинуха (Лесное); 88 — Цаган-Уси; 89 — Черноярский; 90 — Чограй; 91 — Элистинский; 92 — Арпачин; 93 — Беглица; 94 — Богоявленское; 95 — Высочино IV; 96 — Гаевка; 97 — Лакедемоновка; 98 — Русский колодец; 99 — Саркел; 100 — Кривой Лиман; 101 — Дубенцовский; 102 — Елисаветинский; 103 — Кагальник; 104 — Кулешовка; 105 — Ново-Александровский; 106 — Романовский; 107 — Слободский; 108 — Тузлуки; 109 — Центральный; 110 — Четыре брата; 111 — Покровское; 112 — Голодаевка; 113 — Высокая гора; 114 — Первомайский VII; 115 — Яшкуль; 116 — Аккермень; 117 — Александровский II; 118 — Атманай; 119 — Афанасьевский; 120 — Бабенковский; 121 — Большемихайловка IV; 122 — Бузовка; 123 — Вербки; 124 — Верхняя Маевка; 125 — Вильнянка; 126 — Джанкой; 127 — Днепрорудный; 128 — Долинский; 129 — Казанский; 130 — Каран; 131 — Карасу; 132 — Котовка; 133 — Красное; 134 — Мал. Янисол; 135 — Ласки; 136 — Марьевский I; 137 — Новогригорьевский; 138 — Ново-Каменка; 139 — Новониколаевский I; 140 — Ново-Филипповка; 141 — Ясиноватое; 142 — Первоконстантиновка; 143 — Первомаевский; 144 — Переездная; 145 — Пролетарское; 146 — Рядовые могилы; 147 — Рясные могилы; 148 — Славянск; 149 — Чермалык; 150 — Шандровка; 151 — Шевченко; 152 — Широкое; 153 — Ровнополь; 154 — Рыбинское; 155 — Большемихайловка; 156 — Новочерноморье; 157 — Скадовский; 158 — Аккерманские сады; 159 — Антоновский; 160 — Беляевский; 161 — Благовещенский; 162 — Большемихайловка II; 163 — Большемихайловка IV; 164 — Борисовский; 165 — Верхнетарасовский; 166 — Веселый Кут; 167 — Дудчаны; 168 — Дымовка; 169 — Желтый Яр; 170 — Забара; 171 — Зеленки; 172 — Змиевский; 173 — Кагарлык; 174 — Каланчакский; 175 — Каменский; 176 — Краснополка-Кагарлык; 177 — Криворожский; 178 — Мигеи; 179 — Мирное; 180 — Нерубайское; 181 — Плавни; 182 — Сарата; 183 — Соколовка; 184 — Старогороженое; 185 — Траповка; 186 — Тузла; 187 — Холмское; 188 — Гребенники; 189 — Гура-Быкулуй; 190 — Корпач I; 191 — Кырнацены; 192 — Олонешты; 193 — Парканы; 194 — Бесленеевский; 195 — Бугазский; 196 — Новоселицкий; 197 — Приазовский I; 198 — Поповичский; 199 — Артюшенко.

¹ См. стр. 77.

1. Абд ар-Рашид ал-Бакуви. *Китаб Талхис ал-асар вааджаиб ал-малик ал-ках-хар* (Сокращение [книги о] «Памятниках» и чудеса царя могучего) [текст] / Абд ар-Рашид ал-Бакуви. — М., 1971.
2. Агаджанов, С. Г. *Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии VIII–XIII вв.* [текст] / С. Г. Агаджанов. — Ашхабад, 1969.
3. Адамов, А. А. *Новосибирское Приобье в X–XIV вв.* [текст] / А. А. Адамов. — Тобольск ; Омск, 2000.
4. Акманов, И. Г. *Башкирские восстания* [текст] / И. Г. Акманов. — Уфа, 1993.
5. Аминова, Г. К. *Методике составления административной карты Казанского ханства* [текст] / Г. Аминова // *Казанское ханство: актуальные проблемы исследования.* — Казань, 2002.
6. Аннинский, С. А. *Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе* [текст] / С. А. Аннинский // *Исторический архив.* Вып. 3. — М. ; Л., 1940.
7. Антонов, И. В. *Ал-Идриси о башкирах и стране башкир* [текст] / И. В. Антонов // *Проблемы истории, филологии, культуры.* — М. ; Магнитогорск ; Новосибирск, 2010. — № 4 (30).
8. Антонов, И. В. *Башкиры в эпоху средневековья (очерки этнической и политической истории)* [текст] / И. В. Антонов ; Лаборатория археологического источниковедения и историографии Института исторического и правового образования БГПУ им. М. Акмуллы. — Уфа : ИП Галиуллин Д. А., 2012. — 308 с.
9. Антонов, И. В. *Башкиры и венгры в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина* [текст] / И. В. Антонов // *Проблемы истории, филологии, культуры.* — М. ; Магнитогорск ; Новосибирск, 2012. — № 1 (35).
10. Антонов, И. В. *Новый источник по истории Башкирии эпохи монгольского нашествия (Легенда из архива Р. Г. Кузеева и ее интерпретация)* [текст] // *Вестник Челябинского гос. ун-та.* — 2012. — № 25 (279). — История. Вып. 52. — С. 15–20.
11. Арсланова, А. А. *Остались книги от времен былых... Персидские исторические сочинения монгольского периода по истории народов Поволжья* [текст] / А. А. Арсланова. — Казань, 2002.
12. Арсланова, Ф. Х. *Курганы кимаков в Семипалатинском Прииртышье* [текст] / Ф. Х. Арсланова, З. С. Самашев // *Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья.* — Уфа, 1985.
13. Артамонов, М. И. *История хазар* [текст] / М. И. Артамонов. — Л., 1962.

14. Артемьев, А. Россия — родина слонов [эл. ресурс] / А. Артемьев. — Режим доступа: <http://lenta.ru/articles/2013/10/11/hyperborea>, свободный.
15. Археологическая карта Башкирии [карты]. — М., 1976.
16. Атлас СССР [карты] / под ред. А. Н. Баранова. — М., 1962.
17. Ахинжанов, С. М. Из истории движения кочевых племен евразийских степей [текст] / С. М. Ахинжанов // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. — Алма-Ата, 1980.
18. Ахмеров, Р. Б. Могильник близ г. Стерлитамака [текст] / Р. Б. Ахмеров // СА. — 1955. — Вып. 22.
19. Ахмеров, Р. Б. Некоторые вопросы этногенеза башкир по археологическим данным [текст] / Р. Б. Ахмеров // СЭ. — 1952. — № 3.
20. Ахметшин, Б. Г. Этническая история башкирского народа в легендах и преданиях [текст] / Б. Г. Ахметшин // Материальная культура башкир и народов Урало-Поволжья. — Уфа, 2008.
21. Бабенко, В. А. Курганно-грунтовый могильник золотоордынского времени Золотаревка-3 [текст] / В. А. Бабенко // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 6. Золотоордынское время. — Донецк, 2008.
22. Бабенко, В. А. Погребения эпохи Золотой Орды в сырцовых оградках на территории Центрального Предкавказья [текст] / В. А. Бабенко // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 11. Золотоордынское время. — Донецк, 2012.
23. Багаутдинов, Р. С. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья) [текст] / Р. С. Багаутдинов, А. В. Богачев, С. Э. Зубов. — Самара, 1998. — 286 с.
24. Багрянородный, Константин. Об управлении государством [текст] / Константин Багрянородный // ИГАИМК. — Вып. 91. — М.; Л., 1934.
25. Багрянородный, Константин. Об управлении империей [текст] / Константин Багрянородный. — М.: Наука, 1991.
26. Бартольд, В. В. География Ибн Саида [текст] / В. В. Бартольд // Сочинения / В. В. Бартольд. Т. 8. — М., 1973.
27. Бартольд, В. В. Сочинения [текст] / В. В. Бартольд. Т. 5. — М., 1968.
28. Бартольд, В. В. Сочинения [текст] / В. В. Бартольд. Т. 8. — М., 1973.
29. Бартольд, В. В. Худуд ал-Алям. Рукопись Туманского [текст] / В. В. Бартольд. — Л., 1930.
30. Барынина, Т. В. Военно-политическая история евразийских степей как фактор формирования материальной культуры средневекового населения Южного Урала I тыс. н. э. [текст] / Т. В. Барынина, В. А. Иванов // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии). Материалы II Международной археологической конференции. — Самара, 1998. — С. 232–241.
31. Башкирская энциклопедия [текст]. Т. 1. — Уфа, 2005.

32. Башкирские родословные [текст] / сост., предисл., поясн. к пер., пер. на рус. яз., послесл. и указ. Р. М. Булгакова, М. Х. Надергулова ; науч. рук. Р. Г. Кузеев. — Вып. 1 : изд-е на рус. языке. — Уфа : Китап, 2002. — 480 с.
33. Башкирские родословные / сост. Р. М. Булгаков, М. Х. Надергулов. — Вып. 1 : изд-е на рус. языке. — Уфа, 2003.
34. Башкирские шежере [текст]. — Уфа : Баш. кн. изд-во, 1960. — 22,23 усл. п. л.
35. Башкирское народное творчество [текст]. Т. 1. Эпос. — Уфа, 1987.
36. Башкирское народное творчество [текст]. Т. 2. Предания и легенды / пер. с башкирского. — Уфа : Башкирское книжное изд-во, 1987. — 576 с.
37. Башкирское народное творчество [текст]. Т. 10. Исторический эпос. — Уфа : Китап, 1999.
38. Бейлис, В. М. Ал-Идриси (XII в.) о восточном Причерноморье и юго-восточной окраине русских земель [текст] / В. М. Бейлис // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1982 год. — М., 1984.
39. Бейлис, В. М. Народы Восточной Европы в кратком описании Мутаххара ал-Макдиси (X в.) [текст] / В. М. Бейлис // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. 2. — М., 1969.
40. Белавин, А. М. Камский торговый путь [текст] / А. М. Белавин. — Пермь, 2000.
41. Белавин, А. М. Угры Предуралья в древности и средние века [текст] / А. М. Белавин, В. А. Иванов, Н. Б. Крыласова. — Уфа, 2009. — 283 с.
42. Бикбулатов, Н. В. Башкиры. Этническая история и традиционная культура [текст] / Н. В. Бикбулатов, Р. М. Юсупов, С. Н. Шитова, Ф. Ф. Фатыхова. — Уфа : Башкирская энциклопедия, 2002.
43. Бисембаев, А. А. Археологические памятники кочевников средневековья Западного Казахстана (VIII–XVIII вв.) [текст] / А. А. Бисембаев. — Уральск, 2003. — 234 с.
44. Блохин, В. Г. Археология золотоордынских городов Нижнего Поволжья [текст] / В. Г. Блохин, Л. В. Яворская. — Волгоград, 2006.
45. Боталов, С. Г. Поздняя древность и средневековье [текст] / С. Г. Боталов // Древняя история Южного Зауралья. Т. 2. Ранний железный век и средневековье. — Челябинск, 2000. — С. 207–430.
46. БПЛ (Башкирские памятники литературы) [текст]. — Уфа, 1985.
47. Брокгауз, Ф. А. Энциклопедический словарь [эл. ресурс] / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru/brokgauz-efron-ch>, свободный.
48. Бурханов, А. А. Археология Казанского ханства: история изучения, итоги последних исследований и перспективы [текст] / А. А. Бурханов. — Казань, 2002.

49. Бурханов, А. А. Памятники Иске-Казанского комплекса: к проблеме изучения и сохранения историко-культурного и природного наследия и роли географического положения и природно-экологических особенностей в заповедных зонах [текст] / А. А. Бурханов. — Казань, 2002.
50. Валиди Тоган, А.-З. История башкир [текст] / А.-З. Валиди Тоган. — Уфа, 2010.
51. Васильев, В. И. Башкиро-самодийские взаимосвязи [текст] / В. И. Васильев, С. Н. Шитова // Вопросы этнической истории Южного Урала. — Уфа, 1982.
52. Васильев, Д. В. Ислам в Золотой Орде. Историко-археологическое исследование [текст] / Д. В. Васильев. — Астрахань : Астраханский ун-т, 2007.
53. Васильев, Д. В. Исламизация и погребальные обряды в Золотой Орде (археолого-статистическое исследование) [текст] / Д. В. Васильев. — Астрахань : Астраханский ун-т, 2009.
54. Викторова, В. Д. Материалы к археологической карте памятников эпохи железа в Южной Башкирии [текст] / В. Д. Викторова // Вопросы археологии Урала. — Свердловск, 1962. — Вып. 4.
55. Володихин, Д. М. Феномен Фольк-Хистори [текст] / Д. М. Володихин // Международный исторический журнал. — 1999. — № 5 (сентябрь — октябрь).
56. Гараева, Н. К проблеме распространения ислама на территории России [текст] / Н. Гараева // Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность. — Казань, 2006.
57. Гаркави, А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по Р. Х.) [текст] / А. Я. Гаркави. — СПб., 1870.
58. Гарустович, Г. Н. Древнетюркское языческое святилище с каменными изваяниями на реке Макан в Башкортостане [текст] / Г. Н. Гарустович // Вестник АН РБ. — 2005. — Т. 10. — № 2.
59. Гарустович, Г. Н. Монгольская экспансия начала XIII века в Волго-Уральском регионе [текст] / Г. Н. Гарустович // Вестник АН РБ. — 2011. — Т. 16. — № 4. — С. 55–62.
60. Гарустович, Г. Н. Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры [текст] : дис. ... канд. истор. наук / Г. Н. Гарустович. — Уфа, 1998.
61. Гарустович, Г. Н. Население лесостепной зоны Южного Урала в X — начале XIII вв. н. э. [текст] / Г. Н. Гарустович // Археология Южного Урала. — Стерлитамак, 1993.
62. Гарустович, Г. Н. Огузы и печенеги в евразийских степях [текст] / Г. Н. Гарустович, В. А. Иванов. — Уфа : Гилем, 2001.
63. Гарустович, Г. Н. Распространение ислама среди башкир [текст] / Г. Н. Гарустович // История башкирского народа. Т. 2. — Уфа : Гилем, 2012.

64. Гарустович, Г. Н. Религиозные верования печенегов. К постановке проблемы [текст] / Г. Н. Гарустович // От древности к новому времени (Проблемы истории и археологии). — Вып. 12. — Уфа : РИЦ БашГУ, 2009.
65. Гарустович, Г. Н. След великой замятни (Местонахождение XIV века у деревни Брик-Алга) [текст] / Г. Н. Гарустович. — Уфа : АН РБ : Гилем, 2012. — 222 с.
66. Генинг, В. Ф. К вопросу об этническом составе населения Башкирии I тысячелетия нашей эры [текст] / В. Ф. Генинг // АЭБ. Т. 2. — Уфа, 1964.
67. Георги, Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов [текст]. Ч. 2: О народах татарского племени / Г. Георги — СПб., 1799.
68. Герасимова, М. М. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы [текст] / М. М. Герасимова, Н. М. Рудь, Л. Т. Яблонский. — М., 1987.
69. Геродот. История [текст] / Геродот. — Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1972. — 37 ½ п. л.
70. Голдина, Р. Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа [текст] / Р. Д. Голдина. — Ижевск, 1999.
71. Голдина, Р. Д. Миграция угров в Европу в I тыс. н. э. [текст] / Р. Д. Голдина // Угры. Материалы VI Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». — Тобольск, 2003.
72. Голдина, Р. Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме [текст]. Т. I / Р. Д. Голдина. — Ижевск, 2004. — 313 с.
73. Голдина, Р. Д. Тураевский могильник — уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть) [текст] / Р. Д. Голдина, В. А. Бернц. — Ижевск, 2010. — 494 с.
74. Голубовский, П. В. Печенеги, торки и половцы. Русь и Степь до нашествия татар [текст] / П. В. Голубовский. — М., 2011. — 286 с.
75. Греков, Б. Д. Золотая Орда и ее падение [текст] / Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. — 478 с.
76. Греков, И. Б. Мир истории: Русские земли в XIII–XV веках [текст] / И. Б. Греков, Ф. Ф. Шамагонов ; худож. К. Сошинская. — 2-е изд. — М. : Мол. гвардия, 1988. — 334 с. : ил. — (Эврика).
77. Григорьев, А. П. Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди [текст] / А. П. Григорьев, О. Б. Фролова // Тюркологический сборник. — 2001: Золотая Орда и ее наследие. — М., 2002.
78. Грот, К. Я. Мадыары [текст] / К. Я. Грот. — СПб., б/г.
79. Гумилев, Л. Н. Древние торки [текст] / Л. Н. Гумилев. — М., 1993.
80. Гумилев, Л. Н. Древняя Русь и Великая степь [текст] / Л. Н. Гумилев. — М., 1993.
81. Гумилев, Л. Н. Древняя Русь и Великая степь [текст] / Л. Н. Гумилев. — М. : Айрис-пресс, 2003. — 768 с. : ил. — (Библиотека истории и культуры).

82. Гумилев, Л. Н. От Руси до России: Очерки этнической истории [текст] / Л. Н. Гумилев ; послесловие С. Б. Лаврова. — М. : Айрис-пресс, 2004. — 320 с. : ил. — (Библиотека истории и культуры).
83. Гуцалов, С. Ю. Погребение средневекового воина в восточных отрогах Мугоджар [текст] / С. Ю. Гуцалов // Кочевники урало-казахстанских степей. — Екатеринбург, 1993.
84. Данзан, Лубсан. Алтан тобчи (Золотое сказание) [текст] / Лубсан Данзан ; пер. с монгольского, введение, комментарий и приложение Н. П. Шастиной. — М. : Наука, 1973. — 457 с. — (Памятники письменности Востока).
85. Демкин, В. А. Археологическое почвоведение: новое направление в изучении древней и средневековой истории природы и общества [электронный ресурс] / В. А. Демкин, Т. С. Демкина // Археология восточноевропейской степи. Режим доступа : www.sgu.ru/files/nodes/41059/05.pdf
86. Демкин, В. А. Волго-Донские степи в древности и средневековье [текст] / В. А. Демкин, А. В. Борисов, Т. С. Демкина и др. — Пушкино, 2010.
87. Демкин, В. А. Изменение почв и природных условий полупустынного Заволжья за последние 4000 лет [текст] / В. А. Демкин, Т. С. Демкина, А. В. Борисов и др. // Почвоведение. — 2004. — № 3.
88. Демкин, В. А. Эволюция почв и изменение климата восточноевропейской полупустыни в позднем голоцене [текст] / В. А. Демкин, М. И. Дергачева, А. В. Борисов и др. // Почвоведение. — 1998. — № 2.
89. Дергачева, М. И. Реконструкция природных условий в степной зоне Самарского Поволжья в позднем бронзовом веке (по данным изучения гумуса погребенных почв) [текст] / М. И. Дергачева, Д. И. Васильева // Вопросы археологии Поволжья. — Вып. 3. — Самара, 2003.
90. Доманин, А. А. Монгольская империя Чингизидов. Чингисхан и его преемники [эл. ресурс] / А. А. Доманин. — М. : Центрполиграф, 2010. — Прил. 2. Режим доступа: <http://oldevrasia.ru/library/Aleksandr-Domanin-Mongolskaya-imperiya-CHingizidov-CHingiskhan-i-ego-preemniki>, свободный.
91. Древняя Русь в свете зарубежных источников [текст]. Т. 3. — М., 2009.
92. Егоров, В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. [текст] / В. Л. Егоров. — М. : Наука, 1985.
93. Засецкая, И. П. Гунны в Нижнем Поволжье [текст] / И. П. Засецкая // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. — Саратов, 1986. — 133 с.
94. Засецкая, И. П. Культура кочевников Южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.) [текст] / И. П. Засецкая. — СПб., 1994. — 222 с.
95. Засецкая, И. П. О роли гуннов в формировании культуры южнорусских степей конца IV — V века нашей эры [текст] / И. П. Засецкая // АСГЭ. Вып. 18. — Л. : Аврора, 1977. — С. 92–100.
96. Заходер, Б. Н. Хорасан и образование государства сельджуков [текст] / Б. Н. Заходер // ВИ. — 1945. — № 5/6.

97. Зеленева, Ю. А. Золотоордынский город Сарай ал-Джедид (Результаты археологических исследований на Царевском городище в 1994–2000 гг.) [текст] / Ю. А. Зеленева, С. А. Курочкина. — Йошкар-Ола, 2009.
98. Зиливинская, Э. Д. Усадьбы золотоордынских городов [текст] / Э. Д. Зиливинская. — Изд. дом «Астраханский университет», 2008.
99. Злыгостев, В. А. Роль Субэдай-багатура в образовании Улуса Джучи (1205–1243 гг.) [текст] // Золотоордынское наследие : мат-лы второй междунар. науч. конф. «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященной памяти М. А. Усманова. Вып. 2. — Казань, 29–30 марта 2011 г. / отв. ред. и сост. И. М. Миргалеев. — Казань : Фолиант ; Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. — 368 с. + 8 с. цв. вкл.
100. Злыгостев, В. А. Субэдай. Всадник, покорявший вселенную [текст] / В. А. Злыгостев. — Уфа : ДизайнПолиграфСервис, 2011. — 396 с. : ил., карты.
101. Золотая Орда в источниках [текст]. Т. 1. Арабские и персидские сочинения. — М. : Типография «Наука», 2003. — 449 с.
102. Золотая Орда в источниках [текст]. Т. 3. Китайские и монгольские источники. — М. : Типография «Наука», 2009. — 336 с.
103. Зубов, С. Э. Воинские миграции римского времени в Среднем Поволжье (I–III вв.): миграционные процессы в формировании новой этнокультурной среды по материалам археологических данных / С. Э. Зубов. — Hamburg : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. — 202 с.
104. Иванов, В. А. Виртуальные этапы начала этногенеза древних башкир [текст] / В. А. Иванов // От древности к новому времени (проблемы истории и археологии). — Вып. 17. — Уфа : БГУ, 2012.
105. Иванов, В. А. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа [текст] / В. А. Иванов. — М. : Наука, 1984. — 86 с.
106. Иванов, В. А. Городище Уфа-II («Город Башкорт») на археологической карте Уфимского полуострова [текст] / В. А. Иванов // От древности к новому времени (проблемы истории и археологии). — Вып. 16. — Уфа : БГУ, 2011.
107. Иванов, В. А. Древние угры-мадьяры в Восточной Европе [текст] / В. А. Иванов. — Уфа : Гилем, 1999.
108. Иванов, В. А. Заволжская Печенегия [текст] / В. А. Иванов // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. — М., 2000.
109. Иванов, В. А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.) [текст] / В. А. Иванов, В. А. Кригер. — М. : Наука, 1988.
110. Иванов, В. А. Локальные особенности погребального обряда кочевников евразийских степей периода Золотой Орды [текст] / В. А. Иванов // Средневековая археология евразийских степей : мат-лы Учредительного международного конгресса. Т. 2. — Казань, 2007.

111. Иванов, В. А. Обстоятельства вхождения башкир в состав Золотой Орды [текст] / В. А. Иванов // Золотоордынское наследие : мат-лы второй междунар. науч. конф. «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященной памяти М. А. Усманова. Вып. 2. — Казань, 29–30 марта 2011 г. / отв. ред. и сост. И. М. Миргалеев. — Казань : Фолиант ; Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. — 368 с. + 8 с. цв. вкл.
112. Иванов, В. А. Откуда ты, мой предок [текст] / В. А. Иванов. — СПб. : Грань, 1994. — 124 с.
113. Иванов, В. А. Погребальный обряд золотоордынского времени в Южном Приуралье (сравнительно-типологическая характеристика) [текст] / В. А. Иванов, А. Ф. Яминов // Кочевники урало-казахстанских степей. — Уфа, 1993. — С. 154–161.
114. Иванов, В. А. Путиами степных кочевий [текст] / В. А. Иванов. — Уфа : Башкирское изд-во, 1984. — 136 с.
115. Иванов, В. А. Современная мифология ранних этапов этногенеза башкир [текст] / В. А. Иванов // Актуальные проблемы исторической науки : сб. науч. тр. первых международных Усмановских чтений. — Уфа : Гилем, 2011.
116. Иванов, В. А. Угорские племена в Восточном Закамье и Приуралье [текст] / В. А. Иванов // История татар с древнейших времен. Т. 2. Волжская Булгария и Великая Степь. — Казань, 2006.
117. Иванов, В. А. Четыре монеты, как эквивалент наличия городов в Башкирии в эпоху Золотой Орды (еще один пример современного археологического мифотворчества по материалам городища Уфа-II) [текст] / В. А. Иванов // Золотоордынская цивилизация. Вып. 5. — Казань, 2012.
118. Иванов, В. А. Этнокультурная карта Южного Урала в предмонгольский период (вторая половина XI — начало XIII вв.) [текст] / В. А. Иванов // Этнические взаимодействия на Южном Урале : мат-лы II региональной науч.-практ. конф. — Челябинск, 2004.
119. Игнатьев, Р. Г. Памятники доисторических древностей Уфимской губернии [текст] / Р. Г. Игнатьев // Справочная книжка Уфимской губернии. — Уфа, 1883.
120. Идегей : татарский народный эпос [текст]. — Казань : Татарское кн. изд-во, 1990. — 256 с.
121. Измайлов, И. Л. Защитники «Стены Искандера» [текст] / И. Л. Измайлов. — Казань : Татар. кн. изд-во, 2008. — 206 с.
122. Измайлов, И. Л. Ислам в Улусе Джучи [текст] / И. Измайлов, М. Усманов // История татар с древнейших времен. Т. 3. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII — середина XV в. — Казань, 2009.
123. Измайлов, И. Л. Распространение ислама в Волжской Булгарии: начальный этап истории [текст] / И. Л. Измайлов // Ислам в Волго-Камье и Предуралье: ранние страницы истории. — Пермь : ПГГПУ, 2012.

124. Измайлов, И. Л. Распространение и функционирование ислама в Волжской Булгарии [текст] / И. Л. Измайлов // Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность. — Казань, 2006.
125. История башкирской литературы [текст]. Т. 1. С древнейших времен до начала XX века. — Уфа : Китап, 2012. — 560 с.
126. История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. [текст]. — Уфа, 1997.
127. История Западного Казахстана [текст]. Т. 1. — Актобе, 2006.
128. История и культура Башкортостана [текст] : хрестоматия / сост. В. С. Мавлетов. — Уфа : Уфимский полиграфкомбинат, 2008. — 384 с.
129. История монголов [текст]. — М. : АСТ : Транзиткнига, 2005. — 476, [4] с. — (Историческая библиотека).
130. История татар с древнейших времен [текст] : в 7 т. Т. 2. Волжская Булгария и Великая Степь. — Казань, 2006.
131. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории [текст] / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. — М. : РГГУ, 2004.
132. Исхаков, Д. М. Из этнической истории татар восточных районов Татарской АССР до начала XX века [текст] / Д. М. Исхаков // К вопросу этнической истории татарского народа. — Казань, 1985.
133. Ишбердин, Э. Ф. Историческое развитие лексики башкирского языка [текст] / Э. Ф. Ишбердин. — М., 1986.
134. Ищеригов, П. Ф. Аланский могильник близ г. Стерлитамака [текст] / П. Ф. Ищеригов // КСИИМК. — Вып. 67. — 1952.
135. Казаков, Е. П. Культура ранней Волжской Болгарии [текст] / Е. П. Казаков. — М., 1992.
136. Казаков, Е. П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии [текст] / Е. П. Казаков. — М. : Наука, 1978.
137. Казаков, Е. П. Этнокультурная ситуация IV–VII вв. н. э. в Среднем Поволжье [текст] / Е. П. Казаков. — Finno-Ugrica. — 2011. — № 12–13.
138. Калмыков, И. Х. Ногайцы [текст] / И. Х. Калмыков, Р. Х. Керейтов, А. И. Сикалиев. — Ставропольское книжное изд-во, Карачаево-Черкесское отд-ние, 1988. — 232 с.
139. Камалов, А. А. Башкирская топонимия [текст] / А. А. Камалов. — Уфа, 1994.
140. Караев, О. Арабские и персидские источники IX–XII веков о киргизах и Киргизии [текст] / О. Караев. — Фрунзе, 1968.
141. Караев, О. Земли тогуз-огузов, карлуков, хазлажия, хилхия, кимаков и киргизов по карте ал-Идриси [текст] / О. Караев // Арабо-персидские источники о тюркских народах. — Фрунзе, 1973.
142. Каргалов, В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси [текст] / В. В. Каргалов. — М., 1967.

143. Каспийское море в арабских источниках [текст] // Известия Академии наук Азербайджанской ССР (серия истории, философии и права). — Баку, 1988. — № 3.
144. Каспийское море в арабских источниках [текст] // Известия Академии наук Азербайджанской ССР (серия истории, философии и права). — Баку, 1988. — № 4.
145. Ключевский, В. О. Русская история. Полный курс лекций [текст] / В. О. Ключевский. — М., 2004.
146. Кляшторный, С. Г. Казахстан: летопись трех тысячелетий [текст] / С. Г. Кляшторный, Т. И. Султанов. — Алма-Ата, 1992.
147. Кляшторный, С. Г. Кимаки, кипчаки и половцы [текст] / С. Г. Кляшторный // История татар с древнейших времен. Т. 1. — Казань, 2002.
148. Кляшторный, С. Г. Религия и верования ранних тюрок, их реликты у башкир [текст] / С. Г. Кляшторный // История башкирского народа. Т. 2. — Уфа : Гилем, 2012.
149. Книга Большому Чертежу [текст]. — М. ; Л., 1950.
150. Ковалевский, А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. [текст] / А. П. Ковалевский. — Харьков, 1956. — 309 с.
151. Козин, С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. [текст]. под названием *Mongrol-un niruša tobčian*. Юань Чао Би Ши. Монгольский обыденный изборник / Т. 1. Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии. — М. ; Л. : АН СССР, 1941. — 620 с.
152. Конец владычества ногайских ханов [текст] // Башкирское народное творчество. Т. 2. Предания и легенды. — Уфа, 1987.
153. Коновалова, И. Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы [текст] / И. Г. Коновалова. — М., 2006.
154. Коновалова, И. Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси [текст] / И. Г. Коновалова. — М., 1999.
155. Коновалова, И. Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв. [текст] / И. Г. Коновалова. — М., 2009.
156. Кононов, А. Н. Махмуд Кашгарский и его «Дивану лугат ит-турк» [текст] / А. Н. Кононов // СТ. — 1972. — № 1.
157. Кононов, А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского [текст] / А. Н. Кононов. — М. ; Л., 1958.
158. Костюков, В. П. Была ли Золотая Орда «Кипчакским ханством»? [текст] / В. П. Костюков // Тюркологический сборник. 2005. — М., 2006.
159. Костюков, В. П. Культурные трансформации в урало-казахстанской степи в первой половине II тыс. н. э. [текст] / В. П. Костюков // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). — Челябинск, 2006.
160. Костюков, В. П. Несколько замечаний к походу Тимура 1391 г. [текст] / В. П. Костюков // Золотоордынская цивилизация : сб. ст. Вып. 3. — Казань : Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. — 252 с. + 8 цв. вкл.

161. Костюков, В. П. Памятники кочевников XIII–XIV вв. (к вопросу об этнокультурном составе улуса Шибана) [текст] : автореф. дис. ... канд. истор. наук / В. П. Костюков. — Уфа, 1997. — 19 с.
162. Костюков, В. П. Улус Шибана Золотой Орды в XIII–XIV вв. [текст] / В. П. Костюков. — Казань, 2010.
163. Крачковский, И. Ю. Избранные соч. [текст] Т. 4. / И. Ю. Крачковский. — М. ; Л., 1957.
164. Кригер, В. А. Кочевники Западного Казахстана и сопредельных территорий в средние века (X–XIV вв.) [текст] / В. А. Кригер. — Уральск, 2012.
165. Кригер, В. А. Кочевники Южного Приуралья и Заволжья в средние века (X–XIV вв.) [текст] : автореф. дис. ... канд. истор. наук / В. А. Кригер. — М., 1985.
166. Кригер, В. А. Средневековые кочевники Заволжья [текст] / В. А. Кригер // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья : [межвуз. сб.]. — Саратов, 1986.
167. Кузеев, Р. Г. Башкирские шежере [текст] / сост., пер. текстов, введение и комментарии Р. Г. Кузеева. — Уфа : Башкирское книжное изд-во, 1960. — 33,7 усл. п. л.
168. Кузеев, Р. Г. Историческая этнография башкирского народа [текст] / Р. Г. Кузеев. — Уфа, 1978.
169. Кузеев, Р. Г. К этнической истории башкир в конце I — начале II тысячелетия н. э. (опыт сравнительно-исторического анализа шежере, исторических преданий и легенд) [текст] / Р. Г. Кузеев // Археология и этнография Башкирии. Т. 3. — Уфа, 1968.
170. Кузеев, Р. Г. Кыпчакско-золотоордынский компонент в составе тюркских народов лесостепной Евразии [текст] / Р. Г. Кузеев // Этнологические исследования в Башкортостане. — Уфа, 1994.
171. Кузеев, Р. Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю [текст] / Р. Г. Кузеев. — М., 1992.
172. Кузеев, Р. Г. Об истории этнокультурных контактов индоевропейских, уральских и алтайских народов в Урало-Поволжье [текст] / Р. Г. Кузеев, Т. М. Гарипов, В. А. Иванов, Н. Н. Моисеева // Вопросы этнической истории Южного Урала. — Уфа, 1982.
173. Кузеев, Р. Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения [текст] / Р. Г. Кузеев. — М. : Наука, 1974. — 571 с.
174. Кузеев, Р. Г. Этническая история башкирского народа (гипотезы, источники, теории) [текст] / Р. Г. Кузеев. — Уфа, 1984 // НА ИЭИ УНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 3. Касс. 23 (расшифровка). С. 3.
175. Кумеков, Б. Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам [текст] / Б. Е. Кумеков. — Алма-Ата, 1972. — С. 58.

176. Курбский, А. История о великом князе Московском [текст] / А. Курбский // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. — М., 1986.
177. Лаврушин, Ю. А. Основные геолого-палеоэкологические события конца позднего плейстоцена и голоцена на восточном склоне Южного Урала [текст] / Ю. А. Лаврушин, Е. А. Спиридонова // Природные системы Южного Урала. Тр. музея-заповедника «Аркаим». — Челябинск, 1999. — С. 155.
178. Левицкий, Т. «Мадьяры» у средневековых арабских и персидских географов [текст] / Т. Левицкий // Восточная Европа в древности и средневековье. — М., 1978. — С. 58.
179. Лепехин, И. И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства [текст] / И. И. Лепехин ; сост. Э. В. Мигранова. — Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2007. — (В помощь историку).
180. Любавский, М. К. Историческая география России в связи с колонизацией [текст] / М. К. Любавский. — СПб, 2000. — 302 с.
181. Любчанский, И. Э. Этнокультурная реконструкция происхождения носителей традиций турбаслинского керамического комплекса [текст] / И. Э. Любчанский // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время : сб. ст. к 70-летию Анатолия Харитоновича Пшеничного. — Уфа : Гилем, 2006. — С. 226–234.
182. Мажитов, Н. А. Бахмутинская культура [текст] / Н. А. Мажитов. — М., 1968.
183. Мажитов, Н. А. История Башкортостана. Древность. Средневековье [текст] / Н. А. Мажитов, А. Н. Султанова. — Уфа: Китап, 2009. — 296 с.
184. Мажитов, Н. А. История Башкортостана с древнейших времен до XVI века / Н. А. Мажитов, А. Н. Султанова. — Уфа, 1994.
185. Мажитов, Н. А. К изучению археологии Башкирии I тысячелетия нашей эры [текст] / Н. А. Мажитов // АЭБ. Т. 2. — Уфа, 1964.
186. Мажитов, Н. А. Керамика памятников VIII–X вв. на Южном Урале [текст] / Н. А. Мажитов // V Уральское археологическое совещание : тезисы докладов и сообщений. — Сыктывкар, 1967.
187. Мажитов, Н. А. Курганный могильник в деревне Ново-Турбаслы [текст] / Н. А. Мажитов // БАС. — Уфа, 1959.
188. Мажитов, Н. А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. [текст] / Н. А. Мажитов. — М., 1981.
189. Мажитов, Н. А. Поселение Ново-Турбаслинское II [текст] / Н. А. Мажитов // АЭБ. Т. 1. — Уфа, 1962.
190. Мажитов, Н. А. Предпосылки и историческое значение добровольного вхождения Башкирии в состав России [текст] / Н. А. Мажитов // Россия

и Башкортостан: история отношений, состояние и перспективы. — Уфа, 2007.

191. Мажитов, Н. А. Южный Урал в VII–XIV вв. [текст] / Н. А. Мажитов. — М., 1977.
192. Макаров, Л. Д. Древнерусское население Прикамья в X–XV вв. [текст] / Л. Д. Макаров. — Ижевск, 2001.
193. Маргулан, А. Х. Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане (отчет экспедиции 1948 года) [текст] / А. Х. Маргулан // Изв. АН КазССР. Серия археологическая. — Алма-Ата, 1951. — № 108. — Вып. 3.
194. Мартинес-Наваррете, М. И. Металлургическое производство на Каргалах и реконструкция окружающей среды [текст] / М. И. Мартинес-Наваррете, Х. М. Висент-Гарсия, П. Лопес-Гарсия и др. // Российская археология. — 2005. — № 4. — С. 91.
195. Марыксин, Д. В. Золотоордынские погребения с южной ориентировкой (по материалам Западного Казахстана) [текст] / Д. В. Марыксин // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология. — Уфа, 2010.
196. Матвеева, Г. И. Волжская Болгария (X век — 1236 год) [текст] / Г. И. Матвеева // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. — М., 2000.
197. Матвеева, Г. И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке [текст] / Г. И. Матвеева. — Самара, 1997. — 225 с.
198. Матвеева, Г. И. Среднее Поволжье в IV–VII вв: именковская культура [текст] / Г. И. Матвеева. — Самара, 2003. — 158 с.
199. Матвеева, Н. П. Формирование кушнаренковских комплексов в Зауралье [текст] / Н. П. Матвеева // Ab origine. Проблемы генезиса культур Сибири. — Тюмень, 2007. — С. 63–75.
200. Меховский, Матвей. Трактат о двух Сарматиях [текст] / Матвей Меховский. — М. ; Л., 1936.
201. Матюшко, И. В. Классификация погребального обряда кочевников IX–XIV вв. н. э. степей Приуралья [текст] : автореф. дис. ... канд. истор. наук / И. В. Матюшко. — Казань, 2008.
202. Миргалеев, И. М. Рассказ о Чермасане и Кармасане: легенда «Последний из Сартаева рода» [текст] / И. М. Миргалеев // Золотоордынская цивилизация : сб. ст. Вып. 3. — Казань : Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. — 252 с. + 8 с. цв. вкл.
203. Могильников, В. А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках [текст] / В. А. Могильников. — М., 2002.
204. Моргунова, Н. Л. Шумаевские курганы [текст] / Н. Л. Моргунова, А. А. Гольева, Л. А. Краева и др. — Оренбург, 2003. — С. 196.

205. Морозов, В. Ю. Пути проникновения сасанидских монет и художественных изделий в Поволжье и Прикамье [текст] / В. Ю. Морозов // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. — Самара, 1996. — С.148–164.
206. Нагаева, Л. И. Весенне-летние празднества и обряды башкир [текст] / Л. И. Нагаева // Исследования по исторической этнографии Башкирии. — Уфа, 1984.
207. Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды [текст]. — Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2002.
208. Обыденнов, М. Ф. Археологические памятники верховьев Агидели [текст] / М. Ф. Обыденнов. — Уфа, 1997.
209. Овсянников, В. В. Золотоордынское погребение у д. Удрякбаш Благоварского района [текст] / В. В. Овсянников, Р. М. Юсупов // Уфимский археологический вестник. — Уфа, 2004. — Вып. 5.
210. Останина, Т. И. Древнеудмуртское население в эпоху Средневековья [текст] / Т. И. Останина, А. Г. Иванов, М. Г. Иванова // История Удмуртии с древнейших времен до XV века. — Ижевск, 2007. — 300 с.
211. Очерки по истории Башкирской АССР [текст]. Т. 1. Ч. 1. — Уфа : Башкирское кн. изд-во, 1956. — 19 + 1 п. л.
212. Очерки по истории СССР. IX–XIII вв. [текст]. — М., 1953.
213. Памятники археологии Башкирской АССР, открытые в 1981–1988 годы [текст] : каталог. — Уфа, 1988.
214. Пантусов, Н. Н. Сведения арабских географов о Средней Азии [текст] / Н. Н. Пантусов // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. — Т. 25. — Вып. 5. — Казань, 1909.
215. Плано Карпини, Иоанн де. История монголов [текст] / Иоанн де Плано Карпини. — СПб., 1911.
216. Плетнева, С. А. Кочевники средневековья [текст] / С. А. Плетнева. — М., 1982.
217. Плетнева, С. А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья. IV–XIII века [текст] / С. А. Плетнева. — Воронеж, 2003.
218. Плетнева, С. А. Половецкие каменные изваяния [текст] / С. А. Плетнева. — САИ. — Вып. Е4–2. — М., 1974.
219. Плетнева, С. А. Хазары [текст] / С. А. Плетнева // Манягин В. Г. Хазары: таинственный след в русской истории. — М. : Алгоритм, Эксмо, 2010.
220. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись [текст]. — М. : Изд-во восточной литературы, 1962. — 580 с.
221. Поляк, А. Н. Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе [текст] / А. Н. Поляк // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. — М., 1964.

222. Почекаев, Р. Ю. Батый. Хан, который не был ханом [текст] / Р. Ю. Почекаев. — М. : АСТ : АСТ Москва ; СПб. : Евразия, 2006. — 350 [2] с.
223. Почекаев, Р. Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды [текст] / Р. Ю. Почекаев. — 2-е изд., испр. и доп. — СПб. : Евразия, 2012. 464 с. : ил.
224. Псянчин, А. В. Урало-Поволжье в восточной средневековой географической традиции (предварительные наблюдения) [текст] / А. В. Псянчин // Научное наследие Ризы Фахретдинова и актуальные проблемы востоковедения. — Уфа, 2001.
225. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) [текст]. — М., 1971.
226. Путешествие Ибн Фадлана на Волгу [текст]. — М. ; Л., 1939.
227. Расопова, В. И. Металлические изделия раннесредневекового Согда [текст] / В. И. Расопова. — Л., 1980.
228. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей [текст]. Т. 1. Кн. 1 / Рашид-ад-Дин. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. — 222 с.
229. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей [текст]. Т. 1. Кн. 2 / Рашид-ад-Дин. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. — 315 с.
230. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей [текст]. Т. 2 / Рашид-ад-Дин. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. — 248 с.
231. Родословное древо тюрков. Сочинение Абуль-Гази, Хивинского хана [текст]. — Казань, 1906.
232. Рубрук, Вильгельм де. Путешествие в восточные страны [текст] / Вильгельм де Рубрук. — СПб., 1911.
233. Руденко, С. И. Башкиры: Историко-этнографические очерки [текст] / С. И. Руденко. — М. : Л., 1955.
234. Рыбаков, Б. А. Русские земли по карте Идриси 1154 года [текст] / Б. А. Рыбаков // КСИИМК. Вып. 43. — М., 1952.
235. Рычков, П. И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии [текст] / П. И. Рычков. — Уфа, 2001. — 295 с.
236. Рычков, П. И. Топография Оренбургской губернии [текст] / П. И. Рычков. — Уфа, 1999.
237. Сагитов, М. М. Культ животных в башкирском фольклоре [текст] / М. М. Сагитов // Исследования по исторической этнографии Башкирии. — Уфа, 1984.
238. Сайко, Э. В. Контактные зоны в культурно-историческом пространстве обменных отношений «Великого Шелкового Пути» (ВШП) [текст] / Э. В. Сайко // Степи Восточной Европы во взаимодействии Востока и Запада в средневековье (тезисы докладов). — Донецк, 1992.

239. Сафаргалиев, М. Г. Распад Золотой орды [текст] / М. Г. Сафаргалиев // На стыке континентов и цивилизаций. Из опыта образования и распада империй X–XVI вв. — М. : ИНСАН, 1996. — 768 с.
240. Сахаров, А. Н. Дипломатия Святослава [текст] / А. Н. Сахаров. — М., 1991.
241. Селезнев, Ю. В. Русско-ордынские военные конфликты XIII–XV веков [текст] : справочник / Ю. В. Селезнев. — М. : Квадрига, 2010. — 224 с.
242. Селезнев, Ю. В. Элита Золотой Орды [текст] / Ю. В. Селезнев. — Казань : Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. — 232 с.
243. Словарь экономических терминов [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mirslov.ru/2/28/51429/>Ясак> (тюрк.)
244. Смирнов, А. П. Железный век Башкирии [текст] / А. П. Смирнов // МИА. — 1957. — № 58.
245. Советская историческая энциклопедия [текст] / гл. ред. Е. М. Жуков. Т. 6. — М., 1965.
246. Советская историческая энциклопедия [текст]. Т. 16. — М., 1976.
247. Советский Союз. Географическое описание : в 22 т. Урал [текст]. — М., 1968.
248. Степи Евразии в эпоху средневековья [текст]. — Археология СССР. — М., 1981.
249. Стоматина, О. Р. Погребальный обряд пьяноборской культуры в свете статистического анализа [текст] : автореф. дис. ... канд. истор. наук / О. Р. Стоматина. — Ижевск, 2004.
250. Султанов, Т. И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть [текст] / Т. И. Султанов — М. : АСТ : АСТ МОСКВА, 2007. — 446, [2] с. — (Историческая библиотека).
251. Султанова, А. Н. Бирский могильник: историко-археологическая характеристика [текст] : автореф. дис. ... канд. истор. наук / А. Н. Султанова. — Уфа, 2000.
252. Сунгатов, Ф. А. Гунны в Волго-Уральском регионе [текст] / Ф. А. Сунгатов // История татар с древнейших времен. Т. 1. Народы степной Евразии в древности. — Казань : Рухият, 2002. — 551 с.
253. Сунгатов, Ф. А. Турбаслинская культура (по материалам погребальных памятников V–VIII вв. н. э.) [текст] / Ф. А. Сунгатов. — Уфа, 1998. — 168 с.
254. Сунгатов, Ф. А. Этнокультурные процессы в Приуралье в IV–VIII вв. н. э. [эл. ресурс] : эл. вариант гл. 4 несостоявшейся монографии: Г. Н. Гарустович, В. А. Иванов, С. В. Рязанов, С. В. Сиротин, Ф. А. Сунгатов, А. Ф. Яминов. Этническая история Южного Урала в эпоху Средневековья.
255. Трепавлов, В. В. Арало-Каспийский регион на перекрестке культур и цивилизаций [текст] / В. В. Трепавлов // Тюркские народы средневековой Евразии. Избр. тр. / отв. ред. И. М. Миргалеев. — Казань : Фолиант, 2011. — 252 с.

256. Трепавлов, В. В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. [текст] / В. В. Трепавлов. — М. : Наука : Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1993. — 168 с.
257. Трепавлов, В. В. История ногайской орды [текст] / В. В. Трепавлов. — М. : Восточная литература, 2002. — 752 с.
258. Трепавлов, В. В. Ногаи в Башкирии (XV–XVII вв.) [текст] / В. В. Трепавлов // Тюркские народы средневековой Евразии. Избр. тр. — Казань : Фолиант, 2011. — 252 с.
259. Трепавлов, В. В. Этнотерриториальное деление Дешт-и Кипчака в позднем средневековье (по материалам ногайско-русской дипломатической переписки) [текст] / В. В. Трепавлов // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556 / Институт истории АН РТ. — Казань, 2001. — 428 с.
260. Усманов, А. Н. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству [текст] / А. Н. Усманов. — Уфа, 1982.
261. Усманова, М. Г. Следы этнонима кыпсак в Сакмарском бассейне (юго-восточная территория исторического Башкортостана) [текст] / М. Г. Усманова // Урал-Алтай: через века в будущее. — Уфа, 2005.
262. Усманова, М. Г. Этнолингвистическая картина исторического Башкортостана по данным топонимики (этноним кыпсак и его вариации) [текст] / М. Г. Усманова // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Т. 1. — Казань, 1992.
263. Федорова, Н. В. Художественный металл Волжской Болгарии [текст] / Н. В. Федорова // Восточный художественный металл из Среднего Приобья. Новые находки. — Л., 1991.
264. Федорова-Давыдова, Э. А. Погребение знатной кочевницы в Оренбургской области [текст] / Э. А. Федорова-Давыдова // Древности Восточной Европы. — М., 1969. — С. 262–266.
265. Федоров-Давыдов, Г. А. Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов [текст] / Г. А. Федоров-Давыдов. — М. : Искусство, 1976.
266. Федоров-Давыдов, Г. А. Кочевники Восточной Европы под власть золотоордынских ханов [текст] / Г. А. Федоров-Давыдов. — М. : Изд-во Московского ун-та, 1966. — 276 с.
267. Федоров-Давыдов, Г. А. Общественный строй Золотой Орды [текст] / Г. А. Федоров-Давыдов. — М., 1973.
268. Физико-географическое районирование Башкирской АССР. — Уфа, 1964.
269. Флёров, В. С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность [текст] / В. С. Флёров. — М. : Мосты культуры / Гешарим, 2011.

270. Халиков, А. Х. Торговые пути Булгарии в IX–XIII веках и их археологическое изучение [текст] / А. Х. Халиков // Путь из Булгара в Киев. — Казань, 1992.
271. Халикова, Е. А. Magna Hungaria [текст] / Е. А. Халикова // ВИ. — 1975 — № 7.
272. Халикова, Е. А. Больше-Тиганский могильник [текст] / Е. А. Халикова // СА. — 1976. — № 2.
273. Халикова, Е. А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X — начала XIII в. [текст] / Е. А. Халикова. — Казань : Изд-во КГУ, 1986.
274. Халикова, Е. А. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья [текст] / Е. А. Халикова // СА. — 1976. — № 3.
275. Халикова, Е. А. Следы древневенгерской культуры в Восточной Европе [текст] / Е. А. Халикова // Доклады на IV Международном конгрессе финно-угроведов. Будапешт. — Будапешт, 1975.
276. Хара-Даван, Э. Чингисхан. Великий завоеватель [текст] / Э. Хара-Даван. — М. : Вече, 2008. — 384 с.
277. Хартог, Лео де. Чингисхан. Завоеватель мира [текст] / Лео де Хартог. — М. : Астрель, 2003. — 768 с.
278. Хвольсон, Д. А. Известия о хозарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и русских Абу Али Ахмеда Бен Омар Ибн-Даста [текст] / Д. А. Хвольсон // ЖМНП. Ч. 140. — СПб., 1868, декабрь.
279. Хисамитдинова, Ф. Г. Термины башкирской демонологии [текст] / Ф. Г. Хисамитдинова, З. Я. Шарипова // Советская тюркология. — 1987. — № 4.
280. Хлебникова, Т. А. Керамика памятников Волжской Болгарии [текст] / Т. А. Хлебникова. — М., 1984.
281. Хохлова, О. С. Палеопочвенные исследования курганного могильника Мустаево V в Новосергиевском районе Оренбургской области [текст] / О. С. Хохлова, А. А. Хохлов // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 7. — Оренбург, 2005. — С. 58 и сл.
282. Храпачевский, Р. П. Военная держава Чингисхана [текст] / Р. П. Храпачевский. — М. : АйрисПресс, 2003. — 384 с.
283. Хузин, Ф. Ш. Волжская Булгария в домонгольское время (X — начало XIII веков) [текст] / Ф. Ш. Хузин. — Казань, 1997.
284. Хузин, Ф. Ш. Исследования по булгаро-татарской археологии [текст] / Ф. Ш. Хузин. — Казань, 2011.
285. Черных, Е. Н. Степной пояс Евразии: феномен кочевых культур [текст] / Е. Н. Черных. — М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2009. — 624 с.
286. Чингисиана: свод свидетельств современников [текст] / пер., сост. и коммент. А. Мелехина. — М. : Эксмо, 2009. — 728 с. — (Тайны древних цивилизаций).

287. Чичко (Барынина), Т. В. Особенности формирования материальной культуры населения Южного Урала и Прикамья в эпоху раннего средневековья [текст] / Т. В. Чичко (Барынина) // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология : мат-лы XVIII Уральского археологического совещания (11–16 октября 2010 г.). — Уфа, 2010.
288. Шитова, С. Н. Сибирские таёжные черты в материальной культуре и хозяйстве башкир [текст] / С. Н. Шитова // Этнография Башкирии. — Уфа, 1976.
289. Шмуратко, Д. В. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье в контексте культурно-исторических процессов эпохи Великого переселения народов (статистический анализ погребальных комплексов) [текст] : автореф. дис. ... канд. истор. наук / Д. В. Шмуратко. — Казань, 2012.
290. Шутова, Н. И. Удмурты XVI — первой половины XIX в. [текст] / Н. И. Шутова. — Ижевск, 1992.
291. Юсупов, Р. М. Антропологический состав башкир и его формирование [текст] / Р. М. Юсупов // Башкиры. Этническая история и традиционная культура. — Уфа, 2002. — 246 с.
292. Юсупов, Р. М. Краниология башкир [текст] / Р. М. Юсупов. — Л., 1989.
293. Юсупов, Р. М. Палеоантропология Южного Урала в связи с расо- и этногенезом башкир [текст] / Р. М. Юсупов // Антропология башкир. — СПб., 2011.
294. Юсупов, Р. М. Погребальный обряд [текст] / Р. М. Юсупов // Башкиргайнинцы: история и современность. — Уфа, 2012.
295. Яворская, Л. В. Особенности погребального обряда в некрополях окрестностей Царевского городища (опыт статистической обработки) [текст] / Л. В. Яворская // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. — Волгоград, 1999.
296. Яминов, А. Ф. Южный Урал в XIII–XIV веках [текст] : автореф. дис. ... канд. истор. наук / А. Ф. Яминов. — Ижевск, 1995.
297. Fodor, I. Östörténet és Honfoglalás. — Magyarország története 1. — Budapest, 2009.
298. Golden, P. B. The migrations of the oguz [text] / P. B. Golden // Archivum Ottomanicum. — IV. — 1972.
299. Macartney, C. A. The Oldest Report on the Countries of the North [text] / C. A. Macartney // The Magyars in the Ninth Century. — Cambridge, 1930.
300. Paloczi-Horvath, A. Pechenegs, Cumans, Iasians. Steppe people in medieval Hungary / A. Paloczi-Horvath. — Budapest, 1989.
301. Tartarica [карты] : атлас. — Казань ; Москва ; СПб., 2005.

Содержание

Введение	4
Глава I	
ЮЖНЫЙ УРАЛ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ (I ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ Н. Э.)	13
Глава II	
ЮЖНЫЙ УРАЛ В КОНЦЕ IX — НАЧАЛЕ XIII ВЕКОВ.	49
2.1. Этнический состав населения по данным письменных источников	50
2.2. Этническая карта Южного Урала конца IX — начала XIII вв. по данным археологии.	61
Глава III	
ЗАВОЕВАНИЕ ЮЖНОГО УРАЛА МОНГОЛАМИ.	87
Глава IV	
ЮЖНЫЙ УРАЛ В СОСТАВЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ	121
4.1. Этнический состав населения по данным письменных источников	122
4.2. Этническая карта Южного Урала в XIII–XIV вв. по данным археологии.	130
4.3. Башкиры под властью ханов Улуса Джучи.	146
Глава V	
ИСЛАМ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ	153
Глава VI	
НА РУБЕЖЕ ЭПОХ	183
Глава VII	
«ТЕМНЫЕ ВЕКА» В ИСТОРИИ ЮЖНОГО УРАЛА	199
Глава VIII	
ВХОЖДЕНИЕ БАШКИРИИ В СОСТАВ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА. ОСНОВАНИЕ ГОРОДА УФЫ.	227
Послесловие	258
Приложение. Список памятников к карте расселения племен Южного Приуралья в конце IX–XI вв.	259
Библиография	260

Научное издание

Иванов Владимир Александрович
Злыгостев Валерий Анатольевич
Антонов Игорь Владимирович

ЮЖНЫЙ УРАЛ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
(V–XVI века н. э.)

Редактор О. В. Берелехис
Верстка: Р. Бург

Сдано в набор 10.06.2013. Подписано в печать 03.12.2013
Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 16,22. Уч.-изд. л 17,97.
Тираж 300 экз. Заказ

